

**МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ
РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ
БЕЛОРУССКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ФАКУЛЬТЕТ СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОММУНИКАЦИЙ**

**ЛИНГВИСТИКА,
ЛИНГВОДИДАКТИКА,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы II Международной
научно-практической конференции**

Минск, 1–2 марта 2018 г.

Минск
Издательский центр БГУ
2018

УДК 81'1(06)

ББК 81я431

Л59

Редакционная коллегия:

О. Г. Прохоренко (ответственный редактор), *О. В. Дубровина*,
Т. В. Володина, *А. О. Долгова*, *О. И. Копач*, *З. И. Канапацкая*,
Л. М. Блинкова, *В. В. Воронович*

Рецензенты:

доцент кафедры делового английского языка
факультета международных бизнес-коммуникаций
УО «Белорусский государственный экономический университет»
кандидат филологических наук *Н. А. Куркович*;
доцент кафедры теории и практики перевода № 1
переводческого факультета УО «Минский государственный
лингвистический университет» *А. В. Вдовичев*

Лингвистика, лингводидактика, лингвокультурология: актуальные вопросы и перспективы развития : материалы II Международн. науч.-практ. конф., Минск, 1–2 марта 2018 г. / редкол. : О. Г. Прохоренко (отв. ред.) [и др.]. – Минск : Изд. центр БГУ, 2018. – 327 с.

ISBN 978-985-553-509-7.

Рассматриваются современные направления лингвистических исследований, традиции и инновации в обучении иностранным языкам, проблемы языковой картины мира и взаимодействия культур, освещаются вопросы литературоведения, теории перевода и интерпретации текста.

Адресуется преподавателям вузов, научным сотрудникам, аспирантам, магистрантам, студентам.

Авторы несут ответственность за достоверность и качество представленных материалов.

При полном или частичном использовании материалов ссылка на сайт Электронной библиотеки БГУ обязательна (www.elib.bsu.by).

УДК 81'1(06)

ББК 81я431

ISBN 978-985-553-509-7

© БГУ, 2018

© Оформление. РУП «Издательский центр БГУ», 2018

РАЗДЕЛ 1
СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ
ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ
SECTION 1
MODERN TRENDS IN LINGUISTICS RESEARCH

THE CLASSIFICATION OF MODERN CHINESE
INTERJECTIONS

КЛАССИФИКАЦИЯ СОВРЕМЕННЫХ КИТАЙСКИХ
МЕЖДОМЕТИЙ

Yang Yang

Henan University of Science and Technology
China

E-mail: yang0408@haust.edu.cn

Introduction

In this paper, I offer a new classification theory about modern Chinese interjections. First, I summarize some existing classification systems of modern interjections domestic and overseas. Then I come up with the definition of “interjection” and my classification of modern Chinese interjections. I go on to describe the distribution and functions of each category.

Furthermore, I seek to illustrate the pragmatic functions of interjections. Each category of interjections has their special functions. As a whole, interjections have emotive function. In addition, some interjections can act as pause, topic switchover, self-repair, discourse negation marker, and so on.

Characteristics and existing classification systems

As a special part of speech, interjections have the following characteristics: 1) syntactic independent and context dependent; 2) phonetic imitated and supra-systemic; 3) lexical semantic fuzziness and stability; 4) primitiveness and motivation of the relationship between its form and meaning; 5) occurs when stimulated or intentional; 6) heterogeneity of internal members.

In general, interjections are independent syntactically, which does not act as a sentence constituent. Interjections usually appear before or after a sentence. Some linguists call it sentence words (“句子词”). Yuen Ren Chao [11, p.815] called it “Ever-Free Forms”. But it doesn’t mean that interjections are completely independent. The meaning of an interjection mainly depends on its context and context situation. In Chinese, many

interjections are similar in pronunciation. For example, “[a⁵¹]” which is written by the character “啊” may express several meanings in different context. It can express a compliment, which usually appears in front of a sentence. It also can be an expression of surprise, relief, or even realization all of a sudden. We can only get the meaning of the interjection according to the context.

According to its phonetic forms and origination, Jespersen [6, p. 60] divided interjections into two categories: 1) only used as interjections; 2) formed by common vocabulary, like *well*, *why*. Both of them can be used as independent discourse. Later, some linguists followed this standard to classify interjections, like Zandvoort’s [7, p. 250] regular interjections and occasional interjections, and Ameka’s primary interjections and secondary interjections. Here we adopt the terms from Ameka [3]. The most obvious difference between primary and secondary interjections probably is in phonetics. As for phonetic aspects, primary interjections meet the second characteristic – phonetic imitated and supra-systemic.

Different from the above classification, some scholars like Bühler [5], Jakobson [9] divided interjections into three categories mainly according to the communicative function: 1) expressive interjections; 2) conative interjections; 3) phatic interjections. Slightly different from the above functional classification, Wierzbicka [1] classified interjections into three types: emotive, volitive, and cognitive ones. No matter how many categories exist, we’re sure that there are some interjections that people use them intentionally, like English *hey*, Russian *a’u*, and Japanese *oi* which act as attention-getting signals [3].

Interjection is not a closed class. On the contrary, it’s an open system. A single word like “啊([a⁵¹])”, a phrase like “去你的([tX^hy⁵¹][ni²¹⁴][də])”, even an utterance like “我晕([uo²¹⁴][yn⁵⁵])”, all of these forms can be used as an interjection. The internal members of interjections are heterogeneous.

Here I come up with the definition of interjections based on the analysis of the characteristics and the existing classifications.

Interjections is a word that is relatively independent in syntax but context dependent, express subjective feelings, attitudes, volition, show the status of receiving information, and manifest body reactions.

A new classification theory

In the studies of ancient Chinese grammar, interjections were divided into function words (Ma Jianzhong1898). Interjections have no specific lexical meanings, and are syntactically independent which diametrically differ from other parts of speech. In modern Chinese, the research of interjections started from 1920s, which focused on interjections that mainly

express subjective feelings. With the in-depth research, there appeared some theoretical developments in this field. Scholars got new perspectives on interjections, which include the characteristics, the classification, and the pragmatic functions of interjections.

Goffman [2] viewed *ouch*, *oops*, *yuk*, *wow*, *eh* as “response cries”. Given that these “cries” are a cross-language phenomenon and are stable in specific speech community, Goffman call them “semiword”. Wang Li [10, p. 326-333] viewed interjections as “voice”, which is partly similar to Goffman’s opinion [2]. Wang Li’s classification of interjections has far-reaching significance. He divided interjections into two categories: emotional voices and meaningful voices. Meaningful voices can convey simple meanings, like greeting, answer, approval, denial, inquiry, and advice [10, p. 331-332].

Combined with the characteristics and the existing classifications, I adopt the view of Functionalist Linguistics to make a new division of Modern Chinese interjections. Taking pragmatic functions and context as standard, we classify interjections as exclamation, attention-getting word, and responding word.

Exclamations

Exclamations are the most primitive interjections, which includes three categories: expressing feelings, manifesting body reactions, and showing status of mind. People usually use exclamations spontaneously and instinctively, which means it is out of the speaker’s control.

The category that expresses subjective feelings like happy, complacent, ironic, surprised, angry, discontent, sentimental, helpless, regretful, scared and so on. The meanings of this category are always ambiguous. The mood that the sentence next to the interjection conveys is usually the same as the interjection. The category that manifests body reactions includes two types: comfortable and uncomfortable. The category that shows the status of mind is really an interesting phenomenon. Taking “ㄟ[s<]” as an example, it’s equal to *um* in English, which means a hesitation:

A: *You haven’t told me what soup does she love to eat?*

B: ㄟ[s<]*I remember it would be tomato and egg soup.*

The interjection “ㄟ[s<]” shows the speaker’s status of mind—reflecting on the question.

Attention-getting words

Attention-getting words are usually directed at a particular hearer. The speaker uses these interjections to get the attention of the hearer and achieve his aim. Attention-getting words can be used as greeting to others, like “喂[ue⁵¹]” “欸[ei⁵⁵]”, which is equal to *hey* in English. “喂[ue⁵¹]” can also be

used to answer the phone call. Another function of attention-getting words is to indicate something to somebody, like “嗒[no^{55/53}]”:

A: *Who are you looking for?*

B: *I'm looking for an editor surnamed Li.*

A: 嗒[no^{55/53}], *the guy who looks like Bukharin.*

The speaker uses the interjection “嗒[no^{55/53}]” to indicate somebody. The function of this kind of interjection is equal to demonstratives in English, like *listen, look* (Dixon2003).

Attention-getting words not only can get one's attention, it also can aim at human or animals, which the speaker wants the hearer to do related actions. For example, “嘘[ey⁵⁵]/[ɿ⁵⁵]” is used to ask someone not to speak loudly, which is equal to *sh* in English. “咩[ta³³]” is used to let animals move on.

Responding words

Responding words can show the speaker's attitudes and reactions to the other one's information. We usually use these interjections to express approval and denial, and to act as information receiving words. The representatives of the positive ones are “啊[a⁵¹]” “欸[ei⁵¹]” “嗯[ŋ⁵¹]”. “喂[ai¹³¹]” and “恩[ŋ¹³¹]” stand for negative attitude. The responding words are quiet common in other languages, like *yes* and *no* in English, はい (hai) and いいえ (iie) in Japanese. The positive interjections can be also used as information receiving words, which just means that the hearer is hearing and don't want to interrupt the speaker's speech. For example:

A: *Okay, I'll simply talk about Liu Xing's performance at school.*

B: 嗯[ŋ⁵¹].

A: *He...*

B: 恩[ŋ⁵¹].

A: *put all the screws...*

B: 恩[ŋ⁵¹].

A: *on the school chairs*

B uses the interjection “恩[ŋ⁵¹]” to indicate that he is hearing and doesn't want to take turn in speaking. As a whole, responding words can promote interpersonal harmony during the course of communication. Information receiving words can indicate the speaker's state of mind, which mainly act as back-channel responses, or to establish information channel.

Conclusions

From the perspective of Functionalist Linguistics, I come up with a new classification theory of modern Chinese interjections, which includes three subcategories: exclamation, attention-getting word, and responding word.

Every category has its specific functions. Taking pragmatic functions and context as standard, people use exclamations spontaneously and instinctively to express subjective feelings, to manifest body reactions, and to show status of mind. Attention-getting words are for a particular hearer. Speakers use these interjections to get the attention of the hearer and achieve his aim. Responding words can show the speaker's attitudes and reactions to the other one's information.

REFERENCES

1. Wierzbicka, Anna The Semantics of Interjection *Journal of Pragmatics* / Anna Wierzbicka // *Journal of Pragmatics*. – 1992. – № 18. – P. 159-192.
2. Goffman, Erving *Response Cries* / Erving Goffman // *Language*. – 1978. – № 4. – P. 787-815.
3. Ameka, Felix *Interjections: The universal yet neglected part of speech* / Felix Ameka // *Journal of Pragmatics*. – 2018. – № 18. – P. 101-118.
4. Ameka, Felix *Special issue on interjections* / Felix Ameka // *Journal of Pragmatics*. – 1992. – № 18. – P. 2-3.
5. Bühler, Karl *Sprachtheorie* / Karl Bühler. – Ox.: Fischer, 1982. – 434 p.
6. Jespersen, Otto *The philosophy of Grammar* / Otto Jespersen. – London: George Allen & Unwin, 1924. – 363 p.
7. Zandvoort, R.W. *A Handbook of English Grammar* / R.W. Zandvoort. – London: Longman, 1957. – 365 p.
8. Dixon Robert, M.W. *Demonstratives: A Cross-Linguistic typology* / M.W. Dixon Robert // *Studies in Language*. – 2003. – № 1. – P. 61-112.
9. Jakobson, Roman *Closing statement: Linguistics and poetics* / Roman Jakobson // *Style in language*. – 1960. – P. 350-377.
10. Wang, Li *Chinese Modern Grammar* / Li Wang. – Beijing: The Commercial Press, 1985. – p. 464.
11. Chao, Yuen Ren *A Grammar of Spoken Chinese* / Yuen Ren Chao. – Los Angeles: University of California Press, 1968. – 847 p.

КЛАСТЕРЫ СЛУЖЕБНЫХ СЛОВ ВО ФРАЗЕ: ТИПИЧНЫЕ МОРФОЛОГО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СОЕДИНЕНИЙ И ИХ ПРОСОДИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА

CLUSTERS OF FUNCTION WORDS IN AN UTTERANCE: THEIR TYPICAL PATTERNS AND PROSODIC STRUCTURE

О.И. Власюк

O.I. Vlasjuk

Минский Государственный Лингвистический Университет
Минск, Беларусь

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

E-mail: olga-3103@tut.by

Функционирование служебных слов в спонтанной речи характеризуется целым рядом специфических черт, наряду с общими, по отношению к функционированию служебных слов в чтении вслух. Это и частотность употребления различных классов служебных слов и их последовательностей, и вероятность акцентного выделения служебных слов во фразе и степень полноты/редуцированности их фонемного состава. В последнее время лингвисты все чаще обращаются к проблеме кластеров, высокочастотных линейных соединений языковых единиц, которые названы кластерами, лексическими соединениями или блоками (clusters, lexical bundles) [1]. Кластеры включают не только собственно словосочетания в традиционном понимании этого термина, но и регулярно воспроизводимые законченные предложения, в том числе и полипредикативные, и сочетания знаменательных слов со служебными, и сочетания служебных слов друг с другом. Необходимым критерием их выделения, в отличие от словосочетаний, является контактное расположение элементов, частотность, воспроизводимость в готовом виде, грамматическая спаянность и синтагматическая целостность.

В литературе по лингвистике рассматривается частный вид кластеров, так называемые маркеры ряда. Так, Дж.Уинтер и К. Норрби в своей статье “Set Marking Tags – and stuff” используют следующие термины: прагматические средства (pragmatic devices), заключительные слова высказывания (utterance final tags), частицы, продлевающие высказывание (discourse particle extensions), распространители ряда (set-expanders) [2]. В отечественной лингвистике явление “маркер ряда” было описано Н.В. Денисовой.

В устной речи подавляющее большинство кластеров включает местоимения первого и второго лица, связанные с выражением межличностных отношений. Специфика местоимения состоит в том, что оно выделяется не только по содержанию своего лексического значения, но и по его функции в речи: местоимение не может быть употреблено не будучи конкретизированным контекстом или ситуацией. Служебный характер местоимений акцентируется во взгляде на местоимение прежде всего, как на заместителя имени. Л. Блумфилд предлагал объединить существительное и местоимение в одну более крупную часть речи – субстантивные слова, тем самым признав несамостоятельность, подчиненность местоимений [3].

В неподготовленной устной речи частотность кластеров особенно высока – они извлекаются из памяти готовыми блоками. Согласно исследованиям английской спонтанной речи, данные сочетания составляют 22% от общего количества служебных слов, наиболее частотными среди кластеров устной речи являются следующие образования: двухкомпонентные (союз и артикль; союз и личное местоимение; личное местоимение и вспомогательный или модальный глагол; предлог и артикль; предлог и притяжательное или указательное местоимение), трехкомпонентные (союз, предлог и артикль; союз, личное местоимение и вспомогательный глагол; личное местоимение, модальный глагол и вспомогательный глагол), четырехкомпонентные (союз, местоимение, предлог и артикль; союз, местоимение, вспомогательный глагол и артикль).

Несмотря на отсутствие структурной законченности кластеров, можно заметить, что во всех группах, начиная от двухкомпонентных, присутствуют цепочки, связанные с выражением пространственных и временных отношений: *on the, in the, at the end of the*. Кластеры отражают дистрибутивные возможности служебных слов. Отличительной особенностью кластеров служебных слов является их однонаправленность и гомогенность, а также их роль в ритмической организации высказывания. В отдельных случаях может совпадать даже количество слогов, что обеспечивает сбалансированность всей конструкции.

Если позиция ядерного ударения определяется коммуникативным динамизмом фразы, а именно движением от данного, известного к новому, от темы к реме, и закономерности формирования коммуникативной структуры обуславливают достаточно высокую устойчивость финальной позиции ядерного ударения, то дистрибуция неядерных ударений отражает сложный процесс взаимодействия семантических и структурных, ритмических факторов. В семантическом

плане ударность в предъядерной части фразы служит для контрастирования информативно значимых и незначимых слов. В структурно-формальном плане процесс акцентирования отдельных элементов в силу ритмической тенденции неизбежно приводит к дезакцентированию других. В их число могут при этом попадать не только служебные слова. Так же, как и семантически обусловленное неядерное акцентирование может охватывать и служебные слова. Взаимодействие этих двух составляющих в порождении акцентной структуры фразы приводит к ее динамизму и гибкости: статическая схема, заданная а-рпггг установленной категоризацией лексических единиц, входит в противоречие с ритмической тенденцией, и при этом последняя часто оказывается ведущей, так как фразовую слоговыделенность получает служебное, а не знаменательное слово. Наблюдаемое противоречие, как кажется, можно объяснить тем, что актуализованная слоговыделенность, независимо от ее первопричины, всегда служит одновременно двум целям: она создает ритмическую основу контура и в то же время выделяет ударные элементы из цепочки слогов/слов, придавая им тем самым большую информативную значимость.

Это наблюдение особенно характерно для последовательностей служебных слов, образующих развернутые по длине потенциально междударные интервалы. Для проверки данного предположения нами был проведен аудитивный анализ значительной по объему выборки звучащей речи на предмет сравнения акцентогенного потенциала служебных слов в одиночной позиции со служебными словами в составе последовательностей слов данной категории в различных позициях во фразе. Анализ экстенсивности таких "цепочек" служебных слов во фразе/синтагме показал их достаточно широкий диапазон варьирования (от одного до пяти слов).

В анализируемой выборке процент одиночных служебных слов составил 58%, двухэлементных последовательностей – 35%, трехэлементных – 4%, четырехэлементных – 2%, пятиэлементных – 0.5% от общего количества служебных слов (239).

Говоря о последовательностях служебных слов, необходимо отметить, что 63% от общего количества последовательностей являются невыделенными, а 37% выделены ударением. По результатам аудитивных данных относительно локализации фразовых ударений наиболее часто выделяются следующие подклассы служебных слов: модальные глаголы (40%), предлоги (21.5%), за ними следуют вспомогательные глаголы (11%), частицы (8%) и союзы (8%). Среди типов ударения преобладает полное неядерное ударение (75%)

в начале и середине фразы/синтагмы, а также ядерное в конечной позиции (25%).

Вероятность выделения подклассов одиночных служебных слов и слов-элементов последовательностей не совпадает. При анализе одиночных слов на первом месте по выделенности находятся местоимения, встречаемость которых в экспериментальном материале составила 34,3%, далее следуют предлоги (24,5%), артикли (13,2%), союзы (13%), вспомогательные глаголы (8,4%), частицы (4,5%), и, наконец, наименее частотными оказываются модальные глаголы – 2,1%, а в сочетаниях – модальный глагол, который становится центром так называемого фонетического слова. В последовательностях служебных слов преобладает выделение второго элемента (48%), затем следует выделенность на первом (30%) и третьем элементе (22%). С точки зрения примыкания, последовательности имеют однонаправленный и разнонаправленный характер, а с точки зрения грамматической структуры – характеризуются гетерогенностью. С одной стороны, служебные слова ведут себя как энклитики, с другой – маркируют проклитическое примыкание.

Будучи членами последовательности (цепочки), служебные слова притягивают к себе выделенность. Кроме того, они обладают сверхакцентуацией, необходимой для приведения акцентной структуры фразы к более типичной актуализованной длине английской фразы.

ЛИТЕРАТУРА

1. Денисова, Н.В. К вопросу о маркерах ряда / Н.В. Денисова // XXXIII Международная филологическая конференция: 15-20 марта 2004 г., Санкт-Петербург / С.-Петерб. гос. ун-т, филол. фак. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ, 2004. – Вып. 13: Историческая лексикология и лексикография (руско-славянский цикл), ч. 1 / отв. ред. О.С. Мжельская. – С. 26–30.
2. Winter, J. Set Marking Tags – “and stuff” / J. Winter, C. Norrby // Proceedings of the 1999 Conference of the Australian Linguistic Society – 1999. – P. 1–2.
3. Щерба, Л.В. Языковая система и речевая деятельность / Л.В. Щерба; ред. Л.Р. Зиндер, М.И. Матусевич; Акад. наук СССР, Отд-ние лит. и яз., Комис. по истории филол. наук – Л.: Наука. Ленингр. отд-ние, 1974. – 428 с.

ТРАНСФАРМАЦЫЙНЫЯ ЗДОЛЬНАСЦІ СКАЗАЎ З АПІСАЛЬНЫМІ ПРЭДЫКАТАМІ

TRANSFORMATIVE ABILITIES OF SENTENCES WITH DESCRIPTIVE PREDICATES

V.В. Варановіч

V. Varanovich

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт,
Мінск, Беларусь

Belarusian State University,
Minsk, Belarus

E-mail: Varanovich@bsu.by

Апісальныя прэдыкаты (АП) – гэта вытворныя неаднаслоўныя дэскрыпцыі з іменнай словаформай, якія суадносяцца сэнсава з адным словам – дзеясловам, прыметнікам, залежным дзеепрыметнікам або прэдыкатыўным прыслоўем (якія па аналогіі са словаўтварэннем можна назваць утваральнымі) – і ўтвараюць сінтаксічныя структуры двух узроўняў: узроўню словазлучэння або ўзроўню сказа, напрыклад: *У дзяржаўнай дзейнасці Сапега не ажыццяўляў падтрымку пэўнай канфесіі* → *У дзяржаўнай дзейнасці Сапега не падтрымліваў пэўную канфесію*.

Сёння пераважная большасць моў свету, уключаючы і беларускую мову, знаходзіць камп'ютарную форму свайго існавання. Для таго, каб камп'ютар «зразумеў» тэкст на натуральнай мове, неабходна стварыць вельмі аб'ёмную лінгвістычную базу ведаў якой-небудзь мовы. У склад такой базы павінны ўваходзіць два асноўныя кампаненты: база дадзеных (набор разнастайных слоўнікаў і тэкстаў для машыннага навучання) і лінгвістычны працэсар (ЛП), які забяспечвае непасрэдную апрацоўку тэкстаў на падставе пэўнай паслядоўнасці алгарытмаў. Як піша І.В. Соўпель, «разуменне тэкстаў на натуральнай мове ўключае тры ўзроўні інтэрпрэтацыі: сінтаксічны, семантычны і прагматычны» [1, с. 9]. Зазначым, што апрацоўка тэкста ў ЛП пачынаецца з марфалагічнага разбору кожнага слова ў сказе, потым на падставе гэтай марфалагічнай інфармацыі ЛП праводзіць сінтаксічны аналіз (СінТА) кожнага сказа. Паколькі апісальныя прэдыкаты – сінтаксічная канструкцыя, нас перш за ўсё будзе цікавіць якраз гэты этап працы ЛП. «Сінтаксічныя працэдуры на аснове інфармацыі, закладзенай у слоўніку, ажыццяўляюць граматычны разбор сказаў: вылучаюць дзейнік, выказнік, дапаўненне і да т.п., паміж якімі

указваюць сувязі па кіраванні ў выглядзе дрэваў залежнасцяў» [1, с. 9], потым гэта інфармацыя перадаецца на этап семантычнага аналізу.

Заўважым, што на этапе марфалагічнага разбору і пабудовы дрэва залежнасцяў асноўныя цяжкасці выклікае аманімія розных граматычных форм (напрыклад, формы назоўнага і вінавальнага склонаў у неадзудзёных назоўнікаў мужчынскага роду), а ўжо на этапе пераходу ад СінТА да семантычнай інтэрпрэтацыі найбольшая праблема – сінанімія, наяўнасць у мове разнастайных сродкаў выражэння аднаго і таго ж сэнсу. Як адзначаюць А.К. Жалкоўскі і І.А. Мяльчук, «шматстайнасць у выражэнні аднаго сэнсу ўяўляе сабой прынцыповую асаблівасць моў увогуле, у прыватнасці, натуральных моў, і ўласцівая ім у значна большай ступені, чым гэта звычайна ўсведамляецца» [2, с. 179]. Для таго, каб выйсці на машыннае разуменне сказа, неабходна выявіць глыбінны склон кожнага члена сказа, гэта можа быць зроблена шляхам **тлумачэння** (тэрмін Е.В. Падучавай), гэта значыць «пераўтварэння, якое пераводзіць менш экспліцытны моўны выраз у больш экспліцытны» [3, с. 10].

Такім чынам, для правільнай апрацоўкі сказаў з АП неабходна разгледзець трансфармацыйныя магчымасці такіх сказаў для іх пераўтварэння ў больш экспліцытныя выразы. Як зазначае А.Я. Міхневіч, «трансфармацыйны аналіз адпавядае патрабаванню ўжываць метады, якія максімальна пазбаўлены суб'ектывізму ў ацэнках з'яў мовы. Па сваёй сутнасці трансфармацыйны аналіз з'яўляецца метадам даследавання з'яў праз формы» [4, с. 18].

Для выяўлення АП, у якіх іменны кампанент займае пазіцыю прамога ці ўскоснага дапаўнення, і далейшай іх замены на аднаслоўны прэдыкат (да пачатку сінтаксічнай і семантычнай апрацоўкі сказа) неабходна класіфікацыя спісы ўсіх магчымых камбінацый дзеясловаў-эксплікатараў з іменнай часткай (выяўленых на этапе збору матэрыялу), якія прадстаўлены ў наступным выглядзе: *збіраць – праводзіць збор – збор праводзіць*. Заўважым, што дзеяслоў можа быць ў сказе як у інфінітыве, так і ў асабовай форме, але пытанне атаясамлення розных дзеяслоўных форм вырашаецца з дапамогай марфалагічнага машыннага слоўніка, дзе прадстаўлены поўныя парадгмы дзеясловаў. У агульным выглядзе такія апісальныя прэдыкаты могуць быць прадстаўлены наступнымі трансфармацыямі:

T¹: Дз_n → Дз₃Н_{дзп}(він.скл.) → Н_{дзп}(він.скл.)Дз₃,

дзе Дз_n – аднаслоўны прэдыкат, выражаны дзеясловам, Дз₃ – дзеяслоў-эксплікатар, Н_{дзп}(він.скл.) – назоўнік у вінавальным склоне, аднакаранёвы з дзеясловам-прэдыкатам. Прыклад такой трансфармацыі:

падрыхтоўца → *ажыццяўляць падрыхтоўку* → *падрыхтоўку ажыццяўляць*.

T²: Дзп → Дз,Н_{дзп}(тв.скл.) → Н_{дзп}(тв.скл.)Дз,
напрыклад: *капаць* → *займацца капаннем* → *капаннем займацца*.

T³: Дзп → Дз,Прс_{дзп} → Пс_{дзп}Дз,
дзе Прс_{дзп} – прыслоўе, аднакаранёвае з дзеясловам-прэдыкатам.
Прыклад трансфармацыі: *далікатніцаць* → *далікатна абыходзіцца* → *абыходзіцца далікатна*.

T⁴: Дзп → Дз,ПРН_{дзп}(він.скл.) → ПРН_{дзп}(він.скл.)Дз,
дзе ПРН – прыназоўнік, які спалучаецца з вінавальным склонам.
Напрыклад: *заўважаць* → *браць на ўвагу* → *на ўвагу браць*.

T⁵: Дзп → Дз,ПРН_{дзп}(тв.скл.) → ПРН_{дзп}(тв.скл.)Дз,
напрыклад: *адказаць* → *знайсціся з адказам* → *з адказам знайсціся*.

T⁶: Дзп → Дз,ПРН_{дзп}(род.скл.) → ПРН_{дзп}(род.скл.)Дз,
напрыклад: *наладжваць* → *прыводзіць да ладу* → *да ладу прыводзіць*.

T⁷: Дзп → Дз,ПРН_{дзп}(мес.скл.) → ПРН_{дзп}(мес.скл.)Дз,
напрыклад: *вандроваць* → *праводзіць у вандроўках* → *у вандроўках праводзіць*.

T⁸: Дзп → Дз,Н_{кл}(він.скл.)Н_{дзп}(род.скл.) → Н_{кл}(він.скл.)Н_{дзп}(род.скл.)Дз,
дзе Н_{кл} – назоўнік-класіфікатар. Прыклад трансфармацыі: *вылучыць* → *выканаць працэс вылучэння* → *працэс вылучэння выканаць*.

T⁹: Дзп → Дз,Прм_{дзп}Н_{кл}(він.скл.) → Прм_{дзп}Н_{кл}(він.скл.)Дз,
дзе Прм_{дзп} – прыметнік, аднакаранёвы з дзеясловам-прэдыкатам.
Напрыклад: *гандляваць* → *весці гандлёвыя справы* → *гандлёвыя справы весці*.

T¹⁰: Дзп → Дз,ПРН_{кл}(він.скл.)Н_{дзп}(род.скл.) → ПРН_{кл}(він.скл.)Н_{дзп}(род.скл.)Дз,
напрыклад: *абязрушыць* → *пагрузіць у стан нерухомасці* → *у стан нерухомасці пагрузіць*.

Распазнаванне і атыясамленне з аднаслоўным прэдыкатам АП, дзе іменны кампанент выконвае сінтаксічную ролю дзейніка, прынцыпова адрозніваецца ад апрацоўкі АП першага тыпу, паколькі для захавання зместу сказам пры замене прэдыката неабходная трансфармацыя ўсёй структуры сказа. У некаторых выпадках трансфармаваны сказ мае поўную граматычную аснову (дзеянік і выказнік), у іншых – магчымая замена толькі на безасабовую канструкцыю. Такія апісальныя прэдыкаты прадстаўляюцца наступнымі трансфармацыямі:

T¹¹: Дзп → Дз,Н_{дзп}(наз.скл.) → Н_{дзп}(наз.скл.)Дз,
напрыклад: *уплываць* → *адбываўся уплыў* → *ўплыў адбываўся*.

T¹²: Д_п → Д_зН_{кл}(наз.скл.)Н_{дзп}(род.скл.) →
Н_{кл}(наз.скл.)**Н_{дзп}**(род.скл.)Д_з,
 напрыклад: *запрыгоньваць* → *адбываўся працэс запрыгоньвання* →
працэс запрыгоньвання адбываўся.

T¹³: Д_пД_з → Д_зН_{дзп}(наз.скл.)Д_з → Н_{дзп}(наз.скл.)Д_зД_з,
 дзе Д_з – інфінітыў дзеяслова. Напрыклад: *спрабуе даказаць* →
ажыццяўляецца спроба даказаць → *спроба даказаць ажыццяўляецца*.

T¹⁴: Н_с(наз.скл.)Д_п → Н_с(він.скл.)Д_зН_{дзп}(наз.скл.) →
Н_{дзп}(наз.скл.)Д_з**Н_с**(він.скл.),
 дзе Н_с – назоўнік, які называе суб'ект дзеяння, у адпаведным склоне.
 Прыклад трансфармацыі: *хлопец непакойца* → *хлоца агортвае*
неспакой → *неспакой агортвае хлопца*.

T¹⁵: Н_с(наз.скл.)Д_пН_а(він.скл.) →
Н_с(тв.скл.)Д_з**Н_{дзп}**(наз.скл.)**Н_а**(род.скл.) →
Н_{дзп}(наз.скл.)**Н_а**(род.скл.)Д_з**Н_с**(тв.скл.) →
Н_{дзп}(наз.скл.)**Н_а**(род.скл.)**Н_с**(тв.скл.)Д_з,
 дзе Н_а – назоўнік, які называе аб'ект дзеяння, у адпаведным склоне.
 Напрыклад: *князь абменьвае палонных* → *князем ажыццяўляецца абмен*
палонных → *абмен палонных ажыццяўляецца князем* → *абмен палонных*
князем ажыццяўляецца.

Такім чынам, з мэтай аўтаматычнай апрацоўкі сказаў з апісальнымі
 прэдыкатамі былі апісаны трансфармацыйныя схемы, якія дазваляць
 вылучыць сказы з АП сярод іншых і эксплікаваць глыбінны сэнс такіх
 канструкцый.

ЛІТАРАТУРА

1. Совпель, И.В. Инженерно-лингвистические принципы, методы и алгоритмы автоматической переработки текста / И.В. Совпель. – Мн.: Вышэйшая школа, 1991. – 118 с.
2. Жолковский, А.К. О семантическом синтезе / А.К. Жолковский, И.А. Мельчук // Проблемы кибернетики. Вып. 19 / Под. ред. А.А. Ляпунова. – М.: Наука, 1967. – С. 177-238.
3. Падучева, Е.В. О семантике синтаксиса. Материалы к трансформационной грамматике русского языка / Е.В. Падучева. – Изд. 3-е. – М.: URSS, 2009. – 293 с.
4. Міхневіч, А.Я. Сінтаксічна непадзельныя словазлучэнні ў сучаснай беларускай мове (трансфармацыйны аналіз) / А.Я. Міхневіч. – Мн.: Навука і тэхніка, 1965.– 115 с.

**О СПЕЦИФИКЕ СТРУКТУРНОЙ И ЗОННОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОГО ПОЛЯ «ТРУДОВАЯ
ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ**

**STRUCTURAL AND ZONAL ORGANIZATION
OF LEXICO-SEMANTIC VERB FIELD 'LABOUR ACTIVITY'
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

И.Ю. Вострикова

I.Y. Vostrikova

ФГБОУ ВО «Воронежский государственный университет»

Воронеж, Россия

Voronezh State University

Voronezh, Russia

E-mail: ivostrikova@mail.ru

Лексико-семантическое поле (ЛСП) глаголов трудовой деятельности в русском языке достаточно обширно и хорошо структурировано. Оно охватывает 816 лексических единиц. На основании семантических характеристик глаголы трудовой деятельности в русском языке делятся на четыре группы: «Общие наименования трудовой деятельности», «Наименования процессов первичной трудовой деятельности», «Наименования процессов вторичной трудовой деятельности», «Характеристика трудовой деятельности». Данные группы являются сложными по составу и подразделяются на более мелкие структурные единицы – 6 подгрупп, 13 минигрупп, 28 микрогрупп и 55 микроподгрупп.

Заметим, что в структуре практически всех исследуемых групп имеются глаголы, обозначающие общие наименования того или иного вида трудовой деятельности.

Отметим также наличие отдельной группы, в которую входят глагольные лексемы, отражающие общие наименования трудовой деятельности в целом (Группа № 1).

Анализ ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке показал, что самой многочисленной группой является группа «Наименования процессов первичной трудовой деятельности», в которую входит 701 лексема. Второй по номинативной плотности, под которой понимается количество лексических единиц, номинирующих определенную сферу действительности [2, с. 111], является группа «Характеристика трудовой деятельности» общей численностью 100 лексем. Оставшиеся две группы существенно меньше: девять лексем входят в группу «Наименования процессов вторичной трудовой

деятельности» и шесть лексем – в группу «Общие наименования трудовой деятельности». Таким образом, наибольший индекс яркости структурной единицы внутри поля, который является отношением количества единиц, входящих в структурную единицу поля, к общему количеству лексем поля [5, с. 38], наблюдается у группы «Наименования процессов первичной трудовой деятельности» – 85,91%, а наименьший – у группы «Общие наименования трудовой деятельности» – 0,74%.

Глаголы трудовой деятельности широко демонстрируют полисемию. Многозначные лексемы преобладают практически во всех структурных единицах поля. Процентное соотношение данных лексем к общему количеству лексем рассматриваемого поля равно 59,68%. Лишь в четырех структурных единицах поля однозначные лексемы преобладают над многозначными и в одной количество однозначных лексем равно количеству многозначных.

Как показало исследование, среди семем, по которым лексемы входят в структурные единицы поля, преобладают денотативные семемы, причем количество семем Д1 (их число равняется 783, что составляет 71,16% от общего количества) превышает количество семем Д2 (286 семем, что составляет 24,78%). В работе используется типология семем М.М. Копыленко и З.Д. Поповой [3, с. 31-32]. Это явление может быть объяснено тем, что трудовая деятельность в целом конкретна и связана с реалиями внешнего мира.

Количество коннотативных семем, по которым лексемы входят в рассматриваемое ЛСП, значительно меньше. Таких семем зафиксировано всего 44 (это составляет 4,06% от общего количества).

Отметим, что из общего количества 816 лексем 534 лексемы входят в рассматриваемое поле по семеме Д1, 132 – по семеме Д2, 33 – по семеме К1, что составляет соответственно 65,44%, 16,18% и 4,04% от общего числа лексем данного поля. В ходе исследования выявлен также целый ряд лексем, входящих в рассматриваемое поле несколькими семемами – от двух до шести. Количество лексем, входящих в поле несколькими семемами, равняется 117 единицам, что составляет 14,34% от общего числа лексем поля.

Отметим, что наибольший индекс принадлежности к полю, который представляет собой отношение общего количества развиваемых лексемами данной структурной единицы семем с семей поля к общему количеству семем данной структурной единицы [6, с. 34], демонстрируют следующие структурные единицы: «Трудовая деятельность, связанная с управлением и движением финансов» (80%), «Педагогическая трудовая деятельность» (76,47%), «Трудовая

деятельность, связанная с судоходством» (76,47%) и «Трудовая деятельность, связанная с воспитанием ребенка» (75%). Наименьший индекс принадлежности к полю демонстрируют микрогруппы «Трудовая деятельность, связанная с управлением механизмами» (38,89%), «Трудовая деятельность, связанная с рыболовством» (41,67%) и «Юридическо-правовая трудовая деятельность» (41,67%).

Как показало исследование, 64 лексемы исследуемого поля (*учить, стелить, обрабатывать, хозяйствовать* и др.) по разным семемам входят в различные структурные единицы. Максимальное число структурных единиц поля, в которые входит одна лексема по разным семемам – пять.

Наибольший индекс структурно-семантической связности, под которым понимается отношение количества лексем структурной единицы поля, входящих разными семемами в другие структурные единицы поля, к общему количеству лексем данной структурной единицы [5, с. 38], демонстрирует следующие микрогруппы: «Трудовая деятельность, связанная с управлением механизмами» – 50%, «Трудовая деятельность, связанная с рекламированием товаров и услуг» – 33,33% и «Трудовая деятельность, связанная с украшением и декорированием» – 33,33%. В целом ряде структурных единиц лексемы не выходят за их рамки и не входят своими семемами в другие структурные единицы данного поля, поэтому их индекс структурно-семантической связности равен 0%. Такими структурными единицами являются: группа «Общие наименования трудовой деятельности», подгруппа «Характеристика по участию в трудовой деятельности других лиц», минигруппа «Начало трудовой деятельности», микрогруппы «Юридическо-правовая трудовая деятельность» и «Трудовая деятельность, связанная с торговлей».

Отметим, что во всех структурных единицах ЛСП трудовой деятельности имеются лексемы, все семемы которых не выходят за рамки данных структурных единиц. Наибольший индекс лексико-семантической замкнутости, который является отношением количества лексем, все семемы которых не выходят за рамки данной структурной единицы, к общему количеству лексем данной структурной единицы [1, с. 38], продемонстрировали две микрогруппы: «Трудовая деятельность, связанная с воспитанием ребенка» – 68,75% и «Трудовая деятельность, связанная с рекламированием товаров и услуг» – 66,67%. Наименьший индекс лексико-семантической замкнутости зафиксирован в микрогруппе «Креативная трудовая деятельность» – 10%.

Примечательно, что лексемы исследуемого поля демонстрируют достаточно развитую синонимию. В ходе исследования выявлено 35 пар и 3 ряда синонимов. В общей сложности 80 лексических единиц поля

вступают в синонимические отношения, поэтому индекс семантической близости единиц поля, под которым понимается отношение количества лексических единиц, образующих синонимические пары и/или ряды, к общему количеству лексем данного поля [5, с. 38], составляет 9,8%.

Лексемы ЛСП «Трудовая деятельность» в русском языке демонстрируют и антонимию: здесь выявлено 17 пар антонимов. Соответственно, индекс семантической противопоставленности единиц поля, под которым мы понимаем отношение количества лексических единиц, образующих антонимические пары, к общему количеству лексем данного поля [1, с. 38], равен 4,17%.

Большинство лексических единиц в рассматриваемом поле нейтральны по своей стилистической и эмоциональной окраске. Но нужно отметить, что у 84 лексем исследуемого поля (*надрываться*, *руководничать*, *наловчиться* и др.) отмечены разговорные семы, у 33 лексем (*портачить*, *тягать*, *тяпать* и др.) – просторечные. Лексемы *воздвигать* и *созидать* имеют семемы с семами возвышенного стиля. Две единицы (*варганить* и *кропать*) в рассматриваемом поле характеризуются пренебрежительной эмоциональной оценкой. В целом индекс стилистической и эмоциональной окрашенности единиц поля, который является отношением количества лексических единиц со стилистической и/или эмоциональной окраской к общему количеству лексем данного поля [1, с. 38], составляет 14,58%.

Проведенное исследование структурной и лексико-семантической организации ЛСП трудовой деятельности в русском и английском языках позволило определить их ядро, ближайшую, ближнюю, дальнюю и крайнюю периферию. В основу деления поля на зоны нами было положено два параметра – степень абстрактности значения лексем и тип семем, по которым лексемы входят в поле. При рассмотрении зонной организации анализируемого поля нами выявлено, что в количественном аспекте заметно преобладает ближняя периферия (589 единиц), на втором месте по количеству лексем дальняя периферия (137 единиц), затем ближайшая периферия (53 единицы), крайняя (31 единица) и зона ядра (6 единиц). Индексы представленности данных зон поля, под которыми понимается отношение количества лексических единиц в той или иной зоне поля к общему количеству лексем данного поля [1, с. 38], равны соответственно 72,18%, 16,79%, 6,5%, 3,79% и 0,74%.

ЛИТЕРАТУРА

1. Вострикова, И.Ю. Национальная специфика лексико-семантического поля «Трудовая деятельность» в русском и английском языках (на материале

- глагольной лексики): дис. ... канд. филол. наук / В.Ю. Вострикова – Воронеж, 2006. – 228 с.
2. Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик – М.: ГНОЗИС, 2004. – 390 с.
3. Копыленко, М.М. Очерки по общей фразеологии / М.М. Копыленко, З.Д. Попова – Воронеж, 1989. – 191 с.
4. Стернина, М.А. Сопоставительно-параметрический метод лингвистических исследований / М.А. Стернина – Воронеж, 2014. – 114 с.
5. Чернова, Н.И. Национальная специфика тематической группы лексики: На материале наименований зданий и помещений в русском и английском языках: дис. ... канд. филол. наук / Н.И. Чернова – Воронеж, 2006. – 207 с.
6. Шишкина, Н.М. Национальная специфика полисемии глаголов речевой деятельности в русском и английском языках: дис. ...канд. филол. наук / Н.М. Шишкина – Воронеж, 2004 – 183 с.

ТРУДНОСТИ РАЗГРАНИЧЕНИЯ ПАРЕМИОЛОГИИ И ФРАЗЕОЛОГИИ

DIFFICULTIES IN THE DIFFERENTIATION OF PAREMIOLOGY AND PHRASEOLOGY

М. Еремеева, А. Мацук

M. Eremeeva, A. Matsuk

Белорусский государственный университет,

Минск, Республика Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Belarus

E-mail: mariya.eremeeva96@mail.ru

Введение. Фразеология представляет собой систему в системе. Бесспорно, сложная структура данных языковых единиц не позволяет однозначно и однобоко трактовать как их семантическую, так и синтактико-стилистическую природу. Они, подобно лексическим единицам, способны образовывать синонимические ряды, семантические группы и поля, между которыми возможно проведение стилистических разграничений, а также способны выступать в речи и как самостоятельные информативные единицы, и в качестве компонентов макросинтаксического целого, сохраняя при этом свою внутреннюю синтаксическую целостность. Выражения с более сложной внутренней организацией часто характеризуются как паремии. В статье рассматриваются основные принципы формирования и становления паремииологии как самостоятельной дисциплины, одновременно находящейся в тесной связи с фразеологией. Особое внимание уделяется лингвистическому описанию устойчивых единиц и трудностям их разграничения.

Целью данной статьи является рассмотрение теоретических принципов разграничения различных типов устойчивых выражений, в частности паремий и фразеологизмов.

Понятие «фразеологизм». В 1900-х годах ученые обратили внимание на «ходячие выражения», смысл которых обычно не вытекал из значения слов, составляющих эти выражения, но которые тем не менее являлись меткими, эмоционально-образными средствами выражения мысли. Такого рода выражения, играющие важную роль в организации лексико-семантической системы, стали называть фразеологизмами. Так возникла новая наука – фразеология, предметом изучения которой являются фразеологические единицы.

Исследования многих ученых показали, что фразеологическая единица является сложнейшим, многоаспектным объектом исследования. Как целостная лексическая единица языка в современной фразеологии она имеет такие аспекты изучения как: грамматический, семантический, функциональный, прагматический, социологический и лингвокультурологический. Т.Н. Федуленикова называет фразеологические единицы устойчивыми словосочетаниями с полностью или частично переосмысленными значениями [5, с.146]: *Dutch courage* – «храбрость после приема алкоголя», *to grin like a Cheshire cat* – «улыбаться как Чеширский кот».

Понятие фразеологической единицы многогранно. Определяя данную дефиницию, лингвисты рассматривали не только ее структурную и семантическую сторону, но и особенности функционирования в том или ином обществе. Таким образом, фразеологизм – общее название семантически связанных сочетаний слов и предложений, которые, в отличие от сходных с ними по форме синтаксических структур, не производятся в соответствии с общими закономерностями выбора и комбинации слов при организации высказывания, а воспроизводятся в речи в фиксированном соотношении семантической структуры и определенного лексико-грамматического состава.

Понятие «паремия». Пословицы и поговорки включаются в систему фразеологии учеными, придерживающимися широкого понимания фразеологии. Но относительно недавно появилось отдельное направление в филологии, которое как раз изучает собственно пословицы и поговорки, и в рамках которого они называются паремиями. Следовательно, паремии как «малые» формы фольклорных жанров становятся объектами исследования не только фразеологов, но и фольклористов, а также паремиологов. Подобный интерес к данным

выражениям обусловлен высокой степенью их выразительности и широким диапазоном экспрессивных оттенков.

Пословица – это устойчиво воспроизводимый в речи афоризм фольклорного происхождения, имеющий как образную, так и «безобразную» структуру значения, характеризующуюся эквивалентностью суждения, относительной независимостью от внешнего контекста и наличием подтекста: *кому на месте не сидится, тот добра не наживет. Show me your companions I will tell you who you are.* Поговорка – это устойчивое выражение, не эквивалентное суждению. Она не обладает семантической независимостью от внешнего контекста, и ее функционирование во многом обусловлено способностью украшать и разнообразить речь [1, с. 248]: *Every Tom, Dick and Harry* – ‘каждый встречный-поперечный’; *хоть пруд пруди; полным полно.*

Паремиология – это филологическая наука о паремиях, которая привлекает внимание как фольклористов, так и лингвистов, а по сути своей является областью филологии, совмещающей, подобно стилистике, литературоведческие и лингвистические методы исследования. Объект паремиологии – паремия. Паремии – особые единицы и знаки языка, необходимые элементы общения людей. Эти знаки передают специфическую информацию, обозначают типичные жизненные и мысленные ситуации или отношения между теми или другими объектами.

Среди наиболее известных работ по данной проблематике наше внимание привлекли работы известного паремиолога Г.Л. Пермякова. Серьезное и детальное изучение паремий позволило ему дать достаточно четкую характеристику и вывести разноплановые классификации пословиц и поговорок. Надо сказать, что наряду с пословицами и поговорками, ученый в свою классификацию включает и остальные формы кратких изречений (именно так он их называет в своих трудах), но фактическому анализу в работах подверглись лишь пословицы и поговорки.

Итак, интересующие нас выражения устойчивого характера Г.Л. Пермяков называет «разного рода языковыми клише». Различные по типу, характеру построения, функциональным возможностям, стилистическим функциям, и, наконец, по синтаксическим конструкциям, не совсем верно и приемлемо было бы обозначать, на наш взгляд, одним термином; тем более, что этот термин не передает смысла и полного языкового содержания каждого из всех, включаемых в этот круг, типов высказываний, хотя бы на том основании, что эти выражения относятся к совершенно разным жанрам, различным

по характеру функционирования их в речи. К тому же внутри контекста они также выполняют разные функции и роли: заместительную, диалогическую, этикетную, формальную и т.д.

Пословицы и поговорки, ставшие основным объектом исследований ученого, принципиально не разграничиваются и по большей части обозначаются общим термином «паремия» [4].

Отличия фразеологизмов и паремий. Фразеологизмы и паремии – это разновидности устойчивых выражений, каждая из которых характеризуется своим набором структурных, семантических и функциональных особенностей.

Исследованием структуры фразеологизмов занимались многие ученые. Каждый из них выявлял новые компоненты в составе фразеологических единиц. Так, например, А.В. Кунин назвал компоненты фразеологизмов лексемами [2].

Т.Н. Федуленикова рассматривает фразеологизм как языковую единицу, которая зафиксирована в словаре знаками вторичной номинации и для которой характерна двойная дихотомия содержания и смысла: а) содержание фразеологической единицы – смысл фразеологической единицы, б) содержание генетического прототипа фразеологической единицы – смысл генетического прототипа фразеологической единицы. Содержание генетического прототипа фразеологической единицы составляет материальная – звуковая или графическая субстанция слов-компонентов, смысл его складывается из значений слов-компонентов [5].

Принимая во внимание особенности организации фразеологизмов, можно выявить основные их признаки. Многие лингвисты, в том числе Н.М. Шанский, отмечают, что фразеологизмы обладают рядом особенностей, отличающих их как от слов, так и от свободных комплексов. Эти особенности в основном сводятся к тому, что фразеологические единицы обладают семантической структурой и в отличие от свободного словесного комплекса не создаются в речи говорящим, а воспроизводятся в готовом виде [6].

Таким образом, при определении сущности фразеологической единицы необходимо исходить из того положения, что этой единице присуща особая фразеологическая устойчивость, обусловленная характером взаимозависимости значений ее компонентов. Объектом изучения фразеологии являются отдельно оформленные единицы языка, характеризующиеся полным или частичным семантическим преобразованием. Это определение не исключает наличие у фразеологической единицы других признаков – семантических и

структурных, которые нужно учесть при изучении и решении любых фразеологических проблем.

Многие современные ученые широко понимают паремиологию. «Свойство воспроизводимости объединяет в класс паремий различные языковые единицы: языковые афоризмы (половицы, поговорки, крылатые слова и т.д.) и фразеологические единицы. На основе воспроизводимости можно допустить включение фразеологических выражений в объем паремиологии», – пишет Е. Ошева [3, с. 84].

Н.Ф. Алефиренко говорит, что от фразеологизмов половицы и поговорки отличаются в структурно-семантическом отношении: они представляют собой законченное предложение. В основе их целостного смыслового содержания лежат не понятия, а суждения. Поэтому половицы и поговорки не могут быть носителями лексического значения, которое присуще фразеологизмам; смысл их может быть передан только предложением (нередко развернутым), тогда как значение фразеологизма передается словом или словосочетанием [1].

Пословицы, в силу своей двуплановости, а также поговорки, употребляющиеся в буквальном смысле, состоят из слов с вполне определенным самостоятельным лексическим значением, чего нельзя сказать о фразеологизмах, компоненты которых полностью или частично лишены семантической самостоятельности. Слова, входящие в состав поговорок и выражающие наиболее существенные стороны мысли, нередко выделяются или, по крайней мере, могут быть выделены логическим ударением. Почти ни на одном из компонентов фразеологизма нельзя сделать логического ударения. Фразеологизмы, таким образом, лишены актуального членения.

Необходимо подчеркнуть, что половицы и поговорки обладают эмоциональной и стилистической окраской, благодаря чему они совершенствуют коммуникативную функцию языка.

Итак, будучи предложениями, то есть единицами с замкнутой структурой, половицы и поговорки обладают смысловой и интонационной завершенностью, категориями предикативности и модальности, что отличает их от фразеологических единиц, которые чаще всего выражены словом или словосочетанием.

Заключение. Таким образом, на современном этапе развития лингвистической науки отождествление паремий и фразеологизмов недопустимо. Мы делаем такой вывод, основываясь на том, что фразеологизмы и паремии отличаются своим структурными, семантическими и функциональными особенностями.

Мы полностью исключаем возможность упразднения поговорок как особых форм народных изречений и абсолютную идентичность их

с собственно фразеологизмами, поскольку, несмотря на отсутствие четкого понимания принципов разграничения пословиц и поговорок, существует осознание их разности в лингвистическом, фольклорном, этнолингвистическом и других аспектах и важности каждой из них как самостоятельной единицы. Ведь очевидно, что между ними существуют принципиальные различия, равно как и то, что они максимально близки друг к другу как никакие другие формы кратких устойчивых единиц.

Таким образом, наша позиция заключается в необходимости разграничения пословиц, поговорок, крылатых слов и выражений как отдельных видов устойчивых образований и как межуровневых и междисциплинарных единиц языка. Вершиной этой пирамиды под названием «устойчивые выражения», конечно, будут фразеологизмы как единицы, более жестко соблюдающие основные категориальные признаки устойчивости.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алефиренко, Н.Ф. Фразеология и паремиология / Н.Н. Семененко, Н.Ф. Алефиренко. – 3-е изд., стер. – М.: ФЛИНТА, 2018. – 344 с.
2. Кунин, А.В. Курс фразеологии современного английского языка / А.В. Кунин. – М., 1996. – 381 с.
3. Ошева, Е. Паремиологическое пространство: дискуссионные вопросы / Е. Ошева // Исследовательский журнал русского языка и литературы. – 2013 – № 1(1). – С. 75-88.
4. Пермяков, Г.Л. Основы структурной паремиологии / Г.Л. Пермяков. – Москва: Наука, 1988. – 240 с.
5. Федуленикова, Т.Н. Английская фразеология / Т.Н. Федуленикова. – Архангельск: ПГУ, 2000. – 175 с.
6. Шанский, Н.М. Фразеология современного английского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.

КОРПУС ТЕКСТОВ В НАУЧНОМ ИССЛЕДОВАНИИ

THE CORPUS IN SCIENTIFIC RESEARCH

Е.Э. Жевнерович

A.E. Zhevnerovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Zhevnerovich@bsu.by

Компьютерные технологии глубоко проникли в процесс проведения лингвистических исследований. Возникновение корпусов текстов в электронном виде позволяет по-новому подходить к количественным и

кавалитативным исследованиям. Изучение языка, речи в лингвистике и смежных областях знаний принимает новые формы и объемы благодаря возможности автоматизированного отбора материала и применения компьютерных программ по их обработке.

Цель данной статьи – выявить особенности и преимущества использования корпусов текстов как базы данных и инструмента исследования.

Первые исследования, основанные на использовании корпусов текстов, были связаны с количественными подсчетами. Большие репрезентативные объемы информации в сочетании с информационными технологиями давали возможность широко применять статистические методики – подсчитывать частоту встречаемости слов и других языковых единиц, а на основе этого создавать частотные словари, сравнивать частотность употребления в различных контекстах и так далее. Сегодня статистические данные позволяют решать широкий круг задач: к примеру, распознавать и синтезировать речь, разрабатывать механизмы машинного перевода, внедрять в компьютерные программы средства проверки орфографии, выделять в языке фразеологизмы и неологизмы.

Следует отметить, что в настоящее время корпус используется в различных научных направлениях и прикладных сферах деятельности. Возможности применения корпусов отображены в таблице 1¹.

Таблица 1 – Применение корпуса текстов на современном этапе

Сфера применения корпуса	Для чего применяется корпус	Преимущества использования корпуса
Лексикография	Создание словарей	Уменьшает время создания и переработки словаря, не позволяет устареть информации, легко отслеживать новые словарные значения и неологизмы
Семантика, фразеология	Наблюдение за лексическими единицами в окружении, выявление семантических категорий	Использование большого объема информации, конкордансов

¹ Данные таблицы получены на основании анализа источников [1, 2, 3].

Системы автоматической обработки текста	Тестирование системы	Корпус – готовые размеченные тексты в электронном виде
Формальная грамматика	Проверка истинности и компетентности теории	Корпус – большой объем реальных данных
Компьютерная лингвистика	Создание компьютерных программ на основе анализа лингвистических моделей (для применения в лингвистике)	Корпус – готовые размеченные тексты в электронном виде
Системы распознавания и синтеза речи	Источник материала для исследований	Корпус – большой объем реальный данных (используются образцы устной речи)
Культурология	Сравнение языковых употреблений в разных культурах и странах	Корпус – большой объем реальных данных; возможность сопоставить разные корпуса (например, корпус британского vs американского английского)
Дискурс и прагматика	Выявление языковых тенденций субкультур, вариативность плана содержания языковых единиц	Корпус – большой объем реальный данных; возможность сопоставить разные корпуса (например, корпус британского варианта английского языка vs Corpus of London Teenage Language)
Сравнительно-историческое языкознание	Исследования языка в диахроническом аспекте	Возможность обращения к историческим памятникам в электронном виде (исторический подкорпус Национального корпуса русского языка, Хельсинкский корпус, The Lampeter Corpus of Early Modern English Tracts)
Лингводидактика	Использование аутентичных учебных материалов в электронном доступе; демонстрация языка	Уменьшает время подготовки преподавателя, увеличивает эффективность работы при поиске и создании учебных материалов благодаря разметке корпуса

	и обучение работать с ним в естественном окружении	
Диалектология	Изучение динамики языковых процессов в национальном языке	Корпус – большой объем реальных данных; возможность сопоставить разные корпуса (например, Национальный корпус русского языка и Саратовский диалектный корпус)
Психолингвистика	Источник материала для исследований	Корпус – большой объем реальных данных
Социальная психология, социолингвистика	Источник материала для исследований	Корпус – большой объем реальных данных (при условии наличия разметки по социолингвистическим параметрам)
Фонетика, просодия	Источник материала для исследований	Корпус – большой объем реальных данных (исследуются образцы устной речи)
Стилистика, автороведческая экспертиза	Источник материала для исследований	Возможность сравнить тексты по различным параметрам (время создания, жанровая принадлежность, авторы, страна происхождения и др.)

Анализируя данные таблицы 1, можно сделать вывод, что к корпусам текстов обращаются не только лингвисты, но и представители других областей знаний. Появление и развитие функционирования корпуса как базы данных и инструмента исследования облегчает задачи многих исследователей, позволяет сэкономить время и усилия и перенаправить их в русло научных и практических разработок.

В ходе данного исследования было проведено сравнение двух корпусов текстов для двух языков (русского и английского): Национального корпуса русского языка и Британского национального корпуса.

Работа с первым корпусом (НКРЯ) не требует регистрации. Ресурс является бесплатным и доступным любому онлайн-пользователю сети Интернет. Создатели корпуса сообщают, что «все результаты интеллектуальной деятельности, используемые в НКРЯ и размещаемые в сети Интернет по адресу <http://www.ruscorpora.ru/>, доступны исключительно для некоммерческого использования в научно-

исследовательских и учебных целях. Они не предназначены ни для чтения/просмотра, ни для копирования, ни для иных видов использования: их можно использовать в режиме поиска как источники примеров (цитат), иллюстрирующих то или иное языковое явление. При цитировании примеров, полученных с помощью НКРЯ, необходимо ссылаться на НКРЯ как источник примеров, а также указывать имена всех авторов и название произведения, из которого заимствован пример. Для получения оффлайновой версии основного корпуса со снятой морфологической омонимией (объемом около 1 млн словоупотреблений) необходимо подписать лицензионное соглашение» [4].

Помимо основного корпуса НКРЯ включает следующие подкорпуса: синтаксический, газетный, параллельный, обучающий, диалектный, поэтический, устный, акцентологический, мультимедийный, мультипарк, исторический.

Главная страница ресурса содержит общую информацию о НКРЯ и текущие новости. Для выполнения запроса следует перейти на страницу «Поиск в корпусе».

При возникновении сложностей можно воспользоваться чрезвычайно подробной инструкцией для пользователя, доступной в виде Интернет-страницы или в формате PDF.

Поиск в основном корпусе может осуществляться с учетом следующих видов разметки:

1) грамматическая; маркируется часть речи, падеж, число, наклонение, вид и другие категории (всего 13), включая особые случаи (например, категории «топоним», «инициалы» и т.д.);

2) семантическая; внутри каждого грамматического класса значимых частей речи маркируются разнообразные семантические признаки, в том числе таксономия, способы словообразования, разряды местоимений и т.д.;

3) словообразовательная; позволяет производить поиск по морфемам;

4) дополнительная; сюда входит разметка для текстов с неснятой омонимией, а также возможность прописать тип оборота и последующие/предыдущие символы/слова (для поиска словосочетаний и отрывков текста). Возможно осуществлять поиск по первому и иным словарным значениям.

Для выполнения лингвистического исследования необходимо прописать, какие именно материалы для поиска будут использоваться. Для этого нам следует воспользоваться опцией «Задать подкорпус».

Данная функция предлагает пять основных критериев ограничения поиска:

1) омонимия; предлагает разграничение на тексты со снятой и неснятой грамматической омонимией;

2) основные параметры текста; поиск по названию и автору текста (включая пол и год рождения);

3) версии; ограничения по дате добавления и изменения документа в составе корпуса;

4) жанр и тип текста; разделение на художественные (дальнейшее разграничение по жанру и типу текста, а также по месту и времени описываемых событий) и нехудожественные тексты (дальнейшее разграничение по сфере функционирования, типу и тематике текста);

5) орфография; возможно отделить тексты со старой орфографией от текстов с новой орфографией.

Работа со вторым корпусом (БНК) требует регистрации. Ресурс является бесплатным, однако уровень доступа зависит от реального статуса пользователя. При регистрации его относят к одной из категорий: «школьник/обычный пользователь», «преподаватель-лингвист/школьный учитель», «профессор-лингвист». Выбор уровня требуется подтвердить адресом веб-сайта учреждения. Возможно также приобрести платную подписку на корпус; в таком случае пользователю предоставляется неограниченный доступ к ресурсу и снимается рекламная рассылка.

Главная страница БНК содержит следующие гиперссылки: «введение» (общая информация о БНК), «перечень текстов и регистров», «переход в другой корпус» (позволяет обращаться к другим англоязычным корпусам и ресурсам, разработанным авторами БНК). Далее следуют гиперссылки «поиск» (ключевая опция корпуса), «виртуальный корпус» (создание пользовательского корпуса), «контекст» (отображает весь список найденных значений в кратком контексте), «тексты» (перечень текстов корпуса содержит 7 разделов, разделенных на тематические подразделы).

Раздел «поиск» включает поиск по отдельным словам, формам одного слова, частям слова, словосочетаниям, синонимам, собирательным понятиям, словам-вхождениям в словосочетаниях, грамматическим конструкциям путем грамматического поиска, словарному окружению. Возможно также проводить сравнительный поиск употребления двух слов и поиск контекста в конкордансах. Дополнительные параметры поиска: поиск по всему корпусу с одновременной маркировкой употреблений по разделам текстов, поиск ключевых слов с маркированной частью речи.

Результаты возможно отображать в порядке частотности употребления, по актуальности либо в алфавитном порядке. Результаты позволяют просмотреть количество совпадений по данным корпуса и по конкордансам. Можно сгруппировать результаты по словам, по леммам, по частям речи (при этом одно и то же слово при условии функционирования в качестве разных частей речи будет содержаться в разных списках). По итогам результатов можно составить свой список слов, после чего использовать его для дальнейших поисков.

Задать подкорпус можно по следующим критериям:

- 1) название источника (тип);
- 2) ключевые слова (тематика);
- 3) жанр и тип текста;
- 4) отдельные тексты;
- 5) слова в тексте.

Сопоставляя рассмотренные нами корпуса, можно отметить следующее:

1) оба корпуса созданы с учетом особенностей русского и английского языков соответственно. В них предусмотрены все варианты значений, форм и вариативности слов и словосочетаний;

2) интерфейс НКРЯ чрезвычайно прост для восприятия, сразу отображает все ключевые моменты поиска. Кроме того, доступная инструкция помогает в работе тем, кто плохо знаком с компьютерными программами. Интерфейс БНК на первый взгляд более минималистичен и примитивен, однако при дальнейшем рассмотрении оказывается так же доступен и прост, как и НКРЯ. При совершении любых действий окно справа предлагает описание, подсказки и примеры запросов;

3) группировка текстов в корпусах (по тематике, времени создания и другим критериям) не одинакова. То есть при сопоставлении единиц двух языков сложность представляет невозможность прописать выбор исследуемого материала таким образом, чтобы он полностью совпадал для обоих языков;

4) оба корпуса обладают широчайшим инструментарием критериев отбора материала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров, В.П. Корпусная лингвистика: учебник для студентов гуманитарных вузов / С.Ю. Богданова, В.П. Захаров. – Иркутск : ИГЛУ, 2011. – 161 с.
2. McEnery, T. Corpus Linguistics / T. McEnery, A. Wilson. – Edinburgh: Edinburgh University Press, 2001. – 361 p.
3. Ушакова, Н. В. Применение корпусов текстов в обучении иностранному языку /Н.В. Ушакова, Е.П. Курчева // Актуальные проблемы современного образования: материалы VII Международной научно-методической

конференции, Воронеж, 20 апреля 2015 г. / под общей редакцией Селютина В.И. – Воронеж: ВИЭСУ, 2015. – С.111–114.

4. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 22.12.2017.

5. British National Corpus [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://corpus.byu.edu/bnc/>. – Дата доступа: 22.12.2017.

ИЗУЧЕНИЕ КОНТЕКСТНОЙ СЕМАТИКИ СЛОВА КАК СПОСОБ И СРЕДСТВО ПОЗНАНИЯ ЕГО ЗНАЧЕНИЯ

STUDY OF WORD CONTEXTUAL SEMANTICS AS A METHOD AND MEANS OF UNDERSTANDING ITS VALUE

Н.К. Zubovskaya, Н.М. Smirnova, И.И. Kovgan

N.K. Zubovskaya, N.M. Smirnova, I.I. Kovgan

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Zubovskaja@bsu.by

В наше время усилия исследователей языка концентрируются на изучении его содержания. План содержания стал объектом изучения не только в лингвистике, но и в философии, психологии, логике и в других науках. Основной причиной этого явилось, по-видимому, признание того факта, что языковые сообщения представляют собой прежде всего обмен информацией, смыслом [1, с. 28-29].

План содержания представляет собой чрезвычайно широкое поле исследования в силу того, что он отражает в себе не только окружающую действительность, но и наши знания, мысли, чувства, связанные с этой действительностью. Исследование и познание языкового содержания предполагают учет всевозможных фактов функционирования языка, а также применение разнообразных методов его исследования. В лингвистике сложилась устойчивая тенденция исследовать, прежде всего, те значения, которые выражены и закреплены конкретной языковой формой.

Лингвистический подход к проблеме значения слова обуславливает взгляд на него как на употребление, ибо любое значение слова раскрывается только в его употреблении в предложении, в речи, во взаимодействии с другими словами. Вне взаимодействия со значениями других слов значение слова есть застывшая и мертвая абстракция [2, с. 71]. Таким образом, изучение совокупности

употреблений слова, совокупности контекстов, в которых оно употребляется, является убедительным способом и средством познания и определения его семантики.

Необходимость изучения языковых единиц в их отношениях, образуемых при формировании коммуникативных единиц, выдвинуло на повестку дня изучение всех видов окружения этих единиц, что и привело к созданию важнейшего аспекта лингвистики – контекстной семантики [3, с. 4].

Н.Н. Амосова назвала контекстом "сочетание семантически реализуемого слова (т.е. слова, относительно реализации значения которого контекст вычленяется) с указательным минимумом (т.е. элементом речевой цели, несущим требуемое семантическое указание)" [4, с. 36]. Именно в контексте потенциальные элементы значения имеют возможность актуализироваться и получить определенность. Однако в разных языках роль контекста не одинакова и тесно связана с семантической структурой конкретного языка. В тех языках, где преобладают слова общего значения и где полисемия и омонимия особенно распространены, контекст имеет большее значение, чем в языках с иной лексической структурой; например, французское слово характеризуется сравнительно меньшей семантической зависимостью, чем немецкое или русское. Сопоставление ясной, прозрачной структуры слова в немецком языке с неясным, немотивированным значением большинства слов во французском языке подтверждает правильность вышеизложенного общего вывода [5, с. 38].

В том же значении, что и контекст, многие лингвисты употребляют термин "дистрибуция". Часто оба понятия определяются одно через другое: "Все множество контекстов, в которых может встречаться лингвистическая единица, составляет его дистрибуцию" [6, с. 156].

В настоящее время под дистрибуцией понимается совокупность окружений, в которых данная единица встречается в речи, или совокупность совместных встречаемостей данной единицы с одноименными единицами [7, с. 98].

Чаще всего термин дистрибуция используется в двух значениях: 1) совокупность всех линейных окружений конкретной языковой единицы; 2) совокупность всех сочетаний данной языковой единицы. Иногда эти значения не разделяются, и дистрибуция рассматривается как совокупность всех контекстов анализируемой языковой единицы, а в частном случае – как совокупность фактов сочетаемости языковой единицы. Многие лингвисты считают изучение сочетаемости (дистрибуции) слов объективным и убедительным методом определения их значений.

Дистрибутивные свойства слова, понимаемые и как совокупность его сочетаний, и в целом как сумма контекстов его употребления, могут рассматриваться в качестве конкретного проявления семантических свойств слова или, по крайней мере, в качестве одного из возможных показателей лексического значения [8, с. 56].

Учение о сочетаемости лексем отделилось от лексикологии и оформилось в самостоятельный раздел языкознания. Этому способствовал прикладной характер научных сведений о сочетаниях лексем различных структурных и семантических типов, большое значение этих данных для лексикографии и дидактики, для информационного поиска и конструирования вспомогательных языков науки [9, с. 3]. Изучение сочетаемости слов имеет большое теоретическое и практическое значение. Исследуя сочетаемость слов, можно уточнить такие понятия, как синтагма, предложение, управление, омонимия, синонимия, полисемия. Изучение сочетаемости важно также и для теории перевода, при изучении иностранных языков.

Поскольку семантические свойства слова могут обнаруживаться только в его употреблении, а разные употребления слова с лингвистической точки зрения сводятся к его сочетаемости с различными словоформами текста (под словоформой понимается словоупотребление, состоящее из одинаковой последовательности букв), то один из наиболее естественных путей для учета семантических свойств слова заключается в анализе лексической сочетаемости словоформ, которые репрезентируют заданные для исследования слова [10, с. 64]. Представление о значении слова мы получаем, прежде всего, из контекста, дистрибуции слова, причем изучение закономерностей употребления лексической единицы, её дистрибуции, является исходным пунктом семантического анализа лексики. Таким образом, вся совокупность слов, сочетающихся с исследуемым словом, может считаться его семантическим объемом (в обследованном материале) и составляет его дистрибуцию. Среди дистрибуции исследуемых лексических единиц необходимо выделить группы лексических единиц, объединенных по смыслу. Эти группы лексических единиц можно определить как отдельные свойства, семантические признаки исследуемых слов. Более существенные дистрибутивные свойства слова определяются большим количеством слов, объединенных общим смыслом (т.е. слов, которым присущ конкретный семантический признак), и сочетающихся в обследованных текстах с анализируемым словом. Следовательно, если принять во внимание, что характер и специфика внутреннего содержания языковых единиц находят выражение в особенностях употребления, связи с другими единицами,

то станет понятным, насколько важен учет дистрибуции и её закономерностей для описания, конкретизации, разграничения и систематизации плана содержания лексических единиц [11, с. 94].

Исключительно интересный материал для исследования представляют прилагательные, поскольку наряду с существительными этот класс составляет своеобразие семантической организации каждого языка, отличительные особенности его лексико-семантической системы [12, с. 153]. Проникая в лингвистическую среду прилагательных, изучая механизмы номинации в сфере адъективных признаков слов, мы не только определяем лингвистический статус данной категории лексических единиц, но тем самым углубляем наши знания о когнитивной деятельности человека, устанавливая, с одной стороны, по каким параметрам происходит выделение вещи из класса ей подобных, и определяя, с другой стороны, результаты познавательной деятельности человека, зафиксированные в наименованиях тех или иных свойств, признаков, качеств, присущих вещам в реальной действительности [13, с. 3]. В разных языках прилагательным свойственны как проявление общих закономерностей (в частности сочетаемостные возможности), так и частных закономерностей, присущих прилагательным только какого-либо конкретного языка.

Главным свойством прилагательных в семантическом плане является их семантическая несамостоятельность. Применение прилагательных в значительной мере зависит от обозначенных существительными предметов и событий, обладающих соответствующими признаками. Прилагательные легко приспосабливаются к существительным различной семантики, допуская самые разнообразные сдвиги в значении [14, с. 7]. Прилагательные, как и другие знаменательные слова, в естественном языке многозначны и соотносятся с несколькими понятиями. Полисемичные прилагательные представляют собой открытую структуру с нестрогим фиксированным количеством значений. Значения полисемичного прилагательного связаны определёнными отношениями и создают, таким образом, микросистему значений.

Различие значений полисемичного прилагательного опирается преимущественно на различия его лексической сочетаемости с определённым существительным, т.е. контекст является лингвистическим условием определения смысловой структуры многозначного прилагательного.

ЛИТЕРАТУРА

1. Богданов, В.В. Предпосылки формализации предложения / В.В. Богданов // Вопросы общей и прикладной лингвистики. – М., 1975. – С.28-29.

2. Ковальчук, В.Т. Лексическая совместимость слов и проблема их сочетаемости / В.Т. Ковальчук // Актуальные проблемы лексикологии: материалы лингв. конф. – Новосибир. гос. ун-т, 1969. – Вып. 2, ч. 2. – С. 69-72.
3. Колшанский, Г.В. Контекстная семантика / Г.В. Колшанский. – М.: Наука, 1980. – 149 с.
4. Амосова, Н.Н. О синтаксическом контексте / Н.Н. Амосова // Лексикограф. сб. – Вып. 5. – 1962. – С. 36-45.
5. Ульман, С. Дескриптивная семантика и лингвистическая типология В сб.: Новое в лингвистике. Вып. 5. М., 1962. – С. 36-45.
6. Лайонз Дж. Введение в теоретическую лингвистику / Дж. Лайонз. – М.: Прогресс, 1978. – 544 с.
7. Степанов, Ю.С. Основы общего языкознания / Ю.С. Степанов. – М.: Просвещение, 1975. – 271 с.
8. Шмелев, Д.Н. Современный русский язык. Лексика / Д.Н. Шмелев. – М.: Просвещение, 1977. – 335 с.
9. Копыленко, М.М. Сочетаемость лексем в русском языке / М.М. Копыленко. – М.: Просвещение, 1973. – 120 с.
10. Плотников, Б.А. Основы семасиологии / Б.А. Плотников. – М.: Высшая школа, 1984. – 223 с.
11. Новиков, Л.А. Семантика русского языка / Л.А. Новиков. – М.: Высшая школа, 1982. – 272 с.
12. Уфимцева, А.А. Типы словесных знаков / А.А. Уфимцева. – М.: Наука, 1974. – 206 с.
13. Харитончик, З.А. Имена прилагательные в лексико-грамматической системе современного английского языка / З.А. Харитончик. – Минск: Высшая школа, 1986 – 96 с.
14. Вольф, Е.М. Грамматика и семантика прилагательного: на материале иберо-романских языков / Е.М. Вольф. – Минск: Наука, 1978. – 200 с.

СУЧАСНЫЯ СРОДКІ АПРАЦОЎКІ ІНТАНАЦЫЙНЫХ КАНСТРУКЦЫЙ

SOFTWARE APPLICATIONS FOR INTONATION PROCESSING

Я.С. Зяноўка

E.S. Zianouka

Аб'яднаны інстытут праблем інфарматыкі НАН Беларусі,
Мінск, Беларусь

United Institute of Informatics Problems of National Academy of Sciences of Belarus,
Minsk, Belarus

E-mail: evgeniakacan@gmail.com

Тое, як чалавек размаўляе, аказвае істотны ўплыў на ўспрыманне яго слоў суразмоўцамі. Тэмбр голасу, інтанацыя, паўзы падчас вымаўлення, хуткасць надаюць гучанню гаворкі своеасаблівую

афарбоўку, індывідуальнасць і непаўторнасць. Значна прыемней слухаць чалавека з мяккім тэмбрам, павольным голасам і, у дадатак, цікавай тэмай. У такім выпадку ўзнікае вялікая зацікаўленасць у тым матэрыяле, які падаецца. І немалаважную ролю ў гэтым іграе інтанацыя.

Інтанацыя – гэта сродак вуснага маўлення, які выступае ў якасці перадачы сэнсавай, эмацыянальна-экспрэсіўнай і іншай пазамоўнай інфармацыі. Інтанацыя – рытміка-меладычны бок маўлення, які сліужыць у сказе сродкам выказвання сінтаксічных значэнняў і эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі [1, с. 15].

Інтанацыя – гэта сродак фанетычнай арганізацыі маўлення, які з’яўляецца экстралінгвістычнай з’явай. Гэта значыць, што ў залежнасці ад выкарыстанай інтанацыі ў выказванні апісваюцца не функцыянальныя аспекты мовы, а непасрэдна камунікатыўная напраўленасць, якую выказвае індывідуум [2, с. 10].

Інтанацыя як сродак маўлення можа быць прааналізавана праз спецыяльныя камп’ютарныя праграмы, якія адлюстроўваюць яе асноўныя кампаненты (мелодыка, рытм, інтэнсіўнасць, тэмбр, тэмп, фразавы націск).

Сучасны рынак камп’ютарных праграм прапаноўвае вялікую колькасць прыкладанняў па апрацоўцы гукавога сігнала. У дадзеным артыкуле будуць прыведзены некалькі аўдыярэдактараў для вылучэння інтанацыйных асаблівасцей з магчымасцю рэдагавання і атрымання неабходнай інфармацыі па гукавым файле.

Сярод мноства разнастайных праграм неабходна адзначыць шматфункцыянальныя прыкладанні, якія маюць велізарны набор інструментаў, таму ў асноўным маюць платны кантэнт і падыходзяць да прафесіянальных апрацоўшчыкаў. Гэта *Sony SoundForge*, *Adobe Audition*, *Nuendo* і інш. Але больш падрабязна разгледзім праграмы, якія арыентаваны на простага карыстальніка і падпадаюць пад наступныя крытэрыі:

- зразумелы і зручны інтэрфейс;
- бясплатны і адкрыты доступ;
- запіс гука;
- апрацоўка розных фарматаў аўдыя;
- рэдагаванне якасці аўдыя;
- адлюстраванне асноўных параметраў гука (частата, тон, тэмбр і г.д.).

Ніжэй будуць апісаны тры аўдыярэдактары, якія падыходзяць пад усе пералічаныя параметры. Гэта *WavePad Sound Editor*, *Audacity*, *Wavosaur*. На кожным з малюнкаў адлюстроўваецца аўдыяфайл фразы Ф. Янкоўскага “*Беларускае мовзнаўства, беларуская філалогія* –

шырокае роднае поле, на якім яшчэ ёсць неўзараныя дзялянкі і недагледжаныя нівы”.

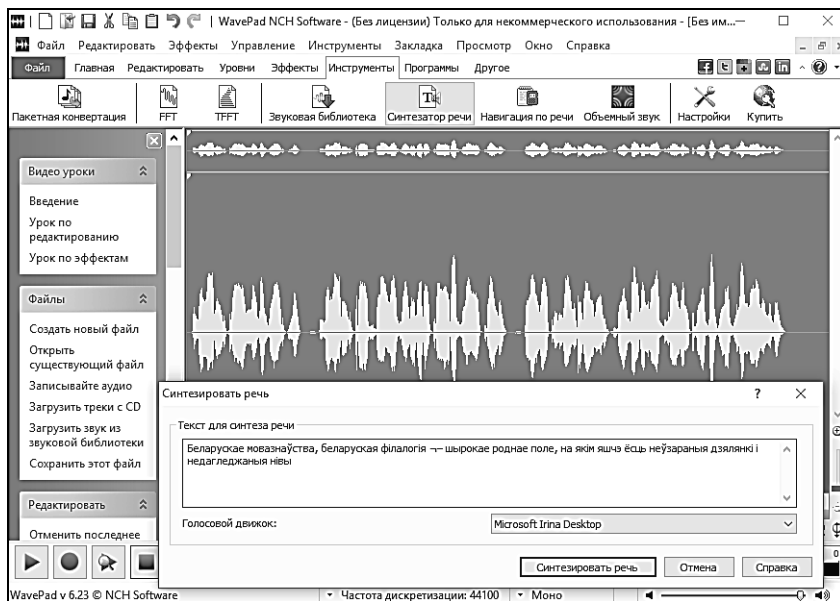
Першы аўдыярэдактар *WavePad Sound Editor* з пункту гледжання аўтара з’яўляецца найбольш зручным і функцыянальным з прыведзеных праграм перш за ўсё інтэрфейсам [4].

Малюнак 1 – Інтэрфейс праграмы *WavePad Sound Editor*

Русіфіцыраванае меню і зручная панэль інструментаў дазваляе хутка знайсці неабходную функцыю. Бакавая панэль як дадатковы памочнік уяўляе сабой яшчэ адну навігацыйную панэль для больш хуткага знаёмства з праграмай і ўключае ў сябе відэаўрокі, функцыі з файламі, задачы для рэдагавання файлаў, інструменты і інш. (малюнак 1).

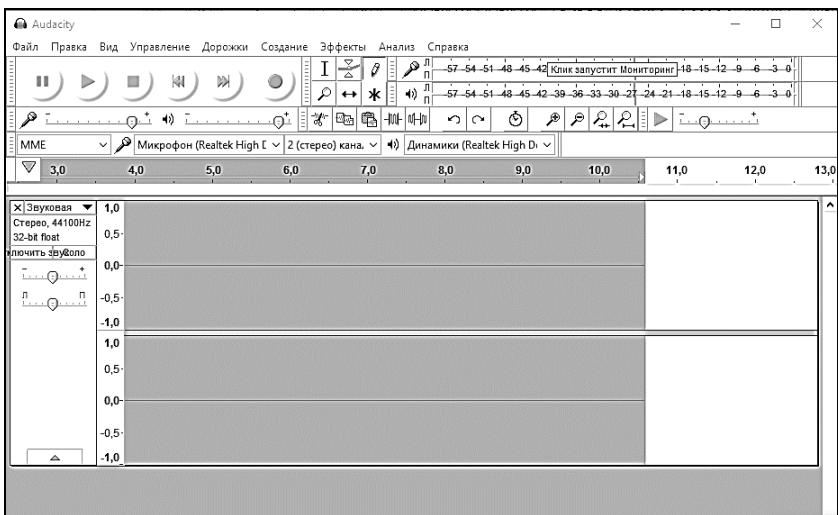
Асноўным плюсам дадзенай праграмы з’яўляюцца такія функцыі, як шумапрыглушэнне, змена хуткасці гучання, праца з узроўнем цішыні, спектральны аналіз (FFT), эквалайзер, рэгуляванне гучнасці, частотны аналіз, магчымасць выразання і выдалення фрагментаў трэка (праграма адлюстроўвае дыяграму гукавой дарожкі, што дазваляе рэдагаваць у рэжыме рэальнага часу) (малюнак 2). У праграму ўбудаваны сінтэз маўлення з падтрыманнем двух галасоў (жаночы і мужчынскі), што таксама павышае рэйтынг рэдактара сярод астатніх прыкладанняў.

Малюнак 2 – Сінтэз маўлення ў WavePad Sound Editor

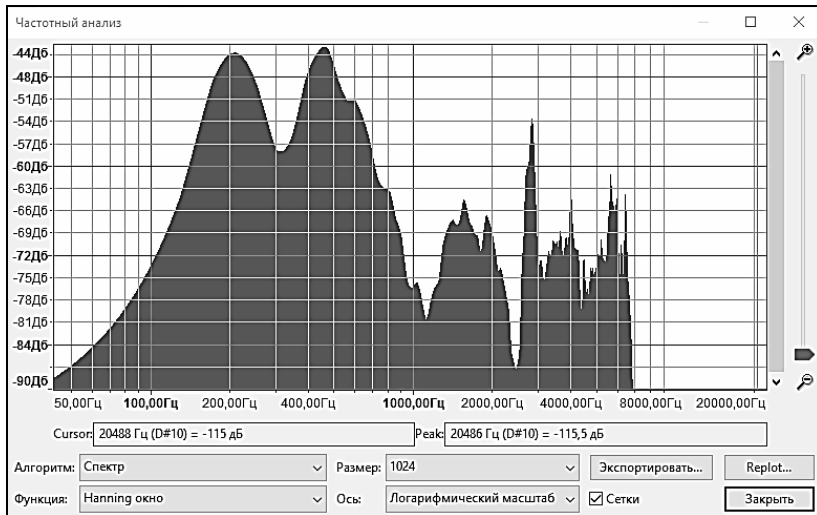
Наступны рэдактар *Audacity* патрабуе час для азнаямлення з інтэрфейсам, які, нягледзячы на ​​непрывабны від, даволі прасты і адлюстроўвае асноўныя функцыі. Шырокі спектр магчымасцей працы з аўдыя робіць праграму канкурэнтназдольным аўдыярэдактарам з платным кантэнтам (малюнак 3) [3].

Зручная бакавая панэль выдае інфармацыю пра гукавы файл, мае індыкатары ўзроўню запісу і прайгравання. Падтрымлівае фарматы WAV, AIFF, AU, Ogg Vorbis, MP2 і MP3, імпорт і экспарт файлаў WAV, AIFF, AU, і Ogg Vorbis, raw-файлы (без загаловаў), MP3 (з LAME кодэкам). Праграма ажыццяўляе запіс гукавых дарожак з мікрафонавага або лінейнага ўваходу, карэкцыю шумоў, мікшыраванне двух і больш аўдыяфайлаў, змены тэмпу з захаваннем вышыні тону, танальнасці і інш.

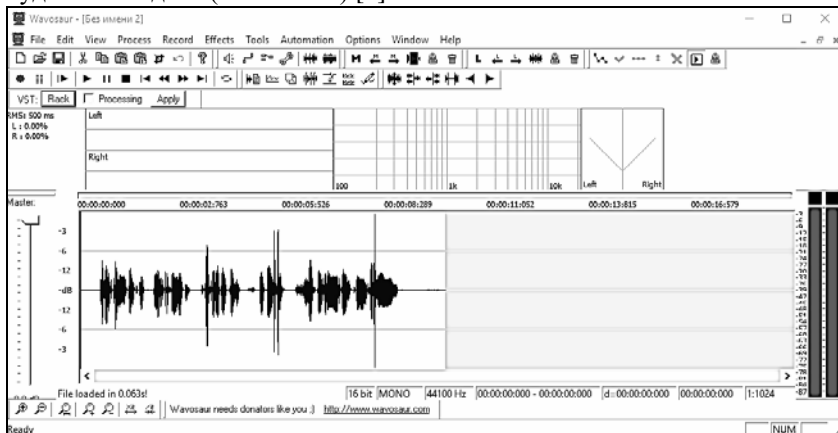
Малюнок 3 – Інтерфейс аудіоредактора Audacity

Таксама прикладанне дае магчымасць правядзення спектральнага аналізу з пераўтварэннямі. У прыкладанні ўбудавана уласная бібліятэка `libsndfile`, з дапамогай якой усе гатовыя файлы захоўваюцца ў розных фарматах. Галоўны плюс *Audacity* – гэта вялікі набор эфектаў і пашырэнняў, шырока запатрабаваных пры апрацоўцы аўдыясігнала. Набор гарачых кlawіш дазваляе хутка і якасна працаваць з аўдыяфайлам (малюнак 4).

Малюнак 4 – Частотны анализ аўдыя ў Audacity

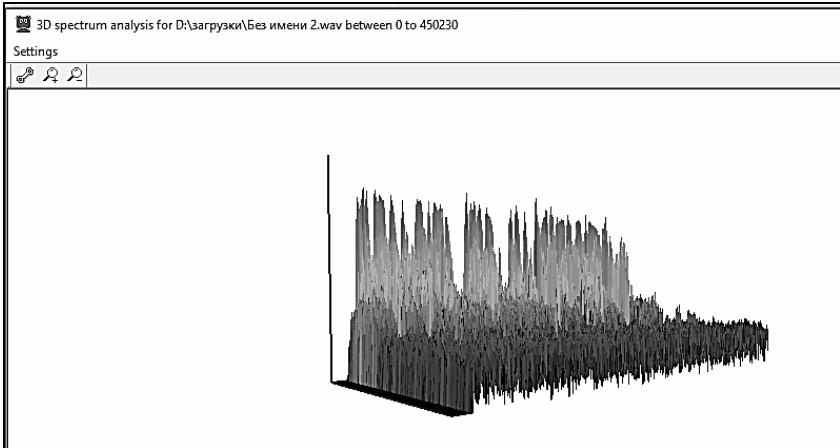
У адрозненне ад вышэйапісаных аўдыярэдактараў, *Wavosaur* – гэта параўнальна невялікае, кампактнае і функцыянальнае прыкладанне. Галоўны недахоп праграмы – англамоўны інтэрфейс. Аднак для карыстальнікаў, якія ведаюць англійскую мову, разабрацца ў праграме будзе нескладана (малюнак 5) [5].

Малюнак 5 – Інтэрфейс праграмы Wavosaur

Праграма працуе з фарматамі AIFF, WAV, RAW, MIDI, OGGVORBIS, MP3. *Wavosaur* падтрымлівае наступныя функцыі: хуткае

канвертаванне, разгорнутыя статыстычныя даныя па гукавых хвалях, імпорт/экспарт файлаў фармату MP3, магчымасць запісваць і захоўваць шаблоны налад, а таксама опцыя прагляду некалькіх VST адразу, спектральны аналіз 2D і 3D, пакетны рэжым для праслухоўвання, праца з кантролерам MIDI, санаграммы і асцылаграмы ў рэжыме рэальнага часу (малюнак 6).

Малюнак 6 – 3D спектральны аналіз *Wavosaur*

Паколькі *Wavosaur* з'яўляецца рэдактарам, яго асноўныя функцыі звязаныя з выразаннем, капіраваннем і перамяшчэннем гукавых адрэзкаў розных фарматаў. Акрамя гэтага, праграма мае вялікі набор класічных аўдыяпрыёмаў, такіх як *silence effect* (даданне эфекту цішыні), згасанне аўдыясігнала або ўсёй дарожкі, змена рэжыму з *stereo* у *mono* і наадварот (пры ўмове, што файл першапачаткова быў запісаны на стэрэаапаратуры).

У дадзеным артыкуле апісаны тры бясплатныя, простыя і зразумелыя ў карыстанні аўдыярэдактары, якія даюць магчымасць запісаць і адрэдагаваць любы аўдыязапіс і атрымаць яго неабходны аналіз (частотны, спектральны аналізы і інш.). Але неабходна адзначыць, што гэта найбольш зручныя і шматфункцыянальныя прыкладанні з пункту гледжання аўтара. Таму кожны карыстальнік можа прапанаваць іншыя праграмы для вырашэння падобных задач.

ЛІТАРАТУРА

1. Выгонная, Л.Ц. Інтанацыя. Націск. Арфаэпія /Л.Ц. Выгонная. – Мн.: Навука і тэхніка, 1991. – 215 с.

2. Николаева, Т.М. Фразовая интонация славянских языков / Т.М. Николаева; В.Н. Топоров. – Москва: Наука, 1977. – 278 с.
3. Audacity // Audacity [Electronic resource]. – 2018. Mode of access: <https://www.audacityteam.org/>. – Date of access: 11.11.2017.
4. WavePad Audio Editing Software // NCH Software [Electronic resource]. – 2018. Mode of access: <http://www.nch.com.au/wavepad/index.html>. – Date of access: 01.11.2017.
5. Wavosaur free audio editor // Wavosaur Audio Editor with VST support [Electronic resource]. – 2018. Mode of access: <https://www.wavosaur.com/>. – Date of access: 11.11.2017.

**ЯЗЫКОВЫЕ ПРЕФЕРЕНЦИИ ГЕНДЕРОВ В СИТУАЦИИ
КОНФЛИКТА (НА УРОВНЕ ЭМОЦИОНАЛЬНО-
ЭКСПРЕССИВНЫХ СРЕДСТВ)**

**LANGUAGE PREFERENCES OF GENDERS IN THE SITUATION
OF CONFLICT (ON THE LEVEL OF EMOTIONAL-EXPRESSIVE
MEANS)**

Т.М. Канторович

T. Kantorovich

Гродненский государственный университет им. Янки Купалы

Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno,

Grodno, Belarus

E-mail: tanjushka.79@mail.ru

В свете использования антропоцентричного подхода при рассмотрении языковых процессов особое место в лингвистических исследованиях занимает гендерный аспект, в центре внимания которого находятся культурные, психологические и социальные факторы, определяющие отношение общества к мужчинам и женщинам, поведение индивидов в связи с принадлежностью к тому или иному полу, стереотипные представления о мужских и женских качествах – все, что переносит проблематику пола из области биологии в сферу социальной жизни и культуры.

Пытаясь объяснить особенности речевого и социального поведения гендеров, исследователи останавливаются на различных гендерных стереотипах, представляющих собой стандартные, часто сильно упрощенные схемы, которые закрепляются в обществе исторически.

Философская традиция, отцом которой является Аристотель, открыто говорит, что природа человека и природа женщины – не одно и то же, что женщина не может быть признана человеком в полном

смысле этого слова. Главное назначение женщины – вынашивание, рождение, вскармливание и воспитание детей. Женщина, являясь как бы получеловеком, должна взять на себя всю деятельность по обслуживанию мужчины [1]. Эта философская традиция проходит красной нитью через века и находит своё отражение в трудах З. Фрейда, И. Канта, Ж.-Ж. Руссо.

Феминистская лингвистика, которая сформировалась на Западе в конце 60-х-начале 70-х годов прошлого века, призвана “освободить язык от гендерного неравенства и уравнять внутреннюю структуру и внешние функции языка”. [4, с. 11]

Одно из направлений феминистской лингвистики – “диалогическое” – исследует гендерные различия в коммуникативном поведении. Многие исследователи считают, что речь мужчин и женщин отличается по многим параметрам. Первым исследователем, изучавшим речь гендеров в рамках социолингвистики, была Р. Лакофф. Она считала, что женщины употребляют больше вежливых форм, прилагательных, разделительных вопросов, вопросительную интонацию в утвердительном высказывании для выражения неуверенности. Речь женщин отличается сверхправильной грамматикой и идеальным произношением. [5, с. 232]

Однако, многие исследователи считают данную схему отнесения человека к тому или иному роду на основе наличия в его речи выделенных характеристик, упрощенной. Как считает П. Браун, вербальное поведение гендеров всегда обусловлено их социальным положением в обществе.

В ходе изучения специфики речевого поведения гендеров в ситуации конфликта нами отмечен факт присутствия гендерных предпочтений на уровне эмоционально-экспрессивных средств.

С точки зрения психологии, конфликт – столкновение противоположно направленных, несовместимых друг с другом тенденций, отдельно взятого эпизода в сознании, в межличностных взаимодействиях или межличностных отношениях индивидов или групп людей [2, с. 183].

Таким образом, все рассмотренные нами конфликты, отобранные из художественных произведений американских авторов конца XX века, представляют собой некий интерактивный эпизод, в котором участвуют противоположные гендеры, а в основе конфликтной ситуации лежит столкновение противоположно направленных интересов, мнений, целей, различных представлений о способе их достижения [3, с. 89].

Наиболее наглядным уровнем гендерных предпочтений является уровень эмоционально-экспрессивных средств: лексических,

фонетических (отмеченных графически) и синтаксических, то есть тех структурно-языковых средств, которые передают разнообразные эмоциональные состояния гендеров в конфликте и которыми изобилует их речь.

Наш анализ показал, что наиболее ярко особенности эмоционального состояния конфликтантов проявляются на *лексическом* уровне, на этапе выбора слов. Отражением этого в речи обоих тендеров является частое употребление *бранных слов и выражений, разговорных формул и эпитетов с негативной коннотацией*. Так, мы выявили высокую частотность употребления бранных слов и выражений.

(1) *“That’s all you thought about, that’s all you cared about: covering your ass!”*

(2) *“I was the only one who ever gave you support and encouragement and this is all you can do in return – go running after some asshole Englishman... Go to hell!”*

(3) *“Don’t fuck me - go home and fuck yourself.”*

Использование эпитетов, содержащих ярко выраженную коннотацию и нередко в сочетании с бранными словами и выражениями, также является одним из средств конфликтной речевой характеристики гендеров, причем как женщин, так и мужчин:

(4) *“I give up! You are the stupidest woman I ever met.”*

(5) *“That piece of paper isn’t worth a damned thing,” she snorted. “My deed of trust was written years ago, long before that worthless, phony thing you’ve got there was made out.”*

Также особый интерес представляет употребление разговорных выражений. Речь мужчин содержит больше таких выражений.

(6) *“At least we Jews pitch in and pull together and help each other out when the chips are down!”*

(7) *“You don’t even have the guts to stay with him.”*

Графическая репрезентация речи является интересным приемом отражения речевого поведения гендеров в конфликте, которая также способна выявлять эмоционально и психологически обусловленные характеристики конфликтантов, создавать образ живой интонации, передавать фонетические потери. Данное эмоционально-экспрессивное средство чаще встречается в речи женщин, что характеризует ее как глубоко живую и эмоциональную.

(8) *“If I spent all my time being sensual and erotic, I’d be too tired to write about it,” I pleaded.*

(9) *“I did come over here to be disagreeable.”*

“Then why did you come, Nicole?”

(10) “How you might feel! I haven't been running off and cheating on you...

Do you think I'm stupid? I even found a letter from her, you know.”

Анализ примеров выявил также и ряд *синтаксических средств* как средств, служащих для выражения нагнетания напряженности в конфликте и выражения эмоционального состояния гендеров. В ходе анализа мы выявили большое количество *синтаксических повторов*, которые передают самые разнообразные эмоции:

(11) “*Look, Mimi. It was a mistake; I admit that. I've told her that. I've told her I'm not going to marry her. I've told her I never want to see her again. I've told her I love my wife. I don't want a divorce – unless you want one, Mimi, now that you know about this.*”

(12) “*There are women who have forgotten that to be a woman doesn't simply mean humiliation, doesn't simply mean bitterness.*”

(13) “*How about the distinguishing way he treats me?*”

“*You bug him and bug him and bug him.*”

Приведенные выше повторы указывают на напряженное состояние партнеров, на их желание подчеркнуть важность сообщаемого.

В рамках исследования выявлено употребление в конфликтной речи обоих гендеров неполных конструкций, широко представленных вопросительными предложениями, где хорошо заметна аграмматичность построения вопроса.

(14) “*How? Your boys gone you don't know where. One girl dead, the other won't leave the yard.*”

(15) “*What you want in here? What you want?*” – *He should have been able to hear her breathing.*

Одной из ярких особенностей речевого поведения в ситуации конфликта является прерывистость речи, которая возникает за счет того, что в эмоциональных конфликтных условиях говорящий пытается быстрее найти выход из трудной ситуации.

(16) “*She had succeeded in making him angry. He began to stammer. “If you think - if you think - that I'm going to stand - stand - stand here - and argue with you about my private life - my private life! - if you think I'm going to argue with you about it, why you're out of your mind.*”

(17) “*Maybe if we were able to make a baby... maybe that would help. What do you think? Shall we try again tonight? Without your... you know-what.*”

Прерывистая, взволнованная речь изобилует и *синтаксически незавершенными фразами*. Недоговаривая фразу, умышленно или преднамеренно, говорящий опускает второстепенные, неважные детали, обрывая фразу после передачи основной информации. Иногда фраза не

договаривается, потому что ее конец ясен адресату, либо у говорящего не хватает сил закончить фразу. Большая часть исследованных примеров содержит как логически, так и грамматически незавершенные фразы.

(18) *He gave her a black look. "We were right there in the next room watching you practically fuck on the dance floor. Then you took off..."*

В эмоциональной речи часто встречаются *присоединительные конструкции*, поясняющие и развивающие ранее высказанную мысль. Большей частью они встречаются в речи женщин.

(19) *"I had the right to expect to hear from you – women are always waiting for the men to speak."*

Весьма распространена и такая синтаксическая конструкция как *перебивание*. В результате анализа примеров мы пришли к выводу, что в ситуации конфликта женщины гораздо чаще используют этот прием, пытаясь взять инициативу в свои руки и высказать свое мнение, либо когда им не совсем приятно то, о чем говорит мужчина.

(20) *"I thought you loved me, but I'll never forget what you did to me."*

"But..."

"No, listen to me."

(21) *"I got involved with a woman. She's a secretary in the office of one of our clients. Her name is – "*

"Please," she said quickly, "I don't want to know her name."

Также наблюдается употребление гендерами *императивных форм* глагола в ситуации конфликта. И мужчины, и женщины в одинаковой мере употребляют данную форму глагола, как для проявления своего доминирования в конфликте, так и для того, чтобы смягчить или успокоить оппонента, а также как запрос о поддержке и понимании.

(22) *"Help me, help me, Dick! You can help me."*

(23) *He stood up and spoke more authoritatively. "Suppose we don't have any nonsense, Nicole. Go and round up the children and we'll start."*

(24) *I was crying a pleading. "Brian, please, stop," - I sobbed.*

Таким образом, общее количество эмоционально-экспрессивных средств языка, характеризующих речевое поведение гендеров в ситуации конфликта, составляет 594 единицы (100%). Наше исследование показывает, что речь мужчин и женщин в ситуации конфликта в почти одинаковой степени эмоционально окрашена (48% и 52% от общего числа выделенных единиц соответственно). Речь мужчин характеризуется употреблением большого количества 1) (бранных слов и выражений (7,8% (в речи женщин – 6%)), разговорных выражений (11% (в речи женщин – 5,4%)); 2) неполных конструкций предложений с прерывистостью речевой цепи (0,8%

(в речи женщин – 0,1%). Таким образом, данные результаты подтверждают исторически сложившееся мнение о некорректном речевом поведении мужчин и о выборе ими стратегии доминирования. Большая корректность женщин в использовании лексических средств языка в ситуации конфликта наряду с использованием повторов (10% (в речи мужчин – 7%), присоединительных конструкций (4% (в речи мужчин – 2%), выделения важных слов свидетельствует о выборе стратегий избежания конфликта и кооперации отношений.

В речи и мужчин, и женщин примерно в одинаковом количестве встречаются синтаксически незавершённые конструкции (2% и 1,7% соответственно), перебивание (1% и 2% соответственно), императивные формы глагола (7% и 8% соответственно), что говорит о сходстве стратегий речевого поведения гендеров в ситуации конфликта. Таким образом, особенности речевого поведения гендеров зависят не столько от пола, сколько от социальных статусов и сфер деятельности коммуникантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Аристотель Политика / Аристотель // Сочинения : в 4 т.– М. : Мысль, 1983. – Т. 4 / Ред. А. И. Доватур и Ф. Х. Кессиди. – 1983. – 830 с.
2. Психологический словарь / Под общ. ред. А.В. Петровского, М.Г. Ярошевского. – 2-е изд., испр. и доп. – М., 1990. – 494 с.
3. Социальная психология и этика делового общения : Учеб. пособие / В.Н. Лавриненко [и др.] ; под ред. В.Н. Лавриненко. – М. : Юнити, 1995. – 159 с.
4. Penfield, J. Women's Liberation: The Socio-Historical Context / J. Penfield // Women and Language in Transition / Ed. by J. Penfield. – Albany: State Univ. of New York Press, 1987. – P.11–21.
5. Sociolinguistics and Language Teaching / Lee McKay, S. [et al.] ; ed. By Lee McKay S. and Hornberger H.N. – Cambridge Univ. Press, 1996. – 484 p.

КОНТРАСТИВНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ В КОНТЕКСТЕ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО ЯЗЫКОЗНАНИЯ

CONTRASTIVE RESEARCH IN THE CONTEXT OF COMPARATIVE LINGUISTICS

С.Г. Климченко

S.G. Klimchenko

Белорусский государственный педагогический университет им. Максима Танка
Минск, Беларусь

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

E-mail: itutor30@gmail.com

Контрастивная лингвистика, являясь частью сопоставительного языкознания, выделилась в отдельную отрасль в последней четверти XX века, выдвинув свои собственные задачи и методы исследования языков. Контрастивная лингвистика характеризуется, прежде всего, тем, что имеет более узкую направленность исследований с высокой степенью детализации, фокусируясь по большей части на различиях, а не на сходствах между языками, и главным образом рассматривая различия всего в двух языках. Более того, для осуществления сравнения конкретной языковой пары не имеет значения, являются ли данные языки родственными либо нет. Также, контрастивная лингвистика отличается от других типологических направлений тем, что оперирует достаточно большим диапазоном языковой структуры.

Термин «контрастивная лингвистика» был сформулирован Бенджамином Ли Уорфом в статье “Languages and Logic”, опубликованной в 1941 году. Он провел разграничительную черту между сопоставительной и контрастивной лингвистикой, утверждая, что контрастивная лингвистика будет играть очень важную роль в лингвистических исследованиях, и определяя ее как научную дисциплину, которая «очерчивает важнейшие различия между языками в области грамматики, логики и общего анализа накопленного языкового опыта» [4, с. 240].

Для осуществления межъязыковых/внутриязыковых и межкультурных/внутрикультурных сопоставлений в контрастивной лингвистике большинством исследователей используется термин «контрастивный анализ», хотя в лингвистической литературе можно встретить и другие формулировки данного явления. Например, «параллельное описание языков», «дифференциальное изучение

языков», «дифференциальное описание языков», «аналитическое сравнение языков», «межъязыковое сравнение языков», «описательное сравнение языков» и т. д.

Целью контрастивного анализа является сравнение языковых и социокультурных данных, находящихся в распоряжении ряда языков, либо отдельных языков с тем, чтобы установить модели, категории и особенности, отражающие специфику определенного языка, типологические и/или универсальные модели, категории и особенности, характерные для ряда языков. Неотъемлемую часть контрастивного исследования занимает анализ межъязыковых соответствий, которые обеспечивают лучшее понимание структурной и функциональной дивергенции.

Ранние контрастивные исследования концентрировались только на фонологии, грамматике и лексике, поэтому назывались *микрولينгвистическим контрастивным анализом* [1, с. 61]. Вот примеры вопросов, на которые необходимо было ответить в ходе такого анализа:

– Какие согласные фонемы в языке X соответствуют согласным фонемам в языке Y?

– Как они различаются по составу, реализации и дистрибуции?

– Какова система грамматических времен в языках X и Y?

Контрастивный анализ обычно включает в себя четыре этапа:

описание (структуры языков, отобранные для сопоставления, всесторонне описываются и анализируются согласно выбранной для этой цели лингвистической модели);

подбор материала для сопоставления (принимается решение о том, какие аспекты двух языков будут подвергнуты сопоставлению, так как невозможно сравнить все и сразу в одном исследовании);

сопоставление (происходит сам процесс контрастивного анализа, при котором происходит идентификация различий и сходств в сравниваемых языковых системах);

прогнозирование (даются пояснения, в каких областях изучаемого языка могут возникнуть проблемы).

Многие лингвисты-исследователи имеют свою точку зрения относительно того, как должен осуществляться контрастивный анализ. Так, например, лингвист К. Джеймс считает, что процесс контрастивного анализа состоит из двух стадий – «стадии описания, где каждый из рассматриваемых языков описывается отдельно на определенном уровне, и стадии сравнения, где осуществляется сопоставление рассматриваемых языков» [1, с. 233].

В 1998 году Э. Честерман предложил свою методику проведения контрастивного анализа, утверждая, что наиболее объективную информацию можно получить путем непрерывного процесса работы над проблемой. В своей работе «Contrastive Functional Analysis» он пишет, что контрастивный анализ включает в себя два основных процесса – описание и сравнение, которые реализуются в четырех основных этапах: 1) сбор данных; 2) описание языков; 3) пополнение данных по мере необходимости; 4) изложение выявленных различий между языками [2, с. 52]. Описание исследуемых структур рассматриваемых языков должно основываться на одной и той же модели с тем, чтобы можно было провести объективный анализ. В связи с этим Э. Честерман выдвигает подробную методику сопоставления языков:

1) сбор первичных данных, на базе которых должны быть проверены выдвинутые гипотезы. Исходная информация должна включать в себя все случаи использования языка людьми, говорящими на исследуемых языках;

2) установление критерия сопоставления, основанного на кажущемся сходстве любого рода;

3) установление природы сходства и формулирование предварительной гипотезы;

4) проверка гипотезы: определение условий для ее принятия либо отклонения. Данный процесс обычно включает в себя выбор теоретических основ, первичного и дополнительного материала, привлечение параллельных корпусов текстов, анализ ошибок и поведения людей, говорящих на исследуемых языках;

5) формулирование доработанной гипотезы;

6) апробация доработанной гипотезы [2, с. 68].

Несомненной задачей исследователя-контрастивиста является создание условий, в которых полученные результаты являются обоснованными. В зависимости от критерия сопоставления эти условия могут быть синтаксическими, семантическими, прагматическими, стилистическими, контекстуальными и т. д.

Английский лингвист Джон Хокинс в своей монографии “A Comparative Typology of English and German – Unifying the Contrasts” использовал целостный подход к попарному сравнению языков, пытаясь выявить взаимосвязь между характеристиками определенных грамматических подсистем с тем, чтобы найти общие принципы, объясняющие наличие межъязыковых расхождений. Объектом его исследования стали английский и немецкий языки, которые он рассмотрел «с универсально-типологической точки зрения» в поисках «унифицированных обобщений, лежащих в основе различий

между значимыми подсистемами языков» [3, с. 3-4]. Хотя идея целостного подхода к попарному сравнению языков Дж. Хокинса не была серьезно использована другими лингвистами, его исследования оказали огромное влияние на область контрастивной лингвистики в целом, определив ее как вид языкового сравнения, который самодостаточен сам по себе, не ставящий конкретные цели, связанные с изучением иностранного языка.

Существует два типа контрастивных исследований: теоретические и прикладные. Теоретические контрастивные исследования предоставляют всесторонний и исчерпывающий анализ фонологии, семантики и синтаксиса рассматриваемых языков, обеспечивают подходящие модели для сопоставления, конкретизируют элементы, которые будут подвергнуты сопоставлению, и способ осуществления сопоставления.

Прикладные контрастивные исследования тесно связаны с прикладной лингвистикой. Они зависят от результатов теоретических контрастивных исследований в том, чтобы получить базу для сравнения языков. Они отбирают важнейшую информацию для обучения билингвальному анализу и переводу, диагностируя возможные проблемы при овладении языком-реципиентом.

Одним из ключевых понятий контрастивной лингвистики является *критерий сопоставления*. Прежде чем приступить к сопоставлению языков, лингвист-исследователь должен ответить на вопрос о том, что может быть подвергнуто сравнению в рассматриваемых языках. Традиционно, существует три основных подхода относительно того, как рассматривать проблему сопоставимости. Первоначально критерий сопоставления устанавливался либо на семантическом, либо на грамматическом уровне. Третий способ установления критерия сопоставления предполагает определение отношений эквивалентности, сходства и различий в рассматриваемых языках.

Понятие «эквивалентность» пришло в контрастивную лингвистику из переводоведения, где оно подразумевает переводческую эквивалентность. При установлении уровня эквивалентности сопоставляемых категорий сравниваемых языков оперируют такими понятиями, как «отсутствие эквивалентности», «частичная эквивалентность», «полная эквивалентность».

Говоря об эквивалентности в контрастивной лингвистике, предполагается, что существует некий общий знаменатель, в соответствии с которым может быть проведено сопоставление. Этот знаменатель называется *tertium comparationis*, что в переводе с латинского языка означает «основа для сравнения», и является

необходимым условием для любого последовательного изучения сходств и различий в языках. В классическом контрастивном анализе основа для сравнения может находиться в рамках формального либо семантического подходов к сопоставлению. Так, в первом случае сходство устанавливается посредством формального соответствия, где прослеживается то, как особенности форм текста на исходном языке воспроизводятся на целевом языке. В случае же семантического подхода, суждения по поводу сходства структур во многом зависят от перевода.

Контрастивное описание языков может осуществляться на всех уровнях языковой структуры: фонологическом, морфологическом, лексическом, фразеологическом, синтаксическом, текстологическом через призму структурного, генеративного, функционально-когнитивного подходов.

Для сопоставления таких явлений, как порядок слов в предложении, служебные слова, словообразование, супraseгментные средства организации речи, аллитерация и т. д. лингвисты используют формальный метод анализа в поисках формальных соответствий в рассматриваемых языках. В процессе сопоставления значений слов, словосочетаний и предложений устанавливается семантическая эквивалентность, а при сопоставлении функций текстов, структуры дискурса, стилистических свойств слов – прагматическая (функциональная) эквивалентность.

С увеличением количества лингвистических исследований контрастивные исследования все больше связаны с *макролингвистическим контрастивным анализом*, включающим в себя помимо изучения лингвистического дискурса контрастивную прагматику, в поле зрения которой находятся прагматически ориентированные аспекты речевого поведения. В процессе исследования лингвисты стали искать ответы на следующие вопросы:

- Как связность текста выражена в языках X и Y?
- Как речевые формулы вежливости, извинения и просьбы выражены в языках X и Y?
- Как начинается и заканчивается беседа в языках X и Y?
- Какова прагматика речевого общения в межкультурном аспекте?
- Как реализуется дискурсный дейксис в рассматриваемых языках?

Если говорить о контрастивных исследованиях XXI века, то необходимо отметить тот факт, что большинство исследований, осуществленных в русле контрастивной лингвистики в первое десятилетие нынешнего века, преследовало в основном теоретические, а не прикладные интересы, но, тем не менее, имело дело с парами

языков, которые близки в социокультурном аспекте. Фактически, большая часть статей, опубликованных в тот период, например, в журнале “Languages in Contrast”, выпущенном издательством John Benjamins Publishing Company, было посвящено европейским языкам, главным образом германским и романским. Что касается тем исследований, то подавляющее большинство лингвистов отдали предпочтение изучению дискурса, что может быть объяснено активным привлечением корпусной методологии, применяемой в данных работах.

Так как контрастивная лингвистика работает с парами языков, имеющими социокультурные связи, то она имеет в своем распоряжении достаточное количество материала на двух исследуемых языках (параллельные корпуса текстов, переводы и т. д.). Именно наличие оригинальных текстов и их переводы на другой язык отличает контрастивную лингвистику от других видов сравнительных исследований, особенно типологических.

В настоящее время контрастивная лингвистика, выделив контрастивный анализ в отдельную отрасль, набирает обороты, масштаб и глубина ее исследований только возрастает, разнообразие практических и теоретических подходов впечатляет. Современные лингвистические подходы и новейшие технологии открыли для контрастивной лингвистики новые горизонты и направления для осуществления контрастивного анализа.

Таким образом, можно сказать, что на данный момент в контрастивной лингвистике отражены изменившиеся с течением времени фундаментальные понятия о языке, пересмотрены цели и задачи исследований.

ЛИТЕРАТУРА

1. Джеймс, К. Контрастивный анализ / К. Джеймс // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастивная лингвистика: Переводы / Сост. В.П. Нерознак; Общ. ред. и вступ. ст. В.Г. Гака. – М.: Прогресс, 1989. – 440 с.
2. Chesterman, A. Contrastive Functional Analysis / A. Chesterman. – Amsterdam: Benjamins, 1998. – 230 p.
3. Hawkins, J.A. Comparative Typology of English and German. Unifying the Contrasts / J. Hawkins. – London: Croom Helm. Hawkins, 1986. – 244 p.
4. Whorf, B.L. Language, Thought and Reality / B.L. Whorf. – Cambridge, Mass.: MIT Press, 1967. – 290 p.

**THE PROBLEM OF THE ONOMASIOLOGICAL STRUCTURE
OF A PLACE NAME SYMMETRY IN FORMATION
OF PROPER AND COMMON NOUNS**

**ВОПРОС ОБ ОНОМАСИОЛОГИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ
ТОПОНИМА: СИММЕТРИЯ ОБРАЗОВАНИЯ СОБСТВЕННЫХ
И НАРИЦАТЕЛЬНЫХ ИМЁН**

О.И. Конач

А.І. Корач

Belarusian State University
Minsk, Belarus

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

E-mail: KorachOI@bsu.by

Proper names, including place names, have long been considered as violators of traditions. Being ready to substantiate any part of speech, phrase and sentence, these full-fledged units of the language system have always been studied on special grounds. However, with all the specificity of proprial lexis it has always been studyable by linguistic means. What were the amendments to toponymic identity?

Traditionally, linguists refer to the need to examine proper names of geographical objects on a toponymic level pointing to the stratum of lexis which is actively involved in establishing a system of signs such as benchmarks on the ground (other proper names) and which are important for the study of names. When creating new names of geographical objects a word from common vocabulary, and another proper name (either the name of a person or the name of a nearby object) can serve as a derivational basis: AmE. *Beaver Swamp*, *Aaron Swamp*, *Boeuf River Marsh*, Blr. *Yasien'*, *Torbalava*, *Chervien'skaje Balota*.

On the one hand, this circumstance lets some linguists talk about a broader semantics of onyms compared with appellatives. It is able to accommodate a heterogeneous group of units (a systematic approach). On the other hand, it raises reasons to consider proper names as a subclass of the language system in which all the features of the previous stages of word existence are leveled. The peculiarities lose their identity and the name becomes “a tag” or “a label” (an individual approach). There is a third way to address the problem, which lies in the idea that “the name lives several phases, each with its own semantics” [3, p. 140] which is an anthropogenic approach.

The first approach is characterized by attention to all possible types of motivation, the second takes only the present existence of a sign into account, the third approach is based on the ability of the human mind to find an understandable basis for obscure or misunderstood words. All these approaches make it possible to highlight three main points to the existence of place names: a) elective interest to object features while naming, b) further asemantic being of a toponymic sign in the space of language, and c) the ability of the names of geographical objects to lose connection with their derivative bases and to restore it by using a familiar but not associated (with a) genetically original feature. Thus, the problem of semantics of proper names is generally confined to the problem of motivation which could be potential, not significant at this time, or adapted to a new state of consciousness of people living in this area. The latter perspective is the most promising if a synchronic approach is applied because it can note only the connection of a name with the knowledge that is relevant to man in a particular location at this time.

All geographical names are secondary in origin, i.e. derived units. The secondary status of helonyms suggests that they are formed by transferring names from one class of words to another one: AmE. *a panther* > *Panther Swamp*, *Abe Emerson* > *Abe Emerson Marsh*; Blr. *liebiada* > *Liebiada*, ppl. *Yuchavičy* > *Yuchavicki Moh*. The derivative status of the names of geographical objects let us regard them as two-element signs. All names of objects are motivated and, consequently, derived from a certain source of naming. Transferring from the appellative or proprial part of vocabulary to a helonymic subsystem of hydronymy can be implemented with the help of material components (affixes, geographical appellatives, etc.) as well as through assigning a new function to a naming unit, but a place name is always based on the names of other units. The structure of a name combines a categorical status of an object (basis / initial sign) and a differentiator (new feature) whereby the first undivided basis is given the nature of novelty and fixation of a new particle of knowledge [2, p. 84]. Consequently, the onomasiological structure of helonyms like derivative appellatives consists of the onomasiological basis and the onomasiological attribute.

Despite the fact that place names are often considered meaningless units not bearing any conceptual content, we cannot but mention their ability to generalize within a toponymic line: AmE. *Eagle Hill* > *Eagle Hill River* > *Eagle Hill River Marshes*, Blr. *Slabada* > *Slabadskoe Balota*, etc. In this context, D. I. Rudenko is absolutely right noting that “proper names are the words of natural language, and in this sense they cannot but have at least partially generalized nature” [4, p. 234]. Place names of a certain microsystem in a specific area reflect objects located on it rather describing

them by turning to the surrounding objects and their names then adding meaningless labels. Moreover, this context includes extralinguistic proprial and appellative sources of naming: AmE. *Bear Swamp*, *Bird Swamp*, Blr. *Kulik*, *Vouchae Balota*.

It should, however, be emphasized that this generalization is by no means conceptual as in appellative lexis. Denotative generality is presented in proper names, which is caused by one of the broadest potentially possible range of features characterizing objects. The reasons for this are fully described by N. D. Golev: "A concrete representation is naturally richer in content than a common one, but its content is more diffuse, harder to split up to a certain minimum number of features ... so the selection of a criterion in place names is only relatively due to content. Hence, a great ability of a proper name to be deetimologized" [1, p. 97].

It follows from the previous paragraphs that the onomasiological structure of a place name and a derivative common name, in general, is the same. It differs only in the fact that the latter reflects a concept that is carried by a derivative while the former gives a spatial reference to the objects of the territory in most cases.

REFERENCES

1. Голев, Н.Д. Естественная номинация объектов природы собственными и нарицательными именами / Н.Д. Голев // Вопросы ономастики. – 1974. – № 8-9. – С. 88–97.
2. Кубрякова, Е.С. Части речи в ономаσιологическом освещении / Е.С. Кубрякова. – М.: Наука, 1978. – 116 с.
3. Молчанова, О.Т. К семантике имени собственного / О.Т. Молчанова // Проблемы теории и методики языка: Сб. ст. / Отв. ред. Г.В. Зорина. – Ярославль: ЯГУ, 1980. – С. 139-148.
4. Руденко, Д.И. Имя в парадигмах «философии языка» / Д.И. Руденко. – Харьков: Основа, 1990. – 300 с.

ВЫЧЫТКА ТЭКСТУ ВЯЛІКАГА ПАМЕРУ НА БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ

PROOFREADING OF THE LARGE TEXT IN BELARUSIAN

М.У. Марчык, С.І. Лысы, Ю.С. Гецэвіч

M. Marchyk, S. Lysy, Y. Hetsevich

Аб'яднаны інстытут праблем інфарматыкі НАН Беларусі

Мінск, Беларусь

United Institute of Informatics Problems of National Academy of Sciences of Belarus

Minsk, Belarus

E-mail: marynamarczyk@gmail.com

Сёння правільная моўная практыка важная для тых, хто ў прафесійнай дзейнасці штодзённа карыстаецца вуснай і пісьмовай формамі літаратурнай мовы – настаўнікаў, выкладчыкаў, рэдакцыйна-выдавецкіх работнікаў, прадстаўнікоў інтэлігенцыі. Арфаграфічная правільнасць тэксту і маўлення – гэта таксама ўмова якаснай апрацоўкі інфармацыі і правільнага функцыянавання камп'ютарных сістэм пры чалавека-машынных камунікацыях.

Перакрыжаванне інтарэсаў вучоных філалагічнага і тэхнічнага профілю ў сферы камп'ютарнай лінгвістыкі выглядае ўзаемадапаўняльным і перспектыўным. У гэтым рэчышчы супрацоўнікамі АПП НАН Беларусі распрацавана метадыка вычыткі тэксту вялікага памеру на беларускай мове.

Сваім з'яўленнем метадыка абавязаная распрацоўцы сінтэзатару маўлення па тэксце. Адным з этапаў сінтэзу маўлення з'яўляецца праца тэкставага працэсара, напрацоўкі для якога магчыма было прымяніць і для вырашэння іншых задач сімвальнай і паслоўнай апрацоўкі. Такім чынам яны сталі самастойнымі сэрвісамі на платформе для апрацоўкі тэксту і маўлення corpus.by.

Метадыка працуе на сімвальным і паслоўным узроўні. Для атрымання арфаграфічна правільнага тэксту неабходна апрацаваць тэкст праз 5 анлайн-сэрвісаў, размешчаных на інтэрнэт-платформе corpus.by.

Парадак працы з кожным сэрвісам наступны: неабходна ўставіць тэкст у поле ўводу, абраць тых ці іншыя наладкі, націснуць кнопку атрымання вынікаў. Па выніках апрацоўкі тэксту кожным сэрвісам карыстальнік павінен праглядзець атрыманыя вынікі і ўнесці ў тэкст адпаведныя праўкі праз функцыю «знайсці-замяніць» тэкставага рэдактара ці акна браўзера.

Першым этапам з'яўляецца вычытка праз сэрвіс «Падлік частотнасці сімвалаў» [2]. Гэты сэрвіс прадэманструе спіс усіх сімвалаў, выкарыстаных у тэксце, і дазволіць выявіць і выправіць іх памылковае выкарыстанне (малюнак 1).

Напрыклад, сэрвіс паказвае колькасць выкарыстаных дужак, і калі колькасць левых і правых дужак не супадае, то, хутчэй за ўсё, у тэксце ёсць пунктуацыйныя памылкі. Таксама праз сэрвіс можна правесці правільнасць выкарыстання дэфісаў, слэшаў, розных відаў двукосся і працяжнікаў.

Падлік частотнасці сімвалаў [BE](#) [EN](#) [RU](#) ?

Калі ласка, увадзіце тэкст ↵ ✕

Сірыус (лац. Sirius), таксама Альфа Вялікага Сабакі (лац. Alpha Canis Majoris) – найярчэйшая зорка начнага неба. Бачная зорная велічыня -1,46. Сірыус аддалены ад Сонца на 8,60±0,04 св. гадоў і з'яўляецца адной з бліжэйшых да нас зорак. Нібесныя каардынаты: прамое ўзыходжанне 6 гадз. 45 хв. 9 сек., схіленне -16°42'58". Назва паходзіць з грэцкай мовы і азначае "бліскучы" альбо "пякучы".

Скарына (3283 Skofna, 1979 QA10) – астероід № 3283. Належыць да Галоўнага пояса астероідаў Сонечнай сістэмы. Дыяметр – 12,65 км. Сярэдняя аддаленасць астероіда ад Сонца складае 2,396 астранамічнай адзінкі (~ 360 млн. км.). Перыяд поўнага абарачэння вакол Сонца – 3,71 зямнога года. Адкрыты астраномам Мікалаем Іванавічам Чарных у Крымскай астрафізічнай абсерваторыі 27 жніўня 1979

Атрымаць інфармацыю пра частотнасць сімвалаў!

ІНФАРМАЦЫЯ ПРА ўСЕ Знойдзеныя СІМВАЛЫ:

Агульная колькасць сімвалаў у тэксце: **836**
Колькасць унікальных сімвалаў у тэксце: **86**

№ С.	Код	Назва	Частата	Кантэкст	
	U+000D	ВЯРТАННЕ КАРЭТКІ	2	0.24%	ліскучы" альбо "пякучы".
	U+000A	ПЕРАВОД РАДКА	2	0.24%	ліскучы" альбо "пякучы".
	U+0020	ПРАБЕЛ	118	14.11%	Сірыус (лац. Sirius), таксам
*	U+0022	ЗНАК ДВУКОССЯ	4	0.48%	з грэцкай мовы і азначае "б
*	U+0027	АПЮСТРАФ	4	0.48%	на 8,60±0,04 св. гадоў і з'я
(U+0028	ЛЕВАЯ КРУГЛАЯ ДУЖКА	4	0.48%	Сірыус (лац. Sirius), таксам
)	U+0029	ПРАВАЯ КРУГЛАЯ ДУЖКА	4	0.48%	Сірыус (лац. Sirius), таксам
,	U+002C	КОСКА	9	1.08%	Сірыус (лац. Sirius), таксам
-	U+002D	ЗЛУЧОК-МІНУС	2	0.24%	Бачная зорная велічыня -1,4
.	U+002E	КРОПКА	20	2.39%	Сірыус (лац. Sirius), таксам
0	U+0030	ЛІЧБА НУЛЬ	5	0.6%	на 8,60±0,04 св. гадоў і з'я
1	U+0031	ЛІЧБА АДЗІН	7	0.84%	Бачная зорная велічыня -1,4

Малюнак 1 – Знешні інтэрфейс і вынікі працы сэрвіса «Падлік частотнасці сімвалаў»

Другім этапам з'яўляецца вычытка праз сэрвіс «Падлік частотнасці слоў» [3]. Сэрвіс дазваляе выявіць словы з канкрэтным наборам сімвалаў і ўбачыць кантэкст іх ужывання. Падчас вычыткі неабходна правесці тэкст на прадмет ужывання лацінскіх сімвалаў, а таксама лічбаў.

Калі ў словах кірылічнага напісання выкарыстоўваюцца візуальна аднолькавыя лацінскія сімвалы (/a/, /i/, /c/ і г.д.), то тэкст будзе ў далейшым паўсюль апрацоўвацца недакладна (напрыклад, пры працы са шрыфтамі падчас вёрсткі, а таксама на наступных этапах вычыткі). Такія сімвалы неабходна выявіць з дапамогай дадзенага сэрвіса і замяніць кірылічнымі.

Напрыклад, у тэксце *Груша цвіла апошні год* у некаторых словах выкарыстаныя лацінскія сімвалы /i/, /o/, /a/. Каб іх выявіць, трэба ўставіць дадзены тэкст у поле ўводу, а ў полі «Сімвалы, з якіх можа складацца слова» пакінуць толькі сімвалы лацінскага алфавіту. Алюструюцца вынікі, прадстаўленыя на малюнку 2.

Адчувальны да рэгістру
 Выводзіць асобна левыя і правыя кантэксты

Усяго знойдзена слоў у тэксце: **6**
 Па Вашым запыце знойдзена ўнікальных слоў: **3**

↑ Частата	Слова	Кантэксты (макс. 2)
2	o	... а цвіла апошні год. ... а апошні год.
2	i	Груша цвіла апошні г іла апошні год.
2	a	Груша цвіла апошн ... Груша цвіла апошні год.

Малюнак 2 – Вынікі працы сэрвісу «Падлік частотнасці слоў»

Такім самым чынам неабходна здзейсніць пошук лічбаў. Так, у адным з мастацкіх тэкстаў аўтарам артыкула было знойдзена 14 ужыванняў лічбавага запісу лічэбнікаў замест належнага запісу пропісам. Напрыклад, *30 срэбнікаў* замест правільнага варыянту *трыццаць срэбнікаў*, *з запарожцамі ў 1651-м* замест правільнага *з запарожцамі ў 1651 годзе*, *каля 20-ці тысячаў жаўнераў* замест *каля дваццаці тысячаў жаўнераў*.

Па знойдзеных памылковых ужываннях лацінскіх сімвалаў і лічбаў неабходна ўнесці праўкі ў асноўны тэкст і перайсці да наступнага этапу вычыткі.

Трэцім этапам з’яўляецца вычытка праз сэрвіс «Праверка правапісу» [4]. Сэрвіс правярае тэкст паводле двух аспектаў:

1. Правільнасць напісання слоў паводле слоўнікаў.
2. Ужыванне лацінскіх і кірылічных сімвалаў у адным слове.

Слова, напісанае з арфаграфічнай памылкай ці памылкай друку, адсутнічае ў падключаных слоўніках і будзе пазначана сэрвісам як невядомае. Невядомыя словы выводзяцца ў выглядзе спісу з магчымасцю адзначыць правільнасць напісання таго ці іншага слова і пабачыць кантэкст яго выкарыстання (малюнак 3).

Калі ласка, увядзіце тэкст для праверкі
⌵ ⌵
Ігнараваць словы
⌵ ⌵

Груша цвіла апошні год. Усе галіны яе, усе валікія расокі, да апошняга прущіка, былі ўсыпаны буйным бела-ружовым цветам. Яна кіпела, мрела і расквашалася ў пчаліным звоне, цагнула да сонца сталья лapy і распускала ў яго званыя маленькія, кволяы пальцы новых парасткаў. І была яна такая магутная і свежая, так утрапёна спрачаліся ў яе ружовым раі пчолы, што, здавалася, не будзе ёй зводу і не будзе ёй канца.

Максімум кантэкстаў:

Абраць слоўнікі

- SBM1987 (паводле публікацыі "Слоўнік беларускай мовы: Арфаграфік, Алфавіт, Асабнаўшчын, Словазмяненне / пад рэд. М.В. Бірылы. - Мінск, 1987)
- SBM2008 (слоўнік беларускай мовы паводле Беларускай Grammar Database (grammar.by). Authors: Symon Kikona, Alieł Buryloŭka, Uładz Kozłanka. На ўмовах ліцэнзіі [CC BY-SA 4.0](http://creativecommons.org/licenses/by-sa/4.0/))
- SBM2012initial (пачатковыя формы паводле публікацыі "Слоўнік беларускай мовы / навук. рэд. А.А. Лукашэвіч, В.П. Русак. - Мінск: Беларуская навука, 2012)
- NOUN2013 (паводле публікацыі "Граматычны слоўнік назоўніка / навук. рэд. В.П. Русак. - Мінск: Беларуская навука, 2013)
- ZALIZNIAK (паводле публікацыі "Граматычны слоўнік рускаго языка: Словазмяненне / А.А. Залізняк. — Масква: Русскій язык, 1980. — 880 с.)
- CMU (паводле "Cambridge Mellon University Proportional Dictionary")
- NEW (новыя словы для СД)
- S2016_01 (беларуская мова, слоўнік даступны па [ссылкай](#))
- S2016_02 (руская мова, слоўнік даступны па [ссылкай](#))
- S2016_03 (беларуская мова, слоўнік даступны па [ссылкай](#))
- S2017_04 (слоўнік даступны па [ссылкай](#))
- S2017_05 (слоўнік даступны па [ссылкай](#))
- * UWP_BE (беларускія словы са слоўніка, які даступны па [ссылкай](#))
- * UWP_RU (рускія словы са слоўніка, які даступны па [ссылкай](#))

СЛОВЫ І З КІРЫЛІЧНЫМІ, І З ЛАЦІНСКІМІ СІМВАЛАМІ (1)

апошні	1	Груша цвіла апошні год. Усе галіны ...		апошні
--------	---	--	--	--------

ПАЗНАЧЭ СЛОВЫ БЕЗ ПАМЫЛАК І КЛІКНІЦЕ "ПЕРАПРАВЕРЫЦЫ" (2)

☐ буйным	1	... прущіка, былі ўсыпаны буйным бела-ружовым цветам. Яна ...		магчыма, буйным
☐ парасткаў	1	... кволяы пальцы новых парасткаў. І была яна ...		магчыма, парасткаў

Малюнак 3 – Знешні інтэрфейс і вынікі працы сэрвіса «Праверка правапісу»

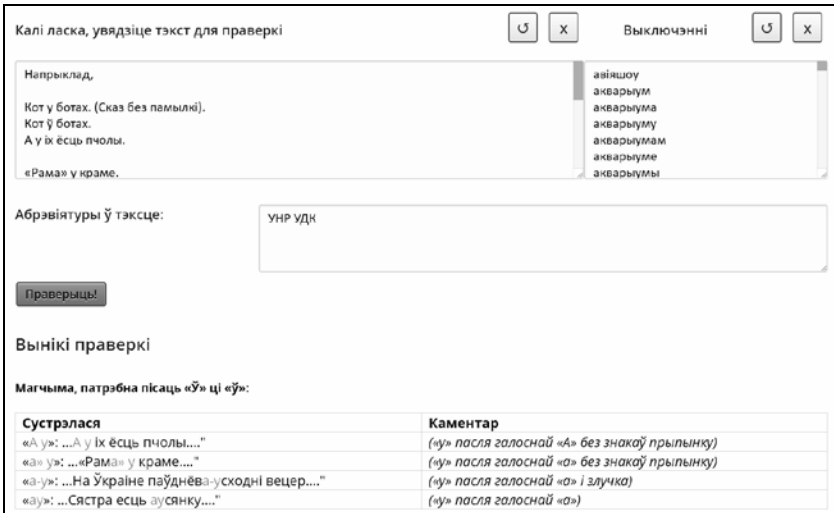
Сэрвіс дубліруе працу на папярэднім этапе, робячы пошук слоў з кірылічнымі і лацінскімі сімваламі. На цяперашні час гэта магчымасць пераправерыць тэкст, а ў будучым функцыянал «Праверкі правапісу» можа быць сумешчаны з «Падлікам частотнасці слоў».

Таксама гэты сэрвіс дае магчымасць ігнараваць пэўныя словы. Гэтая магчымасць спатрэбіцца пры вычытцы вузкасפעцыяльнага тэксту, каб выключыць пападанне загадзя невядомага сэрвісу слова ў спіс невядомых і паскоруць прагляд гэтага спісу.

Чацвёртым этапам з’яўляецца вычытка праз сэрвіс «Праверка правапісу “Ў”» [5]. Алгарытм праверкі правільнасці ўжывання ў тэксце літар «у» і «ў» дзейнічае наступным чынам:

1. Пошук сімвалаў /y/, /ÿ/, /Y/, /ÿ/.
2. Счытванне папярэдняга сімвала (літары ці знака прыпынку).
3. Праверка правільнасці ўжывання /y/, /ÿ/, зважаючы на папярэдні сімвал.

Па выніках апрацоўкі неабходна прагледзець спіс месцаў, дзе сэрвіс прапанаваў карыстальніку спраўдзіць ужыванне «у» і «ў» (малюнак 4).

Малюнак 4 – Знешні інтэрфейс і вынікі працы сэрвіса «Праверка правапісу “Ў”»

Сэрвіс таксама мае поле «Выключэнні», дзе змяшчаюцца актуальныя выключэнні з правілаў правапісу літар «у» і «ў». Поле можна рэдагаваць: выдаляць уведзеныя па змаўчанні і дадаваць неабходныя карыстальніку выключэнні.

Пятым этапам з’яўляецца вычытка праз сэрвіс «Ідэнтыфікатар амографаў» [1]. Сэрвіс паказвае карыстальніку амографы – словы, якія маюць аднолькавае напісанне і рознае вымаўленне, напрыклад, *музыка* і *музыка* (малюнак 5).

Неабходна ўважліва прагледзець спіс знойдзеных амографаў і прыняць рашэнне, у якіх словах-амографах у тэксце трэба пазначыць націск.

Калі ласка, увядзіце тэкст (максімум 5000 сімвалаў)

Маленькаму прынцу, які ўжо сабраўся ў дарогу, зусім не хацелася засмучаць старога манарха.
 — Калі ваша вилкасьце хоча, каб вас безагаворачна слухалі, вы маглі б аддаць мне разумны загад. Вы, да прыкладу, маглі б загадаць мне адпраўіцца не пазней як праз хаіліну. Мне аддзецца, умовы спрыяльныя.
 Кароль маўчаў. Маленькі прынц трошкі павагаўся, уздыжнуў і пайшоў.
 — Прызначаю цябе паслом! — паспешліва крыкнуў яму ўслед кароль.
 І выгляд у яго быў псы гэтым такі, быццам ён не далучаў ніякіх парэчанняў.
 «Дайўныя людзі гэтыя дарослыя», — падумаў дарогаю Маленькі прынц.

Шукаць па наступных слоўніках:

- ✓ SBM1987 (словесце публікацыі "Слоўнік беларускай мовы. Арфаграфік. Арфалік. Лексікадак. Словазмяненне / гад. рэд. М.В. Ермола. - Мінск, 1997)
- ✓ SBM2012initial (аналітычныя формы гаворкі публікацыі "Слоўнік беларускай мовы. / навук. рэд. А.А. Лукашанец, В.П. Эўка. - Мінск: Беларус. навука, 2012)
- ✓ ZALIZNIAK (гаворкі публікацыі "Граматычны слоўнік рускаго языка: Словазмяненне / А.А. Залізняк. — Мінск: Русская мова, 1980. — 880 с.)
- ✓ CMU (гаворкі "Словаре Мелан. Университ. Ресурсов Рустологу")
- ✓ NEW (новыя словы для СМД)

Шукаць амаграфіаў

Знойдзена амаграфіаў: 3 (паглядзець спіс амаграфіаў можна тут)

Амаграф	Варыянты націску	Тып амаграфіа	Кольк.	Кантэксты	Слоўнік
прыкладу	прыкладу прыкладу прыкладу	адна часціна мовы	1	... загад. Вы, да прыкладу, маглі б загадаць ...	SBM1987
яму	яму яму	адна часціна мовы	1	... паслом! — паспешліва крыкнуў яму ўслед кароль. І ...	SBM1987

Малюнак 5 – Знешні інтэрфейс сэрвіса «Ідэнтыфікатар амаграфіаў»

Выкананне ўсіх этапаў гэтай metodyкі дазваляе атрымаць арфаграфічна правільны тэкст на беларускай мове (metryка на ахоплівае пунктуацыйны і сінтаксічны раздзелы граматыкі). Таксама дадзены парадак вычыткі апрабаваны ў шматлікіх праектах лабараторыі распазнавання і сінтэзу маўлення: metodyкай вычытаны «Новы Запавет і Прыповесці» (2016), «Універсальная дзесятковая класіфікацыя» (2016).

ЛІТАРАТУРА

1. Ідэнтыфікатар амаграфіаў [Электронны рэсурс]. – 2018. Рэжым доступу: <http://corpus.by/HomographIdentifier/?lang=be>. – Дата доступу: 10.01.2018.
2. Падлік частотнасці сімвалаў [Электронны рэсурс]. – 2018. Рэжым доступу: <http://corpus.by/CharacterFrequencyCounter/?lang=be>. – Дата доступу: 10.01.2018.
3. Падлік частотнасці слоў [Электронны рэсурс]. – 2018. Рэжым доступу: <http://corpus.by/WordFrequencyCounter/?lang=be>. – Дата доступу: 10.01.2018.
4. Праверка правапісу [Электронны рэсурс]. – 2018. Рэжым доступу: <http://corpus.by/SpellChecker/?lang=be>. – Дата доступу: 10.01.2018.
5. Праверка правапісу «Ў» [Электронны рэсурс]. – 2018. Рэжым доступу: <http://corpus.by/ShortUSpellChecker/?lang=be>. – Дата доступу: 10.01.2018.

МЕТАФОРИЧЕСКИЕ ИНТЕРНЕТ-ТЕРМИНЫ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

METAPHORICAL INTERNET TERMS IN THE ENGLISH LANGUAGE

Е.А. Митюкова

Е.А. Mitjukova

Лидский колледж

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Лида, Беларусь

Lida College Yanka Kupala State University of Grodno

Lida, Belarus

E-mail: mitilena@gmail.com

Терминологическая метафора стала объектом подробного изучения сравнительно недавно. Большинство исследователей-лингвистов, начиная с Аристотеля, считали перенос значения инструментом литературного творчества, однако со второй половины XX века метафора начинает трактоваться как явление общеупотребительного языка. В частности, Дж. Лакофф утверждает, что «метафора пронизывает нашу повседневную жизнь, причем не только язык, но и мышление и деятельность» [2, с. 25].

Согласно общепринятому толкованию, метафора рассматривается как когнитивный и языковой процесс отождествления новых явлений с уже имеющимся опытом. Метафоризация в языке науки и технологий – это номинация нового объекта на основе функционального или признакового семантического переноса. В процессе формирования метафоры устанавливаются ассоциации, позволяющие адекватно оценить и интерпретировать новую когнитивную и языковую единицу.

Понятия *метафора* и *термин*, на первый взгляд, находятся на разных полюсах языковой структуры и речевой практики: метафора образна, многозначна, экспрессивна, тогда как термин требует конкретности, однозначности, стилистической и эмоциональной нейтральности. Тем не менее, метафорический перенос является продуктивным способом терминообразования.

Активная терминологическая метафоризация связана с внедрением в научный и общеупотребительный обиход новых явлений, номинация которых основана на аналогиях. По мнению Л.М. Алексеевой, «метафоризация лежит в основе мыслительной деятельности, и поскольку терминопорождение отражает основные этапы этого

процесса, то можно полагать, что терминопорождение носит метафорический характер. Собственно языковой аспект предполагает установление отношений между характером процесса вербализации нового знания и непосредственно именем нового изучаемого объекта или явления» [1, с. 67].

Терминологическая метафора является широко распространенным способом номинации в традиционных и современных областях науки и техники. Одной из наиболее активно растущих отраслей являются информационные технологии. Это понятие объединяет широкий спектр научно-прикладных знаний, направленных на создание, обработку и передачу информации с помощью электронных средств связи.

Интернет-технологии широко распространены как в различных профессиональных сферах, так и среди обычных пользователей, многие из которых не знакомы с техническими аспектами и могут испытывать своеобразный технологический стресс. Использование знакомых аналогий в процессе терминообразования позволяет избежать психологического напряжения, сделать обучение и работу более комфортными, а программный интерфейс более «дружелюбным». Например, широко распространены термины-метафоры *desktop*, *mouse*, *wallpaper*, *menu* и др. Они позволяют пользователю применить имеющийся когнитивный и языковой опыт для идентификации именуемого явления или предмета, поскольку используются общеупотребительные языковые единицы.

Несмотря на строгие требования к терминологии, такие как однозначность, стилистическая и эмоциональная нейтральность, некоторые терминологические интернет-метафоры сохраняют эстетическую функцию и приносят в профессиональную лексику оттенки неформальности, творчества, нестандартного мышления.

Приведем несколько примеров. Уже само название *Internet* основано на аналогии с сетью, паутиной (*net*), что сразу вызывает в сознании пользователя соответствующий зрительный образ и отсылает к осознанию принципа функционирования.

Термин *cookie(s)*, который обозначает небольшие фрагменты данных, полученные компьютером из браузера и хранимые для идентификации пользователя, в общеупотребительном языке переводится как ‘печенье’. Откуда данная метафора? По одной из версий, в 90-х годах XX века ‘волшебным печеньем’ (*magic cookie*) называли пакеты информации, которые было удобно использовать в интернет-покупках.

Для обозначения одного из средств сетевой защиты используется термин *firewall*, что буквально переводится как ‘огненная стена’.

Использование данной метафоры позволяет пользователю наглядно представить себе способ защиты и поверить в его эффективность.

Термин *snailmail* используется в английском интернете для обозначения обычной почтовой корреспонденции. Метафора *snail* ‘улитка’ подчеркивает медлительность стандартной почты по сравнению с электронной. Кроме того, эстетическую функцию выполняет внутренняя рифма слова, его фонологическая структура.

Большое количество терминов-метафор можно обнаружить в таком тематическом поле, как поиск и передача информации. Например, для обозначения процесса поиска информации или просто бесцельного просмотра сайтов используются метафоры, связанные с путешествиями и мореплаванием (*surf/navigate/cruise/travel the Internet, Internaut*). Когда речь идет о передаче информации, используются аналогии, основанные на общем представлении о дорожном движении (*data highway, Infobahn, road map, traffic, traffic jam*).

Метафоры из общеупотребительного языка настолько активно используются в технической терминологии, что могут не восприниматься пользователями как образы с переносным значением. Например, широко распространено выражение *to build a program* ‘строить программу’. Прямое значение слова ‘строить’ – располагать физические объекты в надлежащем порядке с определенной целью. В переносном смысле мы таким же образом составляем программу, только из абстрактных символов. Архитектурные метафоры описывают процесс создания и трансформации интернет-страниц – *site, under construction, gateway, bridge*.

Для обозначения принципа действия определенных программ могут использоваться метафоры из мира животных. Большинству пользователей известен термин *spider* ‘паук’, применение которого по отношению к поисковику основано на всем понятной аналогии плетения паутины насекомым.

В конце прошлого века в интернете был широко распространен сетевой протокол поиска и передачи документов, который назывался *Gopher* ‘суслик’. Вероятно, перенос значения связан с основной функцией протокола – «выкапывать» информацию. Однако здесь также можно заметить фонологический каламбур, основанный на созвучии термина с выражением *go for* – направляться, искать информацию, которую запрашивает пользователь.

Некоторые интернет-метафоры образованы путем сокращения и соединения общеупотребительных и специфических лексем, например:

e-zine (*electronic + magazine*), *knowbot* (*knowledge + robot*), *internaut* (*Internet + astronaut*), *NetPol* (*Internet + Police*). В последнем примере также прослеживается аналогия с общеизвестным названием *InterPol*.

Перенос английских метафорических терминов в русскоязычную интернет-среду происходит по нескольким направлениям, к основным из которых относятся:

1. Транслитерация: *Гофер*, *куки*, *файервол*, *веб*, *сайт*, *трафик* и др. В большинстве случаев для русскоговорящего пользователя утрачивается та аналогия, на основе которой был образован термин-метафора.

2. Перевод термина на русский язык и создание собственной метафоры, совпадающей или не совпадающей с оригиналом: *сеть*, *строить программу*.

3. Перевод термина на русский язык без сохранения метафоры: *искать в интернете*.

4. Отсутствие аналога в русском языке, что связано с доминированием внешней формы метафоры над содержанием, например как для термина *snailmail* или для сложносокращенных лексем.

Специфика понимания и перевода интернет-терминов заключается в том, что английский язык продолжает заимствовать иностранные слова для номинации новых предметов и явлений и, в то же время, сам становится источником заимствований в другие языки. Поэтому в русскоязычной терминосистеме редко встречаются термины-переводы, но широко используются термины-транслитерации. Это наблюдается как непосредственно в профессиональном языковом поле, так и в специфическом компьютерном сленге.

Образность и разнообразие русского компьютерного сленга базируется на использовании англоязычных терминов в переосмысленном, сокращенном или трансформированном виде. Например, *батон*, *топтать батоны* – фонетическая калька от англ. *button* ‘кнопка’; *Васик* – графическая калька английского названия языка программирования *Basic*. Подобные сленговые заимствования понятны или узкому кругу посвященных, или тем, кто сможет выявить принцип образования слова на основе английского термина.

Таким образом, в процессе терминообразования активную роль играет метафоризация. Семантические переносы способствуют развитию различных терминосистем, образованию запоминающихся, мотивированных терминов. Использование терминов-метафор способствует возникновению определенных ассоциаций на основе

имеющегося культурологического и языкового опыта, что ведет к отчетливому пониманию смысла и цели использования термина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеева, Л.М. Термин и метафора / Л.М. Алексеева. – Пермь: Изд-во Перм. ун-та, 1998. – 250 с.
2. Лакофф, Дж. Метафоры, которыми мы живем: [пер. с англ.] / Дж. Лакофф, М. Джонсон; под ред. и с предисл. А.Н. Баранова. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
3. Голованов, Н.А. Современный англо-русский словарь компьютерных технологий / под ред. Н.А. Голованова. – М.: Бук-пресс, 2006. – 528 с.

НАМИНАЦЫЙНЫЯ ПРАЦЭСЫ Ў ТАΠΑЊІМІІ NOMINATIVE PROCESSES IN THE TOPONYMY

А.А. Прыгодзіч

A. Pryhodzich

Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт

Мінск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: PryhodzichAA@bsu.by

Тапанімічныя найменні, якія ўзнікаюць на розных этапах развіцця грамадства, нясуць адбітак сваёй эпохі. У аснову наймення ўваходзіць тая рэалія, якая з’яўляецца характэрнай, важнай для пэўнага часу. Адным з вынікаў іменалагічнага працэсу з’яўляецца наяўнасць вытворча-гаспадарчых назваў у тапаніміі. Вытворча-гаспадарчыя тапанімічныя найменні складаюць кампактны комплекс назваў, якія абумоўлены сацыяльнымі, палітычнымі, эканамічнымі, культурнымі фактарамі, спецыфікай грамадскага жыцця на пэўным гістарычным адрэзку часу. Сярод іх вылучаецца некалькі лексіка-семантычных груп. Разгледзім некаторыя з іх.

Напрыклад, тапонімы, суадносныя з назвамі месцаў металаапрацоўкі і назвамі асоб, якія займаліся апрацоўкай жалезнай руды (найперш балотнай). Параўн.: *Жалезнікі, Кавалі, Кузня, Кузніца, Руда, Руднікі*. Тапонімы з асновай *руд* сведчаць пра тое, што на тэрыторыі сучаснай Беларусі быў пашыраны рудны промысел, вытворчасць жалеза з балотнай руды, хімічная і механічная яе апрацоўка. Тапанімічныя назвы з вылучанай асновай сустракаюцца на ўсёй тэрыторыі Беларусі. Асабліва іх многа знаходзіцца на Палессі.

Такія шматлікія назвы паселішчаў, як *Кавалі, Кавалёўцы, Кавалевічы, Кавалічы, Кавалёнкі, Кавалішкі* зафіксавалі даўнюю назву

майстроў, якія займаліся каваннем металу. У канцы XIX – пачатку XX стст. названых тапонімаў было больш за 100 адзінак. У сярэдзіне XX ст. – каля 40 назваў [1, с. 165]. Антрапонімы ад гэтых жа назваў самыя пашыраныя ў свеце: *Каваль*, *Кавалевіч*, *Каваленя*, *Каваленка*, *Кавалёнак* – у беларусаў, *Кузнецов*, *Кузнецкий* – у рускіх, *Кавальскі*, *Коваль* – у палякаў, *Коварж*, *Кавалік* – у чэхаў, *Ковач* – у венграў, *Шміт* – у немцаў, *Сміт* – у англічан, *Фабр*, *Фаржэрон* – у французаў, *Ферэйра* – у партугальцаў, *Феррару* – у румынаў [2, с. 103].

У тых раёнах, дзе асабліва быў развіты паташны промысел, некаторыя населеныя пункты атрымалі назвы: *Паташ*, *Паташня*, *Паташня I*, *II*. У канцы XIX – пачатку XX стст. іх налічвалася каля 20 адзінак [3, 4]. Паташ (ням. *Pottasche*, ад гал. *potasch*) – рэчыва ў выглядзе белага зярністага парашку са шчолачнымі ўласцівасцямі. Паселішчы *Паташня* атрымалі сваё найменне ад апелятыва вытворчага характару *паташня* (паташнае прадпрыемства) – месца выпрацоўкі паташу – шляхам тапанімічнай метаніміі. Лічбавае абазначэнне ў тапонімах *Паташня I*, *Паташня II* выконвае дыферэнцыйную функцыю, з’яўляючыся сінонімам палярызацыйных атрыбутаў (стары – новы).

Ад апелятыва *пільчык* ‘той, хто пілуе, распрацоўвае лес’ утварылася назва пасёлка ў сінгулятыўнай форме: *Пільчык*. Найменнем асоб, што займаліся першаснай дрэваапрацоўкай, матываваны таксама некаторыя вытворча-гаспадарчыя тапанімічныя назвы ў плуратыўнай форме: *Пільшыцы*, *Пільнікі*, *Пілікі*, *Пільці*, *Пілікі*, *Пілічы*, *Пілавойці*, *Пільчукі*.

Аб развіцці і геаграфічным пашырэнні на Беларусі прадпрыемстваў па вырабе шкла сведчаць таксама тапанімічныя назвы: *Гута*, *Гутка*, *Гутараўшчына*, *Гуцішча*, *Гуцішча*, якія атрымалі сваё найменне ад назвы месца па вырабе шкла ці назвы школопрадпрыемства. Лексема *гута* (лац. *gutta* – кропля) запазычана з нямецкай мовы праз пасрэдніцтва польскай. *Hütte* – ‘шалаш, прытулак, металургічны завод’.

Апелятыў *цагельня* (ад ням. *Ziegel*) – цагельны завод – паслужыў асновай фарміравання тапанімічных назваў: *Цагельнае*, *Цагельня*, *Цэгла* (польск. *cegła*, ад с.-в.-ням. *ziegel*) – штучны будаўнічы матэрыял у выглядзе прававугольных брускоў з гліны і іншай мінеральнай сыравіны.

Ад апелятыва *кушнер* (ням. *Kürschner*) – рамеснік, які вырабляе шкуры на футра і шые з футра – сфарміраваліся аднайменныя тапонімы *Кушняры*. Утваральнай асновай назваў паселішчаў *Кажушкі*, *Кажухойцы* з’яўляецца найменне спецыялістаў, якія шылі кажухі.

Ад апелятыва *млын* (*мельніца*) сфарміраваліся тапанімічныя назвы семантычным спосабам, г.зн. шляхам пераходу агульнага назоўніка-апелятыва ў тапонім без яго фанетычнага і граматычнага змянення: *Млын, Млыны, Млынкi, Мельніца*. Найменні на -ок: *Млынок* – тоесныя па структуры апелятыўнаму дэмінітыву (млынок). Неабходна адзначыць, што такія паселішчы, як *Млынок, Стары Млынок, Нямецкі Млынок* мелі невялікія па велічыні млыны. І сапраўды, паселішчы, назвы якіх утвораны ад апелятыва *млын*, былі размешчаны ў асноўным на берагах рэк: *х. Бліжні Млынок* > на р. Мутвіца; *х. Дальні Млынок* > на р. Мутвіца; *х. Стары Млынок* (Глушкавіцкі Млынок) > на р. Хвесья; *в. Сіманіцкі Млынок* > на р. Вілы ці Крушына — на тэрыторыі Лельчыцкага раёна [5, с. 405]. У састаўных назвах *Дальні Млынок, Бліжні (Бліжэйшы) Млынок, Ніжні Млынок, Верхні Млынок* першыя кампаненты (*дальні, бліжні (бліжэйшы), ніжні, верхні*) указваюць на месцазнаходжанне паселішча адносна нейкага дамінуючага ў ваколіцах аб'екта. Так, *х. Дальні Млынок* (вар. *Стары Млынок*) (былая Тонезская воласць) знаходзіўся за 6 км. ад с. Тонез, *Бліжні* (вар. *Бліжэйшы*) *Млынок* — у 2 км. У аснову наймення *Дальні Млынок* (*Стары Млынок*) была пакладзена спачатку прымета аддаленасці (дальні). Але атрыбутыўны кампанент (дальні) у тапанімічнай назве (*Дальні Млынок*), утворанай па мадэлі «ад'ектыў + субстантыў», аказваўся няўстойлівым. З цягам часу адносны прыметнік, што ўказвае на месцазнаходжанне (дальні), быў выцеснены якасным прыметнікам, які сведчыць пра адносную храналогію ўзнікнення аб'екта (стары): *Стары Млынок*. Па характару размяшчэння вытворчасці да бліжэйшых паселішчаў утварыліся архаізаваныя цяпер тапонімы: *Сіманіцкі Млынок, Глушкавіцкі Млынок, Данілевіцкі Млынок* [5, с. 372].

Ад'ектыў у адзінкавай тапанімічнай назве *Нямецкі Млынок* указвае на пераважную этнічную прыналежнасць насельнікаў гэтага хутара. Пацвярджэнне гэтаму знаходзім таксама і ў гістарычнай літаратуры: *х. Нямецкі млынок* – паселішча з невялікім млынам, населенае пераважна нямецкімі каланістамі [5, с. 407].

Кожная эпоха прыносіць новыя і губляе ранейшыя назвы тапанімічных аб'ектаў. Сярод вылучаных найменняў выразна вылучаецца беларускамоўны пласт і шэраг запазычанняў. Асноўная частка вытворча-гаспадарчых тапонімаў архаізавалася. Гэта дае нам падставу сцвярджаць, што онімныя рэаліі захоўваюць найкаштоўнейшы матэрыял як для лінгвістыкі, так і для этнаграфіі, культуры, археалогіі, геалогіі, гісторыі Беларусі. Разгледжаныя онімы размешчаны на тэрыторыі Беларусі нераўнамерна. Большасць лексічных груп мае свае зоны канцэнтрацыі. Нашы назіранні сведчаць, што тэрыторыя

бытавання вытворча-гаспадарчых тапонімаў супадае ў асноўным з арэалам распаўсюджвання тых ці іншых промыслаў і рамёстваў.

Асноўная частка названых тапонімаў узнікла шляхам тапанімічнай метаніміі, калі апелятыў страціў першасную семантыку і набыў функцыю індывідуальнага знака.

ЛІТАРАТУРА

1. Жучкевич, В.А. Краткий топонимический словарь Белоруссии / В.А. Жучкевич. – Минск: БГУ, 1974. – 448 с.
2. Шур, В.В. Беларускія ўласныя імёны: Бел. антрапаніміка і тапаніміка: Дапам. для настаўнікаў / В.В. Шур. – Мінск: Мастацкая літаратура, 1998. – 239 с.
3. Сапунов, А.П. Список населенных мест Витебской губернии / А.П. Сапунов. – Витебск: Изд-во Витеб. губерн. стат. ком. и губерн. тип., 1906. – 450 с.
4. Ярмолевич, В.С. Список населенных мест Минской губернии / В.С. Ярмолевич. – Минск: губ. тип., 1909. – 240 с.
5. Атнагулаў, А.І. Хроніка Убарцакага Палесся / А.І. Атнагулаў, В.І. Насевіч. – Мн.: Тэхналогія, 2001. – 496 с.

ПЕРСПЕКТЫЎНАСЦЬ МІЖДЫСЦЫПЛІНАРНЫХ ДАСЛЕДАВАННЯЎ

THE PROSPECT OF INTERDISCIPLINARY RESEARCH

В.П. Русак

W.P. Rusak

Цэнтр даследаванняў беларускай культуры мовы і
літаратуры НАН Беларусі
Мінск, Беларусь

The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature of NASB
Minsk, Belarus

E-mail: nanb_VP_rusak@tut.by

Сучасны гістарычны перыяд развіцця нашай краіны характарызуецца значным пашырэннем міжнародных і міждзяржаўных сувязей, стварэннем глабальнай камп'ютарнай сеткі – інтэрнэту, які скарачае адлегласці, пашыраючы інфармацыйныя магчымасці зносін паміж людзьмі. Можна меркаваць, што і адасобленасць навукі засталася ў мінулым, навуковыя стасункі вучоных самых розных кірункаў і школ актыўна аб'ядноўваюць галіновыя напрацоўкі для атрымання якасна новых вынікаў.

Перакрыжаванне інтарэсаў акадэмічных вучоных філалагічнага і тэхнічнага профілю ў сферы камп'ютарнай лінгвістыкі, якое склалася паміж супрацоўнікамі аддзела сучаснай беларускай мовы Інстытута мовазнаўства імя Якуба Коласа (ІМ) і лабараторыі распазнавання і

сінтэзу маўлення Аб'яднанага інстытута праблем інфарматыкі (АПП), прынесла першыя важкія дасягненні. Сумеснымі сіламі даследчыкаў створаны ўніверсальны праграмны прадукт, які, з аднаго боку, забяспечыў акумуляванне і захаванасць лексікі і фанетыкі беларускай літаратурнай мовы, а таксама аператыўную падрыхтоўку лексікаграфічных даведнікаў, а з другога боку, пашырыў выкарыстанне беларускай мовы ў розных прыкладных сістэмах сінтэзу і распазнавання маўлення, палепшыў якасць агучвання тэкстаў машынай, як называюць самі праграмісты – “кланіраванага маўлення”. Практычным увасабленнем зробленага стала выданне ўнікальнага для беларусістыкі грунтоўнага зборніка па культуры беларускага маўлення “Арфаэпічнага слоўніка беларускай мовы” [1]. У слоўніку ўпершыню ў беларускай лексікаграфіі праз падачу поўнай транскрыпцыі слоў прапануецца апісанне літаратурнага вымаўлення больш за 117 тысяч слоў, што бытуе ў сучаснай мове.

Нават першыя здабыткі працы міжгаліновага складу спецыялістаў, якія працавалі над стварэннем арфаэпічнага слоўніка, гавораць аб прафесійным выкарыстанні інавацыйных тэхналогій, скіраваных на паліпшэнне эфектыўнасці вучэбна-выхаваўчага працэсу, актывізацыю выкарыстання камп'ютарных праграм пры засваенні фанетычнага матэрыялу. З упэўненасцю можна адзначыць, што да выхаду гэтага дапаможніка, нягледзячы на паступовую мадэрнізацыю сучаснай адукацыйнай сферы, існуючыя распрацоўкі па фанетыцы і арфаэпіі насілі пераважна прыватны характар (стварэнне індывідуальных баз даных па асобных тэмах фанетыкі, маніторынг ведаў праз сістэму тэстаў і заданняў, публікацыя асобных аўтарскіх лекцый) і не мелі належнага пашырэння.

Дзякуючы таму, што зараз праз платформу Інтэрнэт-сістэмы Sorpus.by праведзена мадэль навучальнага праграмнага матэрыялу з выкарыстаннем транскрыпцыі для беларускай мовы, можна атрымаць і праслухаць варыянты вымаўлення асноўнага пласта лексікі літаратурнай мовы. Больш таго, пры дапамозе спецыяльных камп'ютарных праграм інавацыйны электронны “Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы” можа быць убудаваны ў мабільны тэлефон любога абанента. Сучасным карыстальнікам інтэрнэту гэты праграмны прадукт зможа дапамагчы ў авалоданні і ўдасканаленні ведаў і навыкаў па беларускай мове, у тым ліку пры дыстанцыйным навучанні, а таксама забяспечыць выкарыстанне беларускай мовы ў разнастайных прыкладных сістэмах. Гэта дазволіць акумуляваць і захаваць для будучых пакаленняў не толькі пісьмовую форму мовы, але і вусную.

Супрацоўнікамі АПП для апрацоўкі рээстра арфаэпічнага слоўніка была выкарыстана сістэма аўтаматызаванай генерацыі масіва электронных слоў беларускай мовы. Фундаментальны аспект выканання працы быў забяспечаны распрацаванымі алгарытмамі генерацыі транскрыпцыі для пачатковай формы слова па ўваходных электронных запісах «Слоўніка беларускай мовы» [2]. Пры складанні дадзенага даведніка выкарыстоўваліся распрацаваныя навуковым калектывам алгарытмы канвертавання электроннага арфаграфічнага запісу беларускіх слоў у фанетычную транскрыпцыю ў адпаведнасці з нормамі беларускага вымаўлення. У аснову алгарытму пакладзены тэорыя і метады, выкладзеныя ў кнізе Б. М. Лабанава і Л. І. Цырульнік [3].

У спецыяльнай літаратуры ўсе магчымыя ў моўнай плыні змены гукаў падзяляюцца на тры віды: асіміляцыя, акамадацыя і чаргаванні. У першую чаргу, да ўласцівых беларускай мове змяненняў, якія ствараюць яе непаўторнае гучанне, адносяцца разнастайныя асіміляцыйныя зычных, якія амаль выключна з'яўляюцца кантактнымі. Асіміляцыйныя працэсы ў спалучэннях зычных прыводзяць не толькі да частковых змен гукаў, якія лёгка ўспрымаюцца на слых, але і могуць выклікаць поўнае прыпадабненне кантактных гукаў.

Так, напрыклад, пры няпоўнай асіміляцыі суседнія гукі становяцца падобнымі адзін на аднаго толькі па некаторых прыметах. Падобныя змены ўзнікаюць у выніку асіміляцыі звонкіх зычных глухімі, а таксама аглушэння звонкіх зычных на канцы слова, калі ўтвараюцца аднародныя па глухасці-звонкасці спалучэнні зычных: *зубчык* [з'упчык], *міжсістэмны* [м'ішс'істэмны], *грыб* [г'рып], *пераказ* [п'эракас], *лязг* [л'асх], *смарэгд* [смарэхт]. Такім жа шляхам перад звонкімі зычнымі глухія азваваюцца: *алічбóўка* [ал'і'збóўка], *малацьба́* [малаз'ба́]. Да няпоўнай асіміляцыі адносіцца змяненне свісцячых перад шыпячымі [ч], [дж]: *абрэзчык* [абрэ'шчык], *грузчык* [г'ру'шчык], *брусчátка* [б'рушчátка], *бразджáнне* [б'разж'án':e].

Пры поўнай асіміляцыі адзін зычны поўнасю прыпадабняецца да другога і абодва гукі становяцца якасна аднолькавымі, такім чынам узнікаюць падоўжаныя зычныя: *ружжó* [руж:ó], *ладдзя́* [лаз:'á], *ліццё́* [ліц:'ó], *навакóлле* [навакóл:'э], *матч* [мáч:], *скотч* [скóч:]. Гэтым жа працэсам абумоўлена з'яўленне [ц] у інфінітыве: *адзвяáцца* [аз'авáц:а], *купáцца* [купáц:а], *спрачáцца* [спрачáц:а]. У выніку поўнай асіміляцыі, калі выбухныя зычныя аказваюцца перад афрыкатамі, то яны змяняюцца на адпаведныя афрыкаты: *адчыніць* [ач:ын'іц'], *наладчык* [нала'ч:ык], *мáтчын* [мáч:ын], *кары́цца* [кары'ц:а], *інтэрнэт-цэнтр* [інтэрнэ'ц:энтр].

У выніку акамадацыі адбываюцца змяненні паміж зычнымі і суседнімі галоснымі, цэласным аказваецца вымаўленне спалучэння “зычны + галосны”. Да найбольш характэрных для беларускай мовы належыць акамадацыя мяккіх зычных і наступных галосных. Пры аналізе чаргаванняў гукаў адрозніваюцца два віды змяненняў: пазіцыйныя чаргаванні тыпу [дубы – дуп] і гістарычныя чаргаванні тыпу [крык – крычаць].

Укладальнікамі слоўніка ўсе змяненні гукаў у моўнай плыні ўлічваліся. А для атрымання дакладных вынікаў прымянялася інструментальная апрацоўка гукавых файлаў, якая ажыццяўлялася з дапамогай спецыяльных камп’ютарных праграм: прафесійнага аўдыярэдактара Sound Forge 7 і праграмы прафесійнага фанетычнага аналізу Praat. Дадзеныя праграмныя сродкі прадастаўляюць карыстальнікам шэраг магчымасцей для сегментацыі гукавой плыні, маніпуляцыі з гукам з мэтай праверкі гіпотэз, звязаных з арганізацыяй гукавой сістэмы мовы, а таксама дазваляюць правесці параўнанне ацыклаграфічных матэрыялаў. Таму практычныя рэкамендацыі па нарматыўным вымаўленні, дадзеныя ў слоўніку, дазваляць удасканаліць маўленчую дзейнасць работнікаў электронных сродкаў масавай інфармацыі, тэатральных і навуковых дзеячаў, паспрыяюць эфектыўнаму працэсу навучання арфаэпічным нормам на ўсіх ступенях адукацыі, сфарміруюць этнакультуралагічную кампетэнцыю носьбітаў мовы.

Акрамя таго, важна сказаць, што з тэрміну і якасці падрыхтоўкі слоўніка новага тыпу вынікае значны эканамічны эффект сумеснай працы разнапрофільных спецыялістаў – лінгвістаў і праграмістаў – акадэмічных інстытутаў. Паколькі прымененая аўтарамі слоўніка метадыка дазволіла выключыць фактар несістэмнасці перадачы матэрыялаў і істотна скараціць тэрмін працы лінгвістаў “уручную”, як гэта рабілася традыцыйна – замест 5-7 чалавека/год спатрэбіўся толькі 1 чалавека/год. Несумненна і тое, што рашэнне канкрэтных прыкладных задач па функцыянаванні гукавога боку мовы набывае яшчэ большую актуальнасць пры ўліку рэальнага стану беларускай мовы ў сучасным суверэнным грамадстве, а таксама моўнай прасторы сусвету. Прыгадаем такую акалічнасць, што спецыяльнае падраздзяленне ЮНЕСКА, якое займаецца захоўваннем моў свету як жывых прадстаўнікоў культурнай спадчыны планеты, аднесла беларускую мову «к потенцыйнаму угрожаным языкам» [4]. Атрымліваецца, калі сучасная тэндэнцыя кардынальна не зменіцца, дык у бліжэйшыя дзесяцігоддзі мы можам згубіць яшчэ адну жывую мову Зямлі – славянскую беларускую мову, якая, да таго ж, дзяржаўная, як ніякая іншая ў гэтай катэгорыі еўрапейскіх моў. Таму значнасць стварэння аўтаматызаваных праграм

канвертацыі арфаграфічных запісаў беларускага слова ў фанетычнае маўленне нават цяжка пераацаніць. Такім чынам, паспяховае ўзаемадзейне спецыялістаў лінгвістычнага і інфармацыйнага кірункаў, у выніку якога і быў створаны першы ў беларускім мовазнаўстве “Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы”, паказвае перспектывынасць і запатрабаванасць далейшых міждысцыплінарных даследаванняў.

ЛІТАРАТУРА

1. Арфаэпічны слоўнік беларускай мовы / Нац. акад. навук Беларусі, Інстытут мовазнаўства імя Якуба Коласа, Аб’яднаны інстытут праблем інфарматыкі; уклад.: В.П. Русак, Ю.С. Гецэвіч, С.І. Лысы, В.А. Мандзік. – Мінск: Беларус. навука, 2017. – 757 с.
2. Слоўнік беларускай мовы; навук. рэд. А.А. Лукашанец, В.П. Русак. – Мінск: Беларус. навука, 2012. – 916 с.
3. Лабанаў, Б.М., Цырульнік, Л.І. / Камп’ютарны сінтэз і кланіраванне маўлення. Б.М. Лабанаў, Л.І. Цырульнік. – Мінск: Беларус. навука, 2008. – 344 с.
4. HELSINGIN YLIOPISTO [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.helsinki.fi/~tasalmin/europe/index.html>. – Дата доступа: 08.01.2018.

ФАЗОВЫЕ СУБСТАНТИВЫ КАК БАЗОВЫЙ КОМПОНЕНТ ТЕМПОРАЛЬНЫХ ПРЕДЛОЖНЫХ ЕДИНИЦ

PHASE SUBSTANTIVES AS A BASIC COMPONENT OF TEMPORAL PREPOSITIONAL UNITS

А.Ч. Рыжкович

A. Ryzhkovich

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

E-mail: annamichalouskaya@mail.ru

Количество предлогов постоянно увеличивается за счет знаменательных лексем, которые, оставаясь в рамках своей части речи, одни или в сочетании с первичными предложениями, способны выполнять предложную функцию [4]. Структура аналитической предложной единицы (далее – ПЕ) включает в себя базовый компонент (знаменательную лексему) и первичные предлоги (в пре- и постпозиции).

Существительное, выступающее в роли базового компонента, в рамках своей части речи имеет морфологическую парадигму. При втягивании в поле предлога его морфологические категории числа и падежа сохраняются, поэтому предложиваться могут несколько

словформ существительного. Как отмечает М.И. Конюшкевич, в поле предлога втягивается строевая лексика (слова-связки *быть* – *в бытность* кого/кем), модификаторы – модальная лексика (*желать* – *в желании* увидеть, *надеяться* – *в надежде на* встречу) и фазовая лексика (*завершить* – *в завершение* чего, *заклЮчить* – *в заключение* чего), реляторы (*иметь* – *за неимением* чего, *зависеть* – *в зависимости от* чего, *зависимо от* чего, *независимо от* чего), параметрическая лексика (*ширина* – *шириной 2 метра*, *возраст* – *в возрасте 50 лет*, *высота* – *высотой пять метров*) [1, с. 64].

В сознании человека существует два представления о времени – циклическом и линейном, т. е., с одной стороны, время воспринимается как последовательность повторяющихся событий, с другой стороны – как линия, имеющая начало, середину и конец. Поэтому существительные со значением фазовости действия активно образуют темпоральные предложные единицы.

Списочный состав существительных со значением фазы действия или события включает в себя *конец*, *завершение*, *заклЮчение*, *исток*, *исход*, *итог*, *край*, *начало*, *окончание*, *очередь*, *пик*, *разгар*, *расцвет*, *середина*, *склон*. ПЕ: рус. *в конце* чего, *в завершение* чего, *в середине* чего, *на исходе* чего, *по окончании* чего.

Значение фазисности свойственно практически всем предикатам, за исключением стальных (т. е. процесс или действие имеет начало и конец). Временной интервал также может быть разделен на промежутки: *начало* – *середину* – *конец*. Существительное *начало* обозначает «первый момент какого-либо действия, процесса, явления» [3], *середина* – это «время, приблизительно одинаково отдаленное от начала и конца чего-либо; промежуточный момент в развитии, ходе чего-либо» [3], *конец* – это «последний момент чего-либо, что имеет продолжительность во времени, а также время, связанное с этим моментом; завершение, окончание (дела, действия и под.)» [3]. Этим обусловлено большее количество предложных единиц с данными словформами.

В русском языке существительные *начало*, *конец*, *середина* входят в состав 177 предложных единиц. Базовый компонент *начало* образует 77 предложных единиц: *в начале* чего, *при начале* чего, *через* какое время ... *от начала* чего, *от начала* чего ... *до* какого времени, *за* какое время ... *до начала* чего, *до начала* чего, *с начала* чего, *к началу* чего, *на начало* чего, *через* какое время ... *после начала* чего, *после начала* чего, *спустя* какое время ... *после начала* чего, *на* какое время ... *после начала* чего, *перед началом* чего, *с* какого времени ... *по начало* чего, *с конца* чего ... *по начало* чего, *с середины* чего ... *по начало* чего и др.

В синтаксемах: *в начале 1937 года, при начале казни, от начала лечения до полного выздоровления, через 1 и 2 секунды от начала движения, до начала февраля, с начала 90-х, к началу нового тысячелетия, на начало нынешнего года, через полчаса после начала обеда, после начала войны, на второй день после начала войны, спустя месяц после начала занятий, перед началом финального турнира, с февраля по начало марта, с конца апреля по начало июля, с середины января по начало марта.*

Базовый компонент *конец* – структурный элемент 65 предложных единиц: *до конца* какого времени, *за сколько* единиц времени ... *до конца* чего, *от конца* какого времени, *от конца* какого времени ... *до начала* чего, *от конца* какого времени ... *и до* какого времени, *с конца* какого времени, *с конца* какого времени ... *по* какое время, *к концу* чего, *при конце* чего, *под конец* чего, *в конце* чего. В синтаксемах: *до конца июля, до конца 90-х, за 15 минут до конца встречи, от конца апреля 1881 года, от конца следствия и до похорон, от конца эпохи праславянского единства, с конца прошлого года, с конца прошлого года по август нынешнего, к концу осени, при конце мира, под конец поездки, в конце 1980-х годов, в конце третьей недели.*

35 предложных единиц образовано на основе базового компонента *середина*: *до середины* чего, *от середины* какого времени, *с середины* чего, *к середине* чего, *на середину* какого времени, *после середины* чего, *в середине* чего. В синтаксемах: *до середины двадцатых годов, с середины дня, к середине лета, по данным на середину 2012 года, после середины восьмидесятых, в середине лета.*

Базовые компоненты *начало*, *конец*, *середина* могут входить в состав предложных единиц как в беспредложной форме (*начала* чего, *средины* чего, *конца* чего), так и в сочетании с первичными предложениями (*до начала* чего, *к концу* чего, *в середине* чего). Базовый компонент *начало* в форме родительного падежа сочетается с первичными предложениями *до*, *от*, *с*, *после* (*до начала праздника, от начала времен, с начала 2010 года, после начала военной операции*), в форме дательного падежа – с предлогом *к* (*к началу концерта*), в форме творительного падежа – с предлогом *перед* (*перед началом урока*), в форме предложного падежа – с предлогами *в* и *при* (*в начале 90-х, при начале казни*).

Существительное *конец* в роли базового компонента сочетается с предлогами *от*, *с*, *к*, *под*, *по*, *перед*, *в*, *при* и входит в состав ПЕ в форме родительного, дательного, винительного, творительного и предложного падежей (*с конца августа, к концу свадьбы, под конец программы, перед концом вечерней поверки, в конце лета*). Базовый

компонент *середина* входит в предложное сочетание в форме родительного, дательного, винительного и предложного падежей (*до + Р. п.: до середины июля, от + Р. п.: от середины марта, после + Р. п.: после середины дистанции, с + Р. п.: с середины 70-х гг., к + Д. п.: к середине 1980 года, на + В. п.: на середину мая, в + П. п.: в середине весны*).

Количество членов парадигмы с базовым компонентом данной группы увеличивается за счет включения в состав предложной единицы интенсификатора *самый* (*до самого начала войны, с самого начала школьного обучения, в самом начале недели, до самого конца урока, к самому концу весенней сессии, в самом конце 2002 года, в самой середине месяца*), аппроксиматоров и проксиматоров – показателей неточного и точного времени (*аккурат к началу Олимпиады, ближе к началу вечера, вплоть до начала XX века, где-то в начале осени, приблизительно с начала месяца, как минимум с конца каникул, приблизительно к концу зимы, почти до середины лета, максимум в середине 2018-го*).

Базовые компоненты *начало, конец, середина* входят в состав многокомпонентных образований: *от начала лечения до полного выздоровления, от начала XX века до конца второй мировой войны, от конца следствия и до похорон, с середины февраля по начало марта*.

Начальную стадию действия или события обозначают следующие существительные: *заря* (1 ПЕ: *на заре цивилизации*), *исток* (1 ПЕ: *у истоков художественного творчества*), *рассвет* (1 ПЕ: *на рассвете жизни*).

В русском языке базовые компоненты, обозначающие заключительную фазу действия, образуют следующие предложные единицы:

– *окончание*: *за сколько единиц времени ... до окончания чего, до окончания чего, от окончания чего ... до чего, с окончания чего, по окончании чего, в окончание чего, в окончании чего, при окончании чего, через какое время ... после окончания чего, после окончания чего, перед окончанием чего и др. (15 предложных единиц)*. В синтаксемах: *за семь минут до окончания основного времени, до окончания срока годности, от окончания судебного производства до фактического выбытия из СИЗО, от окончания войны в Пруссии до кампании 1812 года, с окончания войны, по окончании песни, при окончании зимнего курса, через десять минут после окончания пресс-конференции, после окончания совещания, перед окончанием учебного года*;

– *завершение*: до завершения чего, к завершению чего, за сколько единиц времени ... до завершения чего, по завершении чего, по завершению чего, в завершение чего, в завершении чего и др. (14 предложных единиц). В синтаксемах: **за пять минут до завершения обеда, до завершения периода** дозаявок, **с завершением вахты, к завершению следующего года, по завершении сессии, в завершение фестиваля, в завершении беседы**;

– *закат* (5 ПЕ): после заката чего, под закат чего, перед закатом чего, с закатом чего, на закате чего. Напр., **перед закатом жизни, под закат** корпоратива, **под закат** «перестройки», **после заката** Римской империи, **на закате** брежневского социализма, **на закате СССР**;

– *исход* (5 ПЕ): к исходу чего, с исходом чего, на исходе чего, в самом исходе чего, как-то на исходе чего. Напр., **к исходу** ночи, **на исходе** вторых суток, **в самом исходе** апреля;

– *итог* (3 ПЕ): по итогам чего, по итогам за какое время, по итогам на какое время. В синтаксемах: **по итогам** встречи, **по итогам за 2010 год, по итогам на 20.00**;

– *заключение*: в заключение чего (1 единица), напр., **в заключение** лекции.

– *край* (1 ПЕ): у самого края чего (потенциальный предлог; РК [96]);

– *склон* (1 ПЕ): на склоне чего (**на склоне** лет).

Также в данную группу попал базовый компонент *очередь* (бел. *чарга*), который обозначает «определенный порядок в следовании чего-л.» [218]: **в первую очередь** чего.

В группе наименований временного порядка на периферии находятся существительные, обозначающие «высшую степень развития чего-л., подъем» [2]. Это базовые компоненты *разгар*, *расцвет*, *тик*. Наибольшее количество (13 ПЕ) образует базовый компонент *разгар*. В составе ПЕ это существительное употребляется в форме родительного, дательного, винительного и предложного падежа с первичными предлогами *до* (**до разгара** российского кризиса), *к* (**к разгару** пиришествия), *в* (**в разгар** мировой войны, **в разгаре** лета), *на* (**на разгар** советской власти), *при* (**при разгаре** страстей). В состав ПЕ с базовым компонентом *разгар* входит интенсификатор *самый* (4 ПЕ: **до самого разгара** войны, **к самому разгару** боя, **в самый разгар** скандала, **в самом разгаре** цветущего застоя) и проксиматор *аккурат* (**аккурат в разгар** праздничной вакханалии). Существительное *разгар* может выполнять функцию экспликатора в составе ПЕ: **в период разгара** болезни, **в периоде разгара** заболевания.

Базовый компонент *расцвет* – основа для образования 6 предложных сочетаний: *с расцвета демократии, в расцвет парусного мореплавания, на расцвете студенческих лет, при расцвете русского народного хозяйства, в расцвете своей карьеры, еще до расцвета Эллады*. Активная форма предложного падежа (3 ПЕ). Существительное *пик* является базовым компонентом 5 ПЕ (*к пику своего расцвета, в пик курортного сезона, на пик боевых действий, в пике заоя, на пике научной карьеры*).

Предложные единицы, образованные от существительных, обозначающих фазы действия, способны вступать в синонимические отношения (*при окончании учебного года – в конце года, под окончание беседы – в конце беседы, в завершение концерта – в конце концерта*) и образовывать антонимические пары. Это также служит доказательством «определенности» единиц данной группы. Напр., предлог *к концу* образует антонимическую пару с предлогом *к началу* и синонимические ряды с предлогами *к окончанию* чего, *к завершению* чего, *к исходу* чего. В данной группе наблюдается высокая степень вариативности и двойное предложное управление: ср. рус. *в завершение встречи – в завершении встречи*.

В структуре перечисленных предложных единиц часть базовых компонентов метафоризируется и реализует свое переносное значение, в словарях, как правило, данные существительные приводятся под знаком ромба: напр., рус. *на склоне дня (к концу дня), на склоне лета (в конце лета), на заре жизни (в начале жизни), на закате лет (в конце жизни), на рассвете жизни (в начале жизни)*.

Базовый компонент темпоральной предложной единицы – это знаменательная лексема с ослабленным лексическим значением. В роли базового компонента темпоральных предложных единиц может выступать субстантив со значением фазовости действия. Существительное, которое в качестве базового компонента входит в предложную единицу, наряду со служебной ролью элемента форманта синтаксемы, сохраняет свое лексическое значение, но в состав форманта оно входит не всей лексемой, а только частью своих словоформ. Число единиц в предложной парадигме зависит от количества первичных предлогов, входящих в предложную единицу; значения существительного, управляемого предложным сочетанием.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конюшкевич, М.И. Релятивный потенциал имени / М.И. Конюшкевич // Лінгвістичні студії: зб. наук. праць / Донецький нац. ун-т ; наук. ред. А. Загнітко. – Донецьк, 2008. – Вип. 16. – С. 60–66.

2. Словарь русского языка: в 4 т. / РАН, Ин-т лингвистич. исследований; под ред. А. П. Евгеньевой. – 4-е изд., стер. – М. : Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999. – 4 т.
3. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / АН СССР, Ин-т рус. яз.; гл. ред. В.И. Чернышев. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1948–1965. – 17 т.
4. Шуба, П.П. Прыназоўнік у беларускай мове / П.П. Шуба. – Мінск: БДУ імя У. Леніна, 1971. – 224 с.

МНОЖНАЛІКАВЫЯ СУБСТАНТЫЎНЫЯ НЕАЛАГІЗМЫ Ў ГРАМАТЫЧНАЙ СІСТЭМЕ СУЧАСНАЙ БЕЛАРУСКАЙ МОВЫ

SUBSTANTIVE NEOLOGISMS PLURALIA TANTUM IN THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE GRAMMATICAL SYSTEM

A.V. Seмянькевіч

O.V. Semenkevich

Мінскі дзяржаўны лінгвістычны ўніверсітэт
Мінск, Беларусь

Minsk State Linguistic University
Minsk, Belarus

E-mail: oksana-bel@inbox.ru

Множналікавыя назоўнікі застаюцца актуальным аб'ектам граматычных даследаванняў, нягледзячы на працяглую і паспяховую гісторыю вывучэння. Абумоўлена гэта тым, што лінгвісты так і не прыйшлі да адзінства ў поглядах на прыроду феномену *pluralia tantum* (далей *plt*), на яго ўзаемадзеянне з лексічнай семантыкай, на месца плюратываў у катэгорыяльнай сістэме субстантыўнага ліку. Некаторыя мовазнаўцы лічылі гэты лексіка-граматычны клас анамальнай, перыферыйнай і непрадуктыўнай граматычнай з'явай і нават выводзілі за межы сістэмы катэгорыі ліку [1, с. 391]. У нестандартнасці і асістэмнасці назоўнікаў *plt* лінгвісты бачылі аснову іх рэліктавасці і непрадуктыўнасці. Напр., А.В. Ісачанка пісаў, што “разрад *plt* у рускай мове амаль непрадуктыўны” [2, с. 81], а А.Н. Собалеў мяркуе, што “цалкам магчымымі ўяўляюцца прыватныя славянскія сістэмы, у якіх мадэль *plt* была б шляхам сінгулярызацыі зведзена да мінімуму ці знікла зусім” [3, с. 112]. Аднак нашы назіранні дазваляюць не пагадзіцца з такім бачаннем перспектыўнасці гэтага лексіка-граматычнага класа. Аналіз беларускіх множналікавых назоўнікаў паказвае, што гэты клас субстантыўнай лексікі не толькі не “зводзіцца да мінімуму”, але і актыўна папаўняецца новымі адзінкамі. Лексічны склад любой мовы сілкуецца з дзвюх асноўных крыніц:

новаўтварэнняў на базе ўласных рэсурсаў і запазычанняў, аформленых па словаўтваральных і граматычных законах мовы-рэцыпіента. На сучасным этапе развіцця мовы, калі “беларускі лексікон перажывае сапраўдны словатворчы бум” [4, с. 346], актыўна папаўняецца новымі адзінкамі і клас *pl*. Па падліках аўтараў манаграфіі “Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы”, у слоўніках беларускіх лексічных інавацый зафіксавана 45 множналікавых назоўнікаў [4, с. 78]. Мы выбралі з беларускіх слоўнікаў неалагізмаў усе назоўнікі, якія маюць паметы *толькі мн.* ці *адз. няма* і прааналізавалі іх паводле семантычных, марфалагічных і словаўтваральных характарыстык (даследаванне праведзена на матэрыяле аўтарскіх слоўнікаў: Шчасная, К.Д. “Слоўнік новай і актуальнай лексікі” (2012), Уласевіч, В.І. “Слоўнік новых слоў беларускай мовы” (2009). Улічваючы, што ў беларускім мовазнаўстве фіксацыя інавацый наладжана недастаткова адэкватна, мы прыцягвалі да аналізу і тыя лексемы, якія суб’ектыўна лічым новымі).

Большасць з выбраных назоўнікаў складаюць запазычанні. Аналіз неалагізмаў-плюратываў у аспекце прадметна-тэматычнай тыпалогіі, камунікатыўнай запатрабаванасці і ступені адаптаванасці выявіў наступныя заканамернасці. Найбольшую дынаміку выяўляюць запазычанні з канкрэтна-прадметным значэннем. Канкрэтная лексіка ўтварае такія ж актуальныя тэматычныя групы, якія характэрны для ўсіх новых запазычанняў. Найперш гэта назвы страў і прадуктаў харчавання, напр.: *мюслі, прэсервы, равіёлі, хачапуры, пачулі, чыпсы, суслі, снэкі, сушы, сушымі, вон-тон, норы, сурымі*. Большасць пералічаных назоўнікаў марфалагічна не адаптавалася з прычыны фанетычнай экзатычнасці або (і) функцыянальнай неактыўнасці. Сведчаннем гэтага з’яўляецца іх арфаграфічная, акцэнталагічная і граматычная варыянтнасць, якую фіксуюць лексікаграфічныя працы. Граматычная нестабільнасць у той ці іншай ступені з’яўляецца характэрнай рысай усіх запазычанняў, на што ўплывае цэлы спектр фактараў, але ў класе множналікавых субстантываў яна выяўляецца найбольш выразна. Плюральнае лікавае афармленне назваў прадуктаў і страў выклікана дэнататыўнай множнасцю аб’ектаў наймення, пераважным ужываннем у зборна-рэчывых кантэкстах. Аднак у кантэкстах з указаннем на колькасную ці якасную вызначанасць аб’екта, некаторыя з пералічаных назоўнікаў могуць ужывацца ў форме сінтаксічнага адз. л. з ваганнямі формы роду. Уплывае на марфалагічную адаптацыю і нацыянальна-культурны кампанент значэння запазычанага слова. Напрыклад, слоўнікі прэзентуюць лексему *снэкі* як *pl*. Англійскі назоўнік *snack* мае поўную парадыгму (*snack – snacks*) і абазначае як

прадукт для лёгкай закускай, так і сам працэс яго ўжывання. Аднак у розных народаў вельмі розныя прадукты абазначаюцца паняццем *снэкі*. Рухомасць аб'ёму семантыкі гэтага запазычання ў беларускай мове абумоўлена высокай дынамікай інтэграцыйных працэсаў на рынках прадуктаў харчавання і ў сродках камунікацыі. Спачатку *снэкамі* называлі закускай кшталту чыпсаў, арэшкаў, папкорну і пад. Плюральная форма назоўніка *снэкі* падтрымлівалася недыскрэтнасцю рэчыўнага рэфэрэнта. Аднак паступова *снэкамі* сталі называць любыя прадукты, якія ўжываюцца паміж асноўнымі прыёмамі ежы. Дыскрэтны кантэкст стварыў ўмовы для ўжывання гэтага назоўніка і ў форме адз. л.

Другой па колькасці адзінак групай канкрэтных плюральнааформленых новых запазычанняў з'яўляюцца назвы адзення і абутку, напр.: *тыкіні, стрынгі, слаксы, легінсы, джэзінсы, бойфрэнды, кюлоты, мантаны, тайтсы, чынас (чынасы), слаксы, хіпстары, джогеры, танга, бразільяна, капры, батыльёны*. Як бачна з прыкладаў, самай шматлікай па колькасці адзінак з'яўляецца тэматычная група назваў адзення, якое надзяваецца на ногі. Множналікавая форма (у флексійна не адаптаваных лексем выражаецца сінтаксічна) абумоўлена намінацыйным стандартам – у беларускай мове такія назвы маюць толькі плюральную форму (выключэнне складае толькі нескланяльны назоўнік *трыко*, але і ён мае некадыфікаваны множналікавы варыянт). Назвы гэтага віду адзення з'яўляюцца самай дынамічнай лексічнай групай беларускіх *plт*, што абумоўлена іх камунікатыўнай запатрабаванасцю і развіццём фэшн-індустрыі. Што датычыцца назваў абутку, то пералік варта было б дапоўніць такімі лексемамі, якія яшчэ не паспелі трапіць у слоўнікі інавацый (напр., *адзідасы, блогі, оксфарды, дэрбі, лоферы, эспадрылы*). Назвы абутку лінгвісты адносяць, як правіла, да плюральна арыентаваных субстантываў, аднак нашы назіранні паказваюць, што новыя запазычанні не ўжываюцца ў дыстрыбутыўных кантэкстах, бо функцыянальна запатрабаваным з'яўляецца якасны (від абутку) кампанент іх семантычнай структуры. Пералічаныя назвы адзення і абутку можна аднесці да ліку т. зв. “модных” слоў, ужыванне якіх маркіруе носьбіта як абазнанага ў гэтай галіне. Прысутнасць *plт* сярод такіх слоў толькі пацвярджае наш тэзіс аб іх перспектыўнасці. Астатнія канкрэтныя запазычанні не ўтвараюць рэгулярных, адкрытых для запазычання тэматычных груп: *таро, канзашы, ралеты, нунчакі, гайды, графіці, дрэды, слап-скейты* (разм. *слапы*).

Нязначную колькасць складаюць адзінкі (прычым выключна англіцызмы) абстрактнай семантыкі, якія называюць рэаліі сацыяльна-палітычнага жыцця грамадства. Як правіла, яны з'яўляюцца

варварызмамі, бо маюць сінонімы ў беларускай мове: *медыя*, *мас-медыя* (*масмедыя*), *праймерыз*, *кукі*.

Значна пашырылася ў апошнія два дзесяцігоддзі кола плюрэтываў з запазычанымі прэфіксоіднымі элементамі, напр.: *анты-* (*антылюдзі*); *відэа-* (*відэаданья*); *квасі-* (*квасігрошы*); *еўра-* (*еўравыбары*); *мета-* (*метаведы*); *метэа-* (*метэаданья*, *метэаўмовы*); *міні-* (*міні-лыжы*, *міні-шорты*); *мікра-* (*мікрашалі*); *мульти-* (*мультимедыя*); *тэле-* (*тэледабаты*); *тэрма-* (*тэрмабігудзі*); *нана-* (*нананамеры*); *супер-* (*супермультивітаміны*); *анлайн-* (*анлайн-матэрыялы*, *анлайн-навіны*).

У выніку дзеяння пурыстычных тэндэнцый у сучаснай беларускай мове застаецца адчувальным уплыў польскай і украінскай (у меншай ступені) моў. Актуальнымі сталі словы *стасункі*, *варункі*, *узаеміны*, *народзіны*, *перапросіны*. Утвырыліся новыя сінанімічныя рады, напр., *узаемаадносіны* – *узаемастасункі* – *узаеміны*. У рэчышчы тэндэнцыі нацыяналізацыі павялічваецца прадуктыўнасць некаторых словаўтваральных мадэлей, уласцівых плюрэтывам. У першую чаргу трэба адзначыць аддзяяслоўныя назоўнікі на *-ін(ы)*: *народзіны*, *запросіны*, *адыходзіны*, *расходзіны*, *адведзіны*, *дагледзіны*, *дакладзіны*, *выправіны*, *даручыны*, *змовіны*, *закладзіны*, *замовіны*, *дамовіны*, *памовіны*, *паховіны*, *пацвердзіны*, *праводзіны*, *уважскрасіны*; з нулявым суфіксам: *вымогі*, *склізы*, *вышукі*, *перамовы*; з суфіксальным элементам *-к-*: *вітанкі*, *спадкі* ‘наступствы’, *паследкі*. Некаторыя плюрэльнааформленыя дэвербатывы ўступаюць у канкурэнтныя адносіны з аднакаранёвымі адзіночналікавымі, утвараючы словаўтваральныя варыянты: *запросіны* – *запрашэнне*, *адведзіны* – *адведванне*, *паховіны* – *пахаванне*. Самую высокую ступень канкурэнтаздольнасці выяўляе плюрэтыў *народзіны*. Далёка не ўсе з пералічаных назоўнікаў варта лічыць моўнымі інавацыямі. У большасці выпадкаў яны з’яўляюцца ранейшымі моўнымі здабыткамі, якім непаўнавартасная ўзуальная рэальнасць не дала магчымасці адстаяцца ў мове.

Прадуктыўным застаецца і спосаб утварэння складаных плюрэтываў, напр.: *пенашпалеры*, *лыжаролеры*, *наркадолары*, *ЧМ-ваганні*. Высокую дынаміку некаторых плюрэальных кампазітаў можна прасачыць на прыкладзе намінацый з другой часткай *-курсы*. З развіццём тэхналогій і ўзроўню адукацыі сталі неактуальнымі саветызмы *арткурсы*, *радыёкурсы*, *педкурсы*, затое ўзніклі *інтэрнэт-курсы*, *ІТ-курсы*, *анлайн-курсы*, *стрыптыз-курсы*.

Працягваецца тэрмінаўтваральная традыцыя выкарыстоўваць множналікавыя назоўнікі ў якасці назваў класаў у галіне заалогіі,

біялогіі, хіміі, геалогіі, фізіялогіі і інш., напр.: *аўтабранзанты, антыпірэтыкі, біярэсурсы, кераміды, ліпіды, энзімы* і інш.

Зафіксаваны і новыя множналікавыя субстантываты, якія называюць сукупнасць асоб, напр.: *апытаныя, карычневыя* (па мадэлі *дамашнія, прысутныя*) і назвы грашовых выплат, напр.: *падарункавыя, крэдытныя* (па мадэлі *сутачныя, пад'ёмныя*).

Такім чынам, аналіз прыкладаў паказвае, што беларускія множналікавыя назоўнікі з'яўляюцца стабільным, дынамічным і перспектыўным лексіка-граматычным класам. Стабільнасць гэтага лексіка-граматычнага класа абумоўлена дзеяннем выпрацаваных у мове дэрывацыйных механізмаў, у межах якіх дзейнічаюць таксанамічныя намінацыйныя стандарты лікавага афармлення назоўнікаў. Аднак ступень стабільнасці і дынамічнасці ў розных лексіка-граматычных групам неаднолькавая, што дэтэрмінуецца экстаралінгвістычнымі фактарамі.

ЛІТАРАТУРА

1. Реформатский, А.А. Число и грамматика / А.А. Реформатский // Вопросы грамматики: сб. ст. к 75-летию акад. И.И. Мещанинова / Акад. наук СССР, Ин-т языкознания; редкол.: В.А. Аврорин., В.М. Жирмунский (отв. ред.) [и др.]. – Л.; М., 1960. – С. 384–400.
2. Исаченко, А.В. Грамматический строй русского языка в сопоставлении с словацким: Морфология / А.В. Исаченко. – 2-е изд. – М.: Языки славянской культуры, 2003. – 880 с.
3. Соболев, А.Н. Славянские PLURALIA TANTUM. Проблема дефектной парадигмы / А.Н. Соболев // Южнославен. филолог. – 2005. – № 61. – С. 95–115.
4. Дынаміка літаратурнай нормы сучаснай беларускай мовы / [Н.П. Еўсіевіч; навук. рэд. В.П. Русак]. – Мінск: Беларус. навука, 2015. – 439 с.

СЕМАНТИЧЕСКИЕ И ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ГРАНИЦЫ ИРОНИИ В ПАРАДИГМЕ КОМИЧЕСКОГО

SEMANTIC AND AESTHETIC PARAMETERS OF IRONY IN THE FRAMEWORK OF COMICALITY

О.И. Уланович, С.В. Змитракович

O.I. Ulanovich, S.V. Zmitrakovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: UlanovA@bsu.by

Активно практикуемое выделение и дефиниция видов комического исключительно «по наитию» оставляет открытым вопрос о конкретизации категориальных параметров различных его форм в семантическом пространстве смешного. Это порождает существующее непонимание дифференцирующих признаков, например, сарказма и сатиры, остроты и иронии, не говоря уж о повсеместном смешении видов и средств создания комического, следствием чего является часто встречаемое причисление гротеска, гиперболы, аллегории к видам комического, а не средствам.

В качестве критерия определения эстетических и семантических границ видов комического предлагаем взять акцентуруемые польским ученым Б. Дземидоком «степень сложности формы комического» и «меру заключенного в ней критицизма» [4, с. 66]. Это позволяет нам предложить следующую иерархическую парадигму комического: *юмор, острота, ирония, сатира, сарказм*. Отмеченные виды представляют несколько отличные друг от друга плоскости отношений в социальной коммуникации. Наиболее безобидный и беззлобный, но не беззубый смех присущ *юмору*. *Острота* – интеллектуальная шутка с двойным дном, интегрирующая лесть и анти-комплимент, любезность и колкость, похвалу и неодобрение. *Ирония* – снисходительная насмешка над диссонансом реального и идеального, идейно-эмоциональная оценка и форма эстетических взаимоотношений ироника и действительности. *Сатира* – социально ценностная форма осмеяния, насмешливо-поучающая, морализирующая и критикующая, навязывающая субъекту принятие социальной нормы. Венчает парадигму комического наиболее злобный и ядовитый, конфликтный и ликоущемляющий *сарказм*.

Согласно мнению ряда исследователей, ирония – древнейший из видов комического, обязанный своим появлением искусству слова

Сократа, Аристотеля, Демосфена, Платона. Ирония помогала Сократу простодушно и изящно высмеивать самодовольство и обыденность сознания софистов. Современные исследования иронии строятся на переосмыслении ее античного «сократовского» понимания в контексте специфики семантического пространства современной социальной коммуникации. Как замечает Ю.А. Кирюхин, в пространстве постмодернизма «ирония начинает ‘размывать’ свои первоначальные генетические ориентиры и ‘обрастает’ новыми смыслами» [6].

Постмодернизм, как состояние современной культуры, в качестве основных «симптомов» имеет заимствование уже готовых форм (мотивов, сюжетов, смыслов) и их ироничное переосмысление – «неклассическую интерпретацию и трактовку для придания свежести классическим формам и традициям» [6]. Вся современная культура, по утверждению Ю.А. Кирюхина – это «единое пространство всеобъемлющей иронии». Экспансия иронии сегодня «тотальна и повсеместна»: ее мотивы звучат в межличностной коммуникации, искусстве, журналистике, рекламе, политике, науке и т. д. – «во всех областях культурного взаимодействия обнаруживаются следы присутствия этой формы комического». Но, как далее акцентирует ученый, абсолютно ошибочны попытки интерпретировать современную иронию через понятия «ерничанье», «стеб», «цинизм», «скепсис»: «проблема иронии намного серьезнее и глубже простого комического шаржирования и комической мистификации» [6].

Важно заметить, что собственно лингвистическое направление исследования иронии, реализованное в трудах Н.Д. Арутюновой, М.А. Багдасарян, Н.А. Веселовой, А.А. Волковой, И.Р. Гальперина, Л. Витгенштейна, Ю.М. Скребневой и др., представляет иронию как **троп**. В этом же формате дефинируется ирония в подавляющем большинстве представленных в глобальной сети электронных словарей и справочников. Статуса **вида комического** ирония удостоивается в трудах ученых философского, культурологического, психологического направлений, стремящихся узреть внутренние механизмы иронии и уяснить факторы ее ценностно-смысловой актуализации.

Диапазон определений иронии столь широк и разнообразен, что приходится констатировать отсутствие единого мнения относительно ее специфики, социальных функций и эстетических границ.

Так, Ю. Борев определяет иронию как «притворство, намерение в шутку или насмешку сказать нечто противоположное тому, что человек думает, но сказать так, чтобы явить истинный смысл ситуации» [2, с. 92]. Внутреннюю сущность иронии Ю.А. Кирюхин видит

в противопоставлении буквального смысла слов их истинному значению. В качестве важной характеристики иронии Ю.А. Кирюхин отмечает семантическую неоднозначность фигуры иронии: с одной стороны, ирония – это высмеивание некоей реальности, основанное на сомнении в ее истинности, с другой – испытание реальности на прочность, что оставляет надежду на ее истинность [6]. Т.А. Желватых, рассматривая иронию как интеллектуальную эмоцию, проистекающую из несоответствия объекта иронии исходному идеалу ироника, тонко замечает, что «объект по своим достоинствам может не только в чем-то уступать идеалу, но в редких случаях его превосходить». В зависимости от сопутствующих иронии эмоциональных оттенков ирония может иметь характер как положительной, так и отрицательной интеллектуальной эмоции [5, с. 7]. Тем самым, дискуссионным видится традиционное наделение иронии исключительно негативно-оценочными характеристиками.

Итак, единым в отмеченных выше и многих других определениях иронии выступает признание ее в качестве уникальной формы идейно-эмоциональной оценки и эстетического отношения между субъектом (ироником) и объектом действительности. Семантические границы иронии четче выявляются через сравнительный анализ различных видов комического.

Как отмечает А.Ф. Артемова, ирония – это нечто среднее между юмором и сатирой [1, с. 6], целью которой является не унижение собеседника, а демонстрация собственного превосходства и самоутверждение говорящего за счет тонкой и колкой насмешки.

Ю.А. Кирюхин, в свою очередь, причину иронического осмеяния видит не столько в самоутверждении говорящего, сколько в необходимости самозащиты, проистекающей из реалий современного контекста: «такое осмеяние служит своего рода защитным механизмом, поскольку через иронию субъект как бы виртуализирует самого себя в новом пространстве комически-противоречивых и, нередко, сомнительных смыслов» [6].

Сколь контрастными не казались бы на первый взгляд данные гипотезы относительно причинности иронии, взаимодополняющего в них куда больше, чем взаимоисключающего: бросающий вызов личностному достоинству контекст современной жизни провоцирует потребность личности в самоутверждении и психологической защите, инструментом чего в постмодернистском обществе выступает ирония, позволяющая любую реалию подвергнуть тому типу осмеяния, которое «нечто превращает в ничто» (Аристотель). Тем самым ирония как форма межсубъектной коммуникации и способ восприятия бытия

является особым эстетическим способом рефлексии и механизмом психологической защиты личности.

В семантическом плане ирония более агрессивна, чем юмор, но менее атакующая, чем сатира. К.А. Воробьева оценивает иронию как более индивидуальную и интеллектуальную, чем юмор, и менее активную и социально окрашенную, чем сатира [3, с. 5]. С мнением солидарна и О.Г. Петрова, отмечающая, что «ирония менее агрессивна, более интеллектуальна, аполитична по своему характеру, но чаще всего она ничуть не менее критична, чем сатира» [7, с. 65].

Mrs. Hudson: *Tea, Mr. Holmes?* – ‘Чай, мистер Холмс?’

Holmes: *Is it poisoned, nanny?* – ‘Он отравлен, милочка?’

Mrs. Hudson: *There's enough of that in you already* – ‘**В Вас достаточно яда**’ (х/ф «Шерлок Холмс»).

Список дифференцирующих признаков иронии в парадигме комического можно пополнить следующими. От остроты ирония отличается, главным образом, меньшей степенью эстетичности и отсутствием снисходительности по отношению к собеседнику: острота не является формой языковой агрессии, в иронии же элемент агрессии присутствует. Острота вполне может быть принята адресатом как похвала (остаться не декодированной), что и актуализирует наличие в ситуации остроты третьего лица (декодирующего колкость) «чтобы совершился доставляющий удовольствие процесс» (З. Фрейд), при этом понимание адресантом иронизирующего осмеяния ироника обязательно.

Little Gru: *Mom, someday I'm going to go to the moon!* – ‘Мама, однажды я полечу на Луну’.

Gru's mom: *I'm afraid you're too late, son. NASA isn't sending the monkeys anymore* – ‘Боюсь, ты опоздал. НАСА больше не посылает в космос обезьян’ (м/ф «Гадкий Я»).

Уникальной чертой иронии, отличающей ее от сатиры и сближающей с юмором / шуткой, является способность к одновременной направленности на объект и на себя: объектом иронии может быть сам иронизирующий, что раскрывает потенциал иронии в качестве специфического метода саморефлексии. Зачастую, несмотря на кажущийся критический характер фигуры самоиронии, отрицательный контекст высказывания может воплощать положительную оценку, как, например, в следующем примере: говорящий иронизирует не для умаления собственной коммуникативной способности, а для восхищения красотой девушки.

Bernard: *Anyway, you had the chance with her. What did you talk about?* – ‘Итак, у тебя был шанс пообщаться с ней. И о чем ты с ней говорил?’.

Manny: *Offshore wind farms. I couldn't think of anything else. – ‘О прибрежных ветряных электростанциях. Я не мог думать о чем-либо другом’* (к/ф «Книжная лавка Блэка»).

Итак, благодаря своей двойственной природе, одновременного сочетания ‘blame-by-praise’ и ‘praise-by-blame’, ирония представляет собой двусмысленную насмешку или антифразис – понимание за сказанным противоположного, а также выступает показателем высокого интеллектуального уровня собеседника, способом духовного саморазвития личности и способом специфического эстетического отношения к бытию.

Единство мнений ученых обнаруживается в признании **парадокса** в качестве ключевого элемента иронии: «Ирония – форма парадоксального» [8, с. 283]. Это и подтверждают результаты нашего исследования: из 32 контекстных примеров реплик киноперсонажей самым распространенным средством иронии является **парадокс**.

Так, в следующем примере парадоксальность ситуации задается **риторическим вопросом**: *What's up, Harry? Did NASA find oil on Uranus, man?* – ‘Что стряслось, Гарри? НАСА нашла нефть на Уране?’ (х/ф «Армагеддон»).

Парадоксально и следующее оправдание вредного пристрастия: пусть курение убьет раньше, нежели проблемы станут невыносимыми:

Dad: *Siggy?* – ‘Сигаретку?’.

Briget Jones: *No, no, thanks. I've given up again* – ‘Нет, спасибо. Я снова бросила’.

Dad: *Shame. I find them very useful. I take great comfort in the fact, that they might kill me before things actually get worse* – ‘Позор! Я нахожу сигареты очень полезными. Утешаюсь мыслью, что они могут убить меня раньше, чем все станет еще хуже’ (х/ф «Бриджит Джонс: на грани разумного»).

Неожиданная реакция согласия вместо ожидаемого категоричного протеста знаменует парадокс в следующей ситуации самоиронии:

Lou Clark: *Every time I speak, he looks at me like I'm stupid* – ‘Когда я говорю, он смотрит на меня как на дурочку’.

Treena Clark: *To be fair, you are pretty stupid* – ‘Но ты и вправду глупенькая’.

Lou Clark: *Yeah, but he doesn't know that yet* – ‘Но ему-то откуда это знать?’ (х/ф «До встречи с тобой»).

В иронических высказываниях активно эксплуатируется потенциал тропов (*метафора, метонимия, гипербола*), фигур речи (*аллюзии, параллелизм, антитеза*) и экспрессивных лексем (*сленгизмы, фамильяризмы, инвектива*) зачастую при их интегративном использовании:

– *Well you're running things now, huh? Man in the suit got it all figured out?* – ‘Теперь ты здесь главный, да? **Чувак в костюме** все просчитал?’.

– *No, man in the suit doesn't have it all figured out, but man with the gun needs to understand what man in the suit is trying to accomplish here, all right?* – ‘Нет, **чувак в костюме** не все просчитал, но **чувак с пистолетом** должен понять, чего хочет достичь **чувак в костюме**, ясно?’ (х/ф «Как украсть небоскреб»).

Важным инструментом формирования иронии являются так называемые *фигуры мысли (риторический вопрос, умолчание)*. Так, в примере посредством риторического вопроса героиня демонстрирует протест против неподобающего к ней отношения, самоиронизируя:

Carl: *Go get my phone book, will you? Get my phone book. Get those names of those guys from NASA* – ‘Давай-ка, принеси мою записную книжку. Возьми записную книжку. Найди там телефоны парней из НАСА’.

Dottie: *Excuse me! Am I wearing a sign that says, "Karl's slave"?* – ‘Прости! **На мне что, табличка с надписью «Рабыня Карла»?**’ (х/ф «Армагеддон»).

При передаче самоиронии также задействуются самые разные вербальные средства (*синтаксический параллелизм, антитеза, инвективная лексика*): самоирония ничуть не более снисходительна, чем ирония в отношении стороннего лица / объекта:

Bernard: You. What did you say to Kate? She thinks I'm the renaissance. She'll think I've lied; I had to go along with all this reclusive genius stuff. She'll be really upset when she finds out I'm a reclusive wanker – ‘Что ты сказала Кейт? Она думает, что я человек эпохи Возрождения. Она подумает, что я соврал, и мне придется играть эту роль отчужденного гения. Она сильно разочаруется, узнав, что я отчужденный драчун’ (к/ф «Книжная лавка Блэка»).

Типологических средством формирования иронического высказывания является, безусловно, всеми отмечаемая **интонация** (просодическое оформление речи), которая формирует группу паралингвистических средств в массиве невербальных компонентов коммуникации. Вероятно поэтому выражение иронии в плоскости словесности (лингвистических средств) актуализирует важность интегративного использования арсенала различных вербальных средств:

Let me get a pencil and a piece of paper. I wanna jot down all your pearls of wisdom here – ‘Дай мне ручку и кусок бумаги. Я хочу записать все твои мудрые перлы’ (х/ф «Армагеддон»);

– *Good morning, Mr. Shaw. You are looking lean and mean today* – ‘Доброе утро, мистер Шоу. Вы в отличной форме сегодня’.

– *This is why I love you, Lester. You're the best liar in New York* – ‘Вот за что я люблю тебя, Лестер. Ты лучший вран в Нью-Йорке’ (х/ф «Как украсть небоскреб»).

Можно утверждать, что выделение доминирующего средства вербализации иронии затруднительно в силу органичного взаимодействия лексико-семантических, грамматико-синтаксических и фоно-просодических средств в ситуациях симультанного выражения снисходительной насмешки и идейного, ценностно-эстетического отношения к существу. Тем не менее относительный примат *парадокса* подтверждает сущность иронии как способа парадоксального восприятия мира.

ЛИТЕРАТУРА

1. Артемова, А.Ф. Механизм создания комического в английской фразеологии: Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.02.04 / А.Ф. Артемова; Магнитогорский государственный университет. – Москва, 1976. – 23 с.
2. Боров, Ю.Б. Эстетика / Ю.Б. Боров. – М.: Высшая школа, 2002. – 511 с.
3. Воробьева, К.А. Лингвокультурологические и психолингвистические аспекты восприятия иронии в художественном произведении: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / К.А. Воробьева; Челябинский государственный университет. – Челябинск, 2008. – 23 с.
4. Дземидок, Б. О комическом / Б. Дземидок. – М.: Прогресс, 1974. – 224 с.
5. Желватых, Т.А. Текстовое представление иронии как интеллектуальной эмоции: на материале драматургии и прозы М.А. Булгакова: Автореф. дисс. ... канд. филол. наук: 10.02.01 / Т.А. Желватых; Башкирский государственный университет. – Уфа, 2006. – 23 с.
6. Кирюхин, Ю.А. Ирония как актуальная форма комического: Автореф. дисс. ... канд. филос. наук: 09.00.04 / Ю.А. Кирюхин; Московский государственный университет культуры и искусств. – Москва, 2011. – 24 с. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.disscat.com/content/ironiya-kak-aktualnaya-forma-komicheskogo>. – Дата доступа: 14.12.2017.
7. Петрова, О.Г. Ирония и разные типы комического в художественном тексте / О.Г. Петрова // Rozwoj Nauk Humanistycznych: materiały międzynarod. nauk.-prak. conf., 27.02-29.02.2012. – Poznań, 2012. – С. 61–70.
8. Шлегель, Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. / Ф. Шлегель. – М.: Искусство, 1983. – Т. 1 – 480 с.

АБСОЛЮТНАЯ И ОТНОСИТЕЛЬНАЯ ОТПРЕДМЕТНОСТЬ ЦВЕТОЛЕКСЕМ

ABSOLUTE AND RELATIVE OBJECTNESS OF COLOUR LEXEMES

А.С. Чекулаева

A.S. Chekulayeva

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Chekulayeva@bsu.by

Носитель языка, «давая имена цветовым оттенкам по аналогии к соответствующим предметам, в первую очередь привлекает те из них, которые чаще попадают на глаза, лучше всего ему известны» [1, с. 131]. Для описания цветовых свойств реалий окружающего мира носитель языка использует языковые единицы с цветовой семантикой, образованные в результате взаимодействия структурно-семантического ядра предметной области *цвет* (актуализатора *цвет*) с элементами других предметных областей. В номинативных единицах данного типа актуализатором выступает понятие *цвет*; модификатором – некоторый предмет, его признак или действие (явление), выбранные наблюдателем-носителем языка в качестве прототипа соответствующего цвета. Соответственно, образованная номинативная единица имеет легко различимую связь с модификатором-прототипом: *апельсин – апельсиновый*. Таким образом, семантика цветолексем основывается на цветовом свойстве выбранного прототипа.

С течением времени цветолексемы, образованные от предметов или явлений, теряют первоначальную этимологическую связь с прототипом и начинают восприниматься как абстрактные лексемы с исключительно цветовой семантикой. Цветолексемы, в достаточной степени адаптировавшиеся к системе естественного языка, для определения семантической принадлежности модификатора требуют глубокого этимологического анализа.

В свою очередь, цветолексемы, существующие сравнительно недавно в лексической системе, обладают характерным признаком «отпредметности» знакообразующих элементов (*абрикосовый* от *'абрикос'*; *棕* 'коричневый' от *棕* 'пальма'), проявляющейся в аспекте выражения знака без этимологического анализа.

Под «отпредметностью» цветолексем мы понимаем исконную принадлежность семантического ядра к предметной области, элемент которой явился прототипом соответствующего цвета: например, семантическое ядро цветолексем *абрикосовый* изначально относилось к предметной области *флора*, элемент которой (знак *абрикос*) выступил в качестве прототипа *абрикосового* цвета.

При этом мы различаем понятия абсолютной и относительной отпредметности. Абсолютная отпредметность – семантическое явление, при котором семантическое ядро цветолексем принадлежит к предметной области, являющейся исходным пунктом знакообразования: *фисташковый* в русском языке [2, с. 1052]; 橙 ‘оранжевый’ в китайском языке [3, с. 158]. Относительная отпредметность – семантическое явление, при котором семантическое ядро цветолексем в результате семантического переноса перешло в предметную область *цвет: розовый* в русском языке [2, с. 837].

К цветолексемам с относительной отпредметностью мы относим языковые знаки, значение цвета которых является ядерным. К цветолексемам с абсолютной отпредметностью относятся языковые знаки, значение цвета которых является периферийным. Принадлежность семантического ядра определяется на основании анализа словарных дефиниций: значение языкового знака в словарной статье на первом месте мы принимаем как ядерное значение, на втором и далее – как периферийные значения знака.

Цветолексем с абсолютной отпредметностью передают, кроме закреплённых за ними цветовых значений, нецветовую семантику, которая представляет собой семантическое ядро знака. Например, *изумрудный*: 1) содержащий изумруд, изумруды; 2) ярко-зеленый [4, т. 5, с. 259]; *карминный*: 1) относящийся к кармину; свойственный ему; 2) яркокрасный, пунцовый [4, т. 5, с. 825]. В семантической структуре данных цветолексем, кроме периферийного цветового значения, закреплена ядерная семантика, например, «относящийся к ...», «сделанный из ...», «изготовленный из ...», «содержащий в себе ...» (*алебастр, апельсин, аспид, бирюза, болото, василек, дым, кофе, пепел, пламя, янтарь* и т.д.). В комбинаторике с другими номинативными единицами данные цветолексем могут утратить свою первичную семантику *относящийся / сделанный / изготовленный / содержащий в себе* и приобрести периферийное цветовое значение. Например: *каштановый*: 1) относящийся к каштану; состоящий из каштанов; 2) цвета каштана; светло-коричневый, обычно о цвете волос у человека, о масти животных [4, т. 5, с. 897].

Для цветолексем с относительной отпредметностью цветовая семантика является ядерной. Например, *лиловый*: «цвета фиалки или тёмных соцветий сирени, фиолетовый цвет» (от нем. *lila* или франц. *lilas*, восходит к арабскому *lilak* ‘сирень’) [2, с. 407].

Для большинства цветолексем цветное ядерное значение является единственным. Так, ядерное и единственное значение цвета имеет цветолексема *алый*: ярко-красный (из тюркских языков: турецкий, крымско-татарский *al* ‘светло-розовый’) [2, с. 11].

Однако наш анализ показал, что отдельные цветолексем с относительной отпредметностью, кроме первичной цветовой семантики, имеют вторичные нецветовые значения. Причем второе значение может напрямую соотноситься с прототипом, например, *пунцовый*: 1) цветом похожий на полевой красный мак, ярко-красный; 2) относящийся к пунцу; связанный с производством пунца. Пунцовое крашение – старинный способ окрашивания пряжи или ткани в прочный ярко-красный цвет [4, т. 11, с. 1687]. Второе значение может быть также периферийным, образованным от ядерной цветовой семантики. Например, *коричневый*: 1) буро-жёлтый (цвета жареного кофе, спелого жёлудя); 2) коричневые, коричневорубашечники, фашисты, коричневая чума (о фашизме) [2, с. 366].

Кроме того, в лексикографических источниках у отдельных цветолексем зафиксировано более одного цветового значения. Например, *бурый*: 1) серовато-коричневый или серовато-рыжий (*бурая окраска, бурый уголь*); 2) о масти, шерсти: чёрный с коричневатым отливом (*бурый медведь*) [2, с. 68].

Интересным также является тот факт, что от одного прототипа возможно образование как цветолексем с ядерным значением цвета, так и цветолексем с периферийным значением цвета. Цветовая семантика таких лексем может быть как ядерной, например, *мышастый*: мышинного цвета; серый, о масти животных [4, т. 6, с. 1430], так и периферийной, например, *мышинный*: 1) относящийся к мышам, мышам, принадлежащий им; 2) цвета шерсти мыши; серый или светло-серый [4, т. 6, с. 1432].

О сравнительно недолгой (в диахроническом разрезе исторического развития литературного языка в целом) принадлежности семантического ядра цветолексем к предметной области *цвет* может свидетельствовать анализ дефиниций, относящихся к обозначению цвета, в словарях, передающих состояние лексической системы периода ранее XX века. Так, например, для цветолексем *коричневый* в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля отсутствует отдельная словарная статья, а сам знак, входящий в

словообразовательное гнездо знака *кора, корица*, определяется, прежде всего, как «к корице относящийся», а уже вторая дефиниция посвящена обозначению цвета: «цвета коры, корицы, бурый, рыже-бурый» [5, т. 2, с. 770].

Анализ словарных дефиниций в лексикографических источниках различных периодов позволил обнаружить тот факт, что в современном источнике [2] отражены цветолексемы с периферийным значением, которые в более ранних словарях [4] зафиксированы не были. Например, *горчичный*: 1) относящийся к горчице, приготовленный из горчицы; 2) приготовленный из горчицы, приправленный горчицею [4, т. 3, с. 314] и 1) см. горчица; 2) желтовато-коричневый, цвета горчицы [2, с. 165].

Примеры с цветолексемами *коричневый* и *горчичный* свидетельствуют об адаптации данных цветолексем к языковой системе и развитию семантики от относительных признаков к качественным.

Таким образом, рассматривать абсолютную отпредметность и относительную отпредметность целесообразно исключительно в аспекте синхронии.

ЛИТЕРАТУРА

1. Василевич, А.П. Исследование лексики в психолингвистическом эксперименте: на материале цветообозначения в языках разных систем / А.П. Василевич / АН СССР; Ин-т языкознания; отв. ред. В.Н. Телия. – М.: Наука, 1987. – 140 с.
2. Шведова, Н.Ю. Толковый словарь русского языка с включением сведений о происхождении слов / РАН. Институт русского языка имени В.В. Виноградова. Отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Издательский центр «Азбуковник», 2011. – 1175 с.
3. 现代汉语学习词典. – 北京: 商务印书馆, 2010. 1740页. (Учебный словарь современного китайского языка. – Пекин: «Коммерческое издательство», 2010. – 1740 с.)
4. Чернышев, В.И. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. / редкол.: В.И. Чернышев (главн. ред.) [и др.]. – М.-Л.: Издательство Академии Наук СССР, 1950-1965. – 17 т.
5. Даль, В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. / В.И. Даль – М.: РИПОЛ классик, 2006. – 4 т.

ФАЗАВЫ АНАЛІТЫЗМ У БЕЛАРУСКАЙ МОВЕ
PHASE ANALYTIZM IN THE BELARUSIAN LANGUAGE

Ю.В. Шарэц

J.V. Sharets

Гродзенскі дзяржаўны ўніверсітэт імя Янкі Купалы
Гродна, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

E-mail: ujlya_andrei@mail.ru

Шматлікія даследванні мінулых гадоў, а таксама цяперашняга перыяду развіцця лінгвістычнай навукі прысвечаны вывучэнню розных спалучэнняў слоў, якія прадстаўляюць сваё значэнне аналітычным спосабам. Гэта можа быць растлумачана тым, што аналітычнае прадстаўленне значэнняў у некаторых выпадках з’яўляецца адзіна магчымым з-за адсутнасці ў сістэме мовы аднаслоўных эквівалентаў.

Так, фазавая семантыка ў беларускай мове можа быць прадстаўлена не толькі адзінкамі аднаслоўнымі (*уступіць, захвалывацца, аднесці* і інш.), але і спалучэннямі дзеясловаў фазавай групы з тэматычнымі дзеясловамі; устойлівымі дзеяслоўна-імяннымі спалучэннямі; фазавымі назоўнікамі і часціцамі; і нават фразеалагізмамі, здольнымі перадаць семантыку фазавасці аналітычна. Фазавасць з’яўляецца катэгорыяй універсальнай, яна прысутнічае ва ўсіх мовах і праяўляе сябе сінтэтычна і аналітычна, экспліцытна і імпліцытна.

Па-першае, пры прадстаўленні фазавых значэнняў у дзеясловах незакончанага трывання (НЗТ) аналітызм праяўляецца на ўзроўні дзеяслоўна-інфінітыўных спалучэнняў, якія ўключаюць уласна фазавы дзеяслоў (ён паказвае на пэўную фазу праходжання дзеяння) і дзеяслоў энсавы, фаза дзеяння якога пазначаецца. Так, групу дзеясловаў пачынальнай фазы складаюць наступныя дзеяслоўныя адзінкі: *пачынаць(ца) – пачаць(ца), станавіцца – стаць, прыступаць – прыступіць, узнікаць – узнікнуць, наступаць – наступіць, з’яўляцца – з’явіцца, прынімацца – прыняцца*: *Такая «гуляня» працягвалася месяцы два, пасля чаго дзеці самі сталі маляваць карцінкі для іншых дел...* [miram.livejournal.com]; *Алень замёр, прыслухаўся і, перакананы, што яго ніхто не бачыць, што ён на адзіноце з аблюбаванай бярэзінай, прыняўся старанна пілаваць рогам белы ствол* [diktant-ekzamen.blogspot.ru].

Аналітычныя канструкцыі фазавых дзеясловаў з дзеясловамі НЗТ з’яўляюцца найбольш універсальным сродкам (у сувязі з нязменнасцю схемы стварэння) перадачы пачынальнасці, звычайна яны лёгка замяняюць у кантэксце дзеясловы ЗТ з пачынальнымі прыстаўкамі, параўн.: *засяваў – пачаў сяваць, пабегла – пачала бегчы, задудзець – прыняцца дудзець* і г. д.

Сярод пачынальных дзеясловаў асноўнымі з’яўляюцца «*пачаць – пачынаць*». Дадзеныя дзеясловы выказваюць толькі пачынальнае значэнне, з імі спалучаюцца любыя прэдыкаты самых розных лексіка-семантычных груп, як дзеяслоўныя (НЗТ), так і недзеяслоўныя, а таксама яны без абмежаванняў ужываюцца ў розных сінтаксічных канструкцыях. Тым не менш, ёсць некаторыя адрозненні ва ўжыванні гэтых дзеясловаў. Так, у канструкцыях з дзеясловам «*пачаць*» пазначаецца пачатак актуальнага адзінкавага дзеяння або пачатак змены ступені інтэнсіўнасці адносна таго, што адбываецца:

Аднак частка людзей пачала браць прыклад падрыхтоўкі да святаў і самога святкавання з тэлеперадач і фільмаў, дзе ў вялікім ... [niva.iig.pl];

Гэта канешне добра, што ў яго пачало наладжвацца жыццё, бо ў астатні час хлопцу мякка сказаць – не шанцавала. ... Мой сябар, чалавек з якога я браў прыклад у палітычных поглядах, стаў... [blogs.mail.ru].

Калі ў склад пачынальнай аналітычнай канструкцыі ўваходзіць дзеяслоў «*пачынаць*», то значэнне пачатку дзеяння дапаўняецца значэннем яго расцягненнасці, з’яўлення яго першых прыкмет:

Разам з развіццём дзіцяці бацька пачынае мець усё большы ўплыў на выхаванне [slowo.grodnensis.by];

Мне здаецца, што гэта выдатны стымул і прыклад для беларусаў: калі ўжо рускія пачынаюць размаўляць па-беларуску, дык і нам трэба неяк не адставаць! [zbsb.org].

Па-другое, з’яўляючыся найбольш універсальным сродкам прадстаўлення фазавага значэння пачынальнасці на ўзроўні аналітызму, прыведзеныя фазавыя дзеясловы могуць быць заменены на спалучэнні з адпаведнымі фазавымі назоўнікамі: «*пачатак, у пачатку + аддзеяслоўны назоўнік у форме роднага склону адзіночнага або множнага ліку*»:

Разгром фашыстаў пад Курскам абумовіў пачатак вызвалення акупіраваных тэрыторый СССР [KazEdu.kz].

Да аналітычных сродкаў прадстаўлення фазавых значэнняў пачатку дзеяння ў беларускай мове таксама адносяцца канструкцыі з часціцамі «*і давай*», якія па сваіх семантычных уласцівасцях прыбліжаны да

дзеясловаў пачынальнасці. Такія канструкцыі перадаюць актуальнае, інтэнсіўнае, з адценнем эмацыйнасці дзеянне, якое мае дачыненне да мінулага, і маюць у сваёй структуры прэдыкатыўны актант у форме інфінітыва НЗТ:

Як толькі ён заўважыў, што мяне няма ў бліндажы, падышоў да дзвярэй і давай шкрабаць кіпцюрамі, прасіцца, каб яго выпусцілі [veselka.by];

Акружылі нас салдаты ў бліндажы і давай разглядаць Рэкса. Кожны разумеў: нічымі яно, няное стварэнне, не вінавата, што служыла фашыстам [rv-blr.com].

Для выражэння значэння фазы працягу дзеяння ў беларускай мове выкарыстоўваюцца дзеясловы *працягваць / працягнуць / не пераставаць / не перастаць* у спалучэнні з дзеясловам той ці іншай семантычнай групы. Напрыклад:

Аднак ён працягвае працаваць без усякага стымулу таму, што вымушаны падпарадкоўвацца агульным умовам працы, якія... [miran.livejournal.com];

Мы працягнем размаўляць аб гэтай тэме ў наступнай праграме [panchanka.wordpress.com];

Не перастаеш здзіўляцца таму, якія фортэлі выкідае чалавеку яго лёс: як у калейдаскопе змяняюцца ... [ls-smi.gomel-region.by].

У спалучэннях тыпу «на працягу + адвэрбатыў ў родным склоне адзіночнага або множнага ліку» перадаецца значэнне працягу дзеяння, якое мела месца ў рэальнасці:

На працягу ўсяго жыцця мы звяртаемся да кнігі. З дзіцячых гадоў яна дапамагае нам зразумець навакольны свет, зразумець саміх сябе [otvet.mail.ru];

На працягу вучобы ва ўніверсітэце Марыя знаёміцца з П'ерам Кюры, кіраўніком навуковай лабараторыі ў Школе фізікі і хіміі пры Сарбонскім універсітэце [be.wikipedia.org].

Завяршальная фаза дзеяння можа выражацца пры дапамозе аналітычных спалучэнняў дзеясловаў *скончыць / сканчаць, пераставаць / перастаць* з дзеясловамі НЗТ: *Я таксама скончу камэнтаваць у гэтае тэме. Няма тут больш што абмяркоўваць [forum.poejali.net].*

Шырока распаўсюджаны дэрывацыйныя спалучэнні «*скончыць + што*», якія паказваюць на завяршэнне абазначанага дзеяння:

А са мной ужо вучыліся дзеці, якія скончылі дзесяцігодку і нават у арміі адслужылі ... [arche.by];

Вучні са Смагроні скончылі дыстанцыйныя курсы Шведскага ўніверсітэта... [nastaunik.info];

У Мінску **скончылі рэканструкцыю** Цэнтра сацыяльнага абслугоўвання сям'і і дзяцей [21.by].

Дэрывацыйныя спалучэнні «канец, у канцы, завяршэнне, у завяршэнне, спыненне + родны склон аддзеяслоўнага назоўніка» актыўна ўдзельнічаюць у выражэнні завяршальнай фазы дзеяння, аб якім гаворыцца ў выказванні:

У канцы бяседы інспектар праверыў, ці добра дзеці засвоілі правілы пешахода [berest-ide.by];

Да завяршэння прыёму заявак засталося 3 дні) [by-ethno.livejournal.com];

Беларускі фолк-метал-гурт Litvintrol абвясціў пра **спыненне свайго існавання**. "За дзесяцігоддзе свайго жыцця мы прайшлі шмат дарог... [news.tut.by];

Ветэраны айчыннага панку яшчэ нядаўна ўсур'ез гаварылі пра **спыненне запісу** новых альбомаў і раліі чакаць толькі новых версій старых песень [expertu.by].

Характэрнай асаблівасцю марфалагічнай сістэмы беларускай мовы з'яўляецца наяўнасць несудадносных дзеясловаў НЗТ, якія належаць да лексіка-граматычнага разраду неабмежаваных дзеясловаў. Значэнне неабмежаванасці перашкаджае фарміраванню відавой пары: тут не можа быць ўказання на дасягненне вычарпаннасці дзеяння. Да такіх дзеясловаў адносяцца наступныя дзеяслоўныя звязкі: *быць, з'яўляцца, даводзіцца, знаходзіцца, складацца, лічыцца, клікаць, быць падобным, адрознівацца, пераважаць, ураўноўвацца, адпавядаць, супярэчыць, значыць, азначаць, пазначаць, ставіцца, залежаць, каштаваць, утойваць*. Таму гэтыя дзеясловы не маюць прэфіксальных вытворных для абазначэння якога-небудзь фазавага значэння, а гэта значыць, што яны не перадаюць фазавасць сінтэтычнымі сродкамі. Аднак, пазначаючы працэсы, якія праходзяць у часе (гэта значыць, маюць пачатак і канец), такія дзеясловы ўтвараюць аналітычныя спалучэнні з уласна фазавымі дзеясловамі:

На Беларусі гарады пачалі з'яўляцца тысячу гадоў назад, **вырастаючы са старых племянных цэнтраў, на берагах гандлёвых артэрыяў** ... [harodnia.com];

Рамантызм, у якім яны захраслі, вельмі дорага у выніку ім каштаваў, і нам дагэтуль працягвае каштаваць дорага... [nicolaev.livejournal.com];

Ды калі ж нашыя душы перастаюць залежаць ад вонкавых дактрын? [kamunikat.fontel.net].

Да дзеясловаў, якія перадаюць фазавыя значэнні пераважна аналітычна, належаць дзеясловы наступных семантычных груп:

1) мадальныя дзеясловы: *жадаць, прагнуць, мець, спадзявацца, чакаць, спадзявацца, вынікаць, належыць; безас. хочацца, падмывае;*

2) дзеясловы са значэннем думкі, інтэлектуальнага стану: *разумець, меркаваць, ведаць, судзіць, падумваць; чакаць, лічыць, прадбачыць;*

3) дзеясловы, якія абазначаюць эмацыянальныя адносіны: *кахаць, любіць, абагаўляць, спрыяць, паважаць, шанавать, захапляцца, спачуваць; ненавідзець, пагарджаць, раўнаваць, зайздросціць, варагаваць і інш.*

Цікава, што фразеалагічныя слоўнікі беларускай мовы змяшчаюць тая ўстойлівыя дзеяслоўна-імяныя спалучэнні, якія могуць удзельнічаць у выражэнні фазавых значэнняў і ўключаюць дзеяслоў, які пазначае фазу праходжання дзеяння, названага імяной часткай такіх спалучэнняў:

1) група спалучэнняў са значэннем пачатку дзеяння:

брацца за пярэ – ‘пачаць пісаць мастацкія і іншыя творы’ [2, с. 119];

брацца за гуж – ‘пачынаць якую-небудзь справу’ [2, с. 119];

брацца за розум – ‘рабіцца разважлівым, станавіцца разумнейшым’ [2, с. 119];

браць быка за рогі – ‘смела, энергічна пачынаць з самага галоўнага’ [2, с. 121];

агарод гарадзіць – ‘задумваць ці распачынаць якую-небудзь клпатлівую справу’ [2, с. 260];

даць трэшчыну – ‘пачаць разладжвацца, парушаць’ [2, с. 326];

заварыць кашу – ‘распачынаць складаную, клопатную, непрыемную справу’ [2, с. 384];

збівацца з дарогі – ‘пачынаць весці няправільны, заганны спосаб жыцця, кепска паводзіць сябе’ [2, с. 419];

збірацца з сіламі – ‘станавіцца мацнейшым’ [2, с. 422];

зжываць сябе – ‘станавіцца нежыццёвым, непатрэбным, састарэлым’ [2, с. 439];

ісці на свой хлеб – ‘пачынаць жыць самастойна’ [2, с. 469];

крануцца з розуму – ‘стаць псіхічна ненармальным, звар’яцелым’ [2, с. 528];

набірацца розуму – ‘станавіцца разумнейшым, разумнец’ [2, с. 60].

Сярод фразеалагічных адзінак беларускай мовы са значэннем пачатку дзеяння таксама былі выяўлены наступныя: *распускаць нюні, распускаць крылы, станавіцца на заднія лапкі, станавіцца на слізкую дарожку і г. д.*

2) група спалучэнняў, якія выражаюць фазу працягу дзеяння (часам з адценнем паўтаральнасці абазначанага дзеяння):

весці курну – ‘ціха і аднастайна вурчаць, муркаць’ [2, с. 165];
вісець на тэлефоне – ‘часта званіць і гаварыць па тэлефону’ [2, с. 165];

3) спалучэнні са значэннем завяршальнасці называемага дзеяння:
выкінуць з галавы (з памяці) – ‘перастаць думаць пра каго-, што-н.’ [2, с. 212];

галава астыла – ‘перастаць гарачыцца’ [2, с. 246];

губляць з вачэй – ‘перастаць бачыць каго-н.’ [2, с. 293];

з плеч далоў – што-н. перастае абцяжарваць каго-н. [2, с. 120].

Такім чынам, асобныя значэнні фазавасці (пачынальнасць, працяг, завяршэнне) могуць быць перададзены не толькі сінтэтычна (у відавым супрацьпастаўленні дзеясловаў), але і з дапамогай аналітычных канструкцый, абавязковым кампанентам якіх можа быць як дзеяслоў, так і фазавы назоўнік або часціцы. Групу аналітычных сродкаў дапаўняюць і фразеалагічныя спалучэнні беларускай мовы, таксама здольныя перадаваць фазавыя значэнні.

ЛІТАРАТУРА

1. Аксамітаў, А.С. Беларуская фразеалогія [Текст] / А.С. Аксамітаў. – Мінск : Вышэйшая школа, 1978. – 223 с.
2. Лепешаў, І.Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І.Я. Лепешаў. – Мн.: Нар. Асвета, 1981. – 160 с.

РАЗДЕЛ 2
ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ
ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

SECTION 2
TRADITIONS AND INNOVATIONS IN TEACHING
LANGUAGES AND CULTURES

МАССОВЫЕ ОТКРЫТЫЕ ОНЛАЙН-КУРСЫ: ОБЩИЙ ОБЗОР
ТЕМАТИКИ

PUBLIC OPEN ONLINE COURSES:
GENERAL OVERVIEW

С. Абрамова, А.О. Долгова

S. Abramova, A.O. Dolgova

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Dolgova@bsu.by

I. Введение. На данном этапе современное развитие компьютерных технологий и скоростной доступ к Интернету позволяют учащимся различных возрастов получать теоретические и практические знания, не выходя из дома. Эту возможность дают массовые открытые онлайн-курсы (МООК). Зарождение массовых открытых онлайн-курсов (МООК) началось в 2008 году, но настоящую популярность они приобрели в 2012 г. Появление МООК производит грандиозные революционные изменения в сфере образования. На данный момент многие мировые фирмы прибегают к услугам онлайн-обучения для повышения квалификации своих сотрудников, т.к. считают этот способ наиболее удобным, гибким и надежным. Индустрия МООК экономит время и деньги, но на данный момент находится только на начальных этапах развития в Беларуси. **Цель исследования** – рассмотреть тематику и сравнить современные массовые открытые онлайн-курсы. **Задачи:** 1. Рассмотреть дистанционное обучение, его преимущества и недостатки. 2. Определить наиболее актуальные МООКи для студентов лингвистических и педагогических специальностей, интересующихся компьютерными технологиями. **Материал исследования** составили 5 сайтов МООК: EDX, FutureLearn, Codecademy, Coursera, Open2Study. **Объект исследования** – массовые открытые онлайн-курсы. **Предмет**

исследования – различная тематика **МООК. Методы исследования:** дедуктивный, анализ и сравнение, синтез, опрос.

II. Дистанционное обучение как шаг в будущее. Свое начало дистанционное обучение (ДО) взяло в 18 веке в Европе. В связи с доступностью и регулярностью почтовых служб появилось «корреспондентское обучение». Учащиеся по почте получали задания от педагогов, а экзамены сдавали доверенным лицам. На территории Беларуси этот способ обучения появился лишь в 19 веке, и до сих пор многие университеты используют его.

С появлением телевидения и радио ДО изменило свою форму, появились новые методы обучения. Это был прорыв в образовании; до сих пор многие вспоминают обучающие программы 50-х гг. Но этот вид ДО имел существенный недостаток – учащийся не имел обратной связи.

Самый первый в мире университет дистанционного образования был открыт в Великобритании в 1969 году: «The Open University». По сегодняшний день курсы этого университета очень популярны не только на территории Великобритании, но и за ее пределами.

В конце 80-х, с появлением компьютеров и Интернета, ДО стало еще доступнее и интереснее. На компьютерах создавались различные обучающие программы, включающие самые разнообразные виды заданий с использованием изображений, аудио- и видеозаписей.

III. Виды дистанционного обучения, его преимущества и недостатки. На сегодняшний день существует несколько видов ДО:

1. Чат-занятия – осуществляются с помощью онлайн переписки между педагогом и учащимися. Каждый из участников имеет доступ к чату, где можно не только писать текстовые сообщения, но и обмениваться аудио-или видеофайлами.

2. Веб-занятия – тип ДО, где педагог и учащиеся используют компьютерные программы, транслирующие лекции, конференции и т.п. в режиме реального времени.

3. Телеконференция – проводится на основе списка рассылок с помощью электронной почты.

4. Телеприсутствие – использование робота, который способен перемещаться по учебному заведению и присутствует на занятиях. Человек (не имеющий физической возможности посещать занятия) дистанционно управляет роботом и видит все с помощью камеры. Кроме камеры, в роботе установлен экран, где демонстрируется изображение ученика. Таким образом, человек, не имеющий возможности присутствовать, социализируется и обучается одновременно с помощью дистанционного присутствия.

ДО имеет свои положительные и отрицательные черты. Среди положительных характеристик ДО называют такие, как:

1. Экономит время и деньги. ДО является относительно недорогим видом обучения, а также сокращает время на обучение.

2. Имеет гибкий график. Учащийся и педагог выбирают наиболее удобное для обоих время проведения занятий.

3. Повышает качество образования за счет использования современных средств обучения и помогает учащимся адаптироваться к самообучению и саморазвитию, что и является целью инновационной педагогики.

4. Возможность проводить обучение большого количества человек.

Выделяют следующие отрицательные черты ДО:

1. Отсутствие «живой» коммуникации между людьми.

2. Необходимость постоянного доступа к компьютеру и сети Интернет.

3. Необходимость наличия жесткого самоконтроля, дисциплины и мотивации. Отсутствие постоянного контроля со стороны педагогов.

4. Недостаток практических занятий [2].

IV. Наиболее популярные массовые открытые онлайн-платформы, предлагающие курсы лингвистических, педагогических и компьютерных направлений.

EDX (<https://www.edx.org/>) – наиболее известная образовательная интернет-платформа, где проводятся курсы университетского уровня по широкому кругу дисциплин. Это совместный некоммерческий продукт Массачусетского технологического института, университета Гарварда и университета Беркли. Участники этого проекта уже говорят о высочайшем уровне данного продукта, который они предлагают в образовательной сфере.

EDX предлагает различные категории онлайн-курсов, в том числе «коммуникации», «образование», «языки», «литература», «компьютерные технологии» и др. Каждая из категорий имеет множество более узких направлений, где можно найти интересующую тему для изучения. Прохождение любого из курсов – бесплатно. Но при желании можно заказать сертификат о прохождении, цена которого будет варьироваться в зависимости от выбранного направления. Получить сертификат – задача не из легких. Требовательность к студентам на курсах EDX такая же высокая, как и при обучении в университетах-участниках проекта. Подчеркивается, что несмотря на то, что доступность курсов растет в геометрической прогрессии, строгость и требовательность к знанию материала и практическим навыкам остаются на прежнем высоком уровне.

FutureLearn (<https://www.futurelearn.com/>) – образовательная интерактивная платформа, предлагающая бесплатное обучение по программам 80-ти всемирно известных университетов. За определенную сумму FutureLearn также предлагает сертификаты с указанием степени: Graduate Certificate, Graduate Diploma, Master Degree. Для студентов, изучающих языковедение и педагогику, предлагаются такие тематики, как «языки и культура», «литература», «преподавание», а также «программирование и кодирование».

Codecademy (<https://www.codecademy.com/>) – MOOK, который предоставляет возможность изучить 12 языков программирования (Python, PHP, JavaScript, Ruby, Java и др.), учить работе с библиотекой jQuery и языкам разметки и оформления веб-страницы HTML и CSS. Codecademy получил множество положительных отзывов не только от пользователей, но и от известных информационных компаний, в частности New York Times и TechCrunch. На сайте есть форум, где «новички» могут задавать интересующие вопросы опытным веб-разработчикам, что значительно упрощает обучение. Также существует бесплатная интерактивная программа Code Year для всех желающих научиться программированию.

Coursera (<https://ru.coursera.org/>). Каждый курс на платформе Coursera читается ведущими преподавателями из лучших университетов и учебных заведений мира. Курсы включают в себя записанные видеолекции, тесты на проверку знаний, самостоятельные практические задания, а также форумы сообщества. После окончания курса можно получить общедоступный электронный сертификат курса (стоимость – от 29\$ до 99\$). Здесь также есть возможность получить определенную степень и стать обладателем диплома о высшем образовании одного из университетов, которые являются партнерами сайта (стоимость – от 15\$ до 25000\$). Coursera предлагает курсы в таких областях, как «изучение языков», «компьютерные технологии» и др.

Open2Study (<https://www.open2study.com/>) сайт был запущен в марте 2013 года в Австралии и является платформой для преподавания, обучения и оценивания. Это позволяет университетам предлагать бесплатные курсы онлайн. Также он конкурирует с поставщиками платформы онлайн-обучения, такими, как Coursera и EdX.

Учебная платформа, предоставляемая Open2Study, состоит из еженедельных модулей, которые завершаются в течение четырех недель с онлайн-оценками в конце каждого из модулей. Каждый курс является автономным, в комплекте с интерактивным содержанием курса и ресурсными материалами. Сертификаты данного MOOK можно

получить только в случае, если обучаемый набрал не меньше 60% правильных ответов по каждому из 4-х модулей. На платформе Open2Study возможно обучение по следующим направлениям: «образование и обучение», «наука и технологии» и др.

В рамках данного исследования был проведен небольшой опрос с целью выявления наиболее популярных MOOK и тематических направлений среди студентов специальности «Современные иностранные языки», обучающихся на факультете социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета. Большинство опрошенных проходили обучение на онлайн-платформе Coursera, на втором месте по популярности – платформа FutureLearn. Тематические направления курсов, которые интересовали студентов, – это преимущественно лингвистика и преподавание. Больше половины учащихся смогли успешно закончить курс и получить электронный сертификат, что свидетельствует о высокой мотивированности и заинтересованности студентов не только в получении дополнительных знаний по своей специальности, но и об их целеустремленности, нацеленности на результат, а также увлекательности самих онлайн-курсов и дистанционного обучения в целом. При этом, только около 1/3 опрошенных заявили, что обучение нетрудное и сертификат получить несложно; 1/3 студентов отметили, что курсы требуют много времени (более 4 часов в неделю), еще 1/3 учащихся в качестве недостатка называли тот факт, что сертификат платный (последние два факта затрудняли получение сертификата). В качестве преимуществ данного вида обучения в основном называли возможность учиться в любое время, возможность учиться в домашних условиях, возможность получить новые дополнительные знания. Вот комментарий одного из студентов: «За онлайн-обучением будущее».

V. Выводы. Рассмотренные 5 массовых открытых онлайн-платформ работают по идентичной, схожей системе. Университеты-партнеры и предлагаемые категории обучения также практически везде одинаковы, за исключением сайта Codecademy, который специализируется на курсах по программированию. Таким образом, учащиеся лингвистических, педагогических и компьютерных специальностей могут найти интересующие их курсы на всех рассмотренных онлайн-платформах, при этом, как показывает проведенный опрос, наибольшей популярностью среди студентов пользуются Coursera и FutureLearn.

Цель онлайн-платформ – организация связующего звена между мировыми университетами и онлайн-студентами. Стоит отметить, что, не смотря на недостатки дистанционной системы обучения, на платформах Coursera и EDX учатся более 24 миллионов онлайн-

студентов, что говорит о нарастающей популярности онлайн-курсов. С развитием новых технологий и педагогических методик дистанционное обучение вскоре, если не полностью, то частично заменит очное образование, и станет неотъемлемой составной частью университетского образования [1].

ЛИТЕРАТУРА

1. Долгова, А.О. Массовые открытые онлайн-курсы (МООК): краткий обзор и их структура / А.О. Долгова // Современное языковое образование в контексте международных интеграционных процессов: состояние и перспективы: Материалы Междунар. науч.-практ. конф., Минск, 17-18 дек. 2015 г.: В 2 Ч. / редкол.: Т.П. Леонтьева (отв. ред.) [и др.]. – Минск, МГЛУ, 2017. – Ч. 1. – С.162-166.
2. Distance Education // Wikipedia: the free encyclopedia [Electronic resource]. – Mode of access: https://en.wikipedia.org/wiki/Distance_education. Date of access: 05.01.2018.

МЕТОД ЭВРИСТИЧЕСКОГО ДИАЛОГА КАК СРЕДСТВО РАЗВИТИЯ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНТНОСТИ СТУДЕНТОВ

METHOD OF THE HEURISTIC DIALOGUE AS A MEANS OF DEVELOPMENT OF INTERCULTURAL COMPETENCE OF STUDENTS

Е.Н. Джух

Elena Jukh

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы
Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno
Grodno, Belarus

E-mail: lenajukh@gmail.com

*«Настоящий учитель показывает
своему ученику не готовое задание,
над которым положены тысячелетия труда,
но ведет его к разрабатыванию
строительного материала, возводит здание
с ним вместе, учит его строительству...»
Дистервег*

Развитие современного общества характеризуется изменчивостью, причиной которой являются процессы глобализации, проявляющиеся в быстрой смене ролей, изменении временных и пространственных рамок существования и развития личности.

Конкурентоспособность современного специалиста определяется не только его высокой квалификацией в профессиональной сфере, но и готовностью решать профессиональные задачи в условиях межкультурного общения.

Это ставит перед высшей школой новые задачи, основной из которых является формирование творчески проактивной личности, готовой осознанно, самостоятельно вести поиск нового необходимого знания, к участию в межкультурном общении и способной жить во взаимопонимании и сотрудничестве с представителями других национальностей в реалиях современного мира. Именно умение вести диалог является одной из важнейших компетентностей человека в современном изменчивом мире. Это в первую очередь сопряжено с толерантностью, умением избегать конфликтных ситуаций и разрешать их в сотрудничестве, выстраивать свой вначале образовательный, а потом и жизненный путь.

В связи с этим возникает необходимость смены образовательной парадигмы – «от человека, образованного к человеку творческому» (В.С. Библер). Это в свою очередь ведёт к разработке новых образовательных технологий, которые предполагают использование инновационных моделей обучения, способствующих подготовке творчески мыслящих людей, обладающих нестандартным взглядом на проблемы, способных к саморазвитию и реализации управленческих функций в профессиональной деятельности.

Обучение иностранным языкам в данном контексте становится одним из приоритетных направлений модернизации образования, поскольку иностранный язык выступает не только как средство межкультурного общения, но и как инструмент общекультурного развития человека. Весь процесс обучения должен быть направлен на формирование компетенций, которые студенты могли бы перенести в другие сферы своей жизни и деятельности и которые могли бы способствовать их дальнейшему саморазвитию и реализации как успешной личности.

Одним из эффективных методов, позволяющих решить поставленные перед современной системой образования задачи, является метод эвристического диалога. Это обусловлено тем, что данный метод предполагает отказ от готовых знаний, от их репродукции, основываясь на поиске информации, ее осмыслении и создании студентом собственного образовательного продукта.

Основной целью занятия в рамках данного метода для педагога становится следующая: формирование среды для организации индивидуальной познавательной и творческой деятельности студентов с

последующей вовлеченностью каждого студента в активный познавательный творческий процесс.

Цели педагога по отношению к индивидуальной самореализации студентов должны быть направлены на развитие у студентов умения размышлять, сравнивать, делать собственные выводы, совершенствовать умения аргументированно излагать свое мнение, работать в команде, развивать способности студентов самостоятельно управлять учебной деятельностью в конкретной учебной ситуации

Использование метода эвристического диалога на занятиях позволяет преподавателю создать условия для формулировки студентами собственных образовательных целей и развивать у них умение интегрироваться в группу сверстников и строить продуктивное взаимодействие и сотрудничество со сверстниками.

В основе эвристического обучения лежит открытое (эвристическое) задание. Ценность данного задания заключается в том, что оно позволяет каждому студенту совершать собственное открытие, проявить свои индивидуальные творческие способности.

Метод эвристического диалога активно используется нами при преподавании студентам специальности 1-21 06 01-01 Современные иностранные языки (преподавание) следующих дисциплин: «Межкультурная коммуникация и перевод», «Литературные течения в Германии: история и современность»; «Практика устной и письменной речи (2-ой иностранный язык)», «Методика преподавания иностранных языков», а также при проведении преддипломной практики.

Приведем несколько примеров открытых (эвристических) заданий, которые были использованы при проведении практико-ориентированного экзамена по предмету «Практика устной и письменной речи (2-ой иностранный язык)» на 5 курсе.

Практико-ориентированное задание. Über Geschmack lässt sich streiten. Derzeit passiert das wieder ausführlich anhand der Frage, worin gute Popmusik besteht. Kunst für die Kunst oder Pop für die Massen?

Die Debatte ist älter als die Beatles, auch Elvis Presley hatte mit ihr zu kämpfen: Wie klingt gute Popmusik? Was macht sie aus, was sind die Kriterien der Bewertung? Ging es in den 1950er- und 1960er-Jahren noch darum, Pop grundsätzlich als „Hottentotten-Musik“ (Erich Honecker) zu verdammen oder diese als jugendlich-moderne Kunstform zu verteidigen, wurde in späteren Jahrzehnten differenzierter über Qualitätsmaßstäbe gestritten. Diskutiert hat man etwa, inwieweit elektronische Sounds virtuos wären und/oder ob sie den Kriterien des Rock'n'Roll entsprechen könnten. Schließlich sorgen hier Maschinen für die „künstlichen“ Töne. Dürfen also echte Musiker nur noch auf Knöpfe drücken oder vor dem Laptop wackeln

wie der Spielzeughund auf der Auto-Hutablage? Führen Sie Ihre eigene Definition der guten Popmusik! Machen Sie Ihre eigene Liste der modernen Popmusik? Bestätigen Sie Ihre Meinung?

Практико-ориентированное задание. Für jedes Bauwerk sind dreierlei Menschen wichtig: Architekt, Bauherr und Nutzer. Zu den bedeutendsten Architekten gehören Balthasar Neumann, Frank Lloyd Wright und Mies van der Rohe. Einer der berühmtesten Bauherren war König Ludwig II. von Bayern, dessen Schloss Neuschwanstein mit Telefon, Zentralheizung und fließend Wasser ausgestattet war, während viele Familien in Deutschland noch Mitte des 20. Jahrhunderts in Mietshäusern ohne fließendes Wasser und ohne eigene Toilette wohnten.

Welche Meinung haben Sie dazu? Denken Sie an die bekanntesten Schlösser in Deutschland: wer ist für diese Bauwerke wichtiger Architekt, Bauherr und Nutzer? Führen Sie Ihre Beispiele! Welches Bauwerk in Deutschland finden Sie am schönsten? Wollten Sie dort leben? Welches Bauwerk würden Sie selbst für die nächste Generation schaffen und mit welchem Ziel?

Практико-ориентированное задание. Es gibt zahlreiche geschützte Bau- und Kulturdenkmale in Deutschland, wobei längst nicht alle wertvollen Bauwerke und Ensembles auch eingetragene Denkmalbauten sind.

Finden Sie die Anzahl von Bauten auf der UNESCO-Welterbeliste, die zu den Welterben in Deutschland gehören. Welche Bauwerke gehören zu den symbolträchtigsten Bauwerken Deutschlands? Machen Sie Ihre eigene Liste der modernen Bauwerke Deutschlands? Bestätigen Sie Ihre Meinung?

На занятиях по предмету «Методика преподавания иностранного языка» студенты сами разрабатывали открытые (эвристические) задания, а затем использовали их во время педагогической практики в школе. **Примеры заданий:** 1. На одних карточках дана информация о столицах стран мира, на других карточках представлены фотографии. Соедините карточки с текстами с фотографиями, которые соответствуют содержанию текста. Объясните, почему именно так соотносили данные элементы! Придумайте свою страну и столицу вымышленной страны. Расскажите, как она выглядит, где она находится, какие там достопримечательности.

2. Придумайте рекламу кафе г. Гродно, которое вы посещаете часто или хотели бы посетить. Представьте ее в виде презентации, можно нарисовать рисунок или сделать коллаж.

Пример занятия эвристического типа.

Учебный предмет: Практика устной и письменной речи (второй иностранный язык – немецкий). Факультет, курс: Филологический факультет, 5 курс, СИЯ (преподавание). Изучаемая тема (раздел):

«Личность в современном обществе». Тема занятия: «Я как раритетная личность». Занятие креативного типа: урок-дискуссия.

Цели занятия:

- предметные: создать условия для мотивации студентов к изучению темы «Я как раритетная личность»;
- оргдеятельностные: овладение навыками самоорганизации учебной деятельности, умение ставить перед собой цели, оценивать результаты своей деятельности и деятельности коллег;
- личностные: создание условий для самореализации, развитие навыков коммуникации.

Главная проблема занятия: Что делает Вас Вами? В чем заключается раритетность Вашей личности?

Круг реальных объектов действительности, предлагаемых учащемуся для изучения: Публицистические статьи, художественные тексты, статьи из философского и педагогического словарей.

Целеполагание: Проанализируйте представленные афоризмы и выберите среди них 2, которые, по вашему мнению, наиболее емко отражают тему данного занятия. Обоснуйте свой выбор. Сформулируйте 5 вопросов к данным высказываниям. «Личность есть боль. Героическая борьба за реализацию личности болезненна. Можно избежать боли, отказавшись от личности. И человек слишком часто это делает» (Николай Бердяев). «Личность не самодостаточна, она не может довольствоваться собой. Она всегда предполагает существование других личностей, выход из себя в другого» (Николай Бердяев). «Лучше быть раздвоившейся личностью, чем не быть личностью вообще» (Карл Лагерфельд). «Внешняя оболочка лепит образ. По ней мы строим свое восприятие личности» (Майя Плисецкая). «Личность никогда не может быть «приятной» или «полезной» (Макс Шелер). «То, что определяет наш путь, называется личной силой. Личность человека - это суммарный объём его личной силы. И только этим суммарным объёмом определяется то, как он живёт и как умирает» (Карлос Кастанеда). «Не по рождению определяют высшую и низшую личность, а делами своими человек подтверждает эту принадлежность» (Будда Шакьямуни). «Целью школы всегда должно быть воспитание гармоничной личности, а не специалиста» (Эйнштейн).

Постановка проблемы. Я хочу вам прочитать слова древнегреческого философа Сократа, жившего в V в. до н.э.: «Повседневная жизнь человека – это искусство. Основное познание должно быть направлено на себя, на деятельность своей души по поиску истины и смысла жизни...». Актуальны ли слова Сократа сегодня? Мы живём в быстро меняющемся мире, где, кажется, невозможно найти

надёжные точки опоры, где вчерашний опыт сегодня, а сегодняшний завтра может не пригодиться или подвести. Где мы авторы собственной жизни, где свобода быть и становиться собой неотделима от пугающей ответственности, где мы всё больше открыты миру, но и одиноки. Как в сегодняшнем быстро меняющемся мире человеку развиваться как личности? Попробуем разобраться с данной проблемой на сегодняшнем занятии.

Изучение студентами реального образовательного продукта и создание первичного образовательного продукта. Студентам предлагается разделить на группы по 3 человека. Каждый из студентов должен предложить свою трактовку термина «раритетная личность».

С этой целью студентам предоставляется для выполнения *открытое (эвристическое) задание*: Понятие «личность» имеет несколько десятков определений. Апофеоз культурного развития, создание культовой, раритетной вещи. В социуме – это развитие личности как уникального субъекта общества. Дайте характеристику себя как раритетной личности современного общества. Проранжируйте в порядке значимости основные черты Вашей личности, которые позволяют быть Вам уникальным. Ограничена ли ваша уникальность? Если да, чем и насколько. Аргументируйте свой ответ.

Далее следует *групповая работы студентов*. Внутри группы могут быть расхождения мнений, но важно, чтобы каждый высказался и аргументировал свой ответ. Каждая группа выбирает человека, который позже резюмирует понимание данного термина. Выступление сопровождается подготовленными в группе схемами, рисунками. Преподаватель в ходе дискуссии записывает на доске основные тезисы.

Сравнение субъектного образовательного продукта с культурно-историческим аналогом. Преподаватель предлагает студентам для самостоятельной работы тексты по теме занятия. С этой целью используются выдержки из публицистических статей, из философского и педагогического словарей. Задания к тестам направлены на активизацию лексического минимума по теме. После завершения работы преподаватель задает вопрос: что открылось вам в процессе данного этапа работы?

Демонстрация и сравнение образовательных продуктов студентов. Преподаватель задает вопрос: что получилось в итоге? Поменялось ли ваше мнение? Закончите фразу: «Я являюсь раритетной личностью, потому что...». Задание выполняется устно.

Задание студентам по рефлексии их деятельности. Рефлексия «Вопрос - ответ». Получил ли я ответ на проблему занятия?

С какими сложностями я столкнулся в ходе выполнения заданий на занятии? Как я преодолел затруднения? Какие эмоции я последовательно испытал? Произошли ли изменения в моих представлениях о понятии «личность» за время занятия?

Исходя из собственного опыта проведения занятий эвристического типа, мы можем утверждать, что эвристический диалог может выступать в качестве системообразующего элемента знанияемого обмена, когда коммуникативное взаимодействие заключается в единстве направленностей его субъектов, и создаются предпосылки для саморазвития студентов, готовых к позиционному диалогу в своей настоящей и будущей деятельности. Эвристический диалог в данной ситуации дает возможность понять позицию другого и выработать стратегию собственного поведения с учетом этой позиции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Библер, В.С. Диалог. Сознание. Культура (идея культуры в работах М.М. Бахтина) / В.С. Библер // Одиссей. Человек в истории. – М., 1989. – С. 21–59.
2. Межуев, В.М. Диалог как способ межкультурного общения в современном мире / В.М. Межуев // Вопр. философии. – 2011. – № 9. – С. 65-73.
3. Король, А.Д. Диалоговый подход к организации эвристического обучения / А.Д. Король // Педагогика. – 2007. – № 9. – С. 18-25.
4. Король, А.Д. Стереотип как образовательная проблема / А.Д. Король // Вопр. Философии, 2013. – № 10. – С. 156-162.
5. Хуторской, А.В. Диалогичность как проблема современного образования (филос.-метод. аспект) / А.В. Хуторской, А.Д. Король // Вопр. философии. – 2008. – №4. – С. 109-114.

ИННОВАЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В ОБУЧЕНИИ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ

INNOVATIVE TECHNOLOGIES IN TEACHING FOREIGN LANGUAGES

Е.В. Дубровская, В.Н. Сунякова

E.V. Dubrovskaya, V.N. Sinyakova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Dubrovskaya@bsu.by

С возрастом роли и увеличением объема информации увеличивается необходимость в развитии и совершенствовании

информационной техники и технологий. Появляются материальные и организационные предпосылки для развития информационной образовательной среды, которая способствует овладению учащимися основами информационной культуры, создает условия для модернизации содержания образования и развития новых образовательных технологий.

Методика и дидактика обучения иностранным языкам ищет ответы на вопросы, чему учить и как учить, основываясь на исследованиях, анализирующих соотношение языка, речи и мышления, мышления и коммуникации, коммуникативного и когнитивного в речи. Исходя из принципа вариативности, преподавателю иностранного языка предоставлена свобода творчества, свобода выбора инновационных технологий обучения, без которых невозможен современный образовательный процесс.

В педагогике понятие «инновационная деятельность» рассматривается глубже и имеет широкий смысловой диапазон. Это целенаправленная педагогическая деятельность, основанная на осмыслении педагогического опыта при помощи сравнения и изучения учебно-воспитательного процесса с целью достижения более высоких результатов, получения нового знания, внедрения новой педагогической практики. Инновации в образовательном процессе – это, прежде всего, процесс совершенствования педагогических технологий, совокупность методов, приемов и средств обучения, позволяющих наиболее эффективно осуществлять педагогу деятельность при формировании знаний, совершенствовании навыков и развитии умений учащихся. В настоящее время инновационная педагогическая деятельность представляет собой один из существенных компонентов образовательного процесса любого учебного заведения.

Эффективность инновационной деятельности педагога зависит от его интеллектуальных, эмоциональных и творческих способностей. Использование инновационных технологий в образовательном процессе должно начинаться с изменения парадигмы воспитания. Инновации в образовании начинаются с уважения к личности учащегося и превращении традиционной модели отношений «преподаватель-учащийся» в модель «человек-человек». Данная трансформация накладывает своего рода табу на представление «учащийся – сосуд, который необходимо наполнить» или «учащийся – совокупность психических процессов, которые предстоит развивать». Образование как общественно значимый процесс направлено на интеллектуальное, нравственное, духовное совершенствование человека [1].

Инновационная деятельность важна тем, что способна обеспечить преобразование существующих процессов, в том числе в образовании.

Цели инновационной деятельности:

1. Развитие творческих способностей учащихся генерировать и продуцировать новые представления и идеи, проектировать и моделировать их в практических формах;
2. Качественное изменение личности учащегося;
3. Раскрытие способности личности открывать нечто новое, отличное от своих представлений, что базируется на толерантности личности, гибкости и нешаблонности мышления;
4. Стимулирование учащегося в совершенствовании своей учебной и творческой деятельности;
5. Повышение эффективности результатов обучения.

Информационные технологии прочно вошли в методику преподавания, так как они позволяют эффективно реализовывать коммуникативный подход и повысить качество усвоения языкового и речевого иноязычного материала. В процессе обучения иностранному языку используются реальные дидактические и методические принципы, характерные для коммуникативного подхода: научности, активности, наглядности, прочности усвоения иноязычного материала, доступности и посильности, речевой направленности, индивидуализации и дифференциации, функциональности, учета родного языка, ситуативности и новизны [2].

В настоящее время информационные технологии занимают важное место в профессиональной деятельности педагога, поскольку Интернет прочно вошел в нашу жизнь. Это источник информации и бесценный помощник в изучении иностранных языков. Используя информационные ресурсы сети Интернет, можно, интегрируя их в учебный процесс, более эффективно решать самые разнообразные дидактические задачи на занятиях иностранного языка [3]. Преимущество внедрения Интернет-технологий в процесс обучения иностранному языку в настоящий момент уже не вызывает сомнений и не требует дополнительных доказательств. За последнее десятилетие было написано немало работ в отечественной методике, в которых исследователи раскрывают позитивное влияние различных форм Интернет-коммуникаций: электронной почты, чата, форумов, веб-конференций и веб-семинаров, направленных на формирование иноязычной коммуникативной компетенции учащихся. Одним из основных достоинств Интернета является доступ к неограниченному количеству свежей информации и огромный выбор аутентичных материалов.

Современные электронные и компьютерные технологии обеспечивают передачу знаний и доступ к разной учебной информации гораздо быстрее и эффективнее, чем традиционные средства обучения. Обучение с использованием Интернет-ресурсов можно отнести к новым педагогическим технологиям. Изменяется роль преподавателя – он перестает быть единственным информатором, его роль сводится к организации процесса поиска и переработки информации, к направлению учащихся в исследовании и создании творческих работ. С помощью Интернета развиваются учебно-познавательные навыки учащихся, связанные с такими мыслительными операциями, как анализ, синтез, абстрагирование, сравнение, сопоставление, обобщение, а также механизмы вероятностного и смыслового прогнозирования, языковая догадка и лингвистическая наблюдательность учащихся. Обучая учащихся языку, Интернет-ресурсы помогают преподавателю сформировать продуктивные умения и навыки разговорной речи, обеспечивая подлинную заинтересованность учащихся в результатах обучения.

Помимо Интернета в педагогической практике могут использоваться обучающие программные средства, к которым относятся мультимедийные обучающие курсы. Они призваны обеспечить необходимый уровень усвоения учебного материала с целью формирования коммуникативной компетенции учащихся [2]. Одним из примеров является курс *«Профессор Хиггинс. Английский без акцента!»*. Это мультимедийный справочник-тренажер, содержащий упражнения для развития фонетических, лексических и грамматических навыков, предназначенный для желающих научиться понимать разговорную речь и говорить грамматически правильно. В основе обучения – сравнение собственного произношения с произношением носителей языка не только на слух, но и визуально.

Актуальность применения новых информационных технологий продиктована, прежде всего, педагогическими потребностями в повышении эффективности обучения, в частности, потребностью формирования навыков самостоятельной учебной деятельности. Инновационные методы обучения дают возможность качественно и быстро получить хороший результат. Применение разнообразных инновационных методов повышает у учащихся интерес к учебно-познавательной деятельности, повышает мотивацию и в совокупности решает комплекс образовательных, воспитательных и развивающих задач.

ЛИТЕРАТУРА

1. Герасимов, Г.И. Инновации в образовании: сущность и социальные механизмы / Г.И. Герасимов, Л.В. Илюхина. Ростов н/Д, 1999. – 136 с.
2. Леонтьева, Т.П. Методика преподавания иностранного языка: учеб. пособие / Т.П. Леонтьева [и др.]; под общ. ред. Т.П. Леонтьевой. – 2-е изд., испр. – Минск: Вышэйшая школа, 2016. – С. 164-167.
3. Полат, Е.С. Новые педагогические и информационные технологии в системе образования. – М.: Академия, 1999. – 270 с.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ МЕТОДОВ НЕЙРОЛИНГВИСТИЧЕСКОГО ПРОГРАММИРОВАНИЯ ДЛЯ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ ОБУЧЕНИЯ ИНОСТРАННЫМ ЯЗЫКАМ СТУДЕНТОВ НЕЯЗЫКОВЫХ СПЕЦИАЛЬНОСТЕЙ

USING METHODS OF NEUROLINGUISTIC PROGRAMMING FOR IMPROVING THE EFFICIENCY OF FOREIGN LANGUAGES TEACHING OF STUDENTS OF NONLINGUISTIC SPECIALITIES

Л.Е. Левонюк

L.Y. Levonyuk

Брестский государственный университет имени А.С. Пушкина
Брест, Беларусь

Brest State University named after A.S. Pushkin
Brest, Belarus

E-mail: levonyukl@mail.ru

В XXI веке, в эпоху мировой глобализации и экономической интеграции, повышенные требования предъявляются к подготовке квалифицированных специалистов в различных областях промышленности, науки и культуры, хорошо владеющих одним, а чаще всего несколькими иностранными языками.

Однако проблема заключается в том, что, как правило, если при поступлении в вуз приоритеты не были связаны с иностранным языком, то придется начинать его изучение практически с нуля. А перед преподавателем стоит непростая задача профессионально-ориентированного обучения будущего специалиста, т.к. стандарты выдвигают определенные требования приобретения общекультурных и профессиональных компетенций. Как же подойти к решению этой проблемы в рамках 150 аудиторных часов, отведенных на изучение иностранного языка на неязыковых факультетах вузов? Существует немало сторонников естественного подхода к изучению иностранного языка. Однако, как известно, естественный подход хорошо работает

с детьми дошкольного возраста и с младшими школьниками, когда они только начинают изучать иностранный язык.

Но в условиях вуза эта стратегия не совсем подходит, т.к. выпускник должен уметь не просто читать, понимать и вести беседу, но и грамотно переводить тексты, высказывать свое мнение, аргументировать и делать презентацию по своей специальности.

На наш взгляд, основная задача преподавателя вуза состоит в том, чтобы мотивировать студента к изучению иностранного языка. Общеизвестно, что каждый тип личности обладает своими наиболее успешными для него стратегиями восприятия и запоминания материала. Сегодня много говорят и пишут о личностно-ориентированной педагогике, призывая преподавателя подстраиваться под каждого студента, готовя задания, соответствующие его уровню, что как нам кажется, звучит нереально. Напротив, надо попытаться давать такие задания, которые будут задействовать все каналы восприятия и переработки информации одновременно. Преподаватель должен понимать возможные различия восприятия информации и уметь гибко применять, а в случае необходимости, и изменять тактику обучения.

Так, например, в результате исследования было установлено, что студенты с преобладающим визуальным каналом восприятия информации (визуалы) отдают предпочтение чтению и имеют большее представление о характере и структуре языка. Они лучше воспринимают новый материал, когда он написан в книге, на доске, представлен схематически в презентации. Визуалы лучше пишут, чем говорят. Аудиалы лучше воспринимают тексты на слух, им проще дается аудирование. Кинестетикам больше нравится использовать ролевые игры, работать с карточками, они готовы писать. Поэтому при работе с аудиторией преподавателю необходимо использовать как разные способы презентации одного и того же языкового материала, так и разные задания по его запоминанию и воспроизведению.

Именно здесь нам приходят на помощь техники нейролингвистического программирования (НЛП). Известно, что одну и ту же мысль можно выразить по-разному. Как показали исследования, можно выделить некий словарный запас, характерный для того или иного типа личности. Например, одно и то же обращение будет звучать по-разному: 1) Смотри! Обрати внимание! (визуал); 2) Послушай! Слушай внимательно! (аудиал); 3) Представь себе! Вообрази! (кинестетик). Некоторые лингвисты приводят целые таблицы синонимичных выражений, используемых различными типами личности. Преподаватель может воспользоваться уже готовыми таблицами или составить свои и как можно активнее использовать их

при объяснении нового материала, чтобы привлечь всю аудиторию и для каждого найти ключевое слово.

Приведем пример объяснения согласования времен в английском языке несколькими наглядными способами:

1. Преподаватель может изобразить на доске временной континуум в виде прямой линии и отметить на ней точками последовательность времен. Для студента с абстрактным мышлением этого будет достаточно.

2. Рисунок можно усложнить, добавив «коммунальные квартиры», чтобы более образно показать сочетание времен. Например, можно озвучить, что Past Simple «мирно делит квартиру» с Past Continuous; а Past Perfect «дружно живет» с Past Perfect Continuous и т.д. Таким образом, мы привлекаем визуалов и аудиалов.

3. Кинестетиков необходимо поместить в этот временной континуум и дать им ощутить себя в нем, как это сделала Д. Никуличева в ходе семинара «Игра со временем». Студентам предлагалось представить 'реку жизни' и себя, стоящим над ней на крутом берегу: река течет слева направо, плавно изгибаясь, где за поворотом «прячется» прошедшее время; вы находитесь в настоящем, а вправо от вас, слегка вверх, уходит будущее [1, с. 36].

Можно с абсолютной уверенностью заявить, что после такого трехступенчатого объяснения у студентов появится понимание соотношения английских времен, что, как известно, для русскоговорящих всегда является сложным материалом, т.к. в русском языке подобное явление отсутствует.

Кроме того, большую роль в обучении иностранным языкам играет личностный аспект. В НЛП достаточно много сказано о различных путях структуризации опыта. Одна из пресуппозиций НЛП утверждает, что опыт имеет свою структуру. При этом, как мы уже отмечали, считается, что люди различаются по доминантным каналам восприятия, хранения и передачи информации. Так, по некоторым данным, у 40% людей преобладает визуальный канал, у 40% – аудиальный, у 20% – кинестетический.

Успешность обучения (понимаемая в НЛП как объем запомненной информации) зависит, по мнению исследователей, от развития визуальной системы как ключевой и репрезентирующей у большинства людей. Это может быть объяснено тем, что физиологическая емкость зрительного канала на несколько порядков превосходит кинестетический, а яркие объемные образы позволяют получаемый объем информации эффективно организовывать во «внутренние карты». В НЛП считается, что даже такой «аудиальный», на первый взгляд, навык, как грамотность, зависит от использования визуальной системы:

грамотные люди, прежде всего видят, что слово написано неправильно, т.е. они хранят в памяти образы правильного написания слов. Отмечается, что социально-эффективные люди (бизнесмены, ученые и т.д.) активнее всего используют визуальную систему для репрезентации своего опыта.

Представители визуально-кинестетического типа более эффективны как коммуникаторы: они «видя, чувствуют» аудиторию. В специальных высоко формализованных областях знания (физика, кибернетика) часто эффективны люди рационального типа, т.к. высокий уровень формализации не допускает внесения личного опыта, переживания, и в профессиональной коммуникации более важно, что говорить, и чем более формально, тем более правильно [3, с. 364].

Следующий момент, на который хотелось бы обратить внимание, – это работа преподавателя с так называемыми «ограничивающими убеждениями». По нашему мнению, для достижения максимального эффекта в обучении иностранному языку преподавателю необходимо умело построить работу в этом направлении. Для этого нужно использовать различные формы рефлексии с последующей коррекцией. Данная работа должна быть лично-ориентированной и может организовываться как в группе, так и индивидуально. Такими «ограничивающими убеждениями» зачастую являются жалобы на отсутствие времени или способностей к изучению иностранного языка, а также на плохую память. Очень часто за нарушение памяти принимается невнимательность и неспособность сосредоточиться, а также редкое использование естественных законов запоминания: впечатление, повторение, ассоциации. Мы считаем, что процесс запоминания новых слов следует организовывать таким образом, чтобы они попадали в отдел долгосрочной активной памяти.

Существует множество рекомендаций по запоминанию слов и расширению объемов памяти. К ним относятся: мнемотехника (образование ассоциативных связей), работа с карточками, метод маркировки (приклеивание стикеров со словами к соответствующим предметам), метод составления рассказа с новыми словами, метод фонетических ассоциаций (метод Аткинсона), компьютерные программы OpenBook, MyNewWords и др. [2, с. 28]. Остановимся на тех из них, которые, на наш взгляд, являются наиболее эффективными при изучении лексики и работе с текстами по специальности.

Например, метод «записок». Этот метод весьма эффективен и прост в применении. Берется упаковка цветных стикеров. С одной стороны, стикера пишется слово, с другой – его перевод. Если слово имеет несколько значений, можно составить и записать на стороне

с переводом предложение только с одним из его значений. Остальные значения таким же образом включать в процесс изучения немного позже, когда предыдущее значение хорошо усвоится. Стикеры можно расклеить по всему дому в местах, которые постоянно мелькают перед глазами. Такие «записочки» можно носить с собой и постоянно перебирать в свободные минуты. Эффективность увеличения словарного запаса обеспечивается тем, что при создании «записок» включается и память воспроизведения, поскольку новые слова и их переводы пишутся от руки.

Весьма эффективным показал себя и метод «расширения синонимического ряда», когда студенты заводят тетради, в которые постоянно добавляют встречающиеся при работе с текстами по специальности новые слова. Ведутся тетради в свободной форме, главное, чтобы было удобно пользоваться. Например, на каждый синонимический ряд отводится по одной странице. Изучая новый текст, обучающиеся выделяют попадающиеся им синонимы, а потом переносят их на нужную страницу тетради. Студентам рекомендуется не просто вести тетрадь синонимов и постоянно пополнять ее, а также пролистывать тетрадь время от времени и составлять с синонимами предложения и словосочетания, что способствует увеличению словарного запаса. Синонимы должны постоянно вращаться в подсознании обучающихся. Также рекомендуется мысленно подбирать синонимы к словам, которые встречаются в новых текстах. Если такового не нашлось в арсенале изученных слов – следует обратиться за помощью к словарю. Этот метод, в первую очередь, позволяет впоследствии легко и просто читать художественную, научную, специальную и другую литературу, поскольку в любой литературе используется максимальное разнообразие лексики. Во-вторых, владение широким синонимическим рядом позволяет более точно и экспрессивно выразить свои мысли в устной речи, например, при подготовке презентации. К тому же, при большом словарном запасе увеличивается и скорость речи.

Еще одним действенным методом является составление «тематических карточек». Карточки составляются по изучаемому тексту. В нашем случае это могут быть тексты по специальности, носящие законченный характер. Это метод увеличения словарного запаса в достаточно короткие сроки приносит свои плоды, поскольку при написании от руки тематических карточек и постоянном их использовании срабатывает память воспроизведения, и слова попадают в активный реестр памяти студентов.

При «чтении без перевода» из нового текста студенты выписывают все незнакомые слова без перевода, потом закрывают текст и напротив

каждого нового слова пишут его перевод. Затем слова с переводом прочитываются несколько раз, но не зазубриваются. Достаточно, чтобы у студентов сформировалась общая идея текста. После этого, отложив слова с переводом в сторону, обучающиеся пытаются прочитать текст и понять его, не подглядывая в перевод слов. Если они не могут вспомнить перевод какого-то слова или понять его значение из контекста, то могут обратиться к своим записям. Таким образом, текст вычитывается студентами до тех пор, пока они не запомнят почти дословно его содержание. И в качестве закрепления выученных слов необходимо несколько раз прочитать текст, не переводя ни одного слова в нем (как будто текст написан не на иностранном, а на родном языке). Данный метод занимает достаточно много времени и сил, однако очень эффективен не только для увеличения словарного запаса, но и для развития скорости мышления на изучаемом языке, а также для восприятия получаемой информации, что немаловажно при прослушивании лекций по специальности на иностранном языке. При обучении с использованием метода «чтения без перевода» студенты учатся не только быстро и в полном объеме понимать тексты по специальности, но и думать на иностранном языке, защищая проекты и участвуя в дискуссиях.

Таким образом, во всех выше указанных методах успешно используются техники НЛП, что значительно повышает эффективность обучения иностранному языку, позволяет значительно расширить словарный запас студентов, сделать процесс обучения более динамичным и интенсивным. Однако, чтобы эффект изучения иностранного языка был осязаем, необходимы интенсивные занятия по 6 – 8 часов в неделю в течение года. А полученный результат необходимо закреплять на последующих курсах посредством чтения лекций и проведения семинаров по отдельным специальностям на иностранном языке.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алещанова, И.В. Нейролингвистическое программирование и обучение иностранным языкам / И.В. Алещанова // Городу Камышину – творческую молодёжь: материалы III Межд. науч.-практ. конф., Волгоград, 19 сент. 2009 г., Волгоград: Рема, 2009. – С. 34 – 37.
2. Белянин, В.П. Нейролингвистическое программирование и обучение иностранным языкам / В.П. Белянин // Teaching Foreign Languages in the Age of Globalization. – Taiwan.: ROC, 2000. – С. 17-36.
3. Шляхина, А.С. Нейролингвистическое программирование при обучении иностранным языкам / А.С. Шляхина // Молодой ученый. – 2010. – № 6. – С. 363-366.

ПОСЛОВИЦЫ И ПОГОВОРКИ В ФОРМИРОВАНИИ ЯЗЫКОВОЙ И МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОМПЕТЕНЦИИ

PROVERBS AND SAYINGS IN THE FORMATION OF LINGUISTIC AND INTERCULTURAL COMPETENCE

А.А. Назарова, К.Н. Шклярова

A.A. Nazarova, K.N. Shklyarova

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: nazarova.anna1110@gmail.com

В современном обществе знание иностранного языка является не просто прихотью, а необходимостью. Особое значение имеет английский язык, занявший не одну нишу в постсоветском (и не только) обществе, он распространился на все сферы жизни: названия различных учреждений и заведений на английском, англицизмы в культуре и искусстве, в бизнесе, в маркетинге, а также в повседневной речи современного человека. В результате глобализации английский стал мировым языком, используется как лингва франка в политической, экономической, социальной, образовательной и культурной областях.

Однако, чтобы достигнуть эффективности общения между представителями разных культур, просто преодолеть языковой барьер будет явно недостаточно. В разных странах существует множество культурных особенностей, которые либо схожи, либо отличаются с лингвистической точки зрения. Например, они могут иметь общие социальные ситуации, в то время как связанные с ними речевые шаблоны могут быть разными или два языка могут иметь один и тот же речевой шаблон, но использоваться он может в различных ситуациях. Поэтому на современном этапе обучения иностранному языку важно формирование языковой и межкультурной компетенции. К. Кнапп и А. Кнапп-Поттхофф определяют межкультурную компетенцию как «комплекс аналитических и стратегических способностей, расширяющий интерпретационный спектр индивида в процессе межличностного взаимодействия с представителями другой культуры» [1, с. 83]. Эта компетенция предполагает достижение такого уровня владения языком, который позволит гибко реагировать на всевозможные непредвиденные ситуации в ходе общения, выбирать адекватную линию речевого поведения, уместно использовать мимику и

жесты, применять формулы речевого этикета и знать культурно-исторические особенности страны изучаемого языка.

Несомненно, изучение культуры, в той или иной форме, является частью большинства языковых программ во всем мире. Считается, что как структура, так и содержание пословиц и поговорок полезны в обучении иностранным языкам, особенно когда речь идет о преподавании и понимании культуры.

Пословицы и поговорки фигурируют во многих сферах жизни, в разных слоях общества и на разных уровнях языка, они наглядно отображают образ жизни, историю, традиции народа, реагируют на изменения в его общественной и культурной жизни. Также пословицы и поговорки превосходно иллюстрируют фразеологию и идиоматические выражения иностранного языка, пополняют словарный запас, способствуют более уверенному восприятию языка. Они не только мелодичны, остроумны и ритмичны, но и отражают образ мыслей и жизни, культуру и традиции, поэтому играют важную роль в обучении иностранному языку.

Пословицы и поговорки рассматриваются скорее как неформальный язык, поэтому они, в основном, используются в обычном ежедневном разговорном языке. Чтобы свободно владеть английским, недостаточно лишь использовать словарный запас и знать грамматику. Из-за неестественности, буквальности речи изучающим такой идиоматический язык как английский важно знать пословицы и поговорки для формирования образности и метафоричности мышления, для естественности и аутентичности речи.

Конечно, культуру, связанную с изучаемым языком, нельзя познать на нескольких занятиях, посвященных народным песням, праздникам и обычаям, но пословицы и поговорки могут стать эффективным способом формирования межкультурной компетенции.

Пословицы и поговорки относятся к традиционному языковому жанру словесного фольклора, их мудрость служила и служит вневременным руководством в социальном взаимодействии для людей во всем мире, и они, безусловно, могут быть источником изучения лексики иностранного языка. Они краткие, легко запоминаются и полезны в любой жизненной ситуации. Пословицы и поговорки изучаются в течение длительного периода времени до их полного освоения и возможности применения в речи, поэтому взрослые используют их более часто, чем дети. Чтобы ускорить процесс изучения пословиц и поговорок, необходимо не просто заучивать их, а использовать в различных упражнениях, таких как составление ситуаций и диалогов, написание рассказов с употреблением

предложенных пословиц и поговорок. Сравнение пословиц и поговорок на разных языках помогает понять особенности менталитета разных культур, сформировать навыки эффективного общения с представителями этих культур.

Рассмотрим потенциал использования пословиц и поговорок в формировании языковой компетенции, в обучении таким аспектам языка, как лексика, грамматика, фонетика. Примером для отработки лексического материала могут служить следующие упражнения:

1) Найти лишние слова в пословицах:

– *I am as hungry as a spiteful hunter. (I am as hungry as a hunter.)*

– *Man and woman cannot live by bread alone. (Man cannot live by bread alone.)*

2) Восстановить текст пословиц:

– *make/an/without/you/eggs/breaking*

(You can't make an omelette without breaking eggs)

– *the/pudding/proof/of/the/eating/the/in/is*

(The proof of the pudding is in the eating)

3) Исправить пословицы и написать их перевод:

– *Drink at pleasure, eat with measure. (Eat at pleasure, drink with measure – ‘Ешь вволю, пей в меру’)*

– *Голод – худшая приправа. (Hunger is the best sauce – ‘Голод – лучшая приправа’)*

Пословицы и поговорки можно использовать при изучении различных грамматических форм:

– числительных (*One swallow does not make a summer – ‘Одна ласточка весны не делает’; As plain as two and two make four – ‘Ясно, как дважды два – четыре’*);

– местоимений (*He that knows nothing doubts nothing – ‘Кто ничего не знает, тот ни в чем и не сомневается’; As you sow, so shall you reap – ‘Что посеешь, то и пожнешь’*);

– конструкций *there is/there are (There is no smoke without fire – ‘Нет дыма без огня’; While there is life there is hope – ‘Пока дышу, надеюсь’*);

– степеней сравнения прилагательных (*Better late than never – ‘Лучше поздно, чем никогда’; Easier said than done – ‘Легче сказать, чем сделать’*);

– модальных глаголов (*Things past cannot be recalled – ‘Прошлого не воротить’; As you make your bed, so must you lie on it – ‘Как постелешь, так и поспишь’*);

– повелительного наклонения (*Never offer to teach fish to swim – ‘Не учи рыбу плавать’; Never put off till tomorrow what you can do today – ‘Никогда не откладывай на завтра то, что можешь сделать сегодня’*).

Для отработки различных звуков можно применять специально отобранные по фонетическому принципу пословицы и поговорки:

– межзубные звуки [θ], [ð] (*The game is not worth the candle; All things come to those who wait*);

– носовой звук [ŋ] (*Better die standing than live kneeling; A creaking door hangs long on its hinges*);

– целевой гортанный звук [h] (*To run with the hare, and hunt with the hounds; Home is where the heart is*);

– целевой губно-губной звук [w] (*A bird never flew on one wing; Dirty water will quench fire*);

– соединительный [r] (*There is a time for everybody; If you would be happy for a week take a wife; if you would be happy for a month kill a pig; but if you would be happy all your life plant a garden*).

Таким образом, пословицы и поговорки выступают адекватным способом преодоления лингвистических и межкультурных трудностей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Knapp, K. Interkulturelle Kommunikation // Knapp-Potthoff A. – Zeitschrift für Fremdsprachenforschung. – 1990. – № 1 – P. 83

2. Suleiman, Yusuf Examining the Use of Proverbs in Teaching English as Second Language: An Implication for Secondary School Principals in Nigeria // Yusuf Suleiman // <http://www.academia.edu> [Electronic resource]. – 2015. Mode of access: http://www.academia.edu/14207289/Examining_the_Use_of_Proverbs_in_Teaching_English_as_Second_Language_An_Implication_for_Secondary_School_Principals_in_Nigeria. – Date of access: 21.12.2017.

3. Lochman, Katja. The World a Global Village: Intercultural Competence in English Foreign language teaching // Katja Lochman, Jenny Kappel. – Brussel: Uitgeverij VUBPRESS – 2008. – 166 p.

4. Боженова, Н.А. Работа с пословицами как средство формирования межкультурной коммуникативной компетенции на уроках иностранного языка [Электронный ресурс] // Н.А. Боженова, И.В. Бганцева, Е.Б. Кириллова. – Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 4. – Режим доступа: <http://www.science-education.ru/ru/article/view?id=13891>. – Дата доступа: 14.01.2018.

COMMUNICATIVE OPERATIONS AND CORRELATION OF LANGUAGE UNITS

КОММУНИКАТИВНЫЕ ОПЕРАЦИИ И КОРРЕЛЯЦИЯ ЯЗЫКОВЫХ ЕДИНИЦ

N.G. Olovnikova

Н.Г. Оловникова

Белорусский государственный педагогический университет
имени Максима Танка
Минск, Беларусь

Belarusian State Pedagogical University named after Maxim Tank
Minsk, Belarus

Quite often when discussing the implications of foreign languages during the studies at higher education institutions we have to review the question: What is Language?

Whichever definition of the object would we use, we may reduce it to a statement that language is a system (of signs) used as a means of communication. This definition means that language is a functional system and its properties are determined by its function, so we can understand its structure and usage if we answer the question: What do we need a language for?

It is obvious that the answer to this question should disclose the necessity that made us develop a language. In other words, we have to know what the goal of communication in our life is. The answer to this question was given by M.A.K. Halliday [1], who singled a special regulative function of language. Approximately at the same time the regulative function was defined as the main function of language by A.A. Leontyev [2] who formulated the main function of language as organizing the interpersonal activity.

If we agree that language is a universal system of organising activity, we can deduce the functions necessary to achieve this goal and to define the units necessary for any language.

So, the first function is organising interpersonal activity. It means that each of the communicants must influence other communicants in the event of communication. Influencing presupposes informing the communicants. Linguistic informing radically differs from that in computer sciences, because it is not so much the choice of the way but modelling according to Marx W. Wartofsky [3]. Modelling is in fact relating components that represent or name elements of the original.

Communicative actions can be performed only if the other communicant perceives proper linguistic units. It follows from this that the speaker has to create an object that will serve as a sign. The production of this sign-object depends on the abilities of the communicants. As we know a human being cannot produce two linguistic units at a time. Thus, we have to distribute or place our units one by one. So there should be one more action – the action of arranging elements of the unit. So we have to perform the action of positioning. This action is done to create the form of the unit and, thus, is not directly connected with the meaning of the unit. And it makes us perform additional actions that may permit us to unite elements so that they can be formed into a meaningful structure. These three types of action (structuring a meaningful unit, placing elements of this unit in time and creating the body of a sign) are known in some trends of linguistics as etic units, the term was introduced by American linguists Hockett and Pike in their studies of phonology in the 1950-60-ies.

A specific feature of the etic units is their variability. So far this variability has been recognised only as a language fact and no explanation of it was given. Moreover, variability of units is often considered as a drawback of speech because it causes both deficiency and redundancy in communication. People trying to produce formalised systems of text analysis develop headaches when they have to overcome this feature. And yet, we cannot find a language having all units invariable. It means that variability should have a certain cause that is intrinsically connected with the very essence of language. We believe that understanding language as a system of activities (the so-called operations) we can have a good explanation of this fact. Operations having a certain aim are performed till the aim is achieved. If the aim can be achieved either by a series of operations or by one operation usually the latter is chosen. Since communicative goals in different situations might be achieved by a different number of operations the speaker chooses such a series that can be sufficient in the situation and the listener expects such behaviour of the speaker. We may conclude that the performance that is a transition from the system (*langue*) to speech (*parole*) is governed by the principle of pragmatic sufficiency that may be formulated in the following way: We use linguistic units in the form that we believe is necessary and sufficient to achieve our aims of the given act of communication.

This principle is responsible for two properties of any language. First, it makes communication easier by reducing a great number of operations that otherwise might overburden our performance and perception; secondly, it makes the system of the language more complicated and sophisticated because of the necessity to recognise variability of units as representations of some deeper entity.

Since we have to modify the units as expected by the partner (when we speak) and recognise them (when we listen), we should possess a mechanism which compares the signal, we receive, with the sets of expected features (when we listen), and combines these features into sets, when we speak. This makes us single out the features by which we can compare and recognise them. To do so we have to oppose these features so that we can classify and categorise units of different kinds.

The operations we have mentioned above must be grouped and these groups should be considered as units, if we use the traditional terminology. The most interesting units or groups of operations are those that are known as emic units. These units are described either as sets of etic items or as invariants of etic units. If we consider these units as sets we cannot explain how and why these sets may be enlarged, that is how new items may appear in these sets. If we take these units as invariants, that is elements having only the features in all variants, we can prove that some of such emic units are not presented by anything. For example, if we take the English morpheme of the Simple Past Tense (Past Indefinite) we have to accept that the formal part of the morpheme isn't represented by anything because in such verb as "cut" the form of the morpheme is zero. The same is true for such Russian verb as "БЫТЬ" because the Present Tense of the verb is also a zero morpheme. But if we take the emic units for organised systems of operations then these difficulties may be overcome. If emic units are systems of operations or, in other words, algorithms then they should include the method of producing the etic units depending upon the positions and the necessity of informing our partners of communication.

One of the problems that up to now hasn't been solved quite correctly in linguistics is the problem of meanings of the linguistic units. The paradox is that if we believe that linguistic units are objects their meanings should be their properties. Thus the units must possess a limited number of pre-set meanings, but the use of languages shows that the number of the meanings of all units starting with the word is neither fixed nor pre-set. Words, especially verbs in the Indo-European languages can receive quite unexpected meanings which may later become elements of their semantic structure (for example, the English verb "fall" developed the meaning of having a certain emotion as in "to fall in love"). This phenomenon is even more profound if we consider sentences and utterances. These units cannot at all be described as having pre-set meanings.

But if we consider the formal (phonetic or graphic) aspects of the units only as the first stimulus to a series of cognitive operations we can solve the problem of the appearance of new meanings without epistemic difficulties. For example, if we recognise that a sentence has a two aspect-structure of its

referential semantics the meaning of a sentence must be an operation, necessary to compose and correlate the aspects of the semantic structure [4]. This operation must be performed both while generating and perceiving a sentence.

It is also necessary to note that the units larger than a sentence incorporate into their semantic structure both referential (cognitive) and pragmatic (communicative) components. The meaning of these components proves to be less fixed than the meaning of the referential units (sentence and smaller components). So, these units must be recognised as signals initiating operations which can be called communicative.

Because language is almost unanimously considered to be an instrument, the meaning of its units is determined by its aim (function). It follows from this that the leading component of the system of communicative and cognitive operations initiated by its units is the pragmatic aspect. Thus the general principle guiding the overall system of operations should be the principle of pragmatic sufficiency. The principle might be formulated as follows: because the speakers have to pursue certain goals they use those activities which they believe necessary and sufficient to achieve their aim.

In general, the system of operations may be described in the following way. The first block of operations may be named communicative, which presupposes a mutual choice by the communicants of the type of the act of communication due to their aims. Then the communicants choose from a set of communicative parts typical for the act those that correspond to their aims. Using communicative strategies and tactics the communicants foresee possible speech acts both those that they perform themselves and those of the other participants. Operations in this block are performed in conformity with the principle of pragmatic sufficiency. At the same time the topic of the act of the communication is set up. The second block of operations can be called cognitive. This block consists of operations that allow the communicants to produce signals that lead them to the fragment of the picture of the world that is determined by the topic of the act of the communication. The communicants produce their signals in conformity with the illocutionary constituents of the speech acts selected in the first block. It means that both the contents of speech acts and their form are created in accordance with the principle of the communicative sufficiency.

The analysis of the simplest units has shown that the elementary operations are comparison and identification. These elementary operations produce blocks that are used as constituents of more complicated operations.

At the same time the principle of pragmatics efficiency presupposes that the speakers expect both signals and operations. As a result, the operations triggered by larger units might be constructed so that they may be used to select

or create one of the expected results. The result, selected or created, should be recognised. To recognise and create we have to make inferences. But if the features that govern our inference process are very numerous they are united into groups and we can make guesses.

Thus, the elementary processes of comparison and identification are united into operations of creation, inference, recognition, and guessing.

REFERENCES

1. Halliday, M.A.K. On Language and Linguistics / M.A.K. Halliday, J.J. Webster. – New York: Bloomsbury Publishing, 2003. – 476 p.
2. Леонтьев, А.А. Язык, речь, речевая деятельность / А.А. Леонтьев. – М.: Либроком, 2014. – 214 с.
3. Wartofsky, M.W. Models, Metaphysics and the Vagaries of Empiricism / Marx W. Wartofsky // Models: Representation and Scientific Understanding. – Boston: Springer, 1979. – P. 24-39.
4. Богушевич, Д.Г. Грамматика как операциональная система / Д.Г. Богушевич // Концептуализирующая сила грамматики = Ars Grammatica: сб. науч. ст. / Минский гос. лингвист. ун-т; редкол.: А.М. Горлатов (отв. ред.) [и др.]. – Минск, 2016. – С. 5-9.

ТЕХНОЛОГИЯ «ПЕРЕВЕРНУТОЕ ОБУЧЕНИЕ» КАК СПОСОБ ОРГАНИЗАЦИИ САМОСТОЯТЕЛЬНОЙ РАБОТЫ СТУДЕНТОВ

«FLIPPED LEARNING» TECHNOLOGY AS A METHOD OF ORGANIZING STUDENTS' INDIVIDUAL WORK

А.В. Панфилович, К.А. Черетун

A.V. Panfilovich, K.A. Cheretun

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: panfilovich.an@yandex.ru

Традиционные формы обучения и методы взаимодействия педагога с обучающимися во многом уже не соответствуют задачам современного мира в период, когда высокие темпы развития информационных технологий предоставляют огромное количество возможностей для совершенствования методов обучения.

Современный педагог, осуществляя свою профессиональную деятельность, должен быть в курсе инноваций в образовании, использовать в своей работе идеи отечественного и зарубежного опыта. Колоссальную важность на сегодняшний день приобретают

педагогические подходы и технологии, которые ориентируются не столько на усвоение обучающимися знаний, умений и навыков, сколько на создание таких педагогических условий, в которых каждому из обучающихся дается возможность понять, проявить и реализовать себя (развить свою социальную и личностную компетентность).

В последние годы всё больше педагогов используют в своей деятельности идеи «перевернутого обучения», авторами которого являются два американских педагога Джонатан Бергман и Аарон Самс. Само название технологии Flipped Classroom означает «перевернутый класс» [2].

В 2004 году Бергман и Самс начали свой эксперимент и получили сотни последователей после публикации полученного опыта.

Педагоги отправляли своим обучающимся видеуроки, посредством которых изучался новый учебный материал дома самостоятельно. На основе полученной информации, обучающиеся отвечали на вопросы учителя в классе, также решали проблемные задачи в микрогруппах.

В традиционной модели обучения педагог является первичным источником информации. Напротив, модель Flipped Learning сознательно меняет данный подход на совершенно иной, ориентированный на обучающегося, где время в классе посвящено более глубокому изучению тем, создавая широкий спектр возможностей для обучения. В результате обучающиеся активно вовлечены в процесс добывания знаний, так как они принимают участие в обучении и анализируют свои действия таким образом, который является лично значимым для них [3].

Роль педагога является еще более важной и часто более сложной в перевернутом обучении, чем в традиционном. Во время занятий педагог постоянно наблюдает за своими обучающимися, предоставляя им соответствующую информацию, требуемую в данный момент, и оценивая их работу. Знающие педагоги зачастую делятся опытом друг с другом, тем самым улучшая процесс передачи знаний, принимая во внимание конструктивную критику. Хотя преподаватели занимают менее заметное место в модели перевернутого обучения, чем в традиционной модели, они остаются неотъемлемой частью процесса.

Вместо того чтобы рассказывать обучающимся, что учить, как учить, когда учить, педагоги поддерживают их в том, чтобы они научились добывать знания самостоятельно.

Во время традиционных лекций у обучающихся нет возможности остановить лектора, чтобы обдумать сказанное, и, таким образом, обучающиеся могут упускать важные моменты. В то время как использование видео и других предварительно записанных

информационных носителей позволяет обучающимся контролировать ход лекции: они могут смотреть видео столько раз, сколько им понадобится, чтобы усвоить материал должным образом, есть возможность перематывать видео по мере необходимости. Обучающиеся могут записать вопросы и затем обсудить их с педагогом в классе, а можно попытаться получить ответ самостоятельно, используя дополнительные ресурсы. Благодаря тому, что видеолекции доступны в любое время онлайн, обучающиеся, которые вынуждены пропускать занятия ввиду болезни или непредвиденных обстоятельств, могут быстро догнать остальных.

Одной из наиболее важных проблем является необходимость иметь доступ к интернету для просмотра лекций. В связи с различными техническими неполадками просмотр видео может вызвать некоторые затруднения.

Иногда достаточно сложно привлечь обучающихся к взаимодействию в ходе занятия. Отсутствие уверенности в правильном понимании изложенного педагогом материала часто не позволяет обучающимся дискутировать во время практической части. Все обучающиеся находятся на разных этапах и уровнях интеллектуального и психического развития, некоторым требуется немного больше времени, чтобы критически осмыслить материал. В результате такие обучающиеся не могут взаимодействовать с другими обучающимися в классе, опасаясь, что, возможно, недостаточно хорошо поняли материал. Такую проблему решает перевёрнутое обучение, так как оно гарантирует, что обучающиеся могут тратить на изучение материала столько времени, сколько им необходимо. Это позволяет обучающимся уверенно владеть своими знаниями, прежде чем приступить к взаимодействию с одноклассниками в обсуждениях.

Перевёрнутое обучение позволяет использовать время в классе для овладения навыками в рамках совместных проектов и обсуждений. Это побуждает обучающихся учиться концепциям друг у друга под руководством педагога.

Есть ряд опасений, связанных с тем, что приходится надеяться на добросовестное изучение материала обучающимся дома, поскольку эффективность перевёрнутого обучения зависит от степени вовлеченности обучающегося в процесс. К сожалению, нельзя гарантировать, что все обучающиеся будут обладать достаточной мотивацией. Самостоятельная работа представляет собой особую, высшую степень учебной деятельности. Она обусловлена как индивидуальными психологическими различиями, так и личностными особенностями обучающегося. Самостоятельная работа требует

высокого уровня самосознания и рефлексивности. Чтобы развить положительное отношение у обучающихся к самостоятельной работе, следует разъяснять цели предполагаемой работы на каждом её этапе, осуществлять контроль за пониманием обучающимися поставленных целей. Немаловажным фактором может служить владение способностью принимать на себя ответственность, умение вовремя находить конструктивные решения возникших трудностей.

Кроме того, внедрение перевёрнутого метода обучения предполагает дополнительную нагрузку на педагога, так как присутствует несколько аспектов, которые необходимо тщательно продумать, чтобы позволить обучающимся преуспевать в своей деятельности. Следует записать и загрузить лекции, что требует времени и определенный набор навыков, или найти подходящие готовые материалы, находящиеся в свободном доступе, а также требуется продумать виды активной деятельности, которые будут использоваться непосредственно в ходе проведения занятия. Хотя педагоги могут интегрировать элементы перевёрнутого метода постепенно, такой вид проведения занятий все равно потребует от них дополнительного количества времени и усилий.

Перевёрнутое обучение подразумевает изменение роли педагога, оно предполагает более тесное сотрудничество с обучающимися и совместный вклад в учебный процесс. Такие изменения затрагивают обучающихся, многие из которых привыкли к пассивному участию в процессе обучения, когда материал дается им в готовом виде. Перевернутая модель дает стимул экспериментировать, возлагая большую ответственность за обучение на обучающихся. Общение между ними во время занятия может оказаться движущей силой процесса, направленного на обучение с помощью практических навыков. Перевернутое обучение приводит к значительному смещению приоритетов от простой подачи материала до работы над его совершенствованием.

В зарубежных исследованиях описывается опыт внедрения технологии Flipped Classroom с 2011 года. Так в университете Вандербильта в США были зафиксированы качественные улучшения показателей тестов, как результата использования метода перевёрнутого обучения для тех, кто изучал физику. В 2012-13 годах университет штата Квинсленд в Австралии успешно реализовал широкомасштабную модель данного метода для более 1000 обучающихся по целому ряду дисциплин.

Внедрение технологии перевёрнутого обучения постепенно расширяется и в учебных заведениях Беларуси. Так в методико-

педагогической литературе представлен опыт государственного учреждения образования «Гимназии № 6 г. Минска» [1]. С 01.09.2016 в гимназии организована инновационная деятельность по реализации инновационного проекта «Внедрение модели «Перевернутый урок» как механизма повышения качества образования обучающихся в учреждениях общего среднего образования». Главной идеей данного проекта является предоставление обучающимся возможностей для серьезной самообразовательной деятельности, а учителю – возможностей для индивидуализации и дифференциации обучения.

Новизна проекта выражается в том, что педагоги создают в Интернете собственные страницы (блоги), на которых размещаются материалы, необходимые для учебных занятий (видео, презентации, вопросы либо тест на освоение учебного материала). Также в ходе реализации проекта устанавливаются отношения сотрудничества педагога и обучающихся в процессе изучения нового материала посредством консультирования в интернете.

Использование модели перевернутого обучения может стать значимым шагом к повышению качества образования: самостоятельное получение «живого», лично значимого знания, с последующей его опытной апробацией является залогом самообразования.

ЛИТЕРАТУРА

1. Инновационный проект «Перевернутый урок»// Интернет-сайт «Гимназии № 6 г. Минска» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://gymn6.minsk.edu.by/main.aspx?guid=45021>. – Дата доступа: 30.01.2018.
2. Bergmann, J. Flipped Learning: Gateway to Student Engagement // J. Bergmann, A. Sams // Center for Educational Policy Studies Journal [Electronic resource]. – 2017. Mode of access: <https://ojs.cepsj.si/index.php/cepsj/article/view/293>. – Date of access: 22.12.2017.
3. Definition of Flipped Learning //The original non-profit online community the “FLN” [Electronic resource]. – Mode of access: <https://flippedlearning.org/definition-of-flipped-learning>. – Date of access: 30.01.2018.
4. Things You Should Know About Flipped Classrooms// EDUCAUSE community [Electronic resource]. – Mode of access: <https://library.educause.edu/resources/2012/2/7-things-you-should-know-about-flipped-classrooms>. – Date of access: 30.01.2018.

**ПРИМЕНЕНИЕ ЭВРИСТИЧЕСКИХ ЗАДАНИЙ НА УЧЕБНОМ
ЗАНЯТИИ В УСЛОВИЯХ УЧРЕЖДЕНИЯ СРЕДНЕГО
СПЕЦИАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ ПО УЧЕБНОЙ
ДИСЦИПЛИНЕ «ИНОСТРАННЫЙ ЯЗЫК В ПРОФЕССИИ»**

**THE USE OF HEURISTIC TASKS AT THE LESSON OF THE
ACADEMIC DISCIPLINE «FOREIGN LANGUAGE IN
PROFESSION» AT THE INSTITUTION OF SECONDARY
SPECIALIZED EDUCATION**

M.P. Punup

M.R. Pipir

Лидский колледж

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы

Лида, Беларусь

Lida College Yanka Kupala State University of Grodno

Lida, Belarus

E-mail: pipir_m79@mail.ru

Стремительный рост объема информации требует от современного выпускника колледжа таких качеств, как инициативность, изобретательность, предприимчивость, способность быстро и безошибочно принимать решения, что невозможно без умения работать творчески, самостоятельно. В этом случае эвристическая технология в образовательном процессе учреждения среднего специального образования предполагает отказ от готовых знаний, от их репродукции, основываясь на поисково-исследовательской деятельности.

По мнению автора, вступительная часть данной статьи требует раскрытия сути эвристического обучения. Смысл и содержание эвристического обучения (процесса выстраивания каждым учащимся собственного образования в диалоге с культурно-историческим аналогом – достижениями человеческой культуры [1, с. 11]) заключается в изменении характера образования с монологичного «отражательного» на диалогичный, предоставляющий учащемуся возможности познавать окружающий мир, исходя из его личностных особенностей. Эвристические задания «открыты», то есть не имеют единого решения: они раскрывают внутренний потенциал учащегося, формируют и развивают эвристические качества личности: креативные, когнитивные, организационно-деятельностные [2, с. 91], а значит, создают основу для индивидуализации обучения.

Преподавание дисциплины «Иностранный язык в профессии» осуществляется на третьем курсе обучения, что обеспечивает высокий

уровень подготовленности учащихся к изучению данной учебной дисциплины. Успешность изучения учебной дисциплины «Иностранный язык в профессии» обеспечивается предшествующей подготовкой учащихся по таким учебным дисциплинам, как «Иностранный язык», «Устройство транспортных средств», «Эксплуатационные материалы», «Электрооборудование и электронные системы транспортных средств», «Технология обслуживания транспортных средств». Таким образом, своевременное и целесообразное применение эвристических заданий на учебных занятиях будет способствовать укреплению межпредметных связей и более глубокому усвоению учебного материала, что, в конечном итоге, позволит повысить общий уровень языковой компетенции выпускников колледжа.

Анализ возможностей применения эвристических методов обучения на учебных занятиях по учебной дисциплине «Иностранный язык в профессии» в Лидском колледже учреждения образования «Гродненский государственный университет имени Янки Купалы» позволил сделать вывод, что наиболее эффективными методами применения заданий эвристического типа являются:

– метод придумывания (способ создания учащимися ранее неизвестного продукта в результате их определенных умственных действий). Данный метод способствует развитию воображения, творческого мышления и фантазии. На учебных занятиях по учебной дисциплине «Иностранный язык в профессии» этот метод позволяет учащимся создавать спонтанные диалоги на изучаемом языке, писать сочинения на заданную тему, придумывать различные ситуации. Примеры заданий: Вы иностранный конструктор автомобилей, пытающийся получить должность в английской компании Rolls-Royce Motor Cars. Что вы предложите руководству компании в плане совершенствования их продукции, что, в свою очередь, поспособствует вашему трудоустройству? Придумайте на иностранном языке продолжение истории «Начиная с 2025 года, производство двигателей внутреннего сгорания будет запрещено в мире. Автопроизводители в панике...»;

– метод «Если бы...» (развитие умений учащихся представить и описать ситуацию, которая бы произошла в заданных преподавателем условиях). Данный метод формирует навык творческого видения ситуации, заданной преподавателем, развивает креативное и логическое мышление учащихся. Примеры заданий: На автотрассе в Великобритании у вас возникают неожиданные проблемы с подвеской вашего автомобиля. Автомобиль становится неуправляем.

Вы вызываете автоэвакуатор. Представьте сценарий вашего общения с прибывшим сотрудником службы эвакуации. Опишите последствия и возможные опасности того, что автомобили станут двигаться бесшумно;

– метод гиперболизации (увеличение или уменьшение объекта познания, его части или качества). Преподаватель задает ситуацию, находящуюся на грани реальности и фантазии, и создает поле для размышления. Примеры заданий: Составьте рассказ о мире, где автомобиль только начал создаваться первыми его изобретателями. Опишите ваши действия, если бы вам предложили создать самый мощный в мире легковой автомобиль;

– метод агглютинации (развитие образного мышления). Учащимся предлагается соединить несоединимые в реальности качества, свойства, части объектов и изобразить их. Примеры заданий: Опишите устройство автомобиля с колесами не круглой формы. Предложите проект прыгающего автомобиля, автомобиля, не имеющего системы рулевого управления;

– метод «вживания» (развитие познавательных навыков). Учащийся пытается вжиться в объект изучения, познать и почувствовать его изнутри. Примеры заданий: Вы – бензин или дизельное топливо в топливной системе автомобиля. Опишите весь ваш путь от топливного бака до глушителя. Вы – электрический заряд в аккумуляторной батарее. Расскажите, куда вы можете быть направлены;

– метод эвристических вопросов (развитие навыков диалогической речи на иностранном языке). Задаются 7 ключевых вопросов: "Кто? Что? Где? Зачем? Как? Чем? Когда?" для того, чтобы найти сведения о каком-либо объекте или событии. Примеры заданий: Расспросите собеседника о разработке первых автомобильных двигателей. Составьте диалог о правилах безопасного управления автомобилем в городских условиях.

Необходимо признать, что основной сложностью, с которой сталкиваются педагоги в процессе применения эвристических заданий на учебном занятии, является необходимость затраты большого количества времени по сравнению с сообщением готовых знаний. Вот почему преподаватель не имеет возможности использовать их на всех учебных занятиях. Применение метода напрямую зависит от уровня развития и обученности учащихся, а особенно от того, сформированы ли у них познавательные умения. Таким образом, эвристические методы нужно использовать в разумных пределах, нейтрализуя их недостатки с помощью разных приемов. Необходимо помочь тем учащимся, которые не смогли решить на учебном занятии поставленные задачи. Нужно попытаться сформировать у учащихся умения и навыки, которые

пригодятся им для самостоятельного решения проблемы. Современное учебное занятие, имеющее своей целью открытие знаний через поиск, требует определенных усилий, терпения, концентрации и дивергентного мышления. На современном учебном занятии учащийся не просто изучает материал, а задействует свой потенциал, выявляет и развивает свои способности. Именно через самореализацию он осваивает становящуюся лично-значимой для него область бытия [3].

ЛИТЕРАТУРА

1. Король, А.Д. Педагогика диалога: от методологии к методам обучения: монография / А.Д. Король. – Гродно: ГрГУ, 2015. – 195 с.
2. Король, А.Д. Эвристический практикум по педагогике: учеб.-метод. пособие / А.Д. Король, А.В. Хуторской, Е.И. Белокоз. – Гродно: ГрГУ, 2014. – 193 с.
3. Калпинская, Н.С. Эвристическое обучение на основе диалога / Н.С. Калпинская, И.И. Вашило // Мастерство online [Электронный ресурс]. – 2017. – 3(12). – Режим доступа: <http://tipo.unibel.by/index.php?id=2958>. – Дата доступа: 29.12.2017.

РЕАЛИЗАЦИЯ ВОСПИТАТЕЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА УЧЕБНОЙ ДИСЦИПЛИНЫ «ПРАКТИКА УСТНОЙ И ПИСЬМЕННОЙ РЕЧИ»

REALIZATION OF THE EDUCATIONAL POTENTIAL OF «SPEECH PRACTICE» DISCIPLINE

О.Г. Прохоренко, Н.В. Ушакова, И.В. Соколова

A. Prakharenka, N. Ushakova, I. Sokolova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Prakharenko@bsu.by, UshakovaNV@bsu.by, SokolovaIV@bsu.by

Современное образование призвано создавать необходимые условия для самореализации личности каждого студента. Одним из таких условий является реализация воспитательного потенциала учебных дисциплин, в том числе посредством такого компонента образовательного процесса, как исследовательская деятельность. Включение в нее студентов способствует формированию познавательно-ценностного отношения к миру и окружающей действительности, активной жизненной позиции, потребности в саморазвитии. Наряду с формированием профессиональных компетентностей у них воспитываются и личностные качества: адекватная самооценка, самоконтроль, самоорганизованность,

целеустремленность, настойчивость в достижении цели, инициативность, ответственность.

Познавательные мотивы, развиваемые в ходе исследовательской работы, стимулируют поиск эталонного стиля учебной и научной деятельности, овладение принципиально новыми способами ее осуществления, выработку ценностных установок на самоорганизацию, самоконтроль и самооценку [1, 2]. Происходит взаимопроникновение и взаимовлияние познавательных и социальных мотивов, что объясняется соотношением студентом личных познавательных установок с требованиями общества.

Исследовательская деятельность позволяет решать не только задачи совершенствования профессиональной подготовки, но и духовного становления личности. Для изучения ее организации как средства воспитания студенческой молодежи мы попытались включить студентов во внеаудиторную проектную деятельность.

Базой проведения эксперимента в рамках курса «Практика устной и письменной речи английского языка» стал факультет социокультурных коммуникаций БГУ. В нем участвовали студенты I и II курса специальности «Современные иностранные языки (преподавание)». Для разработки проектов были предложены следующие темы: «Спорт в жизни белорусов», «Кухня разных стран мира», «Купляйце беларускае!», «Ведущие мировые университеты», «Наш университет», «Студенческая жизнь».

Метод проектов нацелен на развитие познавательных навыков, умений ориентироваться в информационном пространстве, устанавливать причинно-следственные связи, конструировать свои знания, прогнозировать результаты и возможные последствия разных вариантов решения, на развитие критического и творческого мышления. Методика организации данной деятельности предполагает следующие этапы: подготовка, планирование, исследование, презентация и защита, рефлексия и коррекция [3]. Во вводной лекции произошло ознакомление студентов с самим методом проектов. Были определены критерии оценки: корректность используемых методов исследования и обработки получаемых результатов; активность каждого участника в соответствии с его индивидуальными возможностями; коллективный характер принимаемых решений; творческий характер общения и взаимопомощи участников проекта; необходимая и достаточная глубина проникновения в проблему; привлечение знаний из других областей; доказательность принимаемых решений, умение аргументировать свои заключения, выводы; эстетика оформления результатов проведенного

проекта; умение отвечать на вопросы оппонентов, лаконичность и аргументированность ответов каждого члена группы.

После коллективного обсуждения предстоящей работы начался этап планирования. Студенты осуществляли поиск источников информации, обсуждали методы исследования (экспериментальные, поисково-творческие, самостоятельной работы и пр.), выбирали способы оформления конечных результатов (видеофильмы, презентации, защиты, творческие отчеты и пр.), распределяли задачи по микрогруппам. Самым сложным оказался этап исследования. Это объясняется тем, что в начале работы студенты не проявили инициативы в данном виде деятельности, аргументируя свое бездействие в последующих рефлексировующих эссе учебной загруженностью, отсутствием свободного времени, приближающейся сессией. Поэтому с целью стимулирования процесса еженедельно в специально отведенный для каждого проекта день проходили консультации, на которых студенты отчитывались о проделанной за прошедшую неделю работе. Из 48 участников эксперимента на первой консультации отчиталось 28 человек. Причина этого – низкая самоорганизованность студентов. Тем не менее ими руководило не желание получить внешнее одобрение, а более интеллектуальные чувства: любознательность, удивление, чувство нового, уверенность в правильности поиска решения проблемы, чувство юмора и иронии.

В ходе исследований студенты анализировали научную и художественную литературу, проводили социологические опросы, изучали внеаудиторную работу в вузе, брали интервью у менеджеров ресторанов, работали с материалами сети Интернет, анализировали предложения фитнес-центров.

На этапе представления результатов работ была проведена итоговая конференция. Нам было важно видеть, с каким настроением, с какими убеждениями молодые люди подойдут к концу работы.

Результаты исследований были оформлены в мультимедийные презентации, видеофильмы. Каждый проект был уникален. Так, студенты, готовившие проект «Спорт в жизни белорусов», рассказали об известных спортсменах, прославивших нашу страну в различных видах спорта на международных турнирах и соревнованиях, и их достижениях, попытались раскрыть чувства спортсменов в момент победы; о развитии спортивной базы страны (появление новых спортивных центров, в особенности для детей и молодежи, не только в крупных областных центрах, но и в небольших городках); о популяризации спорта в нашей стране (проведение международных соревнований по хоккею, велоспорту, гимнастике, биатлону, борьбе и

т.д.); о разнообразных мерах, предпринимаемых правительством и администрацией, по сохранению здоровья населения страны (запрет на курение в общественных местах, на продажу алкоголя после 23 часов) и об отношении к ним общественности. Благодаря специальному буклету каждый присутствующий на конференции смог оценить значимость занятий по физической культуре, узнать о возможностях спортивного комплекса и профилактория БГУ, подобрать для себя ближайший фитнес-центр, изучить предоставляемые услуги и их стоимость.

В проекте «Купляйце беларускае!» студентам удалось доказать аудитории, что товары известных белорусских фирм (молочные продукты, кондитерские изделия, постельное белье, косметика) не только не уступают по качеству зарубежным, но и могут быть значительно дешевле их.

Необычайно «вкусным» оказался проект «Кухня разных стран мира». Помимо рассказов о традициях и особенностях приготовления пищи на разных континентах, буклетов с наиболее популярными рецептами национальных блюд разных стран, была предоставлена возможность продегустировать некоторые из этих блюд, приготовленные участницами: драники (Беларусь), вареники (Украина), пельмени (Россия), пицца (Италия), суши (Япония), карри (Индия), утка по-пекински (Китай), ростбиф (Англия), шницель (Австрия), паэлья (Испания), кебаб (Турция).

Участники проекта «Ведущие мировые университеты» представили рейтинги высших учебных заведений за последние 5 лет, проследили мировые тенденции в развитии высшего образования в мире. Студенты рассказали о традиционной конкуренции Кембриджа и Оксфорда, Гарварда и Йеля, о быстро растущем и очень популярном среди иностранцев Лондонском университете. Для всех стало неожиданностью, что первое место в мировом рейтинге занимает Массачусетский технологический университет. Не забыли ребята и о своем учебном заведении. В качестве отдельной работы в рамках данной темы выступил проект «Наш университет», участники которого подготовили буклет, с помощью которого каждый первокурсник сможет быстро сориентироваться в стенах Alma Mater, узнать о традициях, технологиях и достижениях БГУ, о возможностях всестороннего развития, предлагаемых университетом.

В проекте «Студенческая жизнь» была поднята наиболее острая для иногородних студентов проблема возможности проживания в общежитии. Студенты предложили некоторые варианты ее решения: увеличить количество мест за счет встроенной мебели и двухъярусных кроватей; повысить плату за проживание с целью сбора средств

на строительство новых общежитий; предоставить возможность аренды помещений в общежитиях других учебных заведений и организаций. Участники обсудили проблему бытовых конфликтов. Благодаря этому проекту многие студенты решили для себя вопрос, чем заняться летом, изучив предложения педагогических и строительных отрядов.

Учитывая мнения и пожелания студентов, на презентации было решено не выставлять отметки за проекты, а выбрать три лучших из них путем тайного голосования. Еще одним продуктивным решением процедуры оценивания проектов может стать распределение призовых мест по номинациям.

Этап рефлексии проходил в каждой группе отдельно. Мы выбрали метод просмотра видеозаписи конференции: возможность отсроченного сравнения проектной деятельности своей группы и лично себя с другими позволила более объективно и многомерно оценить свою работу.

Отмечая большую обучающую ценность проектов: презентации результатов исследования велись на английском языке, для чего студенты не только актуализировали приобретенные во время аудиторных занятий лексические и грамматические знания, но и самостоятельно приобрели новые; в ходе подготовки проектов многие студенты освоили принципы работы с программами и сервисами создания презентаций и видеofilмов (Power Point, Prezi, Google Slides, Movie Maker, Sony Vegas); студенты получили от исследовательской работы удовлетворение; у них повысился рейтинг преподаваемой дисциплины. Необходимо сказать, что оправдались наши гипотетические предположения: произошел прирост не только в знаниях и умениях студентов, но и в сфере нравственности: она обогатилась опытом социализированных переживаний; были достигнуты воспитательные цели, расширились знания о таких элементах национальной культуры, как белорусская кухня, белорусский текстиль, косметика; были изучены мировые достижения белорусских спортсменов и параолимпийцев и комплекс средств поддержания своего здоровья, предоставленных жителям столицы; сформировался целостный образ университета как пространства своего развития.

Перенесение учебной деятельности в плоскость самостоятельной работы, имеющей значение как «для меня», так и для сокурсников, других людей, положительно сказалось на личностном самосознании молодых людей: окрепла вера каждого в свои творческие возможности, в способность подчинять свою жизнедеятельность не сиюминутным интересам, а значимым целям.

ЛИТЕРАТУРА

1. Калугина, Н.Л. Формирование исследовательских умений студентов университета в процессе самостоятельной работы. Автореферат дис. ... канд. пед. наук. – Магнитогорск, 2005. – 24 с.
2. Карнаухова, И.Б. Поисково-исследовательская деятельность как средство развития творческой самостоятельности студентов в процессе профессиональной подготовки [Электронный ресурс]: дис. канд. пед. наук: 13.00.08. – М. : РГБ, 2003. – 161 с.
3. Метод проектов. Сер. «Современные технологии университетского образования»; вып. 2 / БГУ. Центр проблем развития образования. Республиканский институт высшей школы БГУ. – Минск: РИВШ БГУ, 2003. – 240 с.

MAIN FACTORS OF LEXICON RENEWAL (ON THE MATERIAL OF THE MODERN BELARUSIAN LANGUAGE)

ОСНОВНЫЕ ФАКТОРЫ ОБНОВЛЕНИЯ СЛОВАРЯ (НА МАТЕРИАЛЕ СОВРЕМЕННОГО БЕЛОРУССКОГО ЯЗЫКА)

A.N. Rudenka

E.H. Руденко

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: Rudenka@bsu.by

The replenishment of the lexicon and the character of the words that newly come into a language is determined by three groups of factors: proper linguistic, sociolinguistic and psycholinguistic.

By **proper linguistic factors** we understand typological language features that influence the formation of the lexicon, namely the morphological type and the characteristic that is connected with it – the prevailing way of nomination.

The Belarusian language is inflectional, and this fact determines the character of the replenishment of its lexicon. New naming units may be coined by compounding (*генерал-маёр* ‘general-major’, *землякоп* ‘digger’, *сценгазета* ‘wall-newspaper’), including compounding of clipped stems (*філфак* ‘phil(ological)-fac(ulty)’), abbreviation (*БДУ* ‘B(elarussian)-S(tate)-U(niversity)’), conversion (*малады* ‘young’ → ‘fiance’), blending (*маторная лодка* → *маторка* ‘motor boat’), clipping (*універсітэт* → *універ* ‘university’, *мабільны тэлефон* → *мабіла* ‘mobile phone’),

however, the prevailing way of nomination is affixation, and first of all, suffixation and such type of derivation when a prefix and a suffix are attached simultaneously (*дом* ‘house/home’ → *дамашні* ‘house/home_{adj}’, *бяздомны* ‘homeless’).

The productivity of certain ways of nomination (including specific ways of morpheme derivation) in a language at the modern stage of its development can be objectively estimated on the basis of the data provided by corpus linguistics. For the Belarusian language, in particular, such data were received by constant monitoring of Belarusian-language texts of different styles and genres. The main aim of the monitoring was to reveal the words that are not fixed in the dictionaries (17 000 entries – direct and reverse dictionaries; the project has been carried out for years by Intellectual Information Systems Scientific Research Laboratory of the Faculty of Applied Mathematics at the Belarusian State University). Besides the data of information retrieval systems of the Belarusian-language Internet were used.

The first conclusion that is readily apparent from the analysis of the complete register of new words (we suppose that it is relevant to any language) is that **the major part of new naming units is comprised of the so-called potential words**. Potential words fill the empty cells of word-formation paradigms and are coined according to the productive word-formation models. Word-formation paradigms possess a predictive force. All regular formations are far from being fixed in the dictionaries, this happens, first of all, due to the fact of their regularity and “self-evidence”. Thus, if we know that a typical word-formation paradigm contains words with a certain derivational meaning we can expect the appearance of similar naming units formed from any word belonging to a certain lexical-semantic group. For example, in the Belarusian language names of animals’ youngs are actively formed from any, even very rare, names of animals. Here are some of such naming units fixed in dictionaries: *аленянё* ‘young deer’, *арлянё* ‘eaglet’, *аслянё* ‘young donkey’, *бабранё* ‘young beaver’, *барсучанё* ‘young badger’, *ваверчанё* ‘young squirrel’, *важанё* ‘young hedgehog’, *драздзянё* ‘thrush nestling’, *зяюлянё* ‘cuckoo nestling’, *індычанё* ‘turkey-poult’, *лягушанё* ‘young frog’, *крацянё* ‘young mole’, *нерпянё* ‘phoca’s young’, *паўчучанё* ‘rat’s young’, *пінгвінянё* ‘young penguin’, *рачанё* ‘young crayfish’, *чарапашанё* ‘young turtle’, *цюленянё* ‘seal-calf’, *шпачанё* ‘starling nestling’, *ястрабянё* ‘hawk nestling’; there are also *негрыцянё* ‘Negro child’ and *цыганё* ‘Gipsy child’ in the list.

Comparing typical word-formation paradigms of different parts of speech and different groups within one and the same part of speech it is possible to find out and compare their word-formation potential. Correlative estimation of the word-formation potential of different word groups is

essential for the study of new lexemes: it helps to estimate relative productivity of different models, competing names for one and the same phenomenon, “viability” of a coinage. The spread of the derivatives with certain affixes, the correlative usage of different roots in novel words, etc. could be evaluated within the framework of such comparison. Such an evaluation where two parameters are taken into account: a) the number of units formed on a particular word-formation model; b) the quantity of the contexts with each word and with the words coined on the basis of one or another word-formation model, – is possible in case if a complete corpus of novel words (direct and reverse) and if a corpus of contexts is available.

Such coinages as Belarusian abstract nouns with the suffixes *-асць* and *-нн-е* may serve as an example of different productivity of word-formation models. There were fixed 450 nouns with the suffix *-асць* (*-осць*) and 1150 nouns with the suffix *-нн-е*. These data correlate with the data on the lexemes that were established in the Belarusian standard language earlier: there are approximately 2,1-2,2 times more nouns with the suffix *-нн-е* than nouns with the suffix *-асць* (*-осць*). The frequency of the use of both models in the texts differs slightly, whereas it varies essentially from one lexeme to another within one model. For example, the lexeme *лабіраванне* 'lobbying' is met 20 times more often than *дудзенне* 'playing the pipe'.

The productivity of a given word-formation model in comparison with the competing one is an important factor that influences the fixation / non-fixation of a nonce-formation. For example, in the Belarusian language there are about 1000 verbs ending with *-ць* that are not fixed in the dictionaries, while there are only 10 verbs ending with *-ці*, moreover, all of them are prefix modifications of the existing lexemes.

Potential words that are regular members of word-formation paradigms and chains prevail in any language; their quantity, however, varies from language to language and is different for different parts of speech in one and the same language. For example, all Belarusian novel adverbs with the suffix *-а* are regular derivatives of the corresponding adjectives (*выніковы* 'effective' – *вынікова* 'effectively', etc.).

The situation is different with the Belarusian novel verbs (there were found 1000 of them). The point is that verbal semantics in the inflectional languages demonstrates a unique, in comparison to other parts of speech, correlation between lexical and grammatical meanings: verbalizations of the potential members of the verbal chains are, first of all, affix formations where both lexical and grammatical meanings change, the categories of aspect and voice are taken into account. Such affix derivatives of the already existing verbs comprise 4/5 of the total amount (*сёрбаць* 'slurp' – *адсёрбаць*,

адсёрбваць, дасёрбваць, дасёрбваць; заправиць ‘fill up’ – *дазаправиць, дазаправицца*, etc.).

The rest 200 Belarusian verbs that are not fixed in the defining dictionaries are coinages in the true sense. 60 out of two hundred comprise loan words (including calques): many of them are internationalisms – *ініцыраваць* ‘to initiate’, *крэміраваць* ‘to cremate’, etc. another 85 verbs are formed from the loaned (international) roots (*рэпартажэрыставаць* ‘to be a reporter’, *старнаваць* ‘reverse an entry’, etc.) and 50 are true coinages (*ведзьмаваць* ‘to be a witch’, *спаталяць* ‘to slake’, etc.). Thus, if to take into account the number of loaned words among new verbs, the Belarusian language is open to the outer influence and is absolutely not puristic at the modern stage of its development.

Another factor determining the character of novel-formations is **sociolinguistic**. Some social and sociolinguistic processes such as globalization, the development of new technologies and the appearance of the realia connected with them are relevant to the majority of modern societies and languages used by them. The specific character of the social conditions’ influence on the development of a language lies in the interaction between neighboring languages and language groups within a community.

A sociolinguistic factor that appears to be specific for the Belarusian language and determines the direction and character of changes in the lexicon is its interaction with Russian and, to a lesser extent, with Polish. There are two state languages in Belarus – closely-related Belarusian and Russian. Skipping the problems of the language situation in Belarus (the character of Belarusian bilingualism, the existence of “trasianka” – a Russian-Belarusian mixed sublanguage, etc.), we will touch upon the aspects connected with novel words. Genealogical, areal and typological similarity of the Belarusian and Russian languages determines the presence of a considerable common lexical fund that is constantly replenished. All twenty borrowed international verbs of the Belarusian language have their counterparts in Russian (Blr. *курыраваць* – Russ. *курировать* ‘oversee’, etc.), the other 30 are borrowed from Russian directly (Blr. *прапахваць* ← Russ. *пропахивать* ‘plough’); 70 out of 85 derivatives from borrowed international roots and words are common with Russian (Blr. *адксерыць* – Russ. *отксерить* ‘to make a copy using a xerox’ ← Blr. *ксеракс* – Russ. *ксерокс* ‘copying machine’ ← ‘xerox’, etc.); 15 out of 50 native novel verbs are common with Russian, too (Blr. *выцыганіць* – Russ. *выцыганить* ‘obtain by persistent asking’ ← *цыган* ‘Gipsy’, etc.).

The Russian language is a language of a strong neighboring state and it dominates in the most important and influential spheres in Belarus. Thereby there are many direct loans (30) and calques (10 out of 200 verbal

neologisms) from Russian as, for example, Blr. *задзейнічаць* is a calque from Russ. *заставлять* ‘involve’.

The **psycholinguistic factor** that determines the character of lexicon development is a way of conceptualization of sociolinguistic conditions by native speakers (apparently, it is always ethnically specific). For new lexemes of the Belarusian language these conditions are realized in differently directed psycholinguistic processes:

- 1) influence of Russian on the mechanisms of word-formation;
- 2) repulsion from Russian when creating new lexemes.

(1) Besides direct loans and calques the influence of the Russian language becomes apparent in:

1.1. new word-formation variants of the already existing Belarusian words; such variants are formed on the basis of the Russian word-formation models or are borrowed from Russian directly; for example, neologism *апеліраваць* ‘to appeal’ (cf. Russ. *апеллировать*) in comparison to already existing *апеляваць*; *браканьєрстваваць* (cf. Russ. *браконьерствовать*) – Blr. literary *браканьєрыць* ‘to poach’, etc.;

1.2. new meanings of the existing Belarusian words or their derivatives, e.g. *загваздаць* ‘to soil, to stain’, cf. Russ. *извоздать* ‘to soil, to stain’ while Blr. *гваздаць* means only ‘to beat strongly, hit’.

1.3. As a result of the fact that Russian often serves as a model for creating similar words in Belarusian, Russian words are actively borrowed and calqued, and new words often coincide or are very similar in both languages, even new words with foreign (not Russian) roots and formants make an impression of the Russian language influence. Thus, for example, it is impossible to say with certainty whether even one third of 70 coinages based on borrowed (international) roots or words were first coined in Russian and then borrowed into Belarusian or they are novel-formations common for both languages.

(2) Realization of the fact that two closely-related but different languages co-exist on one and the same territory leads to the tendency to separate them and, consequently, to distance new Belarusian lexemes from the Russian language. It becomes apparent in:

2.1. new words coined with formants other than their Russian counterparts, see, for example, the neologism *кلیкушнічаць* ‘to be in hysterics’, cf. Russ. *кликушествовать* ← Blr. *кلیкуша*, Russ. *кلیкуша*.

2.2. The entire word-formation models may be involved into puristic processes of dissimilation. This caused, for example, the active formation of adjectives with the suffix *-ов-* (*-ав-*, *-ев-*) in comparison to the formation of adjectives with the suffix *-н-*. Many Belarusian normative adjectives with the suffix *-н-*, if they correspond to the Russian adjectives, are substituted by

word-formation variants – the adjectives with the same root with the suffix -ов- (-ав-, -ев-, -ёв-): *авангард*овы – *авангард*ны ‘vanguard’, *быццёвы* – *быццёвы*ны ‘existential’, *варыянтавы* – *варыянт*ны ‘variant_{adj}’, *маладзёвы* – *маладзёвы*ны ‘youth_{adj}’, *нармалёвы* – *нармаль*ны ‘normal’, etc. New words are also actively formed with the help of the suffix -ав-: *адпачынкавы* ‘holiday_{adj}’, *натоўнавы* ‘inherent to the crowd’, *наводзінавы* ‘behavioural’, *справавы* ‘business_{adj}’, *наўпроставы* ‘straightforward’, etc. Despite the growth of productivity of the suffix -ов- (-ав-, -ев-, -ёв-), a great number of the adjectives continues to be coined with the suffix -н-: *гарбатны* ‘tea_{adj}’, *радыёны* ‘radiation_{adj}’, *адрозны* ‘different’, *заўважны* ‘prominent’, etc.

There are more than 600 adjectives with the suffix -ов- (-ав-, -ев-, -ёв-) while there are five times more adjectives with the suffix -н- in the register of novel words that is a result of relatively “young” super-productivity of the suffix -ов- (-ав-, -ев-, -ёв-) in comparison to the established usage of the suffix -н-. The text corpus allows to compare the frequency of the use of novel-formations like *спарт*овы and the corresponding literary variants like *спартыўны* ‘sport_{adj}’. The suffix -н- is undoubtedly more current: depending on the style and type of the edition the figure may vary from several to tens of times.

The result of the considered differently directed tendencies is loosening of the norm and the growth of variation. It becomes apparent in the doubling of word-formation means (cf. a variety of parallel formations with the suffixes -ава-/-ірава-), and in appearance of several competing calques (cf. novel-formation *ухіліць* ‘remove, eliminate’ with earlier *устараніць*) and simply in lexical and derivational variation (*пляткарыць*/ *плеткаваць* ‘to gossip’) that are not directly connected with earlier analyzed facts.

Thus, three factors seem to us to determine the character of the novel words of a language: proper linguistic, sociolinguistic and psycholinguistic. The last – psycholinguistic – is more individual, to be more precise, nationally specific, and, consequently, is less predictable. If proper linguistic and sociolinguistic factors allow rubrication and typology, the influence of these factors on the language consciousness, the ways of conceptualization and conclusions of native speakers as well as the results of the conceptualization that become apparent in the language competence and the speech, in our opinion, may be investigated only with a reference to one language taken separately.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СИНТЕЗА РЕЧИ ПРИ ИЗУЧЕНИИ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА (НА ПРИМЕРЕ СКОРОГОВОРОК)

USING SPEECH SYNTHESIS IN LEARNING THE ENGLISH LANGUAGE (ON THE EXAMPLE OF TONGUE TWISTERS)

Д.П. Самоїленко

D.P. Samoilenko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: komsamoilenko@gmail.com

В настоящее время активно развиваются компьютерные обучающие системы, направленные на изучение иностранных языков. Актуальность проблемы достаточно высока – перед компьютерной лингводидактикой стоят задачи изучения всех компонентов, начиная от лексики и заканчивая произношением обучаемого.

Одним из компонентов изучения языка является обучение и улучшение навыков произношения. Произношение в иностранном языке, по мнению Карманова И. А., «играет одну из важнейших ролей, но, к сожалению, правильное английское произношение встречается очень редко даже у преподавателей иностранного языка. Многие люди не ставят за основу и не понимают всю важность произношения, они отдают предпочтение грамматико-переводной системе» [1, с. 688].

Программный комплекс «IntonTrainer» разработан в Объединённом институте проблем информатики Академии наук Беларуси доктором технических наук, профессором Б.М. Лобановым для исследования и последующего отображения на экране структуры фраз, записанных либо синтезатором речи, либо носителем языка и условно принятыми за эталонные, и фраз, произносимых обучаемым. Это делается с целью их последующего сопоставления для сравнения их интонационных моделей. Оценка интонационного сходства осуществляется на базе представления интонации в виде универсальных мелодических портретов.

Программный комплекс «IntonTrainer» рекомендован к использованию при обучении языкам как в учреждениях образования, так как он может использоваться для графического изображения интонационных структур, так и при самостоятельном изучении основ интонации устной речи иностранного языка в качестве интонационного тренажёра [2].

В ходе нашего исследования в программный комплекс «IntonTrainer» был внедрён модуль скороговорок, состоящий из 100 скороговорок (50 с британским акцентом и 50 с американским акцентом), записанный при помощи синтезатора речи. Также был внедрён модуль из 10 скороговорок, записанных носителем языка. Это было сделано исключительно за счёт того, что программный комплекс «IntonTrainer» по своей сути является системой, открытой к всевозможным модификациям со стороны используемого набора эталонных данных. А это напрямую отражается на формируемой базе данных исходя из поставленных целей и задач в обучении иностранному языку.

Изначально при работе с программным комплексом «IntonTrainer» основополагающим фактором в формировании акустической базы данных изучаемых фраз при обучении интонации являлась их просодическая разметка на участки «пред-ядра», «ядра» и «за-ядра». Эта операция осуществлялась с помощью стандартной прикладной программы «SonySound Forge» вручную, но в дальнейшем предполагалась автоматизация этого процесса. В ходе проделанной работы экспериментальным путём была выявлена нецелесообразность выделения пред-ядра, ядра и за-ядра при обучении с использованием скороговорок ввиду того, что интонация при данном методе обучения иностранному языку становилась второстепенной. Вместо этого было предложено использовать несколько вариантов одной и той же скороговорки на английском языке, но записанной с разной интонацией и различными «акцентными» словами. Впоследствии данная гипотеза подтвердилась, и её использование при обучении иностранному языку показало положительные результаты. В итоге, эталонная фраза записывается в формате «wav» с дискретизацией 8 кГц, 16 бит и размечается на регионы без разметки на Р (пред-ядро), N (ядро) и Т (за-ядро). Используется лишь обозначение ядра (N).

В ходе работы над адаптацией программного комплекса для использования в нём скороговорок были проведены занятия со студентами первого курса специальности «Современные иностранные языки» факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета.

Для оценки результатов обучающихся была разработана методика проверки эффективности обучения студентов, включающая в себя работу с двумя группами студентов и следующими этапами:

1. Предварительный срез.

- 1.1. Подготовительный этап. Первая группа студентов обучается интонации только за счёт прослушивания и повторения услышанных

аудиофайлов, не видя при этом графически изображённого интонационного анализа фразы. Вторая группа студентов обучается за счёт прослушивания и повторения услышанных аудиофайлов, при этом обучаемые видят графические результаты интонационного анализа фразы.

1.2. Этап работы групп. Группы студентов проходят эксперимент отдельно друг от друга. Каждому студенту даётся максимум три прослушивания записи с эталонным произношением и интонацией и только одна запись голоса. Скороговорки у всех студентов идентичны.

1.3. Этап анализа полученной информации. Полученные аудиозаписи голосов первой и второй групп студентов прослушиваются и сортируются отдельно друг от друга.

1.4. Оценка результатов. Для оценивания обучающихся выставляются три оценки по десятибалльной системе. Первая оценка – за близость по диапазону изменения F0, вторая оценка – за близость по форме траектории F0, третья оценка – субъективное мнение эксперта, присутствующего при записи голоса обучаемых

1.5. Сравнение полученных данных и подведение итогов. По окончании этапов 1.3 и 1.4 полученные результаты сравниваются и данные заносятся в таблицу.

2. Экзамен. На этапе экзамена студенты будут видеть только текст скороговорок.

В ходе проведённых занятий отмечался интерес студентов к программному комплексу, и после трёх проведённых занятий были замечены улучшения в понимании принципов работы программного комплекса. Также в ходе проведённых занятий и при последующем анализе полученной информации стали заметны улучшения при произнесении скороговорок, благодаря программному комплексу «IntonTrainer».

Таким образом, за счёт апробации приложения со студентами первого курса факультета социокультурных коммуникаций Белорусского государственного университета были выявлены пути развития программного комплекса «IntonTrainer», обнаружены положительные стороны обучения иностранному языку при помощи компьютерных средств обучения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Карманов, И.А. Произношение и его роль в английском языке / И.А. Карманов // Молодой ученый. – 2016. – № 25. – С. 688-690.
2. Лобанов, Б.М. Компьютерный синтез и клонирование речи / Б.М. Лобанов, Л.И. Цирульник // Минск: Белорусская наука, 2008. – 344 с.

ПОТЕНЦИАЛ ВИКИ-ТЕХНОЛОГИЙ В СОСТАВЛЕНИИ ГЛОССАРИЯ

POTENTIAL OF WIKI-TECHNOLOGY IN GLOSSARY CREATION

В.Л. Ходонович

V.L. Khodonovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: veronikakhodonovich@gmail.com

Жизнь человека на современном этапе развития сложно представить без использования социальных сетей, блогов, облаков хранения информации и т.д. Информационные технологии активно внедряются и в учебный процесс. Преподаватели используют сеть Интернет для распространения необходимых учебных материалов и для организации совместной деятельности учащихся. Сервисы, которые они используют, характеризуются интерактивностью и широким взаимодействием пользователей. Такое современное состояние онлайн-технологий получило название Web 2.0.

Одним из самых существенных различий между Web 2.0 и традиционной World Wide Web (WWW, или Web 1.0) является более широкое сотрудничество между пользователями Интернета. Первоначально данные размещались на веб-сайтах, и пользователи просматривали или загружали контент. С развитием информационных технологий у пользователей появилась возможность получать больше информации о характере и объеме контента веб-страницы, а в некоторых случаях осуществлять контроль в реальном времени.

Существенным отличием Web 2.0 от Интернета первого поколения является то, что веб-сайты позволяют пользователям вводить и редактировать информацию, взаимодействовать, обмениваться контентом и сотрудничать. Таким образом содержимое веб-страницы улучшается, становится полнее по мере того, как все большее количество людей пользуется этими платформами.

Таковыми сервисами являются социальные сети (Facebook, Twitter, Вконтакте), блоги (Blogger, WordPress, LiveJournal), средства хранения закладок (Top-page, Raindrop.io, Tabsbook), социальные видеосервисы (Youtube, Rutube, Vimeo), социальные аудиосервисы (Audiopedia, PodFm, Uppod), сервисы для создания и хранения информации (Prezi,

Slideshare), средства для создания и хранения документов (Google Drive, DocMe, Crocodoc), ВИКИ-сервисы (Wikispaces, Wikia, WikiDot), сервисы для создания опросов и тестов (MyTest, Google Forms, Socrative).

Некоторые из вышеперечисленных веб-сервисов разработаны специально для применения в образовательном процессе. Использование и внедрение этих платформ в учебную деятельность позволяет разнообразить уроки, обучать на практике владению информационными технологиями, расширить возможности преподавания. Они обладают большим образовательным потенциалом и могут быть активно использованы в образовательных целях, и в частности для развития письменно-речевых умений на иностранном языке. Это доказывает необходимость активной работы в новом направлении – «облачных» технологий.

Одним из наиболее удобных и эффективных сервисов Web 2.0 являются ВИКИ-технологии. Сысоев П.В. дал следующее определение ВИКИ-технологии: «Вики-технология – это один из видов сервисов Веб 2.0, позволяющий одному человеку или группе людей, находящихся на расстоянии друг от друга, работать над созданием единого документа, внося в него изменения и дополнения» [3, с. 140]. Этот подход и лежит в основе методики обучения с использованием ВИКИ-технологий. Он базируется на принципе, согласно которому среди членов определенной группы общий объем знаний больше, чем у каждого в отдельности. Это позволяет расширить базу знаний вокруг конкретной области.

В переводе с гавайского «Wiki» означает «быстро». Термин обозначает быстрый доступ к информации и динамичную работу сервиса. Первый ВИКИ-сервис был разработан программистом Уордом Каннингемом в 1995 году. Это была сеть для внутреннего пользования с определенной базой данных. На сегодняшний день самой популярной ВИКИ-платформой является «Википедия» (www.wikipedia.org). Она была создана в 2000 году и представляет собой сетевую энциклопедию, где каждый желающий может внести изменения и дополнения.

Обычно создание страницы на ВИКИ-сервисах является бесплатным и не требует от пользователей больших знаний в IT-области, что делает использование ВИКИ-технологий доступным.

Сеть Интернет дает возможность участвовать в создании вики-страницы неограниченному количеству человек, которые находятся на большом расстоянии друг от друга. Такой вид работы развивает чувство коллективизма. Для создания, дополнения, корректировки и удаления контента необходимо зарегистрироваться на платформе. Под контентом подразумевается содержание сайта, а именно наличие

текстового материала, картинок, анимации, фотографий, аудио- и видеофайлов, ссылок на другие ресурсы сети Интернет. Пользователи при желании могут вернуться к первоначальной версии вики-страницы.

ВИКИ-технологии обладают определенными характеристиками, которые отличают их от других информационных технологий. В психолого-педагогической литературе выделяют следующие дидактические свойства, которые дают возможность реализовать определенную методическую функцию [2, с. 10-11; 3, с. 142-143]:

1. Публичность. В настройках приватности доступ к ВИКИ-документу открывается всем зарегистрированным пользователям, независимо от их местоположения. Причем пользователи могут редактировать документ одновременно. Это свойство дает возможность организовать взаимодействие между студентами на иностранном языке, а также внеаудиторную совместную учебную деятельность учащихся, направленную на развитие письменно-речевых умений. Однако, открытый доступ к документу может привести к серьезным проблемам качества содержания и достоверности информации.

2. Нелинейность. Как было указано выше, ВИКИ-технология дает возможность студентам участвовать в создании, изменении и сохранении документа в любое время, в отличие от блогов, чатов и веб-форумов, где информация размещается в хронологическом порядке. При разработке методики развития письменно-речевых умений на иностранном языке это позволит, с одной стороны, организацию поэтапного создания общего ВИКИ-документа. С другой – введение на отдельных этапах заданий на развитие определенных видов речевой деятельности (чтения, письма), а также на формирование аспектов языка (лексика, грамматика).

3. Коллективный доступ к истории создания документа. Все версии документа и все изменения фиксируются на сервисе. Каждый студент может вернуться к предыдущей версии документа, проследить дату изменения документа, а также пользователя, который внес эти изменения. Это свойство дает преподавателю возможность осуществлять мониторинг внеаудиторной деятельности обучающихся.

4. Мультимедийность. ВИКИ-технология дает возможность использования материалов различного формата (текстового, графического, фото-, видео-, аудиоматериалов) для создания контента. Это позволяет обогатить языковой и социокультурный материал при создании докладов, рецензий, обзоров, отзывов на основе ВИКИ-технологии. А также повышает интерес учащихся в использовании ВИКИ-технологии. Вносит разнообразие в учебную работу, активизирует и сохраняет произвольное внимание.

5. Гипертекстовая организация. Данная функция позволяет участникам вики-проектов создавать гиперссылки на ВИКИ-страницы других участников Интернет-проекта, а также на используемые ресурсы сети Интернет. Наиболее эффективно данная возможность применяется при развитии умений написания рецензий и обзоров (на книги, фильмы, выставки и т.п.), а также докладов и сообщений. Такая организация формирует практические навыки решения проблем, развивает умение применять знания в конкретных проблемных ситуациях, формирует и укрепляет межпредметные связи.

6. Асинхронность. Данное свойство позволяет реализовать дистанционные и длительные учебные курсы и проекты, повышает учебную автономию учащихся.

Все вышеперечисленные дидактические свойства ВИКИ-технологии должны быть учтены при разработке методик развития умений и навыков обучающихся на основе данной Интернет-технологии.

Существует множество сервисов ВИКИ, которые можно использовать для обучения иностранному языку: Wikia, Wikispaces, PBWorks (PBWiki), Google Sites, Wikidot и т.д. Данные сайты бесплатны, обладают интуитивно понятной структурой, позволяют размещать на страницах ссылки, гипертекст и мультимедийный материал.

Сервисы ВИКИ предполагают совместную работу студентов над различного рода заданиями, одним из которых является создание глоссария.

«Глоссарий (лат. glossarium – «собрание глосс») – словарь узкоспециализированных терминов в какой-либо отрасли знаний с толкованием, иногда переводом на другой язык, комментариями и примерами» [1]. Глоссарии создаются на основе текстов и помогают точно определить значение слова в контексте. При обучении иностранному языку коллективная работа над созданием глоссария помогает лучшему усвоению лексических единиц, а также выработке навыков работы в группе.

Рассмотрим опыт создания Вики-глоссария на основе сервиса GoogleDocs. Нами был создан документ со ссылкой на текст, по которому необходимо было сделать глоссарий, после чего студентам был предоставлен доступ к данному документу по ссылке. Задачей студентов было изучение текста и выписывание незнакомых и ключевых слов и выражений с их определениями. Так как текст был небольшой по объему, каждому студенту был представлен выбор одной лексической единицы. При использовании данного сервиса у

преподавателя есть возможность просмотреть историю редактирования документа, где указана информация об активности всех студентов в случае, если они прошли авторизацию. Преимуществом использования данного сервиса является то, что пользователи могут редактировать информацию, внесенную другими пользователями.

Для сравнения студентам было предложено создание глоссария на платформе Moodle. «Moodle (англ. «Modular Object-Oriented Dynamic Learning Environment» – модульная объектно-ориентированная динамическая обучающая среда) – система управления курсами (электронное обучение), также известная как система управления обучением или виртуальная обучающая среда» [4]. Здесь создание глоссария является встроенной опцией и представляет собой шаблон с отдельными окнами для заполнения. Данный ресурс наиболее удобен, так как слова в глоссарии сортируются по алфавиту автоматически и представлены пользователю в наиболее наглядной форме. При этом у преподавателя есть возможность просмотра истории активности каждого студента на сайте: какое слово и когда было добавлено. Здесь также можно установить срок окончания работы. Недостатком платформы Moodle является то, что пользователи не могут редактировать записи других пользователей.

Создание студентами ВИКИ-глоссария с использованием сервисов GoogleDocs и Moodle способствует более эффективному усвоению лексического материала, развитию умений и навыков в поиске необходимого лексического материала (ключевых и незнакомых слов в тексте, а также их определений в надежных интернет-источниках), развитию навыков коллективной работы, а также работы вне аудитории, повышает мотивацию к изучению иностранного языка, способствует формированию ИКТ-компетенции.

ЛИТЕРАТУРА

1. Глоссарий [Электронный ресурс] / Википедия – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Глоссарий>. – Дата доступа: 23.01.2018.
2. Патаракин, Е.Д. Социальные сервисы Веб 2.0 в помощь учителю. – Москва: Интуит, 2007. – 64 с.
3. Сысоев, П.В. Вики-технология в обучении иностранному языку / П.В. Сысоев // Язык и культура. – 2013. – № 3 (23). – С. 140-152.
4. Moodle [Электронный ресурс] / Википедия – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Moodle>. – Дата доступа: 23.01.2018.

**РАЗДЕЛ 3 ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА
МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ
КУЛЬТУР**

**SECTION 3
THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD
AND CULTURE INTERACTION**

**ПОЗДРАВИТЕЛЬНАЯ РЕЧЬ КАК ЖАНР
ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА**

**CONGRATULATORY SPEECH AS A GENRE
OF POLITICAL DISCOURSE**

А.А. Биюмена

A.A. Biyumena

Минский государственный лингвистический университет,
Минск, Беларусь

Minsk State Linguistic University

Minsk, Belarus *E-mail: a-*

mesyats@tut.by

Одной из ведущих целей адресанта политического текста является поддержание контакта с аудиторией и привлечение ее на свою сторону. Данную роль выполняют такие функции, как интеграция и дифференциация групповых агентов политики [1, с. 41–42], фатическая функция, направленная на установление и поддержание контакта между коммуникантами, а также функция группового объединения, или солидаризации, нацеленная на воплощение и формирование идентичности того или иного политического направления [2, с. 26].

Данные функции реализуются в политическом дискурсе различных типов, однако существуют жанры политической коммуникации, ролевое предназначение которых сведено преимущественно к объединению аудитории вокруг лидера. К таким сообщениям относятся поздравительные речи, которые произносятся лидерами чаще всего в связи со значимыми для адресата праздничными датами.

Мы проанализировали тематический репертуар англоязычных поздравительных политических выступлений на материале трех рождественских обращений: королевы Великобритании Елизаветы II (Queen's Christmas Message, December 25, 2017), премьер-министра Великобритании Терезы Мэй (Prime Minister Theresa May's Christmas

Message, December 24, 2017) и президента США Дональда Трампа (President Donald Trump Speech at the National Christmas Tree Lighting, December 1, 2017).

Рассмотрим тематику представленных в материале исследования речей. Рождественское обращение королевы Великобритании Елизаветы II организовано вокруг двух понятий, относящихся к ключевым универсальным ценностям – **дом** и **семья**. Королева рассматривает эти понятия как в узком, так и в более широком, метафорическом значении.

В начале выступления существительное *home* используется в узком значении ‘постройка, здание’: *We think of our **homes** as places of warmth, familiarity and love; of shared stories and memories, which is perhaps why at this time of year so many return to where they grew up.* Далее в речи монарха объем значения данной лексемы расширяется: *For many, the idea of “**home**” reaches beyond a physical building – to a home town or city* ‘Для многих людей идея «дома» выходит за рамки здания и распространяется на их родной город’. После этого королева вспоминает печальные события, произошедшие в минувшем году в британских городах – теракты в Лондоне и Манчестере и пожар в лондонском небоскребе. Важный компонент данного выступления – выражение благодарности представителям экстренных служб, которые спасали людей во время описанных событий: *...and we are indebted to members of the emergency services who risked their own lives, this past year, saving others.*

Говоря о *семье*, Елизавета II также вначале упоминает свою собственную семью – 70-летие своего брака и ожидающееся в новом году пополнение в королевской семье: *But I know his support and unique sense of humour will remain as strong as ever, as we enjoy spending time this Christmas with **our family** and look forward to welcoming new members into it next year.* В следующем фрагменте значение слова *family* также расширяется – в «семью» Елизавета II включает всех граждан Содружества: *In 2018 I will open my home to a different type of **family**: the leaders of the fifty-two nations of the Commonwealth, as they gather in the UK for a summit.*

Кроме того, в данной речи королева обращается к христианским ценностям: *We remember the birth of Jesus Christ whose only sanctuary was a stable in Bethlehem. He knew rejection, hardship and persecution; and yet it is Jesus Christ’s generous love and example which has inspired me through good times and bad.*

Поздравительная речь премьер-министра Великобритании Терезы Мэй также освещает случившиеся в прошедшем году трагедии, и львиная доля ее небольшого выступления включает в себя

благодарности военным, представителям экстренных служб и волонтерам: *As we gather with our friends and family, I want to say thank you to all those whose service to others means they will be spending time away from their loved ones this Christmas. **Men and women in our armed forces** whose humbling bravery and daily sacrifices help to ensure the security of our nation and our allies around the world. **The heroes in our emergency services** whose courage and dedication so inspired the nation in response to tragedy at Grenfell Tower and the abhorrent terrorist attacks in Manchester and London... And the thousands of **volunteers** in our country who will give up their time to make someone else's Christmas that little bit better...*

Затем политик акцентирует внимание аудитории на основных христианских ценностях – любви, служении другим, сопереживании: *As we celebrate the birth of Christ, let us celebrate all those selfless acts – and countless others – that epitomise the values we share: **Christian values of love, service and compassion** that are lived out every day in our country by people all faiths and none.*

В конце выступления Т. Мэй говорит о такой ценности и базовом праве человека, как свобода вероисповедания: *Let us take pride in our Christian heritage and the confidence it gives us to ensure that in Britain you can practice your faith free from question or fear... And let us reaffirm our determination to stand up for the freedom of people of all religions to speak about and practice their beliefs in peace and safety.* Она приводит примеры людей, лишенных этого права: *Let us remember those around the world today who have been denied those freedoms – from Christians in some parts of the Middle East to the sickening persecution of the Rohingya Muslims.*

Тематический репертуар, представленный в рождественском обращении президента США Дональда Трампа, во многом совпадает с тем, к которому обращаются британские лидеры. В его выступлении также подчеркиваются христианские ценности любви и служения: *And that is what we remember, at today's beautiful ceremony that we are called to **serve one another, to love one another and to pursue peace in our hearts and all throughout the world...** For Christians, this is a holy season, the celebration of the birth of our Lord and Savior Jesus Christ. The Christmas story begins 2,000 years ago with a mother, a father, their baby son and the most extraordinary gift of all – the gift of God's **love** for all of humanity.*

Также в речи американского президента присутствуют традиционные благодарности волонтерам, военным, полицейским, учителям и религиозным лидерам: *And so tonight, I thank the millions of Americans who light our lives and brighten our wonderful communities. I thank **those who are serving the needy** during the season and throughout the*

year. I thank **our military men and women** who are stationed around the world, keeping us safe. I thank **our law enforcement officers** who protect our streets and secure our homeland. I thank **America's teachers, pastors** and all those religious, and those people that have taught us so much, for their leadership in our communities and our society.

Кроме того, в речи Д. Трампа на первый план выдвигается ценность семьи, которую он называет основой американской жизни: *And especially tonight, I thank America's families. At Christmas, we are reminded more than ever, that the family is the bedrock of American life.*

Значимость семьи в его жизни президент подчеркивает, называя поименно ее членов: *On behalf of Melania, myself, Barron, all of my children, all of my grandchildren – they're here with us tonight – I want to thank you.*

Также в рождественских выступлениях королевы Великобритании и президента США упоминаются давние традиции таких поздравительных речей в этих странах: *For nearly a century, through good times and bad, every president has taken part in this wonderful tradition, first started by President Coolidge. But I was informed tonight that the weather we have is the best it's been in 25 years. Finally, in 1870, President Ulysses S. Grant signed legislation making Christmas a federal holiday, and I sort of feel we're doing that again, that's what's happening* (Д. Трамп); *Sixty years ago today, a young woman spoke about the speed of technological change as she presented the first television broadcast of its kind* (Елизавета II).

Таким образом, во всех проанализированных рождественских речах ораторы обращаются к христианским и семейным ценностям, а также произносят комплименты, выражают симпатию аудитории, благодарности различным группам населения. В поздравительном обращении также могут упоминаться случившиеся в прошедшем году значимые для страны события, а также могут проводиться параллели с прошлыми традициями. Даже в том случае, когда лидер говорит о печальных и трагических событиях, количество лексики с позитивной окраской в выступлении по поводу праздника всегда значительно превышает количество негативно оценочных слов. Использование этих средств позволяет эмоционально настроить аудиторию, расположить ее в отношении говорящего и одновременно является предпосылкой для осуществления воздействия на адресата.

Проведенный анализ показывает, что поздравительная речь относится к фатическим жанрам политического дискурса, основной целью которых является установление контакта и солидаризация с аудиторией, а информационная функция сводится к нулю.

ЛИТЕРАТУРА

1. Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса / Е.И. Шейгал. – М.: ИТДГК «Гнозис», 2004. – 326 с.
2. Водак, Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак; пер. В.И. Карасика, Н.Н. Трошиной. – Волгоград: Перемена, 1997. – 138 с.

ЯЗЫК УКРАИНСКОГО И БЕЛОРУССКОГО ФОЛЬКЛОРА: КОМПАРАТИВНЫЕ СТУДИИ

LANGUAGE OF UKRAINIAN AND BELARUSIAN FOLKLORE: COMPARATIVE STUDIOS

Т.П. Беценко

T.P. Betsenko

Сумский государственный педагогический университет им. А. С. Макаренко
Сумы, Украина

A.S. Makarenko Sumy State Pedagogical University
Sumy, Ukraine

E-mail: becenkot@gmail.com

Народнопоэтическое творчество является той языково-культурной средой, которая тесно взаимосвязана с народным мышлением, мировоззрением, бытовыми представлениями, то есть со всеми сторонами жизнедеятельности этноса.

Актуальность исследования состоит в том, чтобы засвидетельствовать языковые каноны народного песнетворчества, наблюдаемые в фольклорно-песенном континууме украинского и белорусского наследия, изучение которых даст возможность сравнить родственные и неродственные народноязыковые песенные культуры.

Цель статьи – выявить и описать словесно-образные конструкции, характерные для белорусского и украинского народнопесенного текстообразования, с точки зрения их каноничности, универсальности и одновременно уникальности. **Основная задача** – типизировать текстообразные формулы (универсалии) как системоорганизующие единицы фольклорного дискурса украинских и белорусских народных песен.

Каноничность словесно-образной организации народнопесенных произведений рассматривается как фольклорная категория, свидетельствующая о сложившейся языковой традиции, и вместе с тем – о своеобразии, самобытности, оригинальности отдельной культуры, в частности – украинской и белорусской.

Каноничность также рассматривается, как традиционность, формульность, универсальность. Без канонов текстообразования

немыслимо существование народного творчества. Поэтому традиция – свидетельство бытия этнической культурной реальности.

Наличие тексто-образных формул (универсалий) – показатель устойчивой, сформировавшейся по правилам (нормам), законам, песенной традиции, закреплённость последней за отдельным национально-языковым континуумом.

Как в украинском, так и в белорусском народнопесенном творчестве, по нашим наблюдениям, представлены канонические тексто-образные универсалии – атрибутивные, субстантивные, вербальные, адвербиальные, предикативные структуры.

Атрибутивные конструкции – структурные образования типа «прилагательное + существительное».

В белорусском народном творчестве естественными являются универсальные для славянского фольклора формулы *буйны ветры* [8, с. 37], *дробны дажджы* [8, с. 37], *маманька родная* [8, с. 51], *дзіўненькі сон* [8, с. 54], *ясен сокал* [8, с. 54], *халодная вада* [8, с. 290], *драмучыя лясы* [8, с. 427], *цёмная ночачка* [8, с. 428], *ясен месяц* [8, с. 428], *луг зялёны* [10, с. 47], *быстрая рака* [10, с. 206], *быстрая вада* [10, с. 80]. Ср. в украинских народных думах: *бистрі води* [14, с. 327, 333], *біле каміння* [14, с. 163, 183, 188, 197, 202], *білий камінь* [14, с. 109, 124, 125, 128, 312, 314, 315 та ін.], *білі руки* [4, с. 145, 284], *буйні вітри* [14, с. 176, 291], *дрібен дощик* [14, с. 107, 108, 223, 254], *дрібні сльози* [14, с. 94, 96, 97, 182, 184, 193, 265 та ін.], *зелені явори* [14, с. 161, 206], *зелена діброва* [14, с. 363, 378], *холодна вода* [14, с. 91, 92, 93, 94, 95, 97], *ясні соколи* [14, с. 103, 154], *ясне сонце* [14, с. 138, 182], *темная нічка* [14, с. 206, 208].

Только в белорусском фольклоре засвидетельствованы формульные структуры *зялёная ліпка* [10, с. 146], *ліпачка кудравая* [10, с. 146], *бязрозка белая* [10, с. 147], *белая бярозка караністая* [10, с. 402], *яленчанка зеляная* [10, с. 278], *язюлечка баравая* [10, с. 223].

Универсальность подобных словосочетаний усматриваем в том, что, во-первых, это самые простые структуры и самые употребляемые в языке конструкции, во-вторых, – это единицы, обладающие эстетической окраской, образностью, тропеические по своей сущности, в-третьих, национально обусловленные. Сравните, например, в украинских народных думах: *бистра куля* [14, с. 93], *бистра річка* [14, с. 276], *бистра супротивна хвиля* [14, с. 386, 388], *бистра хвиля* [14, с. 98, 108, 110, 112, 395, 397, 398], *бистрі ріки-озера* [14, с. 300], *прудкі річки* [14, с. 332], *битий гординський шлях* [14, с. 74], *бідні невільники* [14, с. 13], *бідні козаки* [14, с. 95, 97, 126, 209], *запорозьке войско* [14, с. 149], *сизопірі орли* [14, с. 156], *превоздобне дерево* [14, с. 116], *православні християни* [14, с. 115, 165, 181] и др.

Атрибутивные конструкции являются непосредственным отображением внеязыковых фактов – картины мира этноса, в частности – расчлененное обозначение предмета и его признака (т.е. представление предмета таким, каким его видит этноноситель языка).

Субстантивные тексто-образные формулы – сочетания существительного с существительным. В украинских народных думах – это конструкции *слава – рицарство* [14, с. 231, 232, 236], *сокіл – брат* [14, с. 114], *срібло – золото* [14, с. 100], *час – пора* [14, с. 305], *щастя – доля* [14, с. 127, 155, 201, 212, 361], *щука – риба* [4, с. 317], *шлях – дорога* [14, с.367], в белорусском народном творчестве – *рута – мята* [8, с.36], *зязюлька – кукушка* [8, с. 47], *мёд – гарэлянку* [8, с. 50], *мёд – віно* [8, с. 50], *мурог – сена* [8, с. 287], *выно – мёд* [8, с. 295], *паніч – каролік* [8, 295], *сад – вінаград* [8, с. 296], *званы – калаколы* [8, с. 382], *барі – сосна* [10, с. 81], *шчука – рыбанька* [10, с. 179], *каліна – маліна* [10, с. 222]. Прыбраць, бо сюды не адносяцца

Сложные слова составляют неотъемлемую часть народнопесенной словесной культуры славян.

Вербальные тексто-образные формулы-универсалии в украинской и белорусской фольклорной традиции также подчинены законам канонической внутренней архитектоники. К этим формулам принадлежат сложные глагольные конструкции (сложные слова): *сікти – рубати* [14, с. 163, 164, 177 та ін.], *бере – ханає* [14, с. 203, 205], *бити – карати* [14, с. 218], *бігти – доганяти* [14, с. 216], *грати – вигравати* [14, с. 98 та ін.] – в украинских народных думах, в белорусском фольклоре – *сели – насел* [8, с. 37], *сячыце – рубайце* [8, с. 285], *стучыць – гручыць* [8, с. 297, 298], *лець – палець* [7, с. 570], *едзь – наедзь* [8, с. 370], и структуры, образованные по модели «глагол + глагол»: *не гніся, не ламайся* [8, с. 433], *хоць маем, хоць не маем* [10, с. 427], *не гніся, не ламіся* [8, с. 432], *хаджу, малачу* [10, с. 80].

Принцип конструирования структур – тот же, компонентный состав близкий, похожий, но в большинстве случаев не одинаковый, не повторяющийся.

Интерес представляют адвербиальные тексто-образные универсалии. Предназначение этих структур – поэтизировать пространственные, временные и другие характеристики измерения бытия. Формульные структуры с семантикой места указывают на местоположение описываемого предмета, явления, события, на направление, движение к определенному предмету в пространстве и проч. Пространство в фольклоре, как и время, – реальное обобщенное бытие, мыслящееся в тесной связи с человеком. Для белорусского носителя культуры актуальным есть макропространство: на *Русь, на*

Україну [8, с. 282], *на ціхім Дунаї* [8, с. 282], *за ціхім Дунаєм* [8, с. 288], *на Україну* [8, с. 282], *на Україну* [8, с. 281], *на Русь* [8, с. 283], *на моры на синюсенькым* [8, с. 37], *з поля* [8, с. 37], *на Дунаечку* [10, с. 126, 127], *на рыночку* [8, с. 36], *у луг, у бор* [8, с. 40], *у крыніцу* [8, с. 41], *у садзе* [8, с. 41], *на саду* [8, с. 42], *у садочку* [8, с. 42], *да з гары на даліну* [8, с. 283], *пад круту гару* [8, с. 430], *да на моры, на моры, на сіненькім возеры* [8, с. 283], *у бору* [8, с. 289], *у чыстым полі* [8, с. 299], *за лесам* [8, с. 302], *па чісту поля* [8, с. 302], *за гарой, за гарой круценькай* [8, с. 392], *за гумном, за новенькім* [8, с. 289], *чэрэз тры лясы* [8, с. 303], *чэрэз тры сялы* [8, с. 303], *між гор, між даліны* [8, с. 292], *да й у чыстым у полі, да й на бітому шляху* [8, с. 430], а такжэ і мікропрастранства: *на камены на бялюсенькым* [8, с. 37], *у каморы* [8, с. 42], *у хаце* [8, с. 48], *по сянех* [8, с. 51], *на бярозах* [8, с. 50], *на дварэ* [8, с. 293], *каля коніка* [8, с. 287], *на коніку* [8, с. 55], *у новым калодзежы* [8, с. 281], *з-пад крыніцы* [8, с. 290], *на масту* [10, с. 427]. Идентичное словесно-образное кодирование пространства в украинском фольклоре, что свидетельствует о родственности этносов: *з чужої сторони* [14, с. 116], *із чистого поля* [14, с. 312], *з криниці Салтанки* [14, с. 94, 96], *із чужого дому* [14, с. 360], *у тихий Дунай* [14, с. 409], *в чисте поле, в широке роздолля* [14, с. 216], *у чужий дім, через темні луги* [14, с. 328], *через високі ліси* [14, с. 338].

Поэтизацию пространства мы связываем с намерением песнетворцев зафиксировать местопребывание, местонахождение существенных для бытия реалий духовной и материальной жизни человека. Локус есть частью этноса, составляющей мировоззрения индивидов, компонентом национальной (генетической) памяти. Для белорусов важными локативами считаем *лес, сад, поле, бор, гай, гора, дубрава, море* и др. Для украинцев, к примеру, – *степь, поле, лес, сад, бор, гора, дубрава, море* и др. Сходство пространственного обозначения действительности и в белорусском, и в украинском фольклоре – очевидное.

Время в словесно-образном оформлении тоже есть обязательным показателем национально-образного видения бытия. Для белорусского носителя языковой культуры характерным представляется время, которое определено словами *ранюсенька* [8, с. 51], *з суботкі на нядзельку* [8, с. 5], *у суботу на нядзелю* [8, с. 52] *з суботкі на нядзельку* [8, с. 53], *у нядзелю рана* [8, с. 55], *у нядзелечку* [8, с. 56], *з суботы на нядзелю* [8, с. 56, 57], *у нядзелю да рана параненька* [8, с. 280], *у надзельку рана* [8, с. 280], *ой, рана, рана, на зарэ* [8, с. 429]. Для украинской фольклорной традиции характерны конструкции *ранньою зорею* [14, с. 325], *у святую неділеньку рано-пораненьку* [14, с. 190, 366, 367], *до схід сонця* [14, с. 359], *в неділю рано-пораненьку з світовою зорею* [14, с. 340, 341], *ясною зорею* [14, с. 206].

Текстово-образные предикативные конструкции-универсалии в народном творчестве – структуры, соотносительные с предложениями. Такие единицы достаточно активны и в украинском, и в белорусском народном фольклоре. Например, в белорусском народном творчестве: *дробныя слёзкі роніць* [8, с. 43], *дробны дажджы паліваюць* [8, с. 36], *коніка сядлае* [8, с.47], *язьолька кукавала* [8, с.48], *по сянех пахадзіла* [8, с. 51], *сон сасніла* [8, с. 53], *сон відзела* [8,с. 53], *на коніку сядзіць* [8, с. 55], *цякла рэчачка* [8, с. 56], *русяя каса да да паяса* [8,с. 280], *два конікі да ваду пілі* [8, с. 280], *коні поюць* [8, с. 289], *вада ручаем цячэ* [8, с. 290], *вада цячэ холодная* [8, с. 290], *вадзічка ручаем бяжыць* [8, с. 292], *быстра рэчка цячэ* [8, с. 294], *по чысту полю стралою імчыся* [8, с. 302], *не вей, вецер* [8, с. 431], *кала рэчанькі хадзіла, кала быстрае гуляла* [10, с. 390], *я над ракою стаяла, беляя ручкі ўмывала* [10, с. 391], *з адной гары вецер вее, з-пад другой гары павявае* [10, с. 279], *кукавала язьюля* [10, с. 222] и др., в украинском фольклоре: *став з Дніпра тихий вітер повівати* [14, с. 388], *будуть козаки чистим полем гуляти* [14, с. 89], *дрібен дощик накрапає* [14, с. 254], *став буйний вітер повівати* [14, с.186], *не буйні вітри повівали* [14, с. 79]. По своей сущности (учитывая лексический состав, содержательность конструкции) подобные текстово-образные универсалии, на наш взгляд, родственны с эпическими формулами песен славянского фольклора вообще.

Итак, язык фольклора – та область духовно-культурной традиции, которая позволяет изучать и сравнивать своеобразие этнического мышления, этнического творчества в контексте родственных и неродственных культурных связей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Беценко, Т.П. Адвербіальні текстові універсалії з семантикою місця в українських народних думках / Т.П. Беценко // *Stylistyka: Opole.* – 2006. – № 15 – С.183-219
2. Беценко, Т.П. Атрибутивные эпические формулы в украинских народных думках / Т.П. Беценко // *Стереотипность и творчество в тексте.* – Пермь, 2005. – С. 322-331.
3. Беценко, Т.П. Мова думового епосу: Словник епітетів, складних слів, тавтологічних і плеонастичних структур, географічних найменувань і релігійних понять / Т.П. Беценко. – Суми, 2008. – 108 с.
4. Беценко, Т.П. Мова українських народних дум: Словник текстово-образних одиниць / Т.П. Беценко. – Суми, 2016. – 128 с.
5. Беценко, Т.П. Поэтическая фразеология украинских народных думках / Т.П. Беценко // *Слово и контекст: Филологический сборник к 75-летию Н.С. Валгиной.* – 2002. – С. 180-194.

6. Беценко, Т.П. Текстово-образні універсалії думового епосу: структура, семантика, функції: монографія / Т.П. Беценко. – Суми, 2008. – 400 с.
7. Беценко, Т.П. Текстово-образні універсалії – системні одиниці / Т.П. Беценко // Карповские научные чтения: сборник научных статей: в двух частях. – Минск, 2012. – С. 12-25.
8. Бандарчык, В.К. Вяселле. Песні: У шасці кнігах. Кніга 1 / В.К. Бандарчык, М.Я. Грынблат, К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 680 с.
9. Бандарчык, В.К. Вяселле. Песні: У шасці кнігах. Кніга 2 / В.К. Бандарчык, М.Я. Грынблат, К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 831 с.
10. Бандарчык, В.К. Восеньскія і талочныя песні / В.К. Бандарчык, М.Я. Грынблат, К.П. Кабашнікаў. – Мінск: Навука і тэхніка, 1981. – 680 с.
11. Евгеньева, А.П. Очерки по языку русской устной поэзии в записях XVII–XX в. / А.П. Евгеньева. – М.–Л.: Издательство АН СССР, 1963. – 348 с.
12. Єрмоленко, С. Я. Фольклор і літаратурна мова / С.Я. Єрмоленко – К.: Наукова думка, 1987. – 243 с.
13. Ивахненка, Т.А. Славесныя формулы і кампазіцыйныя схемы каляндарна-абрадавых песенных тэкстаў / Т.А. Ивахненка // Веснік Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта. – 2004. – №2. – С. 3-8.
14. Кирдан, Б.П. Украинские народные думы / Б.П. Кирдан. – М.: Наука, 1972. – 600 с.

МЕДИЙНЫЙ ДИСКУРС: ПРИСТРАСТНОСТЬ И «ПОСТПРАВДА»

MEDIA DISCOURSE: BIAS AND POST-TRUTH POLICY

А.Б. Бушев

Alexandre B. Bouchev

Тверской государственный университет

Тверь, Россия

Tver State University

Tver, Russia

E-mail: alex.bouchev@yandex.ru

Значение медийной и информационной грамотности подчеркивается ЮНЕСКО. К медиаграмотности относится ряд навыков, необходимых для эффективного поиска, критического анализа, использования и размещения информации и медийного контента, значение прав человека в Интернете, понимание способов борьбы с пропагандой ненависти в Интернете кибербуллинга, понимание этических проблем, связанных с доступом к информации и ее использованием, сотрудничество с представителями СМИ и ИКТ в целях содействия равенству, свободе выражения мнений,

межкультурному, межрелигиозному диалогу, миру и т.д. Как мы видим, здесь есть собственно филологические проблемы.

Для филологов актуально то, что рассматриваются современные формы представления медиадискурса и готовность читателя понимать эти формы, вырабатываемые в процессе обучения и самообучения дискурс-анализу. В статье обсуждается проблема метода анализа в современных медикоммуникативных исследованиях: чем может и должен быть дополнен дискурсивный метод. Как изучать креолизованный политический дискурс в сетевых СМИ. Какие методы может предложить социология? теория дискурса? риторика? лингвистика?

Методом рассмотрения медиатекстов является анализ дискурса. С семидесятых годов к суждению о мире привлечены дискурсивные исследования – в их развитии от З. Харриса, через Т. Ван Дейка и Р. Водак, до Д. Юла, Д. Брауна, Д. Шифрин, Д. Таннен, Н. Фарклау, М. Йогнесен и др. Мы можем отметить, что в американской традиции *дискурсивный* понимается практически как *неориторический*, а дискурс-исследования смыкаются с имеющей богатую традицию, инструментарий, хорошо институализированной риторикой. Показательны в этом направлении отечественные дискурсивные исследования [4]. Сошлемся и на нашу серию работ, посвященных языковым и риторическим особенностям политического дискурса в масс-медиа [1]. На примере глобального англоязычного дискурса показана важность номинации явлений в медийном дискурсе, использования клише и штампов как частного случая стереотипии, использования аксиологической лексики, метафорики, эвфемии, повторов, перифраз, показана сложность дефинитивности терминов, манипуляция фактами, выдача мнения за знания и некоторые другие обязательные явления политического дискурса.

Понятно, что исследование сетей не должно ограничиваться анализом дискурса, а должно исследовать аудиторию. Какими же методами исследовать и интерпретировать политические тексты? А.М. Кучинов дает обзор современных методов исследования текстов и дискурса [3].

Покажем возможности дискурсивного анализа при интерпретации риторики и идеологии. Попытки описать такое идеологическое течение, как альт-райт, как строгую политическую идеологию неизбежно терпят крах. Основа предшественников альт-райта – это **палеоконсерваторы, антиинтервенты, антирыночники, антииммигранты и прочие ветви американского консерватизма, возникшие к концу 1980-х** [2].

Идеологией является белый национализм и отрицание толерантности и политкорректности. Это «культурный марксизм» наоборот – с приоритетом прав белого населения, становящегося в сегодняшней Америке меньшинством.

В немногочисленных попытках политологической рефлексии победа Трампа увязывается с поддержкой этой страты. Это своеобразное *affirmative action* белых, долгое время не поддерживаемых даже консервативными кругами. Риторика презрения к оппонентам, ксенофобия, расизм, ненависть к правам человека и феминизму, возвращение культуры белой консервативной Америки первой половины двадцатого века, борьба с леваками-шестидесятниками, изоляционизм, социальный консерватизм, положительная оценка роли христианства, критика истеблишмента, критика глобализма, либерализма, марксизма, феминизма – показательные черты этой идеологии. У альтернативных правых нет единой официальной идеологии, однако некоторые источники утверждают, что объединяющей идеей движения является белый национализм. Помимо этого, альтернативным правым часто приписываются исламофобия, антифеминизм, гомофобия, антисемитизм, этнический национализм, правый популизм, нативизм, традиционализм и неореакционные идеи.

Они последовательно наступают на права меньшинств, показательно использование ими Интернета для продвижения своих идей и троллинга консерваторов, которых альтрайтисты называют бранным неологизмом «*cuckservative*». Их дискурс изобилует штампами и оскорблениями. Белый национализм, мизогиния и антисемитизм – характерные составляющие этого движения, наряду со стильностью и Интернет-представленностью. Альт-райт, по мнению некоторых комментаторов, близок к власти, хотя Трамп не раз от него открещивался. В пропаганде идей и рекрутинге сторонников используются заблокированные ныне *имиджборды 4chan, 8chan и cайт Reddit* (для распространения мемов).

Так или иначе, альт-райты помогли кампании Трампа в Интернете, со знанием дела продвигая **мемы**, дискредитирующие его оппонентов, такие как **#Cuckservative** и **#DraftOurDaughters**. Они координировали сетевую травлю, включающую массу сообщений с угрозами изнасилования и смерти, а также доксинг (doxxing, публикация персональных данных) в адрес врагов Трампа и членов их семей.

Альтрайтистов характеризует туалетный юмор в адрес женщин, негров, геев и евреев. Реалии сегодняшней Америки таковы, что громил-неонацист научился пользоваться Твиттером и узнал слово «мем». Ставший широко популярным портал альт-райта **Breibart**

News [5] ежемесячно посещают 85 миллионов человек. Он абсолютно неполицорректен.

Типичные заявления альт-райта не могут не восприниматься как экстремистские, сеющие ненависть: *The goal is to ethnically cleanse White nations of non-Whites and establish an authoritarian government. Many people also believe that the Jews should be exterminated.*

Альт-райт показывает себя и на практике. Так, например, в феврале 2017 года в передачах Би-Би-Си и на сайте разразился скандал. Медиазаголовки гласили:

UC Berkeley halts Milo Yiannopoulos talk amid violent protest

The campus was put on lockdown as trouble broke out

Материалы информационного жанра давали следующую информацию о событии:

The University of California at Berkeley was forced to cancel a talk by an editor at right-wing Breitbart News after violent student protests.

Milo Yiannopoulos, 32, is an outspoken supporter of President Donald Trump.

Hundreds of students rallied on Wednesday night. At least one fire was started and riot police used tear gas as the campus was put on lockdown.

Mr Trump later threatened to withdraw federal funds from the university if it "does not allow free speech".

The president suggested it was condoning those who practice "violence on innocent people with a different point of view".

Отметим семантику информационного материала (спецнаряды полиции использовали слезоточивый газ, чтобы разгонять демонстрантов в университете Беркли, президент Трамп угрожает лишить университет федерального финансирования, так как в нем «нет свободы слова»). Камень преткновения – выступление правого политика Мило Янопулоса. Его выступление **были вынуждены отменить** из-за **бурных студенческих протестов**. Нет – насилию над безоружными людьми, исповедующими иную точку зрения. Таков лейтмотив выступлений президента США и действий полиции.

Протестный дискурс давно привлекает наше внимание в полифонии политического дискурса. Здесь мы сталкиваемся с правым политическим дискурсом, набирающим популярность в американском и европейском политическом дискурсе, уже приведшем к определенным результатам (Брекзит, избрание националиста и протекциониста Трампа), привлечшем в политику новые персоны (евроскептики, прежде всего правые политики типа Мари Ле Пен) в вызвавшем ответный центристский и левый дискурс.

Главный объект протеста объясняет его так:

"Obviously it's a liberal campus so they hate any libertarians or conservatives who dare to express an opinion on their campuses," he said.

"They particularly don't like me," he added.

В чем же пресса обвиняет Янопулоса?

Mr Yiannopoulos' comments have been criticised as racist and misogynist.

Отметим, что в остракизме участвуют и социальные сети. Сайты альт-райтистов и их форумы заблокированы в Сети.

Кто же приглашает Янопулоса в Университет Калифорнии? Да сами его противники.

Berkeley College Republicans sponsored Mr Yiannopoulos' visit.

Their spokesman, Pieter Sittler, said they didn't agree with everything he said, but "he gives a voice to repressed conservative thought on American college campuses".

Злодей Интернета Янопулос получает следующую откомментированную биографическую справку на сайте Би-Би-Си

Milo Yiannopoulos: The internet's 'supervillain'

Born Milo Hanrahan in 1984 and raised in a town in Kent, England

Founded the online technology magazine The Kernel in 2011 and sold it in 2014

In October 2015, he was employed by the Breitbart News Network, the alt-right media empire until recently headed by senior Trump adviser Steve Bannon

He has sparked controversy with articles such as: "Why do feminists cook up stories about 'misogyny'?"

He describes himself as a "free speech fundamentalist"

When permanently banned from Twitter last July, he said the social media site had "confirmed itself as a safe space for Muslim terrorists and Black Lives Matter extremists, but a no-go zone for conservatives"

He currently has over 468,000 subscribers to his YouTube channel

On his Facebook page, he is described as the "most fabulous supervillain on the internet"

Отметим роль, которая придается социальным сетям в коммуникации политика, особенно с неортодоксальными, далекими от мейнстрима взглядами.

Идеологический посыл подается зачастую в максимально простой, сжатой и понятной постмодернистской аудитории форме интернет-мемов, где эксплуатируется как правило образный ряд современных же произведений массовой культуры, уже устоявшиеся образы, связанные с теми или иными меметическими рядами, так или иначе понятными аудитории. При этом будучи формально «плоским», лишенным любого

нарративного измерения, рассчитанным на спонтанную реакцию, мем на деле выступает триггером нужной его автору реакции и несет довольно мощный идейный заряд.

В условиях сетевизации политической культуры показательно замещение реальной жизни виртуальной, что приводит к **несерьезному отношению к фактам, логике и, как следствие, насилую**, чьи последствия совершенно реальны и ощутимы. **Постправда (post-truth)** – главное слово 2016 года, затмившее такие слова, как *alright*, *Brexit*, *chatbox*. Существенны обстоятельства, в которых объективные факты менее значимы при формировании общеизвестного мнения, чем обращения к эмоциям и персональным убеждениям, когда рациональные убеждения проигрывают рациональным стереотипам. Не так важна реальность факта, если реальны последствия. Добавляем сюда эмоциональную подпитку, которая отключает рациональное мышление – получаем искомое понятие. Осадок – это и есть конечная цель фейка, который формирует параллельный мир постправды.

Наиболее влиятельным аспектом в подъеме Интернета в 90-е годы было освобождение информации от ограничений привычных медиа – которое, как предполагалось, сделает мировое сотрудничество более демократичным. Предполагалось, что чем больше человек получает и производит информации, тем больше он свободен. Однако спустя всего несколько лет стало ясно, что в этих надеждах было одно большое заблуждение.

Показательна потеря новой прессой функции контроля. Несмотря на то, что ограничения, которые навязал средствам массовой информации закон, были в Интернете недействительными, исчезла также и одна из самых важных функций прессы – **способность отфильтровывать непроверенную информацию, ложные или искаженные «факты» и возмутительные претензии**, предназначенные не только для того, чтобы злить публику, но и подстрекать целые группы людей, радикализировать их.

Интернет, с его анонимностью и игнорированием правил доказательства и подтверждения истины, в ранние 2000-х годах превратился в сборник теорий заговора, клеветы и демагогии. Враньё или искажённые факты стали альтернативной реальностью для людей, сильно оторванных от реального мира, серьёзно отравили мировоззрение, способность здраво воспринимать новости и текущие происшествия.

Условиями возникновения постправды и фейка являются **интернетизация политики**, эклектика идеологий, риторизм политических выступлений, конспирологические теории.

Итак, наше исследование позволяет сделать некоторые **выводы**. Показательно состояние общественного сознания, в котором существенную роль играет политический постмодернизм и удивительная архаика в политической культуре в ответ на крах либеральной идеологии. Еще раз должна быть подчеркнута роль Интернета и социальных сетей в политической культуре. Очевидно, что политика постправды представляет в современных условиях политику пропаганды. Что касается фейк ньюз в социальных сетях, то фейк ньюз нужно маркировать.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бушев, А.Б. Глобальный медиадискурс и межкультурная коммуникация. Монография. – Saarbrücken: Palmarium Academic Publishing, 2016. – 383 с.
2. Готфрид П. Палеоконсерваторы: правые изгои Америки// Тетради по консерватизму. – 2016 – № 1 – С. 77-84.
3. Кучинов А.М. Подходы и методики для исследования текстов и дискурса в политологии: опыт классификации. – Полис. Политические исследования, 2016. – № 5. – С. 80-96.
4. Современный дискурс-анализ: повестка дня, проблематика, перспективы: коллективная монография / под ред. Е.А. Кожемякина, А.В. Полонского. – Белгород: ИД «Белгород», 2016. – 244 с.
5. Breitbart News [Electronic resource]. – Mode of access: <http://www.breitbart.com>. – Date of access: 10.01.2018.

АПАЗЦЫЯ ГОЛЫ/КАЛМАТЫ Ў ЭТНАСЕМІЯТЫЧНАЙ ХАРАКТАРЫСТЫЦЫ ЧАЛАВЕКА

OPPOSITION NAKED/HIRSUTE IN THE ETHNOSEMIOTIC CHARACTERIZATION OF A PERSON

T.B. Valodzina

T. Valodzina

Цэнтр даследаванняў беларускай мовы, літаратуры і культуры НАН Беларусі
Мінск, Беларусь

The Center for the Belarusian Culture, Language and Literature researches of the
National Academy of Sciences
Minsk, Belarus

E-mail: tanja_volodina@tut.by

Пры апісанні карціны свету кожнага этнасу перспектыўным да гэтага часу застаецца семіятычны кірунак. Асабліва плённым пры даследаванні традыцыйнай культуры ўсходніх славян стаўся перыяд так званай Маскоўскай семіятычнай школы. У працах яе прадстаўнікоў

(У.М. Тарароў, Вяч.Ус. Іванаў, А.А. Залізняк, Т.М. Суднік, Т.У. Цыўян і інш.) была рэканструявана асаблівая ментальная прастора традыцыйнай культуры, калі амаль не адрозніваецца мастацкае, гістарычнае і інтэлектуальнае. Такі спосаб бачання свету быў названы “міфапаэтычным”. У працах аднаго з заснавальнікаў школы Ю.М. Лотмана ставіцца пытанне аб семіятызацыі штодзённасці, дэманструюцца магчымасці семіятычнага падыходу да даследаванняў культурных з’яў як знакавых сістэм.

Семіётка ў якасці інструмента і працэдуры апісання актыўна скарыстоўвае структуралісцкія метады і асабліва часта звяртаецца да прынцыпу бінарызма. Дуалізм пры інтэрпрэтацыі міфалагічных і сацыяльных структур лічыцца адной з асноўных рысаў мадэлі свету. Так, мадэль свету характарызуецца бінарнымі апазіцыямі, звязанымі з апісаннямі прасторы, з часавымі каардынатамі, з колеравымі характарыстыкамі і г.д. Дзяленне свету на апазіцыйныя складнікі – адна з найважнейшых аперацый у працэсе асэнсавання яго архаічным чалавекам, бо бінарнасць як агульная для чалавечай псіхалогіі рыса фізіялагічна абумоўленая. Падтрымкай і развіццём бялагічнага дуалізму належыць разглядаць і розныя формы дуалізму прыроднага паходжання, важнейшай з якіх з’яўляецца проціпастаўленасць верху і нізу, дня і ночы, зімы і лета і г.д.

Заўважана і тое, што першыя, правыя, члены бінарных проціпастаўленняў звязваюцца з уяўленнямі пра станоўчае (сваё, добрае, праўда і г.д.), тады як другія, левыя, кампаненты разумеюцца з супрацьлеглым знакам [2, с. 231-232]. Відавочна значна большая семантычная нагружанасць і канататыўная разнастайнасць менавіта левага кампанента апазіцыі. У спецыяльнай літаратуры ўжо неаднаразова падкрэслівалася больш падрабязная распрацаванасць менавіта адмоўна канатаваных палёў як агульная культуралагічная заканамернасць. Норма і ёсць норма, і ўспрымаецца яна як з’ява, што ў вочы не кідаецца, як нешта звыклае, будзённае і нейтральнае. І толькі адступленні ад нормы звычайна выклікаюць узмоцненую цікавасць, ухваленне альбо асуджэнне, і адпаведны ўсплёск моўнай і культурнай актыўнасці. Усё гэта, безумоўна, так, але гэта толькі павярхоўная, “бытавая” прычына, якая стымулюе пошук.

Безумоўна, мяркуецца функцыянаванне і больш складаных трынарных, тэтрарных і яшчэ больш разгорнутых класіфікацыйных схем. З найбольш простых трынарная сістэма з супрацьпастаўленымі крайнімі тэрмінамі мяркуе сярэдні тэрмін. Так, апазіцыі “верх/ніз”, “правы/левы”, “пярэдні/задні” зусім заканамерна ўяўляць як трынарныя

схемы, якія маюць "сярэдняе" або "цэнтр", нездарма паясніца ў дыялектах так і называецца – *сярэдзіна*.

Штуршком для напісання артыкула стаў адметны тост, прапанаваны маім калегай паэтам Юры Пацопай, – "*Трэба ўскудрыць!*" У сучасным гарадскім слэнгу, пераважна маладзёвым, часта можна пачуць і такое вызначэнне якасці, як *кучарава*, якое дапасоўваецца да дзеясловаў *гаварыць* і *жыць*. Гл. толькі адзін прыклад з тысячы інтэрнэт-фіксацый: "*Был как-то в гостях один человек. Быстро прошел по всем комнатам и, так с легким налетом зависти произнес: "КУЧЕРЯВО ЖИВЕТЕ!"*". У беларускамоўнай інтэрнэт-прасторы лексема сустрэлася аднойчы – у нататках Адама Глобуса, з пэўнай літаратурнай апрацоўкай: "*Барселона ўся ў кучаравасці, уся ў завіхрэннях, уся ў вусенях і валютах. Барселона кучарава жыве. Калі ты жывеш у Барселоне, ты жывеш кучарава, лёгка, як белашумны грабенчык хвалі*" [6].

Для выкарыстання слова ў рускамоўнай прасторы існуе шэраг наіўных (прапанаваных самімі карыстальнікамі) тлумачэнняў, сярод якіх аллюзія да заходнеўрапейскіх парыкоў знатных асобаў, да ідалаў прыгажосці старажытнай Русі, супастаўленне з каракулем як сімвалам заможнасці і інш. У любым разе, "слово "кучеряво" подразумевает под собой нечто спирально закрученное, витиеватое. Вероятно, здесь смысл в том, что человек, который живёт кучеряво, может вести привольный, закрученный образ жизни" [7].

У дачыненні да дзеяслова *гаварыць*, у асобных выпадках *базарыць*, *кучарава* азначае "непонятно, замысловато, ветвисто и заумно". Між тым эпітэт сустракаўся і ў класікаў рускай літаратуры, верагодна, запазычаны з дыялектаў. "Враз понял Разлюляй, что с ней кучерявых слов сыпать не надобно, и не стал он дробить пустолайкою, а повёл сразу речь коротко и всё начисто" (Н.С. Лесков, («Час воли божией», 1890 г.); "Что ж, браток, деваться мне было некуда. Вышел я на дорогу, выругался страшным кучерявым, воронежским матом и зашагал на запад, в плен!" (М.А. Шолохов «Судьба человека», 1956 г., цытата з Нацыянальнага корпуса рускай мовы).

У жаргонным выкарыстанні азначэнне прама ўваходзіць у ідэаграфічную сферу "багацця, множнасці", гл. да прыкладу "*Самые кучерявые*" зарплаты в стране официально у работников банков, страховых компаний и других финансовых структур... (Валерий Бутаев, «Стали ли мы жить богаче?», 2006 г. // «Комсомольская правда»). Аж да субстантывацыі прыкметы – "**Кучерява улыбається / улыбнулась кому. Жарг. угол., мол.** Кому-л. везёт, удаётся что-л."

Цікава ў гэтым выпадку тое, што выкарыстанне прыметнікаў *кучаравы*, *кудравы* ў жаргонах, слэнгу можа быць патлумачаным з

улікам семіятычных працэдур, прынамсі ў этнасеміятычным кантэксце апісання апазіцый *голы/калматы* і сінанімічнай ёй *лысы/валасаты*.

Голы – прыкмета, якая апісвае чалавека перадусім без адзення, у традыцыйнай культуры славян сімвалізуе вяртанне да першаснай чысціні і бязвіннасці, азначае страту сацыяльнасці і прыналежнасці да культурнай прасторы, выводзіць чалавека па-за межы культуры, далучае да катэгорыі «чужога» і «незасвоенага». У абрадавай практыцы, як слушна доводзяць Т.Агапкіна і А.Тапаркоў, аголенасць выступае, як правіла, не як атрыбут чалавека, а хутчэй як дзеянне: агаленне, дэманстрацыя цела альбо геніталій закліканых актыўна ўздзейнічаць на наваколле і людзей. У плане сімвалічным важная проціпастаўленасць “агалення для сябе” і “агалення для іншага”. У першым выпадку аголенасць не прызначаная для знешняга назіральніка, яна закліканая ўздзейнічаць на прыроду ці на звышнатуральных істотаў; у другім – жэст агалення адрасаваны іншаму чалавеку. Абрады з “агаленнем для сябе” часта маюць эзатэрычны характар, могуць здзяйсняцца да свету, уночы, у цемры. Абрады з “агаленнем для іншага”, наадварот, маюць публічны характар, закліканых эпаціраваць альбо насмяшыць субяседніка [1, с. 13].

Прыкмета *голы* выяўляе і адкрытасць для кантактаў, спрыянне вонкаваму ўплыву. Голы чалавек як бы становіўся прадстаўніком іншасвету. І таму магільныя яго дзеянні, згодна з павер’ямі, забяспечвалі жаданы вынік. Прыкладаў неабходнасці поўнага распранання з каляндарнай, сямейнай, мантычнай, медыцынскай, чарадзейскай практык можна называць шмат, аб’ядноўвае іх адно: адсутнасць адзення сімвалізуе стан адкрытасці, найбольш спрыяльнай для кантактаў з ірэальнымі сферамі. Распрананне служыць маркёрам рытуальнай значнасці самой дзеі.

У славянскіх мовах прыметнік *голы* акрамя асноўнага ‘без адзення’ выяўляе шэраг блізкіх між сабою значэнняў, асноўныя сярод якіх – ‘суцэльны’, ‘без дадаткаў’, ‘адкрыты’ (у дачыненні да мясцовасці) [5, с. 114-115]. Этымалагічна першасным лічыцца значэнне ‘безвалосая, пазбаўленая расліннасці і як бы гладкая паверхня’, што можа тычыцца як чалавека, так і прыродных аб’ектаў. У фразеалагізмах прыкмета *голы* аказваецца дапасаванай да розных саматызмаў, сярод іх самыя папулярныя рукі – *прыйсці з голымі рукамі*, рус. пск. *на голые руки* ‘на пустым месцы’ ці блізкі да іх кулак – *з голым кулаком* ‘недарэчна’. Аднак у гэтым шэрагу сустракаюцца і саматызмы, якія не голымі і не могуць быць – вочы: *адбываць голымі вачамі* ‘праяўляць негасціннасць’; косці: *на голую косць* ‘адразу, без пярэчання’; зубы: рус. перм. *на голы зубы* ‘толькі для пражытку’.

Чалавек голы паўстае найперш у сваім прыродным, натуральным выглядзе і дэманструе плоць зыходную, адпачаткова дадзеную чалавеку Небам (*голы як Бог яго стварыў*) і маці (*у чым маці нарадзіла; голы як маці радзіла*). Аголенасць часовая перадусім у мове выступае як метафарычнае выражэнне зьяднення, страты жыццёвых дабротаў ці адмова ад іх. У сацыяльным плане **голы** – гэта бядняк, пазбаўлены апошняй маёмасці – адзеньня і выкінуты на дно грамадства. Паказальна, у корпусе беларускіх параўнанняў амаль не фіксуецца выразаў з першым кампанентам бедны як..., шэраг жа кампаратываў з пачатковым голы як... налічвае некалькі дзясяткаў, гл. толькі асобныя – *голы як калена; голы як калок; голы як костка; голы як палец; голы як пень; голы як святы турэцкі; голы як стой* і інш.

Вельмі выразна карэляцыі голага і беднага выяўляюцца ў культурных кантэкстах, асабліва сярод бытавых забаронаў штось рабіць голай рукой, бо гэта пацягне за сабою нястачы. Да прыкладу, бабка прымае дзіця, што выходзіць на свет Божы, не голымі рукамі, а абгарнуўшы рукі новым палатном, каб у будучым дзіця не жыло з голымі рукамі [3, с. 10]. У сваю чаргу, у зламывай магіі ладзіліся якраз “голья” маніпуляцыі, прычым добра ўсвядомлення ў народнай свядомасці і адпаведна вербалізаваныя – “Када раздзенецца дагала жанчына і паляціць каля чыёй-то хаты, вот і будзецц пуста, вот і будзецц гола” [4, с. 227].

Абсалютна заканамернай выглядае ў выпадку судачынення голага і беднага карэляцыя апазіта голага – валасатага – з багаццем, што замацавана на ўзроўні лексікі – смал. *обкосматеть* ‘разбагаецць’ і парэміялогіі: *Хто касматы, той багаты*, гл. тут і сучаснае *валасатая рука* ‘пра падтрымку, “блат”’. Вось тут і можа знаходзіцца этнакультурная падтрымка слэнгавага *жыць кучарава*. Аднак менавіта культурная памяць слова і адпаведнага канцэпту абумоўлівае зніжаную канатацыю падобнага выкарыстання лексемы, нягледзячы на пазітыўнасць багацця ў цэлым.

Справа тут у яшчэ адной адмене апазіцыі *голы/валасаты* – *голы/калматы*, якая знаходзіцца ў адносінах семантычнай карэляцыі з проціпастаўленнем *бедны/багаты*. Маецца на ўвазе сфера дэманалагічных уяўленняў, дзе прыкмета *голы* рэалізуецца як у плашчыні апазіцыі *голы/апануты*, так і *голы/валасаты*. Дэмань паказваюцца людзям у шэрагу выпадкаў менавіта без адзеньня, у іх шэрагу лесавік, русалкі. Цікава ў дадзеным выпадку, што вядомае параўнанне *хадзіць як русалка* можа абазначаць не толькі дзяўчыну з даўгімі неўпарадкаванымі валасамі, а менавіта голую, без адзеньня – “Ну дзе як ня ў жыцце русалкі, валасатыя, пузатыя, з бальшымі сіськамі.

І голыя. Мама гаварыла. Голыя, гаварыла: *ходзіш як русалка, не надзенешся*” (Зап. Валодзіна Т. і Боганева А. у в. Аношкі Лепельскага р-на Віцебскай вобл.).

Як правіла, любое адхіленне ад прынятага стандарта, хай сабе культывасць, лысіна альбо, наадварот, празмерна кучаравыя або непрыбраныя калматыя валасы ўспрымаліся як маркёр дэманічнасці, сацыяльнай непаўнаважнасці і ненарматыўнасці. Гл. толькі некалькі моўных прыкладаў: *кудлавіца* ‘дурэць, свавольць’, *у роце шэрсць парасла* (*валоссе парасло, шэрсцю абрасло*): «У Сідаронка у роце валоссе парасло, настолькі ён увесь свет ненавідзіць».

Бінарныя апазіцыі *голы – апрануты, лысы – валасаты* выступаюць як сінанімічныя проціпастаўленням *хворы – здаровы, левы – правы, крывы – прамы* і можа разглядацца як прыватная рэалізацыя падставовых апазіцый *прырода – культура, чужы – свой*. Культурная семантыка голага зыходзіць з цэнтральнай семы ‘поўная адсутнасць чагосьці’ і рэалізуецца ў шматлікіх рытуальных кантэкстах. У сваю чаргу празмерная калматысць і як яе варыянт кучаравасць набываюць семы багацця, але з пэўнай зніжанай канатацыяй. Культурная памяць слова прарастае ў сучасным слэнгавым выкарыстанні.

ЛІТАРАТУРА

1. Агапкина, Т.А. Ритуальное обнажение в народной культуре славян / Т.А. Агапкина, А.Л. Топорков // Мифология и повседневность. Гендерный подход в антропологических дисциплинах. – СПб.: Алетей, 2001. – С. 11-25.
2. Мелетинский, Е.М. Поэтика мифа / Е.М. Мелетинский. – СПб.: Восточная литература, 2006. – 408 с.
3. Никифоровский, Н.Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах / Н.Я. Никифоровский. – Витебск: Витебская губернская типография, 1897. – 308 с.
4. Полацкі этнаграфічны зборнік. Вып.1. Народная медыцына беларусаў Падзвіння. У 2 ч. / склад. У.А. Лобач, У.С. Філіпенка. – Наваполацк, 2006. – Ч. 2. – 332 с.
5. Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. – М.: Наука, 1974. – вып. 1.
6. Барселонскі нататнік // LiveJournal [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://adam-hlobus.livejournal.com/856269.html>. – Дата доступа: 21.12.2017.
7. Кучерявый, Кучеряво - что значит? // модные-слова.рф [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://xn----8sbfqf1bdjhf5a1j.xn--p1ai/1427-kucheryavyu-kucheryavo-chto-znachit.html>. – Дата доступа: 21.12.2017.

К ВОПРОСУ О ТРУДНОСТЯХ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

DISCUSSING SOME DIFFICULTIES OF INTERCULTURAL COMMUNICATION

О.С. Гончаренко, Н.В. Ушакова

O. Goncharenko, N. Ushakova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Hancharenka@bsu.by, UshakovaNV@bsu.by

В последние десятилетия проводятся многочисленные исследования межкультурной коммуникативной компетенции, которые опираются на широкий спектр дисциплин. Важность знаний о культурных различиях для успешного процесса межкультурной коммуникации подчеркивается многими теоретиками.

Исходя из необходимости межкультурного взаимодействия во всех сферах жизни, поликультурное общество ставит перед современным человеком новые вызовы. Выбор способа поведения в отсутствие четких критериев эффективности взаимодействия, сохраняя ощущение собственной ценности, уважая и принимая ценности и нормы представителей другой культуры – является ключевой компетенцией XXI века. Развитие межкультурной компетентности выступает необходимой составляющей профессиональной квалификации, поскольку межкультурные и межотраслевые знания, умения и способности необходимы для адаптации и продуктивной деятельности в различных профессиональных сообществах.

Многие ученые предпринимают попытки определения основных компонентов межкультурной компетенции. Иллюстративным примером может послужить работа М. Вурам, В. Грибкова, Н. Старкей [1] в рамках сотрудничества с Советом Европы. Компоненты межкультурной компетенции – это знания, навыки и отношения, наряду с ценностями, которые имеются у индивида благодаря его принадлежности к ряду социальных групп. Эти ценности являются частью социальной идентичности. Ключевой основой межкультурной компетенции являются межкультурные отношения/установки, которые авторы определяют как любознательность и открытость, готовность доверять представителям других культур и их убеждениям как своим собственным.

Это означает готовность релятивизировать свои собственные ценности, убеждения и поведение, не считая их единственно возможными и правильными, а также способность представить, как они выглядят с точки зрения представителя иной культуры с другими ценностями и убеждениями. Это можно назвать способностью к «децентрализации».

Другим важным фактором является знание, причем не столько знание определенной культуры, а скорее знание того, как функционируют социальные группы и личности и что именно включено в межкультурное взаимодействие, т.е. понимание общих процессов социального и индивидуального взаимодействия.

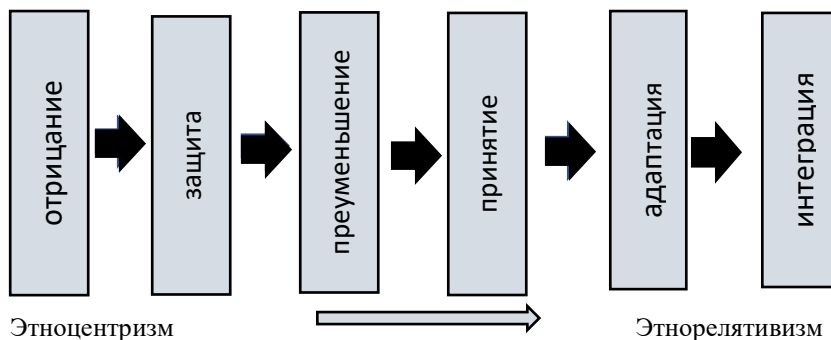
Поскольку представители разных культур должны уметь видеть, как могут возникнуть недоразумения и каковы пути их разрешения, им крайне необходимы навыки децентрализации и сравнения, чтобы иметь возможность не только интерпретировать документ или событие из другой культуры, но и объяснить и связать его с событиями своей собственной. Поэтому решающее значение имеют навыки сравнения, интерпретации и установления связи.

Эффективное межкультурное взаимодействие также невозможно без способности и готовности к приобретению новых знаний о культуре и культурных традициях и использованию их в режиме реального времени.

Наконец, какими бы открытыми и терпимыми к чужим убеждениям, ценностям и нормам поведения не были участники межкультурного взаимодействия, их собственные убеждения, ценности и поведение закреплены на глубоком уровне и могут вызвать реакцию противодействия и отторжения. Такая реакция неизбежна, поэтому необходимо критическое осознание как своих собственных ценностей, так и того, как они влияют на восприятие чужих.

Похожей точки зрения придерживается и Milton J. Bennett в работе «The Developmental Model of Intercultural Sensitivity» [3]. Он предложил понимать межкультурную сенситивность как некий динамический развивающийся процесс, в котором человек способен трансформироваться аффективно, когнитивно и поведенчески, начиная со стадии этноцентризма и заканчивая стадией этнорелятивизма.

Развитие межкультурной сенситивности (J. Bennett)

Для эффективной практики межкультурного взаимодействия необходимо решать возникающие проблемы освоения иной культуры, адаптации к новым условиям жизни в чужой культуре, аккультурации и научения новым паттернам поведения. Именно поэтому развитие межкультурной сенситивности представляется чрезвычайно важным, поскольку влечет за собой и изменения в мировоззрении человека. Первые три стадии – отрицание, защита, преуменьшение – определяются как этноцентрические и предполагают восприятие собственной культуры как центральной, главной, с позиции которой и происходит оценивание других. Последующие стадии – принятие, адаптация и интеграция – этнорелятивистские стадии. На этих этапах происходит рассмотрение своей культуры в контексте разнообразия, различия ценностей других культур.

Описывая межкультурные трудности взаимодействия Robin Cranmer [2] говорит о культурном осознании, или осознании возможных культурных различий. Проблемы в межкультурной коммуникации возникают при общении участников с разным уровнем межкультурной компетенции – высоким и низким. В этом случае их общение, межкультурную коммуникацию, которая включает такую же асимметрию в уровнях культурной осведомленности Robin Cranmer называет «Асимметричной межкультурной коммуникацией» (АМК).

Асимметрия, помимо культурных различий, может влиять на стиль общения, создавая еще один уровень сложности для участника с достаточно развитым уровнем культурной осведомленности. В АМК более компетентный участник межкультурного взаимодействия окажется вовлеченным в общение, в котором он будет признавать действительность коммуникативного стиля другого участника, но при

отсутствии взаимности это может вызвать серьезные проблемы либо в самой коммуникативной динамике, либо когда делаются негативные комментарии. Точно также более компетентный собеседник будет обладать как более глубоким пониманием коммуникативной динамики, так и большей гибкостью, что позволит ему функционировать в соответствии с другой коммуникативной динамикой, чем менее компетентный участник, и, вероятно, будет означать, что у него больше возможностей влиять на процесс. Следовательно, АМК должна быть взаимодополняющей, и более компетентный в культурном отношении собеседник, помимо культурной осведомленности, нуждается в определенном наборе навыков, в основном в области управления коммуникациями, для обеспечения того, чтобы такая взаимность была достигнута. АМК по своей сути сложнее для более продвинутых в культурном отношении участников, при этом «успешный» результат не гарантируется – в каком-то смысле, АМК включает в себя общение, в котором один участник открыт для переговоров, размещения и компромиссов по коммуникативному стилю, в то время как другой либо не является, либо может быть очень ограниченным, и это может ограничивать то, насколько взаимно удовлетворительным может быть сообщение. Но подобная ситуация, конечно, не означает, что коммуникативная динамика не может быть улучшена путем реализации гипотетических компетенций. Возникает вопрос, какой же конкретный набор сложных навыков необходим более культурно осведомленному участнику АМК, если он хочет сделать коммуникативную динамику удовлетворительной?

Предлагаемый список отнюдь не является исчерпывающим или единственным способом, которым можно было бы классифицировать соответствующие компетенции, но он обеспечивает возможную начальную основу для обсуждения. Это следующие компетенции:

1. Способность эмоционально общаться, не навязывая свой коммуникативный стиль.
2. Способность продемонстрировать собеседнику равноправие ваших коммуникативных стилей.
3. Способность выработать и согласовывать взаимно удовлетворительный стиль и динамику вашего общения.
4. Способность найти компромисс в стиле и динамике общения, не прибегая к явным переговорам.
5. Способность управлять общением и структурировать его, чтобы максимально увеличить шансы на взаимовыгодный коммуникативный стиль.

Анализ литературы показывает, что надёжными детерминантами межкультурной коммуникации являются опыт межкультурного взаимодействия, пол, возраст, уровень образования, владение иностранными языками, а также ряд личностных факторов – это уровень эмпатии, уровень самооценки, этническая идентичность, общая и этническая толерантность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Byram, M. Developing the Intercultural Dimension in Language Teaching: A Practical Introduction for Teachers / M. Byram, B. Gribkova, H. Starkey. – Strasbourg: Council of Europe, 2002. – 35p.
2. Cranmer, Robin. Intercultural communicative competence – a further challenge / R. Cranmer // Вестник РУДН. – Серия: Лингвистика. – 2017. – №4. – С.870-884
3. The Developmental Model of Intercultural Sensitivity // IDRInstitute [Electronic resource]. – 2014. – Mode of access: <http://www.idrinstitute.org/page.asp?menu1=15>. – Date of access: 27.12.2017.

ЛЕКСИКО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ И ФРАЗЕОСЕМАНТИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СЛОВА «БОРОДА» В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

LEXICO-SEMANTIC AND PHRASEOSEMANTIC DESCRIPTION OF THE WORD «БОРОДА» IN RUSSIAN

А.А. Дасько

A.A. Dasko

Государственный университет «Дубна»

Дубна, Россия

State University Dubna

Dubna, Russia

E-mail: dasko.anna@gmail.com

...борода моя опытнее ваших академий! (Парацельс)

Н.М. Карамзин

Слова эпитафии взяты из книги Н.М. Карамзина в «Письмах русского путешественника». Русский историк и литератор характеризовал великого швейцарского учёного Парацельса, упоминая, что этими словами Парацельс нередко начинал свои лекции.

Целью исследования является лексико-семантическое и фразеосемантическое описание соматизма «борода» в русском языке. Материалом исследования являются данные Национального корпуса русского языка с компонентом «борода», фразеологизмы русского языка, включающие соматизм «борода». Корпус языкового материала создан методом сплошной выборки из словарей, Национального

корпуса русского языка. В Национальном корпусе русского языка представлено 1667 документов со словом «борода», что характеризует слово как достаточно высокочастотное в русском языке, а также косвенно указывает на широкий спектр его семантических значений и богатую лексическую и грамматическую сочетаемость.

Происхождение слова «борода» относят к XI веку. Связывают значение этого слова с общеславянскими «бор» и «да», что означало буквально «колючая, острая». В словаре М. Фасмера указано, что слово «борода» есть кроме славянских языков ещё в литовском, латышском, древнесаксонском, древнепрусском. Отметим, что в романских и германских языках «борода» имеет сходный по написанию и звучанию корень. Древнейшее происхождение корня указывает на значимость слова в языках различных групп: укр. борода́, ст.-слав. брада, др.-греч. ὑβειον, болг. брада́, сербохорв. бра́да, чак. бра́да, словен. bráda, чеш. brada, польск. broda, каш. barda, broda, в.-луж., н.-луж. broda. Родственно лит. barzdà, лтш. bārzda, bārda, др.-прусск. bordus, лат. barba (вместо *farba), д.-в.-н. bart ‘борода’. Далее отнесем сюда же др.-сакс. bursta ‘щетина’; см. Траутман, BSW 27, М. – Э. 1, 273. Совершенно излишни предположения о заимствовании латинского и славянских слов из германского [Педерсен, IF 5, с. 72], как и германского слова из славянского [Миккола, ÄB, 52; против – Фасмер, 15, с. 453]. Подробно см. Бернекер 1, 72 и сл. Следует отметить связь слов борода́тый, польск. brodaty, сербохорв. бра́дат, лит. barzdótas, лат. barbātus; см. Траутман, там же [11 с. 196].

В современном русском языке «борода» является многозначным словом. Обобщим его значения на основании изучения статей словарей русского языка:

- 1) часть лица (средняя часть нижней челюсти под губами);
- 2) волосяной покров нижней части лица, щек и подбородка мужчин;
- 3) пучок длинной шерсти под мордой у некоторых животных;
- 4) перья или мясистые образования, висящие под клювом у птиц, например, у индюка, петуха;
- 5) фамильярное обращение к человеку, носящему бороду;
- 6) то, что своим видом напоминает бороду;
- 7) ритуальный предмет, символизирующий окончание жатвы. Пучок оставленных в поле несжатых колосьев, пригнутых к земле, заплетённых косой или связанных ниткой, украшенных цветами. Горсть срезанных и связанных колосьев. [12, с. 231]. Не обнаружено в словарных статьях значение, связанное с деталью женского народного костюма. Мы приводим его на основании материалов фольклорно-этнографической экспедиции по Оленинскому району (2000 г.).

8) борода – большой воротник округлой формы. Так же не указано в словарях переносное значение слова «борода».

9) *перен.* старая, уже слышанная история, чаще анекдот;

10) *борода* или *посёд пчел*, когда они сидят ворохом на улье и не работают [3].

Фамилия *Борода* включена в Словарь древнерусских собственных имён Н.М. Тупилова [13]. Принадлежать она могла как крестьянам, так и казакам, а также и посадским людям.

В случае наименования человека вследствие метонимического переноса лексема *борода* приобретает лексико-семантическое значение, связанное с персоналией носителя наименования или клички *Борода*, а также обобщённого *человек*. «Если Михаил Михайлович Пришвин – «борода увлекающаяся», Ключов Тарас Петрович – «борода неунывающая». И не знаю, что чудеснее, а пожалуй – борода бороды стоит! И если Пришвин с лопарями на Печенге семгу ел – «с боков поджарена, в середке живая!» – а в степи с киргизами на звезды молился – «хабар-бар!», «бар!» – Ключов знал названия всех книг, какие только с незапамятных времен появились в России, и очень хотелось ему иметь первые издания и, не имея – ну, хоть бы одна попалась! – не унывал, ища» [11]. Метонимический перенос «борода – человек (персоналия)», очевидно, связан с сообразностью человека и Бога. Метонимический перенос наблюдается и в случае создания ритуального субститута «бороды» как метонимии «Бога», чем являлась изготавливаемая из колосьев и сохраняемая в полях, амбарах, под иконами («божья», «дедова», «козья», «спасова», «николина» и т. п.) борода [12, с. 230].

На основе анализа языкового материала, представленного Национальным корпусом русского языка, удалось выделить многочисленные и разнообразные характеристики, относящиеся к слову «борода» в значении «волосяной покров нижней части лица, щек и подбородка мужчин». *Борода* в русском языке выступает как условный культурно маркированный признак.

На основе текстовых документов, представленных в Национальном корпусе русского языка, в первую очередь отметим, ПРИЗНАКОМ чего является борода: *зрелого возраста; опытности; понималась как признак природности; национальное знамя славянина; борода, отличительный признак великих героев западных народных эпосов; достояние ислама; признак неухоженности; определяющий индекс; борода — признак свобододумия; борода – значит, человек уважаемый; характерный признак; знак преобразований; как знак тайного умысла; знак священного благообразия; дикий пережиток древности; считалась*

у нас единственным украшением мужика; святости; вещь прикладная; мужественности, силы и могущества. В этнолингвистическом словаре «Славянские древности» отмечается, что борода «в народной традиции признак мужественности, воплощение жизненной силы, роста, плодородия. Как и волосы, имеет главным признаком множественность, обилие. Обладает продуцирующей функцией. В обычном праве – знак зрелости» [12, с. 229]. Борода выступает как **условный признак** – *чем длинней борода, тем старомоднее наряд; чем лучше играешь, тем длиннее борода; борода – не единственное отличие; явление временное; является непристойным половым признаком; стала опознавательным знаком.*

Во времена борьбы Петра I с ношением бороды, а вместе с тем и борьбы с представлениями о человеке как о подобии Божиим, с представлениями о традиционном образе славянского мужчины, под лозунгом борьбы за европейский прогресс и просвещение бороды беспощадно рубились, и, таким образом, *борода лишалась своего священного и исключительного национального значения, являлась у носящих предметом роскоши.* «Материалы Петровской эпохи и представлениях русских старообрядцев содержат множество сведений об архаичном отношении к бороде; отрезанную насильно бороду носили на груди в мешочке, клали с собой в гроб, считали, что её надо будет предъявить св. Николаю, в качестве родовой святыни передавали из поколения в поколение. ...в русском праве повреждение бороды расценивалось как большое преступление. ...Лишение бороды служило высшей формой наказания» [12, с. 229]. Отмечаются значимые **внешние признаки** бороды, связанные с включениями к неё **инородных элементов** – *была в мелких сосульках; нечесаная в длинных сосулях в лебедином жиру; обильно смазана тюленьим жиром; в запёкшейся крови; с крошками печенья; в слезах; в хлебных и табачных крошках; в крови; в блевотине; заплёвана; золотом обсыпана; засыпанная махоркой; снегом запорошена; побелевшая от муки; слезами покрывалась.* Лидия Чарская в сказке «Царевна Лыдинка» создала внешний образ бороды царя, значимый для утверждения его красоты и могущества: «Борода у царя совершенно белая, и в ней словно блески от камней драгоценных запутались, и самоцветными искрами и вся она так и переливается» [18].

Борода имеет собственное природное СВОЙСТВО – *колючая; жёсткая; плотная, густейшая; колючая; шелковистая; жидкая; жирная; мягкая, гибкая; шершавая.* Дифференцируется СЕТЕВАЯ характеристика бороды, она имеет характеристику по ТОНУ: *светлая, светла; тёмная, чуть темней.* Борода имеет цветовую характеристику,

которая впечатляет многообразием и сложностью состава цвета бороды. Кроме наименований локальных и смешанных цветов борода наделена сложными составными цветовыми характеристиками, соотносимыми с цветом различных предметов, а также имеет определение масти. Мы распределили цвета по ячейкам локальных цветов и их оттенкам, не останавливаясь на определении способов образования цветовой характеристики. Итак, ЦВЕТ бороды варьируется в диапазоне: **красная**; почти кровавая; тёмно-красная; огненная; гнедая; **рыжая**; ярко-рыжая; рыжевато-седая; апельсинно-рыжая; светло-рыжая; тёмно-рыжая; рыжеватая; рыжеющая; ярко-рыжая с проседью; рыжеваторусая; рыжая с блёстками седины; рыжевато-серая; с краев рыжая, а в середине — как лен; рыжая стала тёмно-зелёной; **коричневая**; каштановая; кирпичного отлива; ржавая; выкрашенная охрой; побуревшая; **жёлтая**; серо-жёлтая; желтоватая; лимонная; зеленовато-жёлтая; медовая; льняная; пожелтела; ярко-соломенная с редкими вкраплениями чёрных и седых волос; **золотая**; золотого цвета; золотистая; золотящаяся; золотом выкрашена; почерневшего золота; **зелёная**; с зеленцой; серо-зелёная; **синяя**; светло-синяя; сизая; отделялась синевою; отделялась синевою; **серая**; грязно-серая; голубая и серая; стального цвета; **седая**; отливала сизью; почти вся седая; полуседая; тёмно-седая; седоватая; заковылчилась сединой; в седине; с сединкой; с благородными прожилками проседи; заштрихованная лёгкой проседью; густо побитая сединой; седая с желтизной; седая до желтизны; с жёлтой проседью; отливала серебром; **сивая**; светло-сивая; **серебряная**; посеребренная; белыми нитями засеребрилась; **белая**; пушисто-белая; бело-дымная; белокурая; желтовато-белая; белая с желтизной; желтовато-белая; изжелта-белая; **чёрная**; чёрная-расчёрная; чёрная-пречёрная; чернявая; чёрно-седая; русая; ярко-чёрная; вороной масти; смоляная; чёрная с блеском; чёрная как смоль; вороновой масти; борода до неприятного чёрная, даже с синим отливом, **русская**; светло-русская; **бесцветная**; **неопределённого цвета**; разноцветная мочального цвета; цвета пеньки; свинцово-тяжская; салатная борода водорослей; пегая; приобрела мертвенный оттенок; **крашенная**; перекрашенная; крашена, окрашенная.

Борода имеет РАЗМЕР, который положен в основу сравнения и оценки: **маленькая**; небольшая; невеличка; менее Афанасьевой (чьей-либо); короткая; едва заметна; борода не борода, брить, вроде, нечего; в четыре раза короче; средней величины; полуаршинная; в полуметр; велика; огромная; во какая!; могучая; **длинная**, длинная-длинная; предлинная; длиннющая; длиннейшая; долгая; длинная узкая; считающаяся длиннейшею во всей Персии; **широкая**; пошире других;

довольно объёмистого свойства; *огромная; исполинская; борода с обширностью; узкая; узенькая;* С размером бороды связана характеристика её предела и расположения роста волос на лице человека. ПРЕДЕЛ определяется **границей окончания** бороды – *затерялась под воротником; спускалась почти на грудь; по груди; до полгруды; во всю грудь; спускалась почти на грудь; до самого живота; чуть не до пояса; до пояса; по поясу; спускается за пояс; спускалась до пояса; спускалась ниже пояса; поясная; ниже пупка; до чресл; до самой земли; до пупа; до колен; падала к ногам; перекинута через плечо и привязанная к поясу; та самая борода, определяя величину которой ударяют ребром ладони по животу; волочилась по полу; местом расположения на лице – во всё лицо; заняла половину лица; до скул; закрывала шею; вокруг всего лица; которая закрывала почти всё лицо; укрывала лицо; окутывала лицо; плавно переходила в венчик седых волос; доходила до самых глаз; стекает с лица на грудь; расстилалась по груди; покрывала грудь; покрывает всё тело; местом начала роста волос – начиналась только под подбородком; в восемь вершков от нижней губы; начиналась прямо от ушей; возникала повыше ушей; начиналась у него тотчас под нижними веками; начиналась чуть не от самых узко поставленных глаз; начиналась близ самых глаз; переходила в мягкую симпатичную шёрстку под глазами; струится с подбородка.*

Значимой представляется ФОРМА бороды. Многосоставная характеристика формы свидетельствует о её важности. Форма бороды разделена нами на следующие классификационные группы: **собственно форма** – *острая, окладистая, округлая; круговая; круглая; неровная; квадратная; четвероугольником; внизу раздвоенная; разделённая на два клинышка; заострённая; натёкшая; выдранная клочками; вырванная; клочьями лезла; была немного куцей; стала острой; раздвоилась; форма волос бороды – курчавая; кудрявая; кучерявая; с курчавинкой; курчавящаяся; в кудрях; с завитками; завитая; завивалась мелкими колечками; вилась колечками; кольцами; полукольцами; кольчатая; колечками; завитками; струистыми завитками; вязалась кольцами; каракулем; волнистая; начала завиваться в колечки; падает космами; висела длинными косицами; характер качества и укладки волос бороды – густая; пышная; толстоволосая; пушистая; вьющаяся; дремучая; дика и густа; полная; сухая; жидкая; редящая; редкая; три волосины; тремя чёрными кустиками; заплетённая в две косы; струйная; клочкастая; растёт клочьями; клоками; клоком; клочна; торчащая клоками; клочковатая; кудловатая; лохматая; лохмотная; взлохмаченная; взлохмачена; вспучена; косматая; смятая; путаная; спутанная; скомканная; сваляна в войлок; как-то скомкана;*

свалявшаяся; всклокоченная; растрёпанная; взрытая; распластана; растопырена; раздвинулась венником; торчком; свисала клином; торчала клином; скошенная на один бок; растущая; запущенная; торчащая; отросшая; подстриженная; брита-стрижена; сбрита; сбрита; острижена; острижена коротко; подстриженная; подстрижена сложной стрижки; элегантно подстриженная; не брита; была обрита; подрезанная; обстрижена; обкромсанная; бритая; подрезанная; расчёсана на две половины; расчёсанная; расчёсана; нечёсаная; запущенная; сполоснута; расчёсанная надвое; криво обкромсана; раздвоенная; подзапущена; была выщипана; раздвоенная; всплывшая; разметавшаяся; точно ветром сдута набок; свалаясь; нечесаная; нерасчёсанная; расчёсанная; выдающая; покрывающая; проплёванная; разметавшаяся; приглаженная; вздёрнутая; отпущенная; клеена; трёпаная; раздувалась от ветра; не повиновалась щётке; поменяла форму; **сходство формы с предметами** – лопатой; лопатой; не лопатой; лопатообразная; помелом; щёткой; окомелком (мочальная кисть для штукатурных работ); клином, клинышком; клинушком; клинообразная; вилами; венником, щетиной; косым вехтем; торчащая перьями; **сходство формы с чьей-либо** – борода с Васильеву Кесарийского, борода как у Космы Бессребренника; Черноморова; как у Черномора; Сергия Радонежского; похожа на бороду Полкана; трудоёмкая борода Карла Маркса; Карла Маркса; марксова; величиной с бороду Энгельса; Льва Николаевича; толстовская; делала похожей на Антона Павловича Чехова; Фиделя; как у Хемингуэя; писановская (Писахов Степан Григорьевич – русский этнограф, художник, писатель, сказочник); Салмана Радуева; Баума; заостренная или Henri IV; борода перестаёт быть хемингуэевской, уже тянет на Добролюбова; Скрябина; Федина (Константина, русского советского писателя), строгановская; пугачёвская; Пугачёва; Никона; Ахилла; как у Авраама; аронова; как у Карабаса-Барабаса; на манер Достоевского; как у Конфуция; знаменитого химика. Существовало несколько иконографических вариантов бороды: «Космина» – короткая, повторяющая овал лица; «Спасова» – короткая, заостренная и раздвоенная на конце; «Николина» – короткая, круглая; «аки Григорий Богослов» – густая и широкая, спускающаяся до груди; «Власиева» – клином, «долга по персям»; «аки Василий Великий» – узкая, «до персей подоле»; «аки Иоанникий Великий» – «брода велика и широка, на концы в две раскинулась»; «аки Филогоний» – «на оба плеча раскинулась»; «аки Захарий Пророк» – «до пояса длина»; «аки Макарий Римский» – клином «до полуколена»; «аки Макарий Египетский» – «по колени долга, а от колен два косма повелись до земли» [19].

Выделяется сходство формы с культурно маркированными формами бороды – борода-эспаньолка; испанского гранда; по константинопольской моде; скандинавского типа; итальянского типа; ассирийская; хазарина; древнерусская; русская; реакционная русская; американская; цыганская; шамильская; поразительно кавказская; армянского священника; апостола; апостольская; библейская; древнеотеческая; патриаршья; патриархальная; отшельника; старца; поповская; гуру; профессора; профессорская; швейцара; философа; шкиперская; разбойничья; бандитская; кучера; мельника; тороватого купчины; мужицкая; возницы с просолом; щедрого «доктора»; директорская; царская; очень богатого человека; авиационная; партийная; оперная; интеллигентная; по-иностранному; сходство с формой бороды персонажей фольклора – чародея; лешачья; чёртова; сходство с формой бороды животного или птицы – куриная; козья; козлиная; лисья.

В современной стилистике внешнего облика лица мужчины выделяется несколько типов форм бороды: **Русская**, или классическая, – борода, полная, густая широкая, которая покрывает всю нижнюю челюсть мужчины, то есть включает бакенбарды, и имеет значительную длину, закрывающую шею или доходящую до груди. В стиле **Голливуд**, или «**бретта**», – располагается вокруг рта и края нижней челюсти, длина не превышает 2–3 миллиметра. Борода **Бальбо** напоминает по форме русскую бороду, но значительно короче и без бакенбард. **Якорь** – короткая, удлинющаяся к подбородку и заострённая к концу форма бороды, которая получила название на основе подобия с формой якоря. **Щетина** – борода длиной 2–3 миллиметра, оставленных после стрижки более длинной бороды или появившаяся в результате того, что несколько дней не сбывалась. Устойчивое сочетание «**трёхдневная щетина**» стало названием стиля бороды.

Сходство бороды с чем-либо или с чьей-либо, а также сходство на основе цветового подобия становится основой сравнения. **СРАВНЕНИЕ** бороды по внешнему подобию чему-либо – как на иконе; словно мох; борода, будто мох конопатый; сваявшийся пух, местами прилипающий к коже, местами свисающий сосульками, превратилась в тощую сосульку; сделалась похожей на растянутый для надевания шерстяной носок; как войлок и такого же цвета; напоминала клочок мочалы; в стиле семидесятых годов; как баранья шерсть; казались наростами жухлой коры; как пламень дрожала; как новый просяной веник; горбушкой хлеба положена на грудь; огромная как манишка; походила на перья; ходит маятником; висела как пакля; расчёсана наподобие бакенбард на две стороны; из легко вьющихся кружев;

*путаный лес; как лес; полетела пылающим клубом накладная борода; белая как лунь; как паутина; малая борода вроде эспаньолки; борода-водопад; борода что камыш; борода, словно две недели тому назад выбрита; борода – эти лохмотья; казалась грязью; борода с немецкое государство; веником торчит; покрывала грудь широким веером; смоляную доскою лежала не груди его борода; лежала правильными волнами; по внешнему подобию кому-либо – как у барана; как у морского разбойника; как у библейских патриархов; точно отцовская; как у актёра; как у мужчины; стариковская; **сравнение с хвостом** как ласточкин хвост; лисий хвост; как собачий хвост; **сравнение по цвету** – белая как снег; как войлок и такого же цвета; словно выплавленная из чёрного чугуна; как вакса; как сажка; ровно смазана дёгтем; чёрная как смоль; седоватая как истлевший навоз; серебряная как ковыль; с желтизной, как у глубоких стариков; похожа на крашеную.*

Борода наделяется визуальной характеристикой, связанной с ОТНОШЕНИЕМ к ней её обладателя или того, кто видит бороду, то есть наблюдателя. В этой классификационной группе выделяются подгруппы, связанные с **ухоженностью** бороды – *скаталась; растрёпанная; неряшливая; нечистая; неухожена и дика; обильна и неопрятна; неопрятная; аккуратная; неаккуратна; нечистая; была запущена; ухоженная; холёная; выхоленная; завитая и умащённая благовониями; всклокоченная; тщательно выбритая; не успела стать грязной; уже не лоснилась; **возрастом** – молодая; старая; древняя; **впечатлением** – кровавая; разбойная; страшная; подозрительная; ехидная; зловещая; надоедливая; довольная; **состояние** – взмокла; Борода имеет характеристику ЕСТЕСТВЕННОСТИ – *настоящая и ИСКУССТВЕННОСТИ – фальшивая; ненастоящая; синтетическая; искусственная; поддельная; накладная; приставная; прилепленая; представленная; привязная; отороченная мехом; наклеенная.* Характеристика бороды связана с материалом, из которого она сделана. МАТЕРИАЛ искусственной бороды может быть – *из ваты; сделанная из ваты; ватная; из лыка и соломы; из волос чёрного пуделя; из полотенца; из поролона; из мочала; мочальная; льняная; посконная* – характеристика с указанием на материал, из которого сделана борода, может касаться как её цвета, так и качества.*

Отмечается и характеристика ЗАПАХА – *пахла; пахнет духами и тщательно расчёсана; душистая; раздушенная.* Борода оценивается наблюдателем. ОЦЕНКА связана с **внешним видом бороды** – *красивая; роскошная; нивесть уж какой красоты; великолепная; безобразная; страшная; безобразнейшая; фотогеничная; живописная;*

заметная; украсилась отменнейшим зеленоватым бордюром; **собственно оценкой** – скверная; неважная; и на куделю не гожа; второй сорт; несчастье одно, а не борода; добрая; выдающаяся; отличная; Ай да борода!; ишь! борода у те какая!; загляденье!; изумительная; качественная; знаменитая; великолепная; роскошная; благообразная, знатная; почтенная; многогрешная; странная; мягкая; сказочная; милая; **отношением к личности** – усы и борода сильно снижают понимание речи; придаёт вес в глазах обывателя; украшает мужика; способствовала авторитету; вызывала почтение; служила источником заработка и славы; вызывает подозрение; вносила порядок; подчёркивает отказ от какой бы то ни было официозности; казалась знакомой; казалась долгой и была достоянием; оставалась в фаворе; импонировала; красит (укарашает); компенсирует. ФУНКЦИЯ бороды – согревает в холода.

Борода наделяется свойствами самостоятельной персоналии посредством олицетворения, имеет собственный ХАРАКТЕР, выраженный в **характере её движения и действия** – борода потому и нравится женщинам, что шевелилась; шевельнулась; поплыла по белёсой ложбинке к животу; струистыми завитками лилась по груди; спускается на грудь; сбившись в сторону, вихрем разметалась; разлетелась; вспыхнула; затряслась; стала прилипать; дёрнулась; бежала; погналась и обмоталась; расцвела; развеивается; вытянулась; подрагивала; шевелилась; величественно рассыпалась; щекотала; трусится; трясётся; треплется; заколыхалась; заходила вверх-вниз; мелко-мелко подрагивала; походила сверху вниз; ходила вверх-вниз; висит; распушилась; топорщилась; щетинилась; обвисла; летает; висит мочалкой; сморщилась; опала; трепыхала; задралась; устремилась вниз; щекотала; падала; исчезла; прыгала; обматывалась вокруг ствола; висела; цеплялась; волочится; спускается; оцетинилась; украшала; свербит; мела мелкие звёзды на лацканах мундира; мела нас по головам; трепетала на груди; выглядела; обрамляла; вытягивалась; чудесно круглится; щекочет и веселит; приподнялась; зашевелилась; высунулась; выдала; осталась; обрамляла; колыхалась; перестала держаться; расплзлась, ползла; упала; вздрагивает; пала; закрывала; скрывала; прижималась к груди; съёжилась; обвисала; летела; задымилась; выпала; вылезла; искрилась; блестит золотом; мелькала; вздрогнула, растрепалась, дрожала; поднималась; мотнулась; опущенная на грудь; пользовалась вилкой и ножом; заелозила; борода затряслась; расстиляется; запрыгала; лезет; сверкала; клочилась; вспенилась; выпотрошилась; отодралась; защекотала; сорвалась; засела; расправилась, удлинилась; мешает;

выделялась; торчит; трёт; лезет; продолжала смущать; обрамляла; испугала, перестала занимать; глянула; оведала гладь; была виновата; произвела впечатление; мешает; плотно кверху смотрит; белеет; седела, редела, путалась; серебрилась; первенствовала; касалась мрамора; побелела; дымилась; **эмоциональном состоянии** – рассерженная; яростная; с надрывом; смиренно лежавшая на груди; улыбнулась; спокойная; борода моя скрипела, светила несказанным блаженством; щетинилась; **характере роста** – не растёт; еле растёт; не вырастает; не отрастёт; начала отрастать; растёт; подросла и оформилась; ещё не опушилась; начала пробиваться; пробивается; проступила; как следует не выросла; расти продолжала; отросла до пояса; растёт и растёт; отросла; разрослась; росла в разных направлениях; не выпадает; **способности изменения внешности** – меняет внешность; изменила лицо; превращает то ли в факира, то ли в раввина; делала несколько старше; делала похожим на проповедника; смягчает лицо дикаря; изменила физиономию; придавала вид апостола; удлиняла лицо; старила; завершала облик; делала нераспознаваемым; придавала вид простака; не шла; не идёт; борода, дескать, выросла, а ума не вынесла.

Выделяются признаки **состояния** бороды, связанные с её внешним восприятием – обледеневшая; обледенела; ледяная; обмёрзла; замёрзла; примёрзла; заиндевелившая; заиндевелила; подмоченная; мокрая; намочла; подпаленная; обожжённая; заколдованная; свежая; то ли будущая, то ли прошедшая; вымазана; лунная; испытанная, текущая; сквозная; кашемирская борода [3], бурная; лёгкая; была помята; поредела; светла; взмокла, сгорела; звенела; вылезла наружу; торчала кверху; отвалилась; поседела; побелела; впушилась; перестала быть зелёной; блестя; порозовела; стала длиннее; протянулась; пропиталась; потемнела и стала лосниться; покраснеет; залоснена к шее.

Во фразеологических словарях русского языка обнаружено 10 фразеологических единиц, содержащих лексический компонент «борода». Выделим их значения:

1. *Смеяться в бороду. Посмеиваться в бороду* – смеяться незаметно, старясь скрыть смех, подшучивая или не раскрывая какое-то знание, коим обладатель бороды владеет. Может означать выражение недоверия. Как отмечается в Современном универсальном словаре русского языка, «смеяться громко считалось неприличным, поэтому мужчины, сдерживая смех, прикрывали рот ладонью, делая вид при этом, что поглаживают бороду» [1].

2. *Анекдот с бородой* – старый, неоднократно слышанный анекдот или история. «Если случалось мне или ему повториться — тут же

раздавалось: «Было!» или «Борода!» Приходилось начинать новый анекдот», – вспоминает Евгений Весник в книге «Дарю, что помню».

3. *Синяя борода* – многожёнec-тиран. Человек, жестоко относящийся к женщинам. Плохо выбритый мужчина. Сочетание восходит к французской народной сказке, литературный вариант которой создан Шарлем Перро.

4. *Поглаживать бороду* – выражать хорошее настроение, недоверие, знак задумчивости и размышления. Мусульмане постоянно поглаживают бороды во время молитвы. Однообразное движение свидетельствует о спокойном расположении духа.

5. *Не видеть своей бороды* – клятвенное заверение в том, что обещание будет непременно исполнено.

6. *Борода с ворота, а ум в прикалиток* – глупый человек. Ворота, широкие и высокие предназначены для въезда гружёного гужевого транспорта, а прикалиток узкий, предназначенный только для пешего человека: «женина родня ходит в ворота, мужнина в прикалиток».

7. *По бороде Авраам, а по делам Хам* – о благопристойно выглядящем, но недобропорядочном человеке. Выражение имеет библейское происхождение.

8. *Мидасов брадобрей* – болтливый человек, человек, не умеющий хранить тайну. Выражение родилось из легенды о фригийском царе Мидасе, которого Аполлон за то, что Мидас признал его побеждённым в споре с Паном, наделил фригийского царя ослиными ушами, о которых знал только брадобрей Мидаса. Мучаясь оттого, что тайну царя необходимо хранить, брадобрей выкопал яму и прошептал в неё: «У царя ослиные уши!» Из ямы вырос тростник, который поведал тайну всему свету. Или – второй вариант – из тростника мальчик-пастушок сделал дудочку, которая запела голосом брадобрея.

9. *Ни уса, ни бороды, ни сохи, ни бороны* – о человеке очень бедном, не имеющем не только необходимого, но и естественного. Соха и бороны здесь выступают как орудия, необходимые для жизнеобеспечения, а усы и борода, как признак природной силы и зрелости человека. Также часть данного выражения в её отдельном употреблении – *Ни уса, ни бороды* – обозначает молодость, неопытность.

10. *Ты с бородой, да мы с усами* – обозначает соперничество в антонимической паре «оплошность – расторопность» или «спорка – непригодность».

Воровские жаргонные выражения «расчёсывать королю бороду, поддержать короля за бороду, подрезать бороду», по свидетельству Фимы Жиганца, относятся к игре в карты.

1. *Расчёсывать королю бороду* или *почёсывать королю бороду* означает играть в карты на деньги. Изображается карточный король с бородой: «выражения, связанные с королевской бородой, относятся к карточной игре. Как вы знаете, монархи на картах изображаются бородатыми. Эту деталь блатной мир подметил своим острым взором и использовал в жаргоне» [5]. При этом автор очерка «Забавы с королевской бородой» отмечает: «в классических арестантских картах... вообще нет картинок! Ни бритых валетов, ни расфуфыренных дам, ни обросших густой растительностью монархов. Одни лишь замысловатые узоры. Так что на арестантских «стирах» (картах) королей держат не за что» [5].

2. *Подержать (держать) короля за бороду* – играть в карты, выиграть в карты. Нередко о хорошем «исполнителе» (то есть опытном картёжнике) говорят: «он крепко держит короля за бороду» – то есть ему сопутствует в игре фарт, удача.

3. *Подрезать бороду* – обыграть в карты. «Один арестант может побратски предупредить другого:

– Ты гляди, с Севочкой не садись катать (то есть играть – авт.): он тебе сходу бороду подрежет! *Подрезать бороду* – обыграть в карты. Возможно, поначалу это было связано с оборотом «держат короля за бороду»: вроде крепко держал, а бородёнку глядь – и подрезали! Но нынче уже подразумевается не королевская борода, а волосатая пакля неудачливого картёжника» [6].

Таким образом, в русском языке можно выделить следующие значения фразеологизмов: сокрытие чего-либо; что-либо старое, устаревшее; жестокость по отношению к женщинам; выражение настроения; клятвенное заверение; противопоставление зрелости, добропорядочности и уму; соперничество; признак зрелости и природной силы человека; карточная фигура; удача, везение, фарт.

В русском языке слово «борода» имеет обширное культурологическое значение. Нами выделен диапазон значений словарных определений, фразеологического состава и речевого использования лексемы «борода» и фразеологизмов, включающих данную лексему в русском языке. На основании анализа материала Национального корпуса русского языка выделены следующие группы характеристик «бороды» в русском языке: признак, свойство, тон, цвет, размер, предел, форма, сравнение, естественность-искусственность, материал, запах, оценка, действие, ухоженность.

ЛИТЕРАТУРА

1. Алабугина, Ю. Современный универсальный словарь русского языка. 6 словарей в одном / Ю.В. Алабугина, О.А. Михайлова, Л.А. Субботина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://books.google.ru/books...PA527&dq=>. – Дата доступа: 21.12.2017.
2. Бирих, А.К. Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник / А.К. Бирих, В.М. Мокниченко, Л.И. Степанова. – СПб.: Фоллио-Пресс, 1999. – 704 с.
3. Даль, В. Толковый словарь живого великорусского языка / В. Даль // Толковый словарь Даля онлайн [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovardalja.net/>. – Дата доступа: 10.01.2018.
4. Елистратов, В.С. Толковый словарь русского сленга / В. С. Елистратов. – М.: АСТ-ПРЕСС КНИГА, 2010. – 672 с.
5. Ефремова, Т. Ф. Новый словарь русского языка. Толково-словообразовательный: Св. 136000 словарных статей, около 250000 семантических единиц: в 2 т. / Т. Ф. Ефремова. – М.: Рус. яз., 2000.
6. Жиганец, Ф. Забавы с королевской бородой / Ф. Жиганец // Проза.ру [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.proza.ru/2003/06/25-131. – Дата доступа: 22.12.2017.
7. Кузьмина, О.Е. Сплетаем жарелье, сплетаем брасники. Народное творчество / О.Е. Кузьмина // Ржевское узорчье [Электронный ресурс]. – 2003. Режим доступа: <http://xn--80aa2bkafhg.xn--p1ai/article.php?nid=3431>. – Дата доступа: 27.12.2017.
8. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон – М.: Русские словари. 1994. – Т. 1. – 819 с.
9. Михельсон, М.И. Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний: в 2 т. / М.И. Михельсон – М.: Русские словари. 1994. – Т. 2. – 936 с.
10. Ожегов, С.И. Словарь русского языка: Ок. 57 000 слов / С.И. Ожегов; под ред. Н.Ю. Шведовой. – 15-е изд. стереотип. – М. : Рус. яз., 1984. – 816 с.
11. Ремизов, А.М. Взвихрённая Русь / А.М. Ремизов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: rvb.ru/remizov/ss10/...rus/355.htm. – Дата доступа: 22.12.2017.
12. Славянские древности: этнолингвистический словарь в 5-ти томах/Под ред. Н.И. Толстого. – Т. 1: А–Г. – М.: Междунар. Отношения, 1995. – 584 с.
13. Тупикив, Н.М. Словарь древнерусских собственных имён / Н.М. Тупикив [Электронный ресурс]. – Режим доступа: padaread.com/?book=37143&pg=70. – Дата доступа: 22.12.2017.
14. Ушаков, Д.Н. Большой толковый словарь современного русского языка / Д.Н. Ушаков [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ushakovdictionary.ru/>. – Дата доступа: 22.12.2017.
15. Фасмер, М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. / М. Фасмер; пер с нем. и доп. О.Н. Трубачева. – 4-е изд., стер. – Т. 1 : А–Д : ок 4000 слов. – М.: Астрель: АСТ, 2007.– 588 с.

16. Фразеологический словарь русского языка: свыше 4000 словарных статей / Л.А. Войнова [и др.]; под ред. А.И. Молоткова. – 4-е изд., стереотипн. – М.: Рус. яз., 1986. – 543 с.

17. Яранцев, Р.И. Русская фразеология. Словарь-справочник: ок. 1500 фразеологизмов / Р.И. Яранцев. – М.: Рус. яз., 1997. – 845 с.

18. Чарская, Л. Царевна Лядинка // Л. Чарская [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://az.lib.ru/c/charskaja_1_a/text_0120.shtml. – Дата доступа: 20.12.2017.

19. А ты такой, красивый с бородой», или Чего только не придумают мужчины, чтобы не дарить букеты» // Ярмарка мастеров [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.livemaster.ru/topic/1953747...chego>. – Дата доступа: 20.12.2017.

20. Национальный корпус русского языка [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ruscorpora.ru/>. – Дата доступа: 23.12.2017.

К ВОПРОСУ О ДЕСЕМАНТИЗАЦИИ КУЛЬТУРНЫХ КОНЦЕПТОВ

ABOUT THE DESEMANTIZATION OF CULTURAL CONCEPTS

Е.А. Дичковская

К.А. Dzichkouskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Dzichkouskaya@bsu.by

Целью данной рефлексии является изучение факторов и механизмов процесса десемантизации, влияющих на изменения содержания семантического поля культурного концепта. Необходимость исследований процесса десемантизации в культурном пространстве обусловлена рядом причин. Во-первых, в науке наблюдается тенденция выделить семантическую вертикаль изменения культурных смыслов, описать и интерпретировать отдельные культурные процессы с акцентом на их специфические особенности, а также стремление их исследовать в типологическом ракурсе. Во-вторых, выпадая из строгого регламента сосюрховской системности, данный семантический сдвиг представляет собой своеобразное «черное пятно» в пространстве языковой и культурной картины, поэтому изучение вопроса десемантизации определяет решение ряда общетеоретических и методологических проблем относительно принципов и методов семантических исследований в науке. В-третьих, исследование процесса десемантизации культурных концептов включает изучение вопроса о

смыслоемкости и смысловой самостоятельности культурного концепта, и способах определения границ его семантики.

Традиционно термин «десемантизация» относится к области лингвистики и обозначает полную или частичную утрату семантического значения слова. Для данного явления используется также термин, предложенный Георгом Габеленцем, – «семантическое обесцвечивание».

Проблеме десемантизации посвящены в основном работы в области лингвистики. Однако, анализ научной литературы по данной тематике свидетельствует о том, что, несмотря на малую изученность данного явления в науке, процесс десемантизации лежит в сфере интереса научного знания, имеет междисциплинарную природу и является одной из междисциплинарных категорий.

Структура языка не изоморфна структуре мысли, то есть каждая идея или изображение не соответствуют однозначной семантике определенной языковой единицы. В этом смысле семантическое поле культурного концепта включает в себя лексическое и ассоциативное поля. Триангуляция, обусловленная языком, мыслью и реальностью, всегда казавшейся чрезвычайно взаимосвязанной, является сферой различных компетенций, предъявляя требования к использованию междисциплинарного подхода в описании процессов десемантизации. В связи с этим, закономерен интерес к исследованиям процесса десемантизации в традиционной культуре.

Выделение процесса десемантизации культурных концептов в принципе невозможно без опоры на показания языкового сознания, что логично объясняет использование комплексного подхода к изучению процесса.

Процессы десемантизации можно наблюдать в пространстве традиционной культуры сквозь призму экспликации культурных концептов на фрагмент культуры. Семантическое поле культурного пространства состоит из мозаики культурных смыслов, ценностей и символов. Семантическая интерпретация культурного пространства описывает «символическое миропонимание, символизм предстает как особый тип познания/понимания, постигающий духовную сущность мира, позволяющий соотносить эмпирический уровень реальности с ее смысловым уровнем» [1, с. 33].

Десемантизация как термин культурологии – это семиотический феномен изменения семантики культурного пространства, процесс, вследствие которого содержательное наполнение семантического поля концепта утрачивает культурный смысл, отдельные его черты или целые комплексы. Процессы десемантизации сопровождаются

частичной или полной потерей культурного значения, связанной с потерей, уменьшением или редукцией смысла культурного концепта. При утрате всех конкретных признаков семантического поля культурного концепта мы имеем дело с полной десемантизацией.

Десемантизация представляет собой механизм, направленный на переосмысление и расширение семантических функциональных границ культурного элемента, что ведет к развитию новых смыслов и форм культуры.

Значение термина «концептуальная картина мира» не совпадает со значением термина «лингвистическая картина мира». Концептуальная картина мира состоит из множества уровней знаков, в которых выделяются свойственные языку и культуре процессы десемантизации. В концептуальной картине мира знания накапливаются в процессе обучения, включая процессы заучивания, называния и осваивания. Основным элементом концептуальной картины мира является культурный концепт, выступающий в качестве принципа организации сознания, и, объективирующийся индивидуально на вербальном и невербальном уровнях. Вербализация концепта осуществляется при помощи репрезентации языковых средств.

В концептуальной картине мира посредством языка и культуры зафиксирован аксиологический характер концепта, анализ которого помогает выявить ценности и особенности менталитета носителя определенной лингвокультуры.

Десемантизация культурного концепта – это утрата его первоначального смысла, изменение этого смысла или переинтерпретация данного содержания в общественном сознании, а также результат этого процесса как способ развития значения слова. Культурные явления могут упрощаться, происходят некоторые культурные изменения, однако они не выходят за рамки изменения концептуальной картины мира и, как следствие, – языковой.

Семантический сдвиг в структуре культурного концепта затрагивает его обобщённую внутреннюю эмотивно-аксиологическую форму, общий ядерный смысл.

Несмотря на то, что семантическое пространство культурного концепта весьма широко, значения культурных явлений характеризуются неподвижностью, большой устойчивостью и наличием потенциала и силы сопротивляемости эволюционным процессам. Однако, на протяжении истории содержание культурного концепта все же претерпевает семантические изменения, что приводит к изменениям его содержательно-смыслового наполнения, размывая его семантические границы.

В разные исторические периоды отчетливо проявляются моменты культурной динамики, которые, на наш взгляд, являются, в той или иной степени, естественной реакцией имманентного и синергетического культурного процесса, приводящие к изменениям в содержании самой культуры и языковом сознании народа. Так, по наблюдению Бодрийяра, «всё сущее продолжает функционировать, тогда как смысл существования давно исчез» [2, с. 12].

Реализацию механизмов десемантизации можно проследить в дихотомии – диахроническом и синхроническом плане, определяя степень десемантизации и степень экспансии культурного концепта.

Методология выявления процесса десемантизации может включать различные приемы. К одному из них относится деконструкция, акт разделения концепта на отдельные части для лучшего понимания его смысло-содержательного наполнения, включающий дескриптивное описание концепта, смысл которого представляет его содержание.

Десемантизация не является монотонным процессом. Анализируя изменения в семантическом поле концепта можно выделить алгоритмизирующую цепочку, состоящую из четырёх основных компонентов, лежащих в основе процесса десемантизации: семантическое обесцвечивание, расширение значения, сужение значения и переосмысление. Очевидно, что стирание семантических полей приводит к переосмыслению и появлению новых культурных смыслов, что ведет к образованию новых семантических полей. Утрачивая некоторые или все компоненты смысла, культурный концепт переживает генерализацию значения.

Процесс десемантизации культурного концепта обусловлен единством внутренних (лингвистических) и внешних (экстралингвистических) факторов. При определении специфики функционирования анализируемого процесса десемантизации важно выявить соотношение лингвистических основ с экстралингвистическими. Несмотря на то, что лингвистические и экстралингвистические факторы комплексно определяют специфику процесса, тем не менее, очевидно, что влияние экстралингвистических факторов обуславливает собственно лингвистические факторы.

Изучение процесса десемантизации в единстве лингвистических и экстралингвистических факторов демонстрирует возможность их исследования на стыке нескольких научных дисциплин благодаря взаимообусловленности составляющих его аспектов с апеллированием к сведениям из смежных наук.

Проблема выделения процесса десемантизации тесно связана с вопросом происхождения языкового выражения культурного

концепта, в связи с этим, осуществляется анализ их источников не только в синхронном, но и диахронном аспектах.

Методика выделения внутренних факторов, лежащих в основе семантического сдвига, включает анализ истории языковой единицы, ее внутренней формы, когнитивного и лингвокультурологического аспектов.

Исследование процесса десемантизации не может быть отделено от этимологического исследования культурного концепта в купе с феноменологией событий и времени.

Для выделения внутренней формы культурного концепта как базовой среди лингвистических факторов, составляющих основу исследования функционирования процесса десемантизации, используется шкала членимости и мотивированности культурного концепта. Десемантизированные единицы характеризуются разной степенью и характером мотивированности. Выделяют следующие виды мотивированности: формальную, ассоциативную, метафорическую и фразеологическую. Вопрос о членимости языковых единиц целесообразно решать в зависимости от решения вопроса об их мотивированности.

В словах – языковых единицах, характеризующихся утратой мотивационного значения при сохранении мотивационной формы, наблюдается противоречие между сохранившейся мотивационной формой и лексическим значением слова.

Лингвистические причины процесса десемантизации, обусловленные изменением внутренней формы языковой единицы, следующие:

1) ослабление фактора информативности мотивационного признака внутренней формы слов, вызванной малой информативностью или неинформативностью мотивационного признака;

2) неактуальность мотивационного признака, что создает вероятность субъективного видения предмета, его оценки;

3) деактуализация изначально информативного мотивировочного признака, переоценка его «актуальности», обусловленной влиянием общекультурных факторов и идеологической сферы, мотивированный признак становится неактуальным для носителя определенного языкового сознания;

4) деактуализация мотивировочного признака, угасание мотивационных отношений, когда мотивировочный признак не осознается говорящими по причине утраты, исчезновения и забвения национальных культурных традиций, «мотивировочный признак может утрачиваться в процессе функционирования лексических единиц,

возможно новое осмысление внутренней формы, мотивировочного признака в зависимости от нового осмысления действительности» [3, с. 274];

5) архаизация мотивирующего или одного из значений мотивирующего существенным образом может влиять на состояние мотивированности в слове [3].

База внешних факторов, лежащих в основе экстралингвистической сферы, представлена комплексом социально-политических, психолого-культурологических, исторических, экономических, религиозных и других факторов, имеющих в своем составе непостоянные и меняющиеся со временем компоненты, которые определяют специфику функционирования исследуемого явления, оказывая влияние на лингвистическую составляющую процесса десемантизации.

Говоря о многообразии причин появления процесса десемантизации в культурном пространстве необходимо отметить, что каждый культурный концепт обусловлен действием определенного набора факторов из различных сфер, среди которых как лингвистические, так и культурно-исторические факторы (политические, религиозные, бытовые, идеологические и т.д.). Лингвистические и культурно-исторические факторы действуют параллельно, однако в различных соотношениях в каждом конкретном случае, что делает вопрос о состоянии мотивированности в слове достаточно сложным.

На протяжении истории содержание культурного концепта, претерпевая радикальные изменения, наполняется десемантизированным особым смыслом. Смысл не уходит вникуда – он просто обретает иную, онтологизированную категориальность.

К причинам десемантизации одного из значений культурного концепта относится невысокая степень реализации символической функции самого концепта.

Экстраполяция концепта на культуру затруднена серьезной деформацией семантики традиционной культуры, множественностью возникающих значений и размытостью смыслов.

Природа семантического сдвига выражает тонкую и сложную диалектику, моделирующую возникновение и гармонизацию представлений о культурных ценностях и символах.

Процессы десемантизации вызваны изменениями условий жизни сообщества, его социально-экономической структуры и политического строя либо его места в общественной системе, изменениями общественного сознания сообщества, выражающихся в изменениях его системы ценностей.

Современные процессы глобализации влияют на традиционную культуру, преобразовывая ее внутреннюю интенцию, изменяя ее смысло-содержательное поле, наделяя ее новыми значениями. Глобализационные процессы, экспансия массовой культуры ведут к десемантизации традиционной культуры. Средства массовой информации оказывают влияние на развитие локальных культур, принуждая и обязывая их развиваться в русле общих тенденций глобальной культуры, тем самым десемантизируя уникальные смыслы культурных процессов. В условиях единого информационного пространства локальным культурам достаточно тяжело претендовать на уникальность, потому что они вынуждены развиваться в русле общих тенденций «глобальной культуры».

Важно отметить, что процессы десемантизации не всегда являются отрицательным явлением.

Таким образом, непосредственные причины процесса десемантизации лежат в лингвистической и экстралингвистической сферах. Актуальность данного явления заключается в универсальном способе переосмысления смысло-содержательного наполнения культурных концептов. Процесс десемантизации культурных концептов обусловлен совокупностью различных внутренних и внешних факторов, действующих как в языковой, так и во внеязыковой сферах, и переплетенных столь тесно, что квалификация состояния мотивированности каждого конкретного концепта требует определения своего уникального «набора» факторов десемантизации из различных сфер.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белая, И.А. Числовая парадигма как выражение логоса сознания и культуры / И.А. Белая // Актуальные проблемы социальной коммуникации: Материалы третьей Всероссийской научно-практической конференции / Нижегородский гос. техн. ун-т им. Р.Е. Алексеева. – Нижний Новгород: Изд-во Нижегородского государственного технического университета, 2012. – С. 31-33.
2. Бодрийяр, Ж. Прозрачность зла / Ж.Бодрийяр // Пер. Л. Любарская, Е. Марковская. М.: Добросвет, 2000. – 257 с.
3. Чанчина, А.В. Лингвистические факторы десемантизации корня / А.В. Чанчина // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. – 2009. – № 1, С. 272–275.

**К ВОПРОСУ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ
КОРРЕКТНОСТИ
В АНГЛИЙСКОМ И НЕМЕЦКОМ ЯЗЫКАХ
ON POLITICAL CORRECTNESS ORIGIN IN THE ENGLISH
AND GERMAN LANGUAGES**

*З.И. Канапацкая, Е.А. Дичковская
Z.I. Kanapatskaya, K.A. Dzichkouskaya*

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь
Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: KanapZI@bsu.by; Dzichkouskaya@bsu.by

Движение за политическую корректность представляет собой широкое общественно-политическое течение, сформировавшееся в англоязычных странах в 60-70-е годы и продолжающее играть заметную роль в идеологии, культуре, образовании и других сферах общественной жизни. Оно было порождено взлетом социальной активности, охватившей в послевоенный период все мировое сообщество и приведшей к усилению борьбы за права человека. В Европе и Америке требования радикальных перемен исходили от тех социальных групп, которые оказались по тем или иным причинам неудовлетворенными своим экономическим положением, ущемленными в правах, дискриминируемыми по расовым признакам, сексуальной ориентации или по признаку пола.

Тенденция политической корректности родилась в связи с «восстанием» африканцев, возмущенных «расизмом английского языка» и потребовавших его «дерасиализации» («deracialization»). Основное требование этого явления: убрать из языка все те языковые единицы, которые задевают чувства, достоинство индивидуума, найти для них соответствующие нейтральные или положительные эвфемизмы. К ним, в свою очередь, позже присоединились другие этнические группы, сексуальные меньшинства, сторонники охраны окружающей среды, лица с физическими и умственными недостатками, защитники прав животных и представители прочих социально уязвимых групп.

Именно в это время начал радикально меняться состав американских высших учебных заведений. Если прежде студентами в основном были белые мужчины, то теперь доступ к высшему образованию получило значительное число женщин и представителей чернокожего и испаноговорящего населения Америки. По разным

оценкам, к концу прошлого столетия 55% всех американских студентов составляли женщины и 20% - африканцы и испаноговорящее население [3, с. 98]. Именно изменение качественного состава университетов привело к тому, что во многих из них, не исключая самые престижные, стали пересматриваться учебные планы и вводиться речевые и поведенческие кодексы. Одновременно предпринимались усилия по созданию нового, политически корректного языка, который должен быть чуток по отношению к традиционно притесняемым слоям общества. Традиционно притесняемыми было предложено считать: национальные меньшинства (и прежде всего чернокожее население Америки), женщин, людей с ограниченными физическими возможностями и представителей сексуальных меньшинств. Так наметились основные цели и задачи политической корректности, а именно борьба с различного рода дискриминацией, в особенности дискриминация по признаку расы, пола или сексуальной ориентации. При этом необходимо отметить, что борьбу предполагалось вести как на политическом поприще, добиваясь отмены дискриминационных законов и правил, так и в языковой сфере, неустанно работая над созданием новой терминологии.

Термин «политическая корректность» («political correctness») был впервые предложен Карен де Крау (Karen de Crow), президентом Американской Национальной организации в защиту прав женщин 'National Organization for Women'. Авторитетный американский словарь относит возникновение термина к 1983 году. С тех пор этот термин, подразумевающий особую манеру поведения, общения, систему оценок, получил широкое распространение сначала в американских студенческих городках-кампусах, а затем стал активно использоваться и во всех остальных сферах. Сегодня политическая корректность – обязательная часть языковой практики западного, в первую очередь, американского общества.

Неудивительно, что это движение, не имеющее равных по размаху и достигнутым успехам в мировой лингвистической истории, началось именно в США. Английский язык как язык мирового общения, международного и межкультурного, используется как средство коммуникации представителями разных народов и разных рас. Вот почему эти народы и расы предъявляют к нему свои требования. США же – особая страна, население которой состоит из представителей самых разных народов и рас, и поэтому межнациональные, межкультурные и межэтнические проблемы здесь стоят особенно остро. В основе политкорректности – весьма положительное старание не обидеть, не

задеть чувства человека, сохранить его достоинство, хорошее настроение, здоровье, жизнь.

Политическая корректность также была призвана способствовать достижению равенства рас и полов за счет так называемой «положительной дискриминации», которая проявлялась бы в речевых и поведенческих кодексах, принятых в том или ином университете. Одним из примеров «положительной дискриминации» является акция, проведенная студентками университета Мэриленда, а именно расклеивание по всему университету списков «потенциальных насильников», в которые были включены все студенты и преподаватели мужского пола. Это пример политической корректности как явления общественной жизни, а сам термин *potential rapist* 'потенциальный насильник', предложенный теми же самыми студентками, – проявление политкорректности на языковом уровне.

Считается, что первоначальное использование термина «политическая корректность» было преимущественно ироничным. Согласно одной из версий, это выражение появилось в виде шутки: радикально настроенные американские студенты часто произносили фразу «Not very politically correct, Comrade!» («не очень политкорректно, товарищ») по отношению к тем своим сокурсникам, которые демонстрировали примеры расистского или сексистского поведения. Отметим, что в английском языке вначале появилось прилагательное *politically correct*, а затем уже и существительное *political correctness* 'политическая корректность' и общепринятая на сегодняшний день аббревиатура PC [3, с. 106].

Трудно точно установить время начала массового употребления политически корректной лексики политиками и общественными лидерами, однако нельзя не согласиться с некоторыми авторами, которые связывают возрастание эвфемизации с развитием в Европе придворного этикета. При европейских королевских и княжеских дворах такие церемониальные формы речи служили для подчеркивания и демонстративного прославления подданными власти и могущества своего государя. Об этом свидетельствует и укоренившееся в немецком языке слово *höflich* 'вежливый'. Даже И.В. Гете, известный своими либеральными взглядами автор «Страданий молодого Вертера», приняв высокий государственный пост в Веймаре, с готовностью подчинился придворному этикету и в своих официальных письмах четко различал между *wohlgeboren* 'благородный' и *hochwohlgeboren* 'высокоблагородный'. Как и табу, нормы этикета очень подвержены влиянию политических и общественных перемен, например, норм вежливости при стирании кастовости в обществе. Например, в

современном немецком языке от *Sie* 'Вы' к более частотному употреблению *du* 'ты'.

В Германии экстралингвистические факторы, поочередно или в комплексе, оказывали и продолжают оказывать очень большое влияние на политическую речь, в целом, и на мотивировку и употребление эвфемизмов, в частности. Такие явления наметились в связи с притоком иммигрантов из стран третьего мира, а также были продиктованы необходимостью войти в Европейский Союз с его открытыми государственными границами без ксенофобии и расизма. Наряду с уже словами *fremd-gastarbeiter* 'рабочий-иммигрант', в число нежелательных попали *asylant* 'беженец', *aus-umsiedler* 'переселенец', а также, вслед за английским языком, появились новые эвфемизмы для названий национальностей, например, *Sinti und Roma = Zigeuner* 'цыгане'. Сегодня в Германии в определенных аудиториях даже нейтральное слово *Jude* 'еврей', единственное для обозначения еврейской национальности, вызывает гневные обвинения в расизме.

По мнению немецких лингвистов, распространение «политической корректности» ведет к возникновению, в лучшем случае, «новой цивилизованности», в худшем - надежного репрессивного аппарата: в университетах США уже широко практикуется цензура «политической корректности». Известен случай с писателем С. Рушди, который вынужден был скрываться от мести религиозных фанатиков; а в английском Бирмингеме, чтобы не оскорблять чувства представителей других религий, из рождественского облика города исчез Санта-Клаус [2, с. 76]. «Политическая корректность» по специфическим для немцев причинам вряд ли получит такое же распространение в Германии, как в США. Однако, если широкие слои немецкого общества, например, в порыве европейской интеграции все же воспримут этот новый кодекс речевого поведения, мы станем свидетелями многих интересных явлений в лексике немецкого языка и культуре Германии.

Однако практически сразу же после своего появления на свет политическая корректность приобрела как многочисленных сторонников, так и противников. Если в середине – конце 80-х годов прошлого столетия политическая корректность рассматривалась скорее как положительная тенденция, то с начала 90-х в ее адрес поступает все больше критических замечаний и негативных оценок. Сторонники утверждали, что в век массовой коммуникации политика языка приобретает чрезвычайное значение. Противники же говорили, что подобные устремления зачастую приводили к тому, что принято называть «вербальной гигиеной», к созданию «полиции мыслей» и появлению так называемого «новояза» взамен общепринятого языка.

Утверждалось также, что невозможно решить проблемы традиционно притесняемых слов населения, заставив всех негров именовать «афроамериканцами», а инвалидов – «людьми с ограниченными физическими возможностями». Точно так же замена всех сексистских терминов новыми, политкорректными, не заставит работодателей оплачивать женский труд наравне с мужским [3, с. 102],

Более того, с точки зрения критиков политически корректные термины означают во многих случаях стремление уйти от решения насущных и не всегда приятных проблем. Тем не менее, культурно-поведенческая и языковая тенденции прочно закрепились в развитых англоязычных странах, а социокультурные эвфемизмы прочно закрепились в английском языке [4, с. 82].

Таким образом, влияние политической корректности на жизнь общества было не только и не всегда негативным. Сама идея более бережного отношения людей друг к другу, попытка создания языка, который был бы более чуток по отношению к традиционно притесняемым слоям общества, является позитивной. Не случайно многие из политкорректных терминов прижились в английском языке и через него проникли в другие языки и культуры, в том числе и в немецкий.

Политическая корректность языка выражается в стремлении найти новые способы языкового выражения взамен тех, которые задевают чувства и достоинства индивидуума, ущемляют его человеческие права привычной языковой бестактностью и/или прямолинейностью в отношении расовой и половой принадлежности, возраста, состояния здоровья, социального статуса, внешнего вида и т. п.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ариштейн, В.М. Движение за «политическую корректность» и его языковая позиция / В.М. Ариштейн // Языковая система и социокультурный контекст. – СПб., 1997. – С. 36–54.
2. Базылев, В.Н. Языковые императивы «политической корректности» / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. – Екатеринбург: УрГПУ, 2007. – № 3(23). – С.8-10.
3. Палаженко, М.Ю. Политическая корректность в системе высшего образования: за и против. / М.Ю. Палаженко // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2002. – № 4. – С. 97 – 107.
4. Палаженко, М.Ю. К вопросу о политической корректности, настоящей и мнимой, и политику двойных стандартов / М.Ю. Палаженко // Вестник Московского университета. Сер. 19, Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2004. – № 1. – С. 81-89.

**ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА
ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С ЗООНИМАМИ В АНГЛИЙСКОМ
И РУССКОМ ЯЗЫКАХ**

**LINGUOCULTUROLOGICAL SPECIFISITY OF IDIOMS WITH
ZONYMS IN THE ENGLISH AND RUSSIAN LANGUAGES**

Е.С. Стрункова, А.А. Косенко

L.S. Strunkova, A.A. Kosenko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: lzvtstrnkv@gmail.com

Актуальность исследования обусловлена неразработанностью многих вопросов, связанных с человеческим фактором в языке. В современном мире коммуникации, когда люди различных стран приобретают все большую возможность широкого общения, необходимо знать стилистические, образные средства языка, который является средством общения. Разработка данной проблематики представляется перспективной для выявления национально-культурных особенностей русских и английских фразеологизмов, что позволяет увеличить словарный запас и обогатить, таким образом, свою речь.

Цель исследования – выявить лексическую специфику фразеологизмов с зоонимами в русском и английском языках.

Для достижения цели поставлены следующие **задачи**:

- рассмотреть понятие «фразеологизм» и взаимосвязь культуры и языка (на примере фразеологизмов с компонентом-зоонимом);
- сравнить зоонимическую лексику, представленную в рассматриваемых фразеологизмах двух языков;
- выявить соответствия между фразеологизмами с зоонимами в русском и английском языках;
- определить причины лингвокультурологических сходств и различий в исследуемых идиомах двух языков.

Объект – фразеологизмы с зоонимами в русском и английском языках. **Предмет** – лингвокультурологические особенности фразеологизмов с зоонимами в двух языках. **Материал исследования** составили 150 фразеологизмов на английском и 150 фразеологизмов на русском языках. **Источники материала**: «Фразеологический словарь русского языка» А.И. Молоткова и электронный словарь Idioms

Abbyu Lingvo. **Методы**, использованные в исследовании: анализ материала, сравнение, количественный метод, обобщение.

Фразеология – это раздел науки о языке, изучающий фразеологическую систему языка в ее современном состоянии и развитии. Предметом изучения фразеологии как раздела языкознания является исследование природы фразеологизмов и их категориальных признаков, а также выявление закономерностей функционирования их в речи. Таким образом, эта наука изучает фразеологические обороты – устойчивые сочетания слов, аналогичные словам и воспроизводимые в качестве готовых и целостных единиц. Н.М. Шанский дает следующее определение фразеологизма: «Фразеологизм, фразеологическая единица, – общее название семантически несвободных сочетаний слов, которые не производятся в речи, а воспроизводятся в ней в социально закреплённом за ними устойчивом соотношении смыслового содержания и определенного лексико-грамматического состава» [2, с. 7]. Отличительные признаки фразеологизма – устойчивость, воспроизводимость, семантические сдвиги в значениях лексических компонентов.

В действительности язык играет активную роль, воспроизводя логическую мысленную картину мира, внося в нее своеобразные коррективы, накладывая на понимание свой след. В сознании появляется лингвистическая картина мира. Она варьируется от языка к языку. Поэтому механизм языкового выражения в действительности не может быть единым для всех языков. Различие в лингвистической картине мира, отсутствие названий определенных предметов и явлений, существующих в одной культуре и не имеющих аналогов в другой, ведет к отличию в языковом понимании.

В современном языкознании взаимная связь языка и культуры не вызывает сомнений. Каждый язык неотделим от культуры, которая составляет его содержательный аспект. Язык не только сиюминутно отражает современную культуру, но и фиксирует ее предыдущие состояния и передает ее ценности от поколения к поколению.

Фразеологизмы были и остаются в языке на протяжении всей его истории. Во фразеологии запечатлен богатый исторический опыт народа, в ней отражены представления, связанные с трудовой деятельностью, бытом и культурой людей.

Изменяясь во времени, национальный язык как социально-историческая категория никогда не теряет своей конкретной сущности, что позволяет ему сохранить важное свойство передачи от поколения к поколению культурно-исторических традиций. Национальный характер проявляется в отражении особенностей природы, быта, обычаев,

истории и культуры, главным образом в строевых единицах языка, к которым мы относим и фразеологизмы.

Фразеологизмы могут отражать национальную культуру тройким образом:

1) комплексно, т.е. своим идиоматическим значением. То есть именно носитель языка, опираясь на знание своей национальной культуры, может правильно дешифровать представления, положенные в основу фразеологизма.

Например: *get on the high horse* – «держаться высокомерно». Это выражение взято из военного языка; оно возникло в связи с обыкновением феодалов отбывать военную службу на лучших лошадях в качестве кавалеристов, смотревших свысока на пехотинцев-простолудинов.

2) расчлененно, т.е. элементами своего состава. Обычно так проявляются фоновые схемы тех фразеологизмов, стержневой компонент которых содержит экзотизм для иностранной аудитории.

Например, *Too much pudding will choke the dog*. Это выражение связано с национальной кухней англичан. *One can not run with the hare and run with the hound*. Здесь просматривается многовековая любовь аристократов к охоте и породистым собакам.

3) своими прототипами – свободными словосочетаниями, описывающими определенные обычаи, праздники, подробности быта и культуры, исторические обычаи в жизни народа и многое другое. Именно к этой группе относится большинство анималистических фразеологизмов, рассказывающих о представителях животного мира, исконных спутниках человека, о путях метафорического переноса животного мира на взаимоотношения людей, особенности их быта и обычаев: например, английская идиома *as a hog on ice* и русская как *корова на льду*.

В английских фразеологизмах чаще всего встречаются *собака, птица, кот, лошадь, рыба, овца, петух и корова*. В русских идиомах наиболее частыми являются *кошка, собака, муха, коза, курица, мышь, медведь, заяц*.

Проводя частотный анализ анималистического компонента в русских и английских фразеологических единицах, нельзя не обратить внимания на сходный характер их употребления. Совпадают названия домашних животных:

– **собака** (*a dog in the manger* – *собака на сене*, *dog's death* – *собачья смерть*).

– **кошка** (*a cat has nine lives* – *у кошки девять жизней*, *to live cat-and-dog life* – *жить как кошка с собакой*);

– лошади/кони (*a dark horse – темная лошадка, a Trojan horse – троянский конь*);

– корова (*a milking cow – дойная корова, источник дохода*);

– овца/ ягненок (*a black sheep – паршивая овца*).

Повторяются также названия диких животных: лиса (*as cunning as a fox – хитрый как лиса*); волк (*a wolf in a sheep's clothing – волк в овечьей шкуре*); ворона (*a white crow – белая ворона*).

Только в русских анимализмах из домашних животных чаще всего употребляются коза (*на козе не объедешь «трудно найти подход к кому-либо», драть как сидорову козу*), а также те названия животных, ареалом обитания которых были районы расселения древних славян (медведь). Только английские анимализмы содержат слова гончая (*a publicity hound «любитель саморекламы, хвастун»*) и лев (*great lion «популярный человек», bold as a lion – храбрый как лев*).

Можно выделить следующие группы образных выражений с компонентом-зоонимом в двух языках:

1) фразеологизмы, полностью совпадающие в двух языках (кальки):

Английские фразеологизмы	Русские фразеологизмы
Bird's eye view	Вид с птичьего полета
To live cat-and-dog	Жить как кошка с собакой
A cat with nine lives	У кота 9 жизней
A dark horse	Темная лошадка
A lone wolf	Волк-одиночка

2) зоокомпонент фразеологизма есть в одном языке, его эквивалент в другом отсутствует:

Английские фразеологизмы	Русские фразеологизмы
A bee in one's bonnet	Причуда, навязчивая идея, «пунктик»
A cat in the meal	Тайна, секрет
A copy cat	«обезьяна», человек, подражающий другим
A one-horse show	Гиблое дело
A dolly bird	Нарядная девушка, куколка

3) фразеологизмы присутствуют в двух языках, но зоокомпоненты отличаются друг от друга:

Английские фразеологизмы	Русские фразеологизмы
A pig in a poke	Кот в мешке
A bull in a china shop	Слон в посудной лавке
A bird in the hand	Синица в руке
A fly in the ointment	В бочке меда ложка дегтя
A hornet's nest	Осиное гнездо, пороховая бочка

Говоря о фразеологическом фонде русского и английского языков, хотелось бы отметить, что большинство фразеологизмов несут антропоцентрическую направленность с компонентом зоонимом, т.е. описывают, характеризуют человека. Это связано с тем, что наши предки верили в то, что между животными и людьми существует родство. Каждое племя выбирала себе такого «родственника». Тотемизм был распространен у всех народов, а его пережитки сохранились в религии. Стремясь описать свое поведение, чувства, состояние, внешность и ситуации, в которые он попадал, человек прибегал к сравнению с тем, что было для него ближе всего – животным миром. Поэтому в языках разных народов мы находим большое количество сравнений, пословиц и фразеологизмов, включающих в свой состав зоонимы.

Выводы:

1) В английском и русском языках чаще всего встречаются такие домашние животные, как *собака*, *кот* и *лошадь*. Животные, связанные с особым местом обитания или культурными особенностями, различны для обоих языков: *гончая*, *лев* *медведь*.

2) Фразеологизмы с зоонимами и в русском и английском языках несут в основном антропоцентрическую направленность.

3) В русском и английском языках фразеологизмы с зоонимами либо полностью соответствуют, либо частично, либо не имеют эквивалентов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Молотков, А.И. Фразеологический словарь русского языка / А.И. Молотков. – М.: Советская энциклопедия, 1968. – 543 с.
2. Шанский, Н.М. Фразеология современного английского языка / Н.М. Шанский. – СПб.: Специальная Литература, 1996. – 192 с.
3. Abby Lingvo Live [Electronic resource]. – Mode of access: <https://www.lingvolive.com/en-ru>. – Date of access : 22.12.2017.

**RHETORICAL ROLE OF CULTURAL SYMBOLS
IN DENTISTRY TRADE ADVERTISING**

**РИТОРИЧЕСКАЯ РОЛЬ КУЛЬТУРНЫХ СИМВОЛОВ
В ПРОФЕССИОНАЛЬНО ОРИЕНТИРОВАННОЙ РЕКЛАМЕ
В ОТРАСЛИ СТОМАТОЛОГИИ**

V.G. Kostenko

В.Г. Костенко

Higher State Educational Establishment of Ukraine “Ukrainian Medical
Stomatological Academy”
Poltava, Ukraine

Высшее государственное учебное заведение Украины
«Украинская медицинская стоматологическая академия»,
Полтава, Украина

E-mail: victoriakost20@gmail.com

Advertising is perhaps the most remarkable mass medium of our age.

Jean Baudillard

Nowadays dentistry is described as a well established professional discourse community. Dentistry discourse is an institutional discourse, i.e. it contains “features which are attributed to institutional practice” [5, p. 15]. It encompasses a whole assemblage of activities, practices, events, instruments and settings referring to oral health. Professionals who are working in the dental field have common public goals which are to prevent and control oral and craniofacial diseases, conditions, and injuries, and improve access to preventive services and dental care. Dentistry discourse is far from being a homogenous one-level communication conglomerate of events, practices, situations. This contemplates the development of relevant language ideologies within the field to encourage international communication. Though dental professionals, who are non-English speakers, are quite good at sorting out subject-related technical words, the results of our previous reports have shown they may experience some obstacles in respect to some cultural differences, registered in Pan-Western dental discourse, which they try to adhere being strongly oriented toward the American journals as the USA is recognised as the leader in this field [3, p.109]. Dentistry discourse involves both international and national-specific professional values, corporate interests that promote institutional identity. This culture is passed on within the profession, but sometimes may remain obscure to neophytes. Despite the importance of dentistry as a practice and a science, despite social and anthropological significance of dentistry discourse, it is still one of the least studied phenomena from linguistic,

cognitive, communicative and anthropological standpoints. Therefore, the present study will focus on the usage of the most recognizable cultural symbols in print trade advertising and explore their rhetorical role.

The corpus of trade advertising materials comprises a total of 60 advertisements for dental equipment, devices, products and services published in the following reputable international dental journals as “British Dental Journal”, “Journal of American Dental Association”, “Dentistry Today” as well as various trade brochures, leaflets, booklets from 2013 to 2017.

Companies use advertising as a communication tool between them and consumers, therefore by analyzing and studying consumer buying behaviour and buying preferences companies devise their marketing strategies. Advertising creates and uses cultural symbols as representations of essentially familiar ideas in order to fulfil its fundamental purpose: the selling of goods and services. A cultural symbol is a physical manifestation that signifies the ideology of a particular culture or that merely has meaning within a culture. Cultural symbols can be represented by names of people, situations, texts, utterances, which have been used outside the original discourse for many years. Cultural symbols in advertising can take a number of forms, including corporate artworks, real or fictitious celebrity figures, slogans and all kinds of social stereotypes. The use of cultural symbols in advertising has been the subject of much academic inquiry. Some scholars have explored how advertising creates these symbols, while others have studied the symbols' effects. Within this latter category there are two streams of thought: one argues that advertising manipulates people through such symbols; the other suggests that consumers decode advertising messages through their own experiences and can resist the sales message [1].

Most of the pieces of dentistry trade advertisement studied lay greater emphasis on factual information, thus appealing to logic and reasoning. The appealing to rationality of the target group is implemented by the structure of advertisement texts, in which logo and tag lines may be optional. The texts of dentistry trade advertisements provide sufficient amount of specific factual information about products focusing on their exceptional benefits e.g. functions, ergonomics, typically supported by hard data such as statistics, research results, facts, experts' and customers' opinion. It is a well-known fact that emotional aspects of communication imprint better and last longer, while rational communications are less likely to be absorbed and last only a short time [1]. Therefore, some advertisements are interspersed with symbolic names, for example:

AvaDent Digital Dentures breakthrough, digital, CAD/CAM technology makes all other dentures obsolete.

AvaDent offers you a computer-precise fit never before possible, in as little as two appointments!

If **Steve Jobs** had created a denture, it just might have been an AvaDent Denture

Steve Jobs, the Silicon Valley icon, transformed a foundering computer company into a giant of science, commerce and culture, with a broad influence on movies, music, and social life. His name has become a metaphor for high-tech pioneering, appreciation of clients' needs and expectations, team work. The use of metaphors in advertising expands dimensional thinking of consumers and enhances their responses to advertising.

The Mona Lisa is probably the most recognisable, the most visited, the most written about piece of art in the world. The way Leonardo da Vinci painted this portrait deviated from the traditional way women were painted like this in Italy. Leonardo's approach was Promethean in many aspects and started a trend in portrait painting, which influenced European painting up till 1800s. This masterpiece has stood the test of time and continues to inspire and amaze visitors to the Louvre from around the world. All these strong characteristics are conveyed with the name of the painting that is perceived as a cultural symbol in the following advertising text:

NuSimplicity™ Patient Chair Combines Ergonomic Design and High Technology with Flexibility and Economic Value

Introducing NuSimplicity™. To call it "just another chair" is like calling the **Mona Lisa** "just another painting".

Sometimes symbolic proper names are incorporated in the brand names, for example:

da Vinci Dental Studios for the Smile of a Lifetime

da Vinci Dental Studios is the premier cosmetic laboratory in the nation

Many historians and scholars regard Leonardo as the prime exemplar of the "Universal Genius" or "Renaissance Man". According to art historian Helen Gardner, the scope and depth of his interests were without precedent in recorded history, and "his mind and personality seem to us superhuman, while the man himself mysterious and remote" [3, p. 455]. Da Vinci Dental Studios is also known as the original pioneer in cosmetic dentistry by creating the most beautiful, unbelievable smiles in Hollywood and providing unparalleled technical support and customer service on every case, from a single central to full arch reconstruction to new smile design. Thus, the name of da Vinci in this case means innovative, revolutionary approaches and universalism in providing dental services.

As it has been previously mentioned, artefacts can be regarded as cultural symbols as well. The advertising text describing Estelite Sigma Quick composites, universal, supra-nano filled restorative materials with high

aesthetics designed used for anterior and posterior tooth restoration compares its field-related characteristics like versatility, easiness of use, excellent stability, superior aesthetic and physical properties with Little Black Dress:

The Clinician's Little Black Dress. It's versatile, flattering, and goes with everything. It's ESTELITE® SIGMA QUICK, and it's the new must-have for your composite closet.

The little black dress often nicknamed as LBD is widely known as a sort of a uniform for all women of taste, as a marker of shifting social codes. This simple black cocktail dress is considered essential to a complete wardrobe by many women, even the most sophisticated fashionmongers and fashion observers. To D. Ludot it is “an iconic, magical garment as it enhances a woman's features and erases imperfections” [4, p.12]. Thus, the characteristics of the composite material are metaphorically linked to the markers of such cultural symbol as LBD.

There are plenty of the most memorable and most popular catch phrases originated from pop culture that are widely used in advertising. These phrases are usually short, regularly repeated and easily remembered. We revealed the usage of such sort of phrases in the piece of dentistry trade advertising studied:

Don't Worry. Be Happy with Bib-Eze. Bib-Eze – Disposable Bib Holders. Easy and clean, lightweight, stretchable paper holders, which can easily be removed after the procedure and thrown away with the dirty napkin.

The title of this iconic song by Bobby McFerrin is taken from a famous quotation by the Indian mystic and sage Meher Baba. The phrase “Don't Worry, Be Happy,” is perceived as a motto theme to happiness. The links between disposable bib holders used in daily dental practice and this phrase are implicit for laypersons. But dental professionals are aware of high risk of cross-contamination from patient to patient, and from patient to clinician when using traditional bib clips and holders. Thus, using the Bib-Eze products reduces the likelihood to catch infection; therefore, neither dental doctors nor patients should worry about the possible negative outcomes of the treatment.

Thus, the trend in using cultural symbols and signs regarded as quite effective in commerce advertising is observed to be applicable for dentistry trade advertising as well. These advertisements use the well known artwork quotes as a rhetorical item for enhancing the believability of advertising claims, and for inspiring and influencing the consumers. The study emphasizes that the iconic names, phrases, quotes of artwork possess influential axiological potential. Product diversification and growth may demand a product or brand to be introduced on a global level. To develop

a successful marketing strategy, an organization must take into consideration the cultural influences of the society and cultural background of the target group where a new product is being introduced. Right “reading” of such quotes from artwork requires a pre-established knowledge in the mind of audiences to perceive the message accurately and effectively. Moreover, inserting quotes from cultural symbols into the canvas of the trade advertising texts enables to comprise the text, but not to cut down its meaning content. Products or brands advertized by using the rhetoric studied devices seem to be more sophisticated through the use of metaphors as the attributes of particular symbolic things are transferred onto them. Cultural symbols carry important social meanings that are often used by consumers in enhancing their image in a social context. However, cultural symbols being an effective persuading tool that appeal to both reasoning and emotions are not widely used in English dentistry trade advertisement.

REFERENCES

1. Hetsroni, A. Art in advertising: a cross cultural examination of ads and creatives / A. Hetsroni // *Visual Communication Quarterly*. – Vol. 12 (1–2). – 2005. – P. 58–77.
2. Gardner, H. *Art through the ages*. – Fort Worth: Harcourt Brace College Publishers, 1996. – 1200 p.
3. Kostenko, V.G. Dimensions of dentistry discourse in the scope of applied linguistics / V.G. Kostenko, I.M. Solohor // *Актуальні питання лінгвістики, професійної лінгводидактики, психології і педагогіки вищої школи: збірник статей I Всеукр. наук.-практичн. конференції з міжнар. участю, Полтава, 11 – 12 травня, 2016*. – С. 107 – 112.
4. Ludot, D. *Little Black Dress: Vintage Treasure (Memoire)*. – NY: Assouline Publishing, 2001 – 79 p.
5. Schnurr S. *Exploring Professional Communication: Language in Action*. – London & NY: Routledge, 2012. – 256 p.

ТЕЛЕОЛОГИЧЕСКАЯ МОДАЛЬНОСТЬ В СЕТЕВЫХ ТОК-ШОУ НА РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

TELEOLOGICAL MODALITY IN ONLINE TALK SHOWS IN RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

В.Ю. Костюченко

V.Y. Kastsyuchenka

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: vk-82@tut.by

Модальность является центральной прагматической категорией речевого общения, содержанием которой является оценка тех или иных сторон отношения высказывания к действительности, производимая говорящим. Сложность категории модальности определяется многосторонними связями предложения с действительностью, разнообразными средствами выражения модальных значений, выражением различных модальных значений одной формой, использованием разных форм для выражения сходных модальных значений.

В работе рассматривается телеологическая модальность как одна из категорий модальности. Телеологическая модальность – это модальность цели, она напрямую связана с теорией речевых актов, разработанной логиками Дж. Остином и Дж. Сёрлем. Теория речевых актов продемонстрировала важность учёта подлежащей распознаванию цели (намерения говорящего) для объяснения процессов речевого взаимодействия. Подход к речевому акту как способу достижения человеком определенной цели, рассмотрение под этим углом зрения используемых им языковых средств – главная особенность теории речевых актов. В процессе общения субъект речи не просто строит предложение, а использует эти предложения для совершения таких действий как информирование, просьба, совет, вопрос, приказание, предупреждение. Телеологическая модальность выражается посредством иллокутивных глаголов, в которых скрыта та или иная цель, преследуемая говорящим.

Иллокутивный глагол – это глагол, относящийся к подклассу глаголов говорения и содержащий в своем лексическом значении компоненты, указывающие на цель говорения и те или иные условия осуществления речевого действия. В зависимости от того, чего хочет

говорящий (получить какую-либо информацию, уговорить кого-либо, приказать и т.д.), он целенаправленно выбирает именно такие языковые средства, которые с максимальной точностью выразили бы его интенцию, то есть появление таких языковых средств не случайно, а явилось следствием необходимости различать интенции, которые говорящий осуществляет, произнося то или иное высказывание. «Следовательно, именно потребности говорящих различать намерения партнеров привели к появлению в языках таких глаголов речи, которые как раз и обозначают те или иные коммуникативные намерения» [2, с. 62].

Иллокутивные глаголы используются для описания языка и речи, то есть выполняют метаязыковую функцию. Тот факт, что в любом языке имеются слова и обороты с метаязыковой семантикой, говорит о важности метаязыковой рефлексии и метаязыковой функции речи.

Статья построена на материале ток-шоу как интерактивного жанра сетевой коммуникации. Последние годы отмечаются стремительным ростом количества Интернет-ресурсов, новых средств и форм глобальной сетевой коммуникации, а также усилением социального эффекта Интернета. Ток-шоу как жанр сетевой коммуникации отвечает новым требованиям нашего информационного века, связанным с повышением оперативности, открытости, демократичности, диалогичности и обеспечением обратной связи с аудиторией. Интернет-среда предоставляет платформу для самовыражения и интенсивного социального взаимодействия, соответствует стремлению людей к естественному прямому и открытому общению, что находит непосредственное выражение в речи индивидов. Материалом исследования послужили фрагменты ток-шоу на русском и английском языках (объем фрагментов 2000 слов в каждом исследуемом языке). В текстах были выявлены и охарактеризованы основные модальные значения, и в частности модально-метаязыковые. Все участники интервью являются киноактерами. Для преобразования звуковой записи в письменный текст был использован портал <https://speechpad.ru/>.

В ходе исследования были выделены следующие семантические группы иллокутивных глаголов в исследуемых текстах:

1. Глаголы информирования, передачи сообщения. Эта группа является центральной и одной из самых разнообразных. Цели сообщений могут различаться и, соответственно, разные сообщения по-разному ориентированы на адресата.

2. Глаголы, побуждающие к действию или принятию чьего-либо мнения, точки зрения, запрещающие, предупреждающие. Общая идея

глаголов этой группы – сделать с помощью слов так, чтобы адресат начал думать или делать то, что говорящий считает правильным.

3. Глаголы, выражающие эмоционально-оценочное отношение или состояние.

4. Глаголы, выражающие метаязыковой комментарий к передаваемой или воспроизводимой речи (суждение, характеристика, оценка). Отличительный признак таких глаголов – направленность на речь, слово, высказывание.

Представленность иллокутивных глаголов в исследуемых текстах показана в таблице 1.

Таблица 1 – Иллокутивные глаголы в русских и английских сетевых ток-шоу. Коэффициент насыщенности основных разрядов метаязыковых значений.

Семантические группы иллокутивных глаголов	Ток-шоу на	
	русском	английском
1) сообщение	11	8
2) побуждение	6	5
3) выражение эмоционально-оценочного отношения	2	-
Всего:	19	13

Таким образом, в исследуемом материале насыщенность иллокутивными глаголами выше в русском языке. Как в русском, так и английском языках основными модальными значениями иллокутивных глаголов являются: 1) информирование, передача сообщения; 2) побуждение к действию. Хочется отметить, что в русском языке, в отличие от английского, среди глаголов речи встречаются глаголы с иллокуцией *передача ложной информации* (например, *сказать врать*). Также только в русскоязычных ток-шоу были обнаружены глаголы речи, выражающие эмоционально-оценочные отношения (*безумно благодарить, хвалить*). Глаголы речи, побуждающие к действию, в обоих языках носят довольно мягкий характер (*to encourage* ‘вдохновлять’, *to ask* ‘просить’ *to give advice* ‘советовать’; *приглашать, предлагать*).

Выводы:

1. Телеологическая модальность – это модальность цели, которая выражается с помощью иллокутивных глаголов речи и выступает как средство выражения модально-метаязыковых значений.

2. Как в русском, так и английском материале основными модальными значениями иллокутивных глаголов являются: 1) информирование, передача сообщения; 2) побуждение к действию.

3. В русских сетевых ток-шоу выявлено больше иллокутивных глаголов, они представлены практически во всех метаязыковых значениях и более разнообразны по иллокуции.

4. Только в русскоязычных ток-шоу были обнаружены глаголы речи, выражающие эмоционально-оценочные отношения, а также глаголы с иллокуцией передача ложной информации. Возможно, это говорит о большей открытости и эмоциональности русских людей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ляпон, М.В. Модальность // Лингвистический энциклопедический словарь / Гл. ред. В.Н. Ярцева. – 2-е изд., дополненное – М.: Большая Российская энциклопедия, 2002 – С. 302-304.
2. Мечковская, Н.Б. Философия языка и коммуникации : учеб. пособие / Н.Б. Мечковская. – М. : ФЛИНТА: Наука, 2017. – 520 с.

ОСОБЕННОСТИ СЛЕНГА КОМПЬЮТЕРНЫХ ИГР РУССКОГО И АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКОВ

PECULIARITIES OF COMPUTER GAME SLANG IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

Е.В. Леляго, Д.И. Латышевич

E.V. Letyaha, D.I. Latyshevich

Белорусский государственный университет
Минск, Беларусь

Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: david@spasenie.by

В настоящее время компьютерные и информационные технологии стремительно развиваются, и область компьютерных технологий является первой по количеству появляющихся новых слов. Вместе с этим огромную популярность среди современного поколения набирают множество пользовательских онлайн игр, а их создание способствует появлению и распространению игрового сленга.

Современная лингвистика уделяет все больше внимания понятию сленга и его особенностям. Этим обусловлен выбор сленга компьютерных игр в качестве объекта нашей статьи.

Актуальность работы обусловлена нестабильностью состава данного пласта лексики и необходимостью его изучения.

Цель исследования состоит в определении лингвостилистических особенностей сленга компьютерных игр русского и английского языков.

Для достижения цели были определены некоторые **задачи**:

– рассмотреть понятие «сленг»;

- определить стилистические особенности сленга геймеров;
- выделить основные способы словообразования игрового сленга в русском языке.

Объектом исследования является игровой сленг в русском и английском языках. **Предмет** исследования – словообразовательные и стилистические особенности игрового сленга. **Материал** исследования составили 100 единиц сленга английского и русского языков. **Источником** материала послужил Словарь терминов игры World of Tanks [5]. **Методы**, использованные в исследовании: анализ материала, сравнение, количественный метод.

Сленг является живым организмом, который постоянно изменяется и обновляется. В сленг входят единицы из жаргонов и различных подсистем русского языка. В связи с постоянной изменчивостью сленга невозможно подсчитать количество его единиц.

Сегодня существует множество определений сленга, часто противоречащих друг другу. Например, будет ли входить вся нестандартная лексика в сленг или его состав будет определен только выразительными, ироничными словами, являющимися синонимами литературных эквивалентов? В словарях с пометой «сленг» встречаются группы слов, например: разговорные слова, воровской жаргон, образные слова и выражения, профессионализмы [1].

В словаре New Oxford American Dictionary дается следующее определение понятию «сленг»: *a type of language that consists of words and phrases that are regarded as very informal, are more common in speech than writing, and are typically restricted to a particular context or group of people* [6, с. 1563] («сленг – это язык, состоящий из слов и выражений, которые считаются очень неформальными, которые более свойственны устной речи, чем письменной, и обычно используются в определенном контексте или группой людей»). Согласно Н.О. Орловой, сленг представляется как нелитературная лексика, т.е. слова и сочетания, находящиеся за пределами литературного языка. Сленг возникает и употребляется, прежде всего, в устной речи и является эмоционально окрашенной лексикой. Сленг подразумевает под собой терминологическое поле, набор особых слов и новых значений, которые уже существуют в языке и употребляются в различных человеческих объединениях и группах [3].

Игровой сленг – лексика, употребляющаяся людьми, имеющими непосредственное отношение к видеоиграм в повседневной жизни, заменяющая профессиональную лексику и отличающаяся разговорной, а иногда и грубо-фамильярной окраской.

Ввиду своей особой сферы применения игровой сленг обладает рядом особенностей.

Первой из них выступает краткость. Если обратить внимание на примеры игрового сленга, то они, как правило, состоят из одного, двух или трех слогов: *NPC* 'non-player character, a character controlled by computer'. Нередко в игре победу и поражение определяют несколько секунд, а быстрый обмен информацией между игроками значительно помогает. В качестве примера приведем короткое предложение: *At 10% hp burst*. Если воспользоваться средствами литературного языка для выражения значения предложения, то оно означает следующее: *When he has 10% hit points, do as maximum damage as you can in a short period of time*. Как видно, смысл предложения остался прежним, но предложение значительно увеличилось в объеме [4].

Игровой сленг отличается своей эмоциональностью. Это можно проследить в процессе игры, если оценивается уровень игры того или иного игрока. Если вы играете хорошо, то вас могут назвать *pro* (professional), *imba* (imbalanced), но уже с досадой. Если вы играете плохо, вас могут назвать обидным выражением *newbie* (new beginner), *noob* или *slacker*, что будет очень резким и крайне негативным названием. В процессе игры человек вынужден каким-либо образом выражать свои эмоции. Часто из-за напряженной игры, люди прибегают к использованию нецензурной лексики в силу того, что она является самой эмоциональной [2].

Рассмотрим основные способы словообразования игрового сленга. Они разнообразны и существуют для того, чтобы английское слово было пригодным для использования в русском языке и соответствовало языковым реалиям.

1. Калька. Этот способ означает образование слова или выражения путем буквального перевода иноязычного слова. В этом случае заимствуется произношение, написание и значение. Например: *item* – *айтем* (предмет, артефакт), *bush* – *баш* (удар с эффектом оглушения на короткое время), *ban* – *бан* (блокировка аккаунта на определенный промежуток времени или навсегда).

2. Полукалька. Термин приобретает словообразовательные модели русского языка при переходе из английского языка. Например: *up* – *апать* (повышение или улучшение характеристик техники или отдельных модулей), *defence* – *дефить* (охранять конкретную точку или направление от атаки противника), *counter* – *контрить* (мешать, противостоять чему-либо или кому-либо).

3. Усечение. При использовании данного способа словообразования часть слова отсекается. Например: *screenshot* – *скрин* (снимок экрана),

public – *пуб* (игра, доступ к которой имеет каждый), *critical* – *крит* (критическое повреждение модуля).

4. Аббревиатуры – условные сокращения слов. Например: *AoE* – *Area of Effect* (заклинания по площади), *AFK* – *Away from the keyboard* (отошел от клавиатуры), *BG* – *Bad game* (скучная, плохая игра).

В ходе исследования 100 единиц сленга было выявлено, что наиболее частым способом словообразования русских сленговых единиц является калька (57 единиц), в то время как полукалька является наименее употребительным способом (8 единиц). Это легко объяснить: калька – наиболее простой и быстрый способ образования нового слова, полукальки проходят адаптацию к нормам другого языка, что требует больше речевых и временных усилий. Аббревиатуры русских сленговых слов соответствуют английским аббревиатурам (20 единиц), 15 слов образованы с помощью усечения основы английского сленгового слова. Данный результат тоже закономерен: игровой сленг краток и емко.

Сегодня компьютерные игры все более привлекают пользователей и, вместе с тем, игровой сленг стал особой и неотъемлемой их частью. Игровой сленг значительно облегчает жизнь игрокам, т.к. обладает особыми свойствами. Используя короткие слова вместо длинных фраз, игрок сохраняет время для игры. Такой сленг является кратким и содержательным. Кроме того, его особенностью выступает также эмоциональность, которая возникает вследствие эмоционального напряжения геймеров.

Сленг дает возможность людям из разных стран свободно общаться во время очередной игры и тем самым разрушает языковые барьеры. Игровой сленг получил широкое распространение во всем мире и его часто используют в повседневной жизни. А лексика игрового сленга постоянно обновляется благодаря выходу новых игр.

ЛИТЕРАТУРА

1. Горшков, П.А. Сленг хакеров и геймеров в Интернете: автореф. дис. канд. филол. наук / П.А. Горшков; Мос. гос. обл. ун-т. – М., 2006. – 150 с.
2. Лихолитов, П.В. Компьютерный жаргон / П.В. Лихолитов // Русская речь. – 1997. – № 3. – С. 43-49.
3. Орлова, Н.О. Сленг vs жаргон: проблема дефиниции / Н.О. Орлова // Ярославский педагогический вестник. – 2004. – № 3 (40). – С. 4-8.
4. Рюгемер, В. Новая техника – старое общество: Кремниевая долина / В. Рюгемер. – М.: Политиздат, 1989. – 253 с.
5. Словарь WOT терминов [Электр. ресурс] / Wiki.wargaming.net – Режим доступа: [http://wiki.wargaming.net/ru/Игровые_термины_\(WoT\)](http://wiki.wargaming.net/ru/Игровые_термины_(WoT)) – Дата доступа: 21.01.2017.
6. New Oxford American Dictionary / A. Stevenson and C.A. Lindberg (eds) // Third Edition, Oxford University Press, 2010. – 2096 p.

КАЛІ ПРАВАПІС ЧЫТАЕЦЦА НЕАДНАЗНАЧНА

IF THE SPELLING IS READ AMBIGUOUSLY

В.М. Наумчык

V.M. Naumchik

Рэспубліканскі інстытут прафесіянальнай адукацыі
Мінск, Беларусь

Republican Institute of Vocational Education
Minsk, Belarus

E-mail: viktor_n@list.ru

*А будзе йсці навука туга,
Падгоніць бацькава папруга!*

Я. Колас

У беларускай мове ёсць унікальная літара – “Ў” (нескладовае). Гук, які абазначаецца гэтай літарай, выдзяляе беларускую мову сярод шэрагу іншых моў. «Ў» была ўвекавечана ў граніце 3 верасня 2003 г. падчас дзясятага святкавання «Дзён беларускага пісьменства». Аўтарам кампазіцыі з’яўляецца Ігар Куржалаў – галоўны мастак горада Полацка. Сам помнік быў выраблены на адным з мясцовых прадпрыемстваў. Першапачатковая ідэя помніка належыць беларускаму мастаку каліграфіі, прафесару Паўлу Семчанка. Ў (нескладовае) надае мове непаўторную меладычнасць, характэрную для беларускага гучання – наша мова самая «цудоўная», «напеўная», «няўтратная» і «неўміручая».

Для беларускай мовы літара ў упершыню была прапанавана П.А. Бяссонавым у 1870 г. [1]. У 1874 г. этнограф Павел Шэйн выдае зборнік «Белорусские народные песни». У ім аўтарскі тэкст напісаны па-руску, а аўтэнтычны запіс тэкстаў беларускіх песень – па-беларуску. Тут ва ўсіх выпадках гук [w] перадаецца як ў, напрыклад: *не даў, слаўны, жоўтымь зярномь, а ўзяў вутку, заўтра раненька, нясуць намь бутэлькі поўненькі* [2]. У беларускім пісьменстве літара ў стала ўжывацца з 1890-х гадоў. Але ж як мы зараз ставімся да гэтай літары?

У любой навуцы існуе свой базіс – шэраг асноватворных палажэнняў, на якіх узведзены ўвесь будынак гэтай навукі. Так, напрыклад, класічная механіка грунтуецца на законах Ньютана і прынцыпе адноснасці Галілея. Яе можна выкарыстоўваць для апісання руху вельмі шырокага класа фізічных цел: ад звычайных аб’ектаў макрасвету да аб’ектаў астранамічных памераў і многіх мікраскапічных аб’ектаў. Адна з задач навукі – выпрацоўка і тэрэтычная сістэматызацыя аб’ектыўных ведаў аб рэчаіснасці, аб свеце.

Лінгвістыка – гэта навука пра мову як універсальны інструмент жывых чалавечых зносін. Эцыклапедыі даюць прыкладна такое вызначэнне спецыялістам у галіне лінгвістыкі: «Лінгвістамі часта становяцца людзі, якія сумяшчаюць тонкую моўную інтуіцыю з абвостранай моўнай рэфлексіяй» [3]. Беларуская лінгвістыка прадстаўлена Інстытутам мовазнаўства НАНБ. Менавіта гэты інстытут фармуе літаратурныя нормы беларускай мовы, моўную палітыку дзяржавы.

З 1 верасня 2010 года ўступіў у сілу Закон Рэспублікі Беларусь «Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», прыняты 23 ліпеня 2008 года, які зацвердзіў новую рэдакцыю існуючых «Правіл беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» [4, 5]. Адзін з параграфіў гэтага закона тычыцца прымянення нескладовага *ў* і у складовага. Адзначаецца, што «нескладовае *ў* пішацца згодна з літаратурным вымаўленнем пасля галосных». Такім чынам, аб'ектыўнай падставай прымянення нескладовага *ў* як унікальнай літары беларускага алфавіту з'яўляецца яе літаратурнае вымаўленне. Менавіта яно вызначае выкарыстанне *ў* у беларускай мове. Як адзначаюць даследчыкі беларускай фанетыкі, «чалавек успрымае і вылучае тыя гукі, якія служаць сродкам адрознення слоў у яго мове» [6].

Падкрэслім, што нескладовае *ў* адлюстроўвае перш за ўсё літаратурнае вымаўленне, характэрнае для беларускай мовы, таму «Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі» павінны дапамагчы вучню *ў* правільным літаратурным вымаўленні гуку, звязанага з гэтай літарай. Разам з тым, шэраг тлумачэнняў, прыведзеных у «Правілах», супярэчаць гэтаму правілу. Напрыклад, прапануецца пісаць *крыкі «ўра»*. Іншаземец напэўна прыме такое напісанне, паколькі *ў* ідзе за галоснай. Ён хутчэй за ўсё не задумаецца над тым, ці адпавядае гэта норме літаратурнага беларускага вымаўлення ці не. Гэта механічны падыход, ён непраймальны для жывой беларускай мовы.

А як быць сучасным вучням? Ім прапануецца адмовіцца ад арыентацыі на беларускае вымаўленне і кіравацца алгарытмамі. Так, у калідорах гімназіі № 10 г. Мінска навучэнцам нагадваюць правапіс У-Ў:

П Р А В А П І С У – Ў

- У – у пачатку слова;
- у пачатку слова, калі яно стаіць пасля слова, якое канчаецца на зычную ці мяккі знак;
- у пачатку слова пасля знаку прыпынку;
- у сярэдзіне і ў канцы слова пасля цвёрдых зычных.

- Ў – з'яўляецца асобным словам і стаіць пасля слова, якое канчаецца на галосную;
- у пачатку слова, калі папярэдняе слова канчаецца на галосную;
- у сярэдзіне і ў канцы слова пасля галосных.

На нашу думку, тры з сямі пералічаных пунктаў выклікаюць сумневы, яны не адназначныя.

І яшчэ адзін прыклад. Разгледзім аднолькавыя сказы з пункту гледжання іх вымаўлення.

– *У 2000 годзе ўзышла новая зорка...*

– *У 2000 г. узышла новая зорка...*

Письмовае адлюстраванне гэтых сказаў рознае. Узнікае пытанне: чаму ў другім сказе ў слове *узышла* не ўжываецца «ў»? Трэба пагадзіцца з тым, што абодва сказы маюць аднолькавую фанетыку. Такім чынам, у другім сказе дапушчана памылка, і слова «ўзышла» трэба таксама пісаць з ужываннем «ў».

Вучні 10-й гімназіі будуць сцвярджаць, што ў прыведзеным прыкладзе няма ніякай памылкі: у (складовае) ў другім сказе знаходзіцца «ў пачатку слова пасля знаку прыпынку, кропкі». Аднак не кожная кропка ёсць знак прыпынку. Кропка ў другім сказе азначае толькі скарачэнне слова *годзе*, і пры вымаўленні яна не адчуваецца і не павінна ўплываць на напісанне слоў у сказе. Думаю, што нам усё ж варта вучыцца мове ў класікаў, а не ствараць штучныя перашкоды для сябе і для вучняў. Менавіта класікі, назіраючы за жыццём беларусаў, старанна адбіраюць узоры беларускага вымаўлення.

Звернемся да Я. Коласа. «Новая зямля» Коласа – неўміручы помнік сялянскага побыту, а таксама ўзор напісання ў:

– *Ну, – кажа раз Міхал, – як будзе?*

Ўжо (парушэнне п. 1) вучаць дзеці ў школьцы людзі;

Пара б і нашым за навуку...

А не – як з гада спушчу скуру!

Ўсё (парушэнне п. 1) разумець павінны самі! –

Яшчэ дарэктар не з'явіўся,

А ўладзя (парушэнне п. 4) хлопцам пабажыўся,

Што ён за вуха ўзяць не дасца,

Няхай лепш возьме яго трасца!

А сам дарэктар, з вузел ростам,

Ў (парушэнне п. 1) сваім уборы бедным, простым,

*У зрэбных портках і кашулі,
Стаяў, як бы яго прыгнулі,
Такім мізэрным і маўжлівым,
У халаце суконным сівым.*

Як бачым, Я. Колас не ведаў правіл напісання ў у новай рэдакцыі, прапанаванай Інстытутам мовазнаўства НАНБ, і ў сучаснай школе атрымаў бы невялікую адзнаку. І сапраўды, закон дае неадназначную трактоўку: «нескладовае ў пішацца згодна з літаратурным вымаўленнем пасля галосных». Гэта нагадвае вядомую фразу: *«Пакараць смерцю нельга памілаваць»*. Аднак у нашым выпадку відавочныя тры варыянты:

– ў пішацца згодна з літаратурным вымаўленнем (гл. правапіс Я.Коласа);

– ў пішацца пасля галосных (алгарытмічны падыход, характэрны для Google-перакладчыка);

– ў пішацца згодна з літаратурным вымаўленнем пасля галосных (складаны падыход, які патрабуе дасканаллага ведання беларускага літаратурнага вымаўлення).

Вернемся да нашых дзён. Як усё ж правільна пазначыць найбуйнейшую навучальную ўстанову краіны? Калі кінуць позірк на яе з боку плошчы Незалежнасці, то ўзнікае пытанне: «Чаму так?» На будынку напісана: *«Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»*. Але ж на будынку на вул. Кальварыйскай пішацца *«Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт»*. Няўжо журналісты БДУ не ведаюць, як ужываць ў? Ці ўсё ж яны маюць рацыю? Такого ж правапісу прытрымліваюцца і *“Беларускі дзяржаўны медыцынскі ўніверсітэт”*, і *“Беларускі дзяржаўны ўніверсітэт культуры і мастацтваў”*.

Каб падысці да ісціны, зноў звернемся да п. 1 «Правіл». Няхай зараз хто-небудзь паспрабуе так вымавіць слова *«ўніверсітэт»* у спалучэнні *«дзяржаўны ўніверсітэт»*, каб першая літара ў ім гучала як беларускае ў (нескладовае). Аднак у словазлучэнні *«ва ўніверсітэце»* пытанніаў наконт правапісу няма. Вось чаму механічны падыход (пасля галосных заўсёды пішацца ў) у даным выпадку не адпавядае беларускаму вымаўленню, і журналісты БДУ сапраўды прафесійна аднесліся да гэтай справы.

Імкнучыся разабрацца ў хітраспляценнях правілаў напісання ў, я звярнуўся ў адну з беларускамоўных рэдакцый, разлічваючы на тое, што спецыялісты мне дапамогуць. Аказваецца, што яны ў сваёй працы поўнасю падпарадкоўваюцца нарматыўнаму дакументу і традыцыям і не задаюць пытанняў «Чаму?», «Як так?». Аднак, калі яны адчуваюць ўсё ж цяжкасці ў напісанні асобных слоў і выразаў, то звяртаюцца непасрэдна ў Інстытут мовазнаўства НАНБ. Адзін з запытаў быў такім:

як перакласці на беларускую мову словы «вузовский», «довузовский». Адказ кіраўніка інстытута: «На маю думку, трэба ўжываць словы "універсітэцкі", "даўніверсітэцкі"». Усё добра, але ж апошняе слова выклікае сур'езнае непаразуменне: як па-беларуску яго вымавіць так, каб ў усё ж гучала як нескладовае. Механічны падыход не разглядаецца. Дарэчы, у БДУ ёсць факультэт з такой назвай. Каб вымавіць гэта слова з нескладовай ў, трэба разбіць яго на дзве часткі, але ж тады з пункту погляду фармальнай лінгвістыкі і семантыкі яно гучыць неадназначна.

У адным з энцыклапедычных выданняў чытаем: «*Колькасць чыгуначных вучылішчаў павялічылася з 26 у 1869 годзе да 47 у 1917*». Падкрэсленыя у пры вымаўленні гучаць як ў, аднак на пісьме чамусь ужываецца у складовае, што супярэчыць п. 1 Правіл – пісаць згодна з літаратурным вымаўленнем пасля галосных. Пісьмовае адлюстраванне гукавай абалонкі разбураецца. І вось яшчэ адзін прыклад, запазычаны з найноўшай энцыклапедыі, г. зн. адобраны Інстытутам мовазнаўства: «*У Рас. імперыі да 1917 ўзнагароджанне медалямі выконвалася на аснове Статута гімназіі 1828*» (лічэбнік як фанетычная адзінка не ўлічваецца). Такіх прыкладаў можна прывесці шмат, калі літаратурнае вымаўленне ігнаруецца.

Дарэчы, афіцыйны адказ Інстытута на запыт рэдакцыі не павінен пачынацца са слоў: «На маю думку...». Мовазнаўства – гэта навука, і абалірацца ў ёй трэба не на думку таго ці іншага кіраўніка, нават высокага рангу, а на аб'ектыўныя падставы навукі. У фізіцы такімі падставамі з'яўляюцца законы захавання, у хіміі – можна абалірацца на перыядычную сістэму хімічных элементаў, яна таксама пабудавана на законах захавання.

Звернемся ды пачатку артыкула: «Лінгвістамі часта становяцца людзі, якія смяшчаюць тонкую моўную інтуіцыю з абвостранай моўнай рэфлексіяй». Моўная інтуіцыя – гэта адчуванне мовы. Моўная рэфлексія – здольнасць задумвацца над тым, як гучыць наша мова. Гэтыя якасці трэба развіваць у навучэнцаў сумесна з Інстытутам мовазнаўства НАНБ.

ЛІТАРАТУРА

1. Булыка (Bulyka). У нескладовае // Энцыклапедыя літаратуры і мастацтва Беларусі. – Т. 4. –1987. – 377 с.
2. Шейн, П.В. Белорусские народные песни 1874 / П.В. Шейн // Гісторыя Беларусі ІХ-ХVІІІ стагоддзяў. Першакрыніцы [Электронны рэсурс]. – 1874. – Рэжым доступу: <http://starbel.narod.ru/folk/f0037.htm>. – Дата доступу: 10.01.2018.
3. Лингвистика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0...B0>. – Дата доступа: 8.01.2017.

4. Аб правілах беларускай арфаграфіі і пунктуацыі. Закон Рэспублікі Беларусь 23 ліпеня 2008 г. № 420-З. Прыняты Палатай прадстаўнікоў 24 чэрвеня 2008 года, адобраны Саветам Рэспублікі 28 чэрвеня 2008 года. Апублікаваны ў Нацыянальным рэестры прававых актаў Рэспублікі Беларусь [Электронны рэсурс]. – 2008 г. – № 186, 2/1517. – Рэжым доступу: [http://www.pravo.by/pdf/2008-186/2008-186\(003-066\).pdf#page=1](http://www.pravo.by/pdf/2008-186/2008-186(003-066).pdf#page=1). – Дата доступу: 8.01.2017.
5. Правілы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі // 4-е выданне, стэрэатыпнае. – Мінск: Нацыянальны цэнтр прававой інфармацыі Рэспублікі Беларусь, 2012. – 144 с.
6. Калпінская, Н.С. Метадычная распрацоўка вучэбных заняткаў па тэме “Тукавая абалонка слова. Стылістычныя магчымасці фанетыкі” / Н.С. Калпінская // Мастерство online [Электронны рэсурс]. – 2016. – 3(8). Рэжым доступу: <http://gpo.unibel.by/index.php?id=2559>. – Дата доступу: 25 февраля 2017.

ОТРАЖЕНИЕ ДУХОВНОЙ КАРТИНЫ МИРА РУССКОГО ЯЗЫКА В ПЕРЕВОДЕ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

RUSSIAN SPIRITUAL LINGUISTIC WORLD IMAGE AS REFLECTED IN TRANSLATION INTO ENGLISH

А.Д. Нуретдинова

A. Nuretdinova

Гродненский государственный университет имени Янки Купалы,
Гродно, Беларусь

Yanka Kupala State University of Grodno,
Grodno, Belarus

E-mail: nuretdi@bk.ru

В начале XXI века важной задачей семантики остается реконструкция *языковой картины мира (ЯКМ)* русского языка. Например, появилось такое направление, как эмотиология, или лингвистика эмоций, оперирующая термином «эмоциональная языковая картина мира» (В.И. Шаховский, С.В. Ионова и др.). Логично предположить существование и других языковых картин мира, отражающих внутренний мир человека, например, чувственная, религиозная, духовная (духовно-нравственная) языковые картины мира. Нет сомнений, что каждая из них обладает своей концептосферой, структурой, спецификой.

Данная статья посвящена такой важной части ЯКМ в целом как духовно-нравственная ЯКМ русского языка. Опираясь на значение слов *духовность* и *нравственность* в словарях В.И. Даля, С.И. Ожегова, Ф.Ф. Ушакова и С.А. Кузнецова, под духовно-нравственной языковой

картиной мира в настоящей статье мы понимаем отражение в языке человеческого стремления к высоким идеалам мировоззрения, должного поведения и отношения к людям, сочетающегося с отказом от всего низменного как обратной стороны должного. Говоря о духовно-нравственной языковой картине мира на русском языке, естественно, прежде всего, понимать духовно-нравственную картину мира русского языка в сравнении с другими языковыми картинами мира, в данном случае с английской.

В сопоставлении ЯКМ важен вопрос переводимости лексем. Ответить на него позволяет анализ семантики сопоставляемых лексем. Например, вопрос об адекватном переводе на английский язык таких слов как *духовность*, *нравственность*, *смирение* можно прояснить, опираясь на семный анализ данных лексем, который приводится далее.

Известно, что язык играет существенную роль в процессе познания мира, формирования мировоззрения человека. С другой стороны, человек способен различать многое из того, что невозможно абсолютно точно отразить вербально (например, оттенки цвета и вкуса, впечатление от музыки или картины).

В связи с этим не менее важным представляется изучение вопроса о соотношении языка и опыта духовно-нравственной жизни. Можно ли утверждать, что носители разных языков сталкиваются в своем опыте с теми явлениями духовной жизни, которые отражены в их родном языке и не осознают (хотя наверняка переживают) те, которые в их языке не названы? Наше предположение состоит в том, что истина, как это часто случается, заключается в диалектике противоположных позиций: люди склонны, главным образом, осознавать духовные переживания, которым есть имя в их родном языке, но они могут познакомиться с любым духовным опытом, если будут к нему осознанно стремиться.

Изучать проявления духовно-нравственной жизни в языке представляется небезынтересным, т.к. они могут быть весьма информативны для понимания сущностных различий и сходств культур.

Русская духовно-нравственная языковая картина мира понимается как осознанные или неосознаваемые проявления мировоззрения, основанного на православных ценностях и добродетелях и отраженного в языке. Вот как писал о роли православия в жизни русского народа Ф.М. Достоевский: «Русский народ весь в Православии и в идее его. Более в нем и у него ничего нет – да и не надо, потому что Православие всё» [1].

Нравственные ценности, отраженные в русском языке, на глубинном уровне связаны с ценностями православия. Легко

увидеть, что православие заложило настолько глубокий и крепкий фундамент русской культуры, что накладывает определенный отпечаток на речь и мировоззрение любого человека, даже считающего себя неверующим. Например, *спасиБо, собор* (ср. *сбор*), *образование* (формирование по образу Божию (*образ* на праслав. – икона)), обращения *сестра, брат, господин*, лексема *прощай* (нельзя расставаться с обидой) и мн. др.

Лексемы, приведенные выше, не представляют трудности при переводе, в частности, на английский язык. Особый интерес, на наш взгляд, представляет безэквивалентная лексика, относящаяся к духовно-нравственному опыту человека. В связи с этим несколько далее рассмотрим семантику и переводные соответствия таких лексем, как *духовность, нравственность, смирение*.

Традиционно при изучении безэквивалентной лексики учебники переводоведения знакомят читателя с ее видами, такими, например, как имена собственные, реалии и «случайные лакуны» (Л.С. Бархударов); слова-реалии, временно безэквивалентные термины, лакуны, структурные экзотизмы (Л.К. Латышев). В классификации реалий, которая считается наиболее полной, выделяются три рода реалий: предметные, местные, временные (С. Влахов, С. Флорин). В данной классификации присутствует группа «духовные» реалии, однако включает в себя тематическую лексику, связанную с искусством. К данной классификации В.С. Виноградов добавил реалии ассоциативные и ономастические [2].

Так, в имеющихся классификациях реалий понятие реалии традиционно связывается исключительно с объектами материального мира. Однако, слово *realis* с лат. переводится как ‘вещественный’, ‘действительный’. На наш взгляд, необходимо обратить внимание и на второй компонент значения слова *реалия* – ‘действительный’, поскольку действительно и реально для нас не только то, что физически воспринимаемо. Лексемы, не имеющие точного эквивалента в другом языке / языках и обозначающие явления, относящиеся к внутреннему миру человека, к реальности нематериальной, духовно-нравственной, также должны занять свое место в классификациях безэквивалентной лексики и реалий.

Однако, следует уточнить тот факт, что многие традиционно выделенные виды реалий являются «уникалиями», или «абсолютными» реалиями, т. е. явлениями, существующими только в определенной культуре/культурах-носителях того или иного языка. Говоря о духовных переживаниях как о классе реалий, нужно охарактеризовать их как реалии «относительные». При их изучении целесообразно

соотносить конкретные пары языков, поскольку, если точный эквивалент для определенной лексической единицы отсутствует в одном языке, то нельзя однозначно утверждать, что он будет отсутствовать и в других языках.

Основываясь на вышесказанном, при переводе с русского языка на английский огромный интерес, на наш взгляд, представляют те лексические единицы, которые отражают духовную картину мира русского языка и не имеют точного эквивалента в английском языке. Покажем безэквивалентность некоторых лексем с помощью анализа их семного состава, определенного на основе изучения дефиниций одноязычных толковых словарей на обоих языках. Сопоставим набор сем русских лексем *духовность*, *нравственность*, *смирение* и вариантов их перевода на английский язык. Для семного анализа были использованы дефиниции словарей В.И. Даля (Д), С.И. Ожегова (О), Ф.Ф. Ушакова (У), С.А. Кузнецова (К) – для русских лексем, а также словари Oxford Advanced Learner's Dictionary (OALD), Oxford Living Dictionaries online (OLD), Longman. Guide to English usage (L) – для их переводных аналогов.

Рассмотрим семантику лексемы *духовность* и ее переводного аналога *spirituality* 'духовность'. Словари также дают следующие варианты перевода: *immateriality*, *spiritual dimension* (Мультитран, АBBY Lingvo; НБАРС под ред. Ю.Д. Апресяна). Из данных вариантов наиболее близка к слову *духовность* лексема *spirituality*.

Рассмотрим семантику данной пары слов в одноязычных словарях.

1) *spirituality – the quality of being concerned with religion or the human spirit; spiritual – connected with the human spirit rather than the body or physical things* (OALD); *spiritual refers to the soul* (L); *The quality of being concerned with the human spirit or soul as opposed to material or physical things* (OLD); 2) *духовность – это свойство души, состоящее в преобладании духовных, нравственных, интеллектуальных интересов над материальными* (О); *отрешенность от низменных, грубо чувственных интересов, стремление к внутреннему совершенствованию, высоте духа; духовная, интеллектуальная природа, сущность человека, противопоставляемая его физической, телесной сущности* (У). Сходное определение у С.А. Кузнецова.

Интересно, что в словаре В.И. Даля слово *духовность* отсутствует, однако значение слова *дух*, связанное с духовностью, содержит следующее толкование: «дух – ...высшая искра божества, ум и воля, или же стремление к небесному» (Д).

Сопоставим семы рассматриваемых лексем в виде таблицы.

Таблица 1 – Сопоставительный семный анализ лексем *духовность* и *spirituality*

Семы	духовность	spirituality
Противопоставление физическое – моральное	+	+
Противостояние высокое – низменное	+	–
Преобладание духовного, высокого над материальным, низким	+	–
Противостояние духовного и материального	+	+
Стремление к высокому, к совершенствованию	+	–
Отказ от низменного	+	–
Связь с сущностью человека	+	–
Связь с божественным, небесным, религиозным	+	+
Связь с душой	–	+
Связь с нравственностью	+	–

Как видно из семного анализа рассматриваемых лексем, русское слово *духовность* гораздо более насыщено семантически, чем английское слово *spirituality*. Отсюда следует, что носители русского и английского языков понимают данные слова несколько по-разному, вкладывая в них в значительной степени разный смысл. В русском слове присутствуют компоненты оценочности (высокое – хорошо, низменное – плохо), долженствования, стремления к совершенству, которых нет в английском аналоге. Из 9 сем, содержащихся в значении слова *духовность*, только 3 семы могут быть актуализированы в переводном соответствии *spirituality*, что не составляет даже половины семантического объема слова исходного языка. Кроме того, в английском слове присутствует сема души, которой нет в русском слове, поскольку в русской культуре, основывающейся на христианской антропологии, это разные понятия. Различия духа и души в русском языке прекрасно показал А.Д. Шмелев [3]. Основываясь на сказанном, полагаем возможным считать слово *духовность* относящимся к безэквивалентной лексике духовной языковой картины мира русского языка.

Аналогичным образом были проанализированы лексемы *нравственность* и *morality* ‘мораль, принципы поведения, этика’, *смирение* и *meekness* ‘мягкость, смиренность, кротость’. Данные пары лексем еще дальше друг от друга семантически, чем рассмотренная выше пара лексем. Опустив ход семного анализа, подведем некоторые итоги.

Нравственность – это 1) «совокупность норм, определяющих поведение человека» (У); 2) «внутренние, духовные качества, которыми руководствуется человек, этические нормы; правила поведения, определяемые этими качествами» (О); 3) «внутренние (духовные и

душевные) качества человека, основанные на идеалах добра, справедливости, долга, чести и т.п., которые проявляются в отношении к людям и природе» (К).

“Morality is principles concerning right and wrong or good and bad behavior” (OALD); “Principles concerning the distinction between right and wrong or good and bad behavior” (OLD).

В русском слове присутствует отнесенность к человеку, его стремлению руководствоваться идеалами добра, компонент долженствования; в английском слове же основным компонентом семантики является противопоставление добра и зла как таковое.

Слово смирение переводится словарями как *humility, meekness, humbleness, resignation*. Возьмем для сравнения одно из них.

В паре слов *смирение* и *meekness* ‘мягкость, смиренность, кротость’ различий еще больше. “Meekness is the fact or condition of being meek; submissiveness” (OALD). Иными словами, английский эквивалент по своей семантике является синонимом слову *слабость* и понимается как готовность подчиниться в силу слабости. Смирение же в русском языке понимается как готовность подчиниться не по слабости, но в силу отсутствия чрезмерной гордости, гордыни как греха. Различие существенно. В силу того, что смирение – главная христианская добродетель, а гордыня – один из смертных грехов, можно видеть, что в семантике слова отчетливо прослеживается связь с православными ценностями.

Проведенный анализ также позволяет считать лексемы *нравственность* и *смирение* безэквивалентными.

Таким образом, на основе проведенного анализа семантики трех лексем, называющих ключевые духовные ценности русской культуры, можно утверждать, что их семантика дает основания говорить о специфике русской духовной языковой картины мира в сравнении с английской. Определенная часть лексики, принадлежащей к духовной языковой картине мира русского языка, не имеет точных эквивалентов в английском языке, т. е. является безэквивалентной.

Духовная языковая картина мира английского языка, отраженная в проанализированных лексемах, проявляется в понимании различий между добром и злом, материальным и нематериальным, семантика рассмотренных слов не содержит указаний на внутреннее стремление человека к идеалам нравственности как ориентирам жизни.

Перспективы изучения русской духовно-нравственной ЯКМ видятся в анализе не только словарной, но и контекстной семантики лексем, отражающих духовные ценности русской культуры в сопоставлении с другими духовными ЯКМ, прежде всего,

в классической литературе. Подобные исследования могут быть полезны для перевода, теории межкультурной коммуникации, философии, этнопсихологии и ряда других дисциплин гуманитарного цикла, для которых важно понимание русской духовности, а также для более глубокого осознания носителями русского языка своей духовной ЯКМ как общекультурного достояния.

ЛИТЕРАТУРА

1. Достоевский, Ф.М. Дневник писателя / Ф.М. Достоевский. – М.: Институт русской цивилизации, 2010. – 880 с.
2. Комиссаров, В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты): Учеб. для интов и фак. иностр. яз. / В.Н. Комиссаров. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
3. Шмелев, А.Д. Русская языковая модель мира: Материалы к словарю / А.Д. Шмелев. – М.: Языки славянской культуры, 2002. – С. 21–25.

КОНЦЕПТ «ЛЮБОВЬ» В АНГЛИЙСКОМ, РУССКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ

CONCEPT “LOVE” IN THE ENGLISH, RUSSIAN AND BELARUSIAN LANGUAGES

Д.О. Сидорович

D.O. Sidarovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: 1sidorovichdiana@gmail.com

Существует тесная взаимосвязь языка и мировоззрения человека. Мы говорим то, что думаем, а наши мысли и формируют мировоззрение. Анализируя язык, можно составить максимально полный культурный портрет конкретной нации, т.к. язык описывает и отображает все особенности национального мировоззрения. Любовь является одним из основополагающих концептов в любой культуре, поэтому на его примере можно изучать различия и общность в выражении эмоций и чувств в разных языках, тем самым определяя самобытность каждой нации. Такие лингвокультурологические исследования становятся особенно **актуальными** в современной науке, т.к. стремление к глобализации может привести к потере национальной самоидентификации различных стран.

Таким образом, **цель исследования** – определить влияние языка на формирование мировоззрения его носителя на примере концепта «любовь».

Для достижения цели необходимо выполнить следующие задачи:

1) рассмотреть и сравнить словарные дефиниции понятия «любовь» в английском, русском и белорусском языках;

2) выявить сходства и различия фразеологических единиц, описывающих концепт «любовь» в трех языках;

3) описать и сравнить концепт «любовь» в трех языках.

Объект – концепт «любовь» в английском, русском и белорусском языках. **Предмет** – лингвокультурные особенности концепта «любовь» в трех языках. **Материал** – словарные дефиниции, пословицы, поговорки, фразеологические единицы, характеризующие понятие «любовь». **Источники материала** – словари [1,2,3,4,5,6]. **Методы** – анализ словарных дефиниций, описание, сравнение, обобщение.

Анализ концепта «любовь» в национальных мировоззрениях стоит начать с выяснения того, как сами носители трех разных языков понимают слово «любовь». Для этого сравним определения слова «любовь», представленные в словарях.

Понятие *love* (n) в английском языке означает: *1. An intense feeling of deep affection. 1.1 A strong feeling of affection and sexual attraction for someone. 1.2 Affectionate greetings conveyed to someone on one's behalf. 1.3 A formula for ending an affectionate letter. 1.4 A personified figure of love, often represented as Cupid. 2. A great interest and pleasure in something. 3. A person or thing that one loves. 3.1 (British informal) A friendly form of address. 3.2 (a love informal) Used in affectionate requests.*

Слово «любовь» в русском языке имеет следующие значения: *1. Глубокое эмоциональное влечение, сильное сердечное чувство. 2. Чувство глубокого расположения, самоотверженной и искренней привязанности. 3. Постоянная, сильная склонность, увлеченность чем-нибудь. 4. Предмет любви (тот или та, кого кто-нибудь любит, к кому испытывает влечение, расположение). 5. Пристрастие, вкус к чему-нибудь. 6. Интимные отношения, интимная связь (прост.).*

В белорусском языке имеется два слова для обозначения рассматриваемого понятия: *каханне* и *любоў*. «*Каханне*» – это «*вялікае сардэчнае пачуццё да пэўнай асобы другога полу*». Слово «*любоў*» имеет следующие дефиниции: *1. Пачуццё глыбокай прыхільнасці да каго-, чаго-нібудзь, адданасці каму-, чаму-нібудзь. 2. Цікаваць, схільнасць, цяга да чаго-нібудзь.*

На данном этапе лингвистического анализа можно обнаружить определенные сходства в трех языках: любовь может быть к живому и неживому объекту, словом «любовь» может выражаться симпатия или пристрастие к чему-либо. Белорусский язык отличается тем, что

содержит два слова с разными значениями. Примечательно, что в данном языке для выражения сердечного чувства к человеку используется отдельное слово «каханне»; в английском языке глагол «to love» может быть использован по отношению к человеку, животному, занятию, однако при выражении увлечения или симпатии предпочтительнее использовать «to like», в русском языке эквивалентом «to like» может выступать фраза «мне нравится», но чаще используются слова «любовь, любить» в широком смысле. Таким образом, любовь к определенному человеку ставится на отдельный уровень.

Для более полного понимания языковых картин трех народов следует обратиться к фразеологическим единицам, пословицам и поговоркам, так как они являются произведением народного творчества, а значит, в полной мере отображают все национальные особенности.

Любовь воспринимается как стихийное, немотивированное чувство, не подконтрольное обстоятельствам, а часто идущее вопреки им (*хоть топиться, а с милым сходиться, love is without reason, хто любіць – той прыйдзе, не любіць – абыйдзе*). Белорусский менталитет тесно связывает любовь и церковь. Чувство любви считается одним из величайших благ, ниспосланных свыше, выбор избранника предопределен судьбой (*любоў – вялікае багацце, суджанага канём не аб'едзеи*). Россияне и англичане также склонны полагаться на судьбу (*кому на ком жениться, тот в того и родится, love is the only fire against which there is no insurance*). В русском языке любовь невозможно подчинить чьей-либо воле, она не подконтрольна человеку, однако выбор объекта любви может основываться на внешних или внутренних сходствах (*равные обычаи – крепкая любовь; одна думка, одно и сердце*). В белорусском и английском обществе человек сознательно принимает решение о начале любовных отношений (*адкрываць сваё сэрца перад кім-небудзь, a labour of love*).

Все три менталитета считают правду необходимым элементом любви, она является основой для настоящего чувства (*where there is no trust there is no love, любовь правдой крепка, любоў і ісціна мацней за страх*). Для носителей русского языка любовь неразрывно связана с жертвенностью с большим ущербом для человека, для белорусов она в большей степени всепрощающая и милосердная (*ради милого и себя не жаль*). Примером жертвенности является отношение к побоям. В русском менталитете к ним относятся лояльно, в некоторых случаях даже положительно. Побои воспринимаются как проявление особого внимания и заботы (*милый побиет, только потешит; милые бранятся, только тешатся*). Для русского человека любовь, в принципе, не может существовать без страданий, будь то от разлуки или от необходимости

тянуть «бремя любви» (*вместе скучно, а врозь тошно; любить тяжело, не любить тяжелее того*). Белоруски проявляют терпение и понимание, воспринимая побои как следствие дурных черт характера, которые присущи всем людям (*кто каго кахае, той таго чапае*).

Для белоруса любовь – это открытость, щедрость, сострадание и лояльность. Присутствие ласки и нежности в отношениях белорусов играет ключевую роль (*дзе каханне, там і прытулянне; чаму ж цябе не любіць, калі ўмееш галубіць*). Английский подход к отношениям отличается значительно большей рациональностью: свидетельством любви может быть только хорошее отношение, желание стать лучше ради другого человека (*love makes men orators, love makes a wit of the fool*). Кроме того, любовь – чувство, основанное на понимании и доверии, на способности принять другого человека со всеми его недостатками, так как они есть абсолютно у всех (*he that loves the tree loves the branch, love me, love my dog*). Для России и Беларуси также присуща вера в силу любви, способную менять людей, однако эти изменения далеко не всегда идут в лучшую сторону (*любовь и умника в дураки ставит, у закаханай кухаркі няўдалая справа выходзіць*).

Внешние данные объекта любви, как правило, не играют ключевую роль. Любимый человек должен быть красив душой и «мил сердцу». Красота воспринимается как субъективное понятие, которое каждый определяет для себя сам (*красота в глазах смотрящего, beauty lies in lover's eyes, з тварам да вянца, з розумам да канца*). При вспыхивании романтического чувства объект любви становится самым лучшим, неповторимым и уникальным.

Любовь во временных рамках представляется противоречиво: с одной стороны, она бесконечна, но с другой – имеет свойство проходить (*старая любовь долго помнится, старога каханя і час не сцірае, time, not the mind, puts an end to love*). Во всех трех менталитетах одной из причин для ухудшения качества любви может послужить брак, который охлаждает чувства (*страчаліся – цалаваліся, а як у адну хату сьшліся – за чубы ўзяліся, love is a fair garden and marriage a field of nettles*). При этом у россиянок и белорусок наблюдается желание выйти замуж любой ценой (*если любишь, так женись, а не любишь – отвяжись, хоць да казла, абы з дому спаўзла*). Возможно, потому что брак (неважно какой) считается неотъемлемой частью полноценной гармоничной жизни человека. Кроме того, англичане верят, что материальное положение прямо влияет на степень любви. Любовь не может существовать вне комфорта (*when poverty comes in at the door, love flies out of the window, love lasts as long as money endures*). Для россиян рациональный вопрос денег и личного комфорта

считается неуместным, скорее даже постыдным и опровергающим любовь (*деньги – прах, одежда – тоже, а любовь всего дороже, лучше быть в бедности, да с милым, чем в богатстве, да с постылым*). Белорусы относятся к нему достаточно прохладно, считая, что с деньгами жить лучше, но и без них можно, была бы любовь (*каханья за гроши не купиш, хоць у шалашы, абы мілы на душы*).

Исходя из проведенного исследования, можно сделать **выводы** и составить языковые картины восприятия концепта «любовь» в сознании англичан, россиян и белорусов.

Понимание любви в сознании англичан, россиян и белорусов имеет ряд сходств и различий. В первую очередь любовь отождествляют с чувством к другому человеку.

Тем не менее, подход к любви у англичан носит скорее рациональный характер, хотя любовь – это стихийное чувство, неподвластное обстоятельствам. Любовь невозможна без комфорта и объективно хорошего отношения партнера. Любовь подталкивает людей к изменениям к лучшему, мотивирует их на достижения, при этом отношения – это тяжелый труд обоих партнеров.

Белорусы относятся к любви как к чуду, высшему благу. Четко прослеживается сильное влияние православной церкви как на восприятие любви, так и на поведение по отношению к партнеру. Основой любви является милосердие, ласка, терпение и понимание, осознание, что люди не идеальны, способность примириться с их недостатками.

Носители русского языка воспринимают любовь как стихийное чувство, которое является неотъемлемой частью полноценной жизни. Однако любовь в понимании русского человека тесно связана со страданиями. Желание терпеть все невзгоды ради любимого – проявление настоящей любви. Поэтому русские женщины и в горящую избу и в Сибирь за мужем могут пойти.

Интересно, что территориально близкие Беларусь и Россия проявляют такие значительные отличия в мировоззрении. Различается не только лексика, употребляемая в отношении концепта «любовь», но и отношение к этому явлению. Англия, территориально далекая, отражает в своем миропонимании явные черты западной культуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь пословиц и поговорок [Электр. ресурс] – Режим доступа: <http://slovarick.ru/> – Дата доступа: 18.01.2018.
2. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы: У 5 т. – Мінск: Беларуская Савецкая Энцыклапедыя, 1977-1984.

3. Толковый словарь Ожегова [Электр. ресурс] / ozhegov.org. – Режим доступа: <http://www.ozhegov.org/> – Дата доступа: 18.01.2018.
4. Лепешаў, І. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Лепешаў. – Мінск: Беларуская Энцыклапедыя, 2004.
5. Oxford dictionary [Электр. ресурс] / en.oxforddictionaries.com. – Режим доступа: <https://en.oxforddictionaries.com/> – Дата доступа: 18.01.2018.
6. Oxford Dictionary of English Idioms [Электр. ресурс] / oxfordreference.com. – Режим доступа: <http://www.oxfordreference.com/> – Дата доступа: 20.01.2018.

**БРИТАНСКИЙ, АМЕРИКАНСКИЙ, КАНАДСКИЙ
И АВСТРАЛИЙСКИЙ ВАРИАНТЫ АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА:
РАЗЛИЧИЯ В ОРФОГРАФИИ, ПРОИЗНОШЕНИИ,
ГРАММАТИКЕ И ЛЕКСИКЕ**

**BRITISH, AMERICAN, CANADIAN AND AUSTRALIAN
VARIANTS OF THE ENGLISH LANGUAGE: DIFFERENCES
IN SPELLING, PRONOUNCIATION, GRAMMAR AND
VOCABULARY**

A.B. Смольская

A.V. Smolskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: bsufsk26@gmail.com

Изучая английский язык, мы сталкиваемся с тем, что встречаем слова, которые различны по написанию, но одинаковы по значению. Печатая на компьютере слова, можно увидеть, что компьютер выдает ошибки в написании некоторых слов. Сверяя данное слово со словарем, мы убеждаемся, что слово написано правильно. В чем же причина? Дело в том, что существует 4 основных варианта английского языка: британский, американский, австралийский и канадский. Между ними существуют некоторые различия, которым посвящена данная статья.

Актуальность исследования состоит в том, что в XXI веке растет интерес к английскому языку в силу существующих экономических и политических тенденций. При этом возрастает роль американского английского на мировом уровне. При изучении английского языка в учебных заведениях мы сталкиваемся с вариантом классического британского английского языка, хотя весь мир использует американский язык (компьютерная лексика, интернет и т.д.). В британском, канадском, американском и австралийском вариантах

действительно есть много общего, но из-за различий в значении многих сленговых выражений и других нюансов порой бывает не так просто понять своего собеседника. Знание различий между британским, американским, канадским и австралийским вариантами английского языка необходимо для того, чтобы избежать трудностей при чтении и переводе английской литературы, а также для расширения нашего кругозора.

Цель исследования – выявление различий между британским, американским, канадским и австралийским вариантами английского языка в следующих аспектах: орфография, фонетика, грамматика, лексика.

Задачи исследования:

1) сравнить британский вариант английского языка с американским, канадским и австралийским английским в четырех лингвистических аспектах: орфографии, фонетике, грамматике и лексике; 2) выявить различия четырех вариантов английского языка в четырех языковых аспектах.

Теоретическая значимость исследования состоит в возможности дальнейшего использования результатов при работе с английскими текстами, в выявлении и преодолении трудностей перевода лексики, различных грамматических структур, в понимании иноязычной речи на слух.

Практическая значимость состоит в возможности дальнейшего применения выявленных различий четырех вариантов английского языка не только в учебных заведениях, но и при поиске информации в англоязычных источниках.

Сходства и различия британского и американского вариантов английского языка. Эти два варианта английского языка довольно похожи. Небольшие различия обнаруживаются в грамматике, и более существенные – в идиомах и лексике [3]. Современный британский английский находится под влиянием американского, за счет чего контраст между ними пропадает. Однако определенная разница, тем не менее, существует.

Чтобы быть правильно понятым, необходимо знать, какие слова различаются по смыслу и произношению в Америке и Великобритании. Это важно не только для просто общения, но и для того, чтобы избежать неловких ситуаций.

К примеру, если житель Нью-Йорка скажет девушке из Великобритании: «You have nice pants», она легко может счесть это оскорблением.

Аспекты	Британский английский (BrE)	Американский английский (AmE)	
Орфография	Theat <u>re</u> , cent <u>re</u> Colou <u>r</u> , labou <u>r</u> Catalogue, programme Apolog <u>ize</u> /apolog <u>ise</u> Travel-travell <u>ing</u> Media <u>e</u> val	Theater, cent <u>er</u> Color, labo <u>r</u> Catalog, program Apolog <u>ize</u> (only -ize) Travel-travel <u>ing</u> Medie <u>v</u> al	
Произношение	[ˈʃɛdʒu:l] [hɒt] [leɪˈtenənt] [bəˈnɑ:nə] [vɑ:z] [ˈflʌrɪʃ]	Schedule Hot Lieutenant Banana Vase Flourish	[ˈskedʒu:l] [hɑ:t] [lu:ˈtenənt] [bəˈnænə] [veɪs] [ˈflʌrɪʃ]
Грамматика	Diving board, sailing boat Doll's house My favourite band <u>is/are</u> playing tonight. Learn <u>t</u> , dream <u>t</u> Get-got-got I have already eaten. He talks <u>as if</u> he knew everything.	Dive board, sail boat Dollhouse My favorite band <u>is</u> playing tonight. Learn <u>ed</u> , dream <u>ed</u> Get-got-gotten I already ate. He talks <u>like/as if</u> he knew everything.	
Лексика	anticlockwise aubergine car park chemist's first floor biscuit	Против часовой стрелки Баклажан Парковка Аптека Второй этаж Печенье	counterclockwise eggplant parking lot drugstore second floor cookie

Сравнение британского и канадского вариантов английского языка. Впервые термин «канадский английский» был введен Арчибалдом Гейки, который выразил свое мнение о том, что

канадский вариант английского языка будет популярен в ближайшие 100 лет.

Что же представляет собой этот вариант английского и какие отличительные особенности есть у него?

Итак, канадский английский – это смесь американского и британского английского, к которой добавлена хорошая порция французского языка, языка индейцев, а также сформированные жителями Канады устойчивые выражения, которые употребляются только в этой стране. К слову, лексика имеет название «канадизмы» – лексико-семантические варианты слов, которые не используются нигде, кроме Канады.

Выделяют 3 разновидности «канадизмов»: полные; частичные; заимствования.

Полные «канадизмы» не имеют аналогов в американском и британском английском, например, “*longliner*” – рыбацкая лодка, “*sault*” – водопад, “*muskeg*” – болото. Частичные «канадизмы» можно встретить в английском языке, но они имеют уникальное значение. Так, “*band*” – группа индейцев, меньшая чем племя, в то время, как в стандартном английском, это просто группа людей. Заимствования пришли из французского языка и стали употребляться в Канаде наравне с местной лексикой. Такие слова, как “*sagamite*” – суп с мясом и рыбой, “*sastrugi*” – снежные заносы, являются общеизвестными.

Наибольшее количество лексики канадского происхождения наблюдается в следующих группах слов:

- 1) флора и фауна: *tempest* – шторм;
- 2) еда и напитки: *grunt* – пудинг, приготовленный на пару; *snits* – сушеные дольки яблок;
- 3) названия одежды: *larrigans* – кожаная обувь до колена, которую носят охотники;
- 4) предметы быта [2].

Аспекты	Британский английский (BrE)	Канадский английский (CanE)
Орфография	<p><u>Colour</u> <u>Favourite</u> Catalogue, programme <u>Apologize/apologise</u> Travel-travelling <u>Mediaeval</u> Defence</p>	<p><u>Colour</u> <u>Favourite</u> Catalogue, programme <u>Apologize/apologise</u> Travel-travelling <u>Mediaeval</u> Defence</p>

Произношение	[ə 'baʊt] About [niːʃ] Niche [biə] Beer [dɔː] Door [glɑːs] Glass ['wɔːtə] <u>Water</u> [hɒt] Hot [ðɪs] This	[ə 'buːt] [niʃ] (фр.правила) [bɪr] [dɔːr] [glæs] ['wɑːdər] [hɑːt] [dɪs]
Грамматика	I <u>have been carrying out</u> this project for two weeks. You do want to go, <u>don't you?</u>	I <u>have carried out</u> this project for two weeks. You do want to go, <u>eh?</u> (Эта частица многофункциональна: она может полностью заменить все хвостиковые вариации вопросов (tag-questions))
Лексика	Yes No Trainers Handbag Trousers I'm going to the toilet Rubbish Half past seven Pavement	Yap Nope Runners Purse Pants I'm going to use the washroom Garbage/trash Seven thirty Sidewalk

Британский и австралийский варианты английского языка: сходства и различия. Несмотря на то, что в Великобритании и в Австралии, по сути, говорят на одном и том же языке, австралийский английский имеет свои особенности, о которых следует помнить людям, планирующим поехать в Австралию для учебы, работы либо в ознакомительных целях.

Когда-то Великобритания считалась первой страной в мире, имеющей самое большое количество колоний, в число которых также входила Австралия. Современные австралийцы используют свою

версию английского, которая не всегда понятна человеку, привыкшему к классическому британскому варианту английского языка. Согласно историческим данным, первыми жителями материка были каторжники и заключенные, не отличавшиеся высоким уровнем грамотности. В процессе колонизации Австралии в стране постепенно формировался своеобразный вариант английского языка, у которого есть много характерных особенностей [4].

Большинство слов, входящих в состав австралийского английского, пишется практически точно так же, как и произносится. Многие названия природных явлений, ландшафтов и животных, сохранившиеся до наших дней, были позаимствованы из словарного запаса первых поселенцев. В качестве примера можно привести самых популярных животных Австралии: кенгуру и коалу. На австралийский язык также заметно повлиял американский английский, распространившийся с течением времени при помощи средств массовой информации, большого количества фильмов и музыки. Если послушать и сравнить речь коренного австралийца и англичанина, то можно сразу заметить явные различия, в том числе:

- сдержанный, спокойный и более низкий тон речи австралийца по сравнению с англичанином;

- различия между количеством ударных слогов, австралийцы говорят гораздо равномернее и мелодичнее, в то время как для англичан характерны заметные перепады между безударными и ударными слогами в словах;

- для австралийского английского языка типична частая замена слов синонимами, которые отличаются от исходного варианта произношением и написанием, например, *chook* вместо *chicken* или *mate* вместо *friend*.

Австралийский акцент и произношение заслуживают отдельного внимания и могут стать неожиданностью для неподготовленного слушателя. В настоящее время существует три варианта акцента, у каждого из которых есть отдельное название, это Broad, Cultivated и General. Большая часть австралийцев выбирает General, для этого диалекта характерно сочетание типично австралийского и британского произношений. Насыщенный акцент Broad предпочитают использовать не менее 30% коренных австралийцев, у него есть второе неофициальное название Strine. Утонченный Cultivated более привычен для ушей англоговорящего человека, которому знаком британский акцент, на нем разговаривают примерно 10% австралийцев.

Жители Австралии и Новой Зеландии часто меняют звуки привычных слов, к примеру, «*bu*» может прозвучать как «*boy*», что

способно вызвать недопонимание в процессе разговора. Интонация в австралийском английском традиционно повышается в конце каждого предложения, при этом речь является плавной, ее темп отличается у жителей городов и пригородов, так первые говорят заметно быстрее. Для речи австралийцев характерна так называемая «сжатость», многие слоги «проглатываются» в процессе разговора. Это происходит из-за того, что большая часть привычных английских слов в австралийском варианте языка сокращается.

Написание многих английских слов практически ничем не отличается от австралийских аналогов с точки зрения орфографии, чего нельзя сказать об американском английском. Когда речь заходит о таких словах, как *colour*, *honour* и других, в Австралии принято писать их с традиционными британскими окончаниями. В целом правила грамматики австралийского английского ничем не отличаются от классического британского варианта, это весьма удобно для тех, кто пока что владеет только традиционным английским.

Новички могут столкнуться с другой сложностью – пониманием типичных австралийских фраз, которые представляют собой комбинацию британских и американских слов в зависимости от тематики разговора. В качестве примера можно привести словосочетание «*rubbish truck*» со значением «мусоровоз», при этом первое слово с таким же значением широко используют в Великобритании, а второе в США. Также в австралийском варианте английского языка существует несколько слов, которые больше нигде не используются, это «*arvo*» – полдень и «*bloke*» – человек. Перечень таких слов стоит заранее выучить тем, кто планирует поездку в Австралию. Многие австралийские выражения вполне способны поставить в тупик коренного британца, например, приветствие «*How are you going?*» вместо всем известного «*How are you?*». Ободряющее «*Everything is, or is going to be, fine or OK; it's grand, don't worry about it*» звучит как «*She`s apples*» (Всё в порядке), а местоимение «*it*» часто заменяется на местоимение «*she*».

Поскольку практически все австралийцы используют в повседневной речи General акцент и очень редко употребляют сленг, учить сленговые не всегда обязательно, особенно если речь идет об освоении австралийского варианта английского за короткий срок. При этом поклонникам классического британского английского наверняка будет интересно сравнить забавные замены некоторых известных слов и выражений, которые звучат совсем по-другому в австралийском языке: 1) алкоголь: *alcohol* – *booze*; 2) точная информация: *exact information* –

good oil; 3) *комар*: *mosquito* – *mozzie*; 4) *туалет*: *toilet* – *comfort station* [1].

Аспекты	Британский английский (BrE)	Австралийский английский (AusE)
Орфография	Centre Harbour Recognize/recognize	Centre Harbour Recognize/recognise
Произношение	Air conditioner Good day, mate Can I have a sandwich? I'll get you one in a sec How much is it? That'll be eight ninety	Egg nishner G'dye, myte Knife a samich? I'll gechawun inn a sec Emma chisit? Attlebee aintninee
Грамматика	Data (мн.ч.)/ datum (ед. ч.) Shall-should While, among	Data (для ед.и мн.числа) Will-would (shall/should только в побудительных предложениях) While/whilst, among/amongst
Лексика	Station(станция) Cookie Barbecue Countryside Chicken Cotton candy Banana	Station(животноводческая ферма) Biscuit Barbie Bush Chook Fairy floss Nana

Таким образом, можно сделать вывод, что американский, британский, канадский и австралийский действительно являются всего лишь вариантами одного и того же английского языка. Между ними больше сходств, чем различий, особенно там, где звучит речь образованных людей или используется язык науки. Причиной же большинства расхождений являются особенности исторического и культурного развития этих стран, разнообразие местных и региональных идиом и устойчивых выражений.

ЛИТЕРАТУРА

1. Егорова, О.А. Загадка австралийского акцента / О.А. Егорова // Мир. Язык. Человек: Материалы междунар. научно-практич. конф. Владимир: ВГУ, 2008. – С. 207-209.
2. Заботкина В.И. Новая лексика современного английского языка/ В.И. Заботкина. – М.: Высшая школа, 1989. – 124 с.
3. Евдокимов, М.С. Справочник Американско-Британских соответствий / М.С. Евдокимов, Г.М. Шлесев. – Флинта, 2001.

4. Moore, B. Speaking our language: the story of Australian English / Bruce Moore. – South Melbourne: Oxford University Press, 2008. – 225 p.

THE NATIONAL PECULIARITIES OF COMMUNICATIVE BEHAVIOR OF RUSSIAN AND AMERICAN TV JOURNALISTS IN THE INTERVIEWING

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА КОММУНИКАТИВНОГО ПОВЕДЕНИЯ РОССИЙСКИХ И АМЕРИКАНСКИХ ТЕЛЕЖУРНАЛИСТОВ В ПРОЦЕССЕ ИНТЕРВЬЮ

M.A. Strelnikova

M.A. Стрельникова

Воронежский государственный университет

Воронеж, Россия

Voronezh State University

Voronezh, Russia

E-mail: marstr@inbox.ru

The communicative culture of the nation is diversified. It includes the household communicative culture which is found in daily communication, the professional communicative culture which is shown in professional (corporate) communication, the administrative communicative culture which is revealed in communication of heads and subordinates, etc.

One of the aspects of the national communicative culture is the communicative culture of media, in particular of journalists that can be referred to corporate communicative culture and has vivid national peculiar features disclosed, in particular, in communicative behavior of journalists in the course of television interviewing [1].

This article dwells on the most noticeable communicative distinctions which are visible by comparing the materials of an interview in Russian and American communicative cultures in *organizational-structural aspect* of organizing of a teleinterview.

1. Form of interview.

The studied American business and political teleinterviews are informative dialogues with very little inclusion of personal elements into an interview.

The Russian business and political interviews are also informative dialogues, but they include extensive personal information on the interviewee.

The creative interview contains a large volume of personal information in both cultures and is less informative from the point of view of its social and political importance.

Thus, in Russian communication personal information is significant irrespective of an interview type as the Russian TV viewer estimates the obtained information often through the assessment of personal qualities of its carrier. In the American communicative culture information suppliers (business and political) on air seek for its maximum “depersonalization” – they don’t focus attention of the TV viewer on the characteristic of the one who transfers this information, giving thereby the importance of the information.

2. Type of interview.

As a result of the analysis of the Russian and American interview as the dialogue containing a certain amount of the actual information, portrait characteristics and the expressed opinion it becomes clear that:

- the greatest deal of the actual information can be found in the Russian political and American business interviews;
- the opinion is most widely presented in the Russian business and American political interview;
- the most characteristic form of creative interviews in both speech cultures is the “portrait” interview, that is “portrait” characteristics prevail over opinion and the actual information;
- in the American business and political interview portrait characteristics of interviewees are absent.

As a conclusion from the aforesaid, it follows that the Russian political and American business interviews are based on a large number of the actual information as the confirmation of the expressed opinions on the concrete facts is the most convincing argument for journalists.

The prevalence of the actual information in the Russian political and American business teleinterview demonstrates the importance of these spheres of activity in the development of the society of these countries.

In the Russian business and American political interview the spectators need for comments of domestic and foreign policy of the states in these frames of reference.

Portrait interviews allow TV viewers to understand life and creative priorities of “film stars” and of their own which results in subconscious correction of the “positive” and “negative” points of view on the development of society and mankind in general.

3. Thematic expansion.

Russian teledialogue (political, business, creative) is almost always polythematic. About 8 subjects are developed in one interview.

The American political and business interviews in most cases are monothematic: one main subject and several sub-themes are developed.

Creative interviews can be both monothematic, and polythematic (in some interviews about 5 subjects are developed).

The interview subject is not usually orally specified either by Americans or Russians. But in the American program there is surely a graphic message on the screen with the indication of a subject of a conversation, a surname and the name of the invited guest in studio. The Russian television recently began to use television graphics for the message of a name, a surname and a post of the speaker.

The Russian and American interview proceeds in the form of a natural conversation, without sharp change of the direction.

Conducting dialogue in several directions at once is characteristic of the Russian speech practice. In the American interview the conversation develops linearly. Conducting dialogue on several thematic lines at once is not a characteristic feature of communicative behavior of the American journalist.

Thus, in the Russian communicative culture the tendency of the journalist to discuss and look for solutions of several problems at the same time is observed. In the American communicative culture it is accepted to define the tasks and to solve them one-at-a-time, revealing all the details accompanying or impeding the implementation of the planned.

According to it the Russian teleinterview can be characterized as polythematic, and American as monothematic.

4. Type of monological speech acts.

Different combinations of the types of monological speech actions used in an interview is characteristic of different types of the Russian and American interviews.

Types of monological speech actions in the Russian and American interviews

(%)	political		Business		creative		average	
	Rus	Amer	Rus.	Amer	Rus	Amer	Rus	Amer
opinion	34,7	21,4	34,5	24,0	36,0	39,3	35,1	28,2
explanation	36,7	42,8	38,4	39,1	8,0	19,7	27,7	33,9
evidence	16,0	18,5	17,0	21,3	12,0	5,4	15	15,1
story	4,0	7,1	6,0	12,0	44,0	37,2	18	18,8

Therefore, despite some divergence in the figures, the general tendency for both speech cultures remains as follows: the most popular types of monological action for all three types of the Russian and American interview are the opinion and the explanation. Then the story follows. The evidence is the least common type of monological speech action.

The divergence in the quantitative indices characterizing the Russian and American creative interview is observed: with Russians the evidence

dominates over the explanation (12 / 8), and the Americans, on the contrary, prefer an explanation to the evidence (19,7 / 5,4).

A characteristic feature of the Russian teleinterview is the journalistic comment of the things told by the guest at the studio and / or the statement of their own opinion apropos.

The strategy of the American journalists consists in the statement of the point of view on the problem before the guest starts commenting on it.

5. Forming text factors.

The Russian interviews are distinct in texts of a large volume. In the word usage it makes from 2000 to 3500, in seconds – from 1000 to 2400.

Texts of small volumes are characteristic of the American interviews of any type (in word usage – from 500 to 1000, in seconds – from 240 to 450).

The volume of a speech contribution of the Russian TV reporter is 25 – 40% of total amount, for the guest of the studio these figures are equal to 55–75%.

In the American option the volume of a speech contribution of the journalist fluctuates within 20–35% of the total amount, the volume of a speech contribution of the guest of studio is 65–50%.

The percentage component of participation in dialogue of the guest of studio in both speech cultures almost twice exceeds the value of the TV reporter making participations on volume. But the comparison of indicators shows that the percent of speech participation of the Russian TV reporters is 5–10% higher, than in the American interview.

For Russians the characteristic feature is the aspiration to an uncoiled statement.

6. Structural and composite organization of an interview.

Depending on the degree of structuring the Russian and American teleinterviews can be arranged in the following order:

It is possible to refer the American political interview as a highly structured interviews which are carefully planned in advance. Journalists know when and what question they will ask. They do not ask the guest of studio specifying questions.

The Russian political, Russian business and American business interview belong to the category of moderately structured. Before conducting an interview preliminary planning and definition of thematic borders of an interview “are looked through”.

The Russian and American creative interview should be referred to the category of moderately and low structured. Usually the interview takes place in a form of a casual conversation on approximately planned subject.

Among the Russian and American teleinterviews both standard (full-presented), and non-standard (not full-presented) interviews occur.

7. Characteristic of participants of an interview.

The number of participants of both the American and Russian interview can vary: one journalist – one guest of studio, two journalists – one guest, one journalist – two guests.

Variation of the number of the participants of an interview depending on the interview type is characteristic of the American teleinterview. The combination which is characteristic of a political interview: two journalists – one guest of studio, if the guest of studio is the professional analyst; one journalist – one guest, if the guest is the eminent political figure. The situation which is characteristic of a business interview: one journalist – one guest of studio. In case of special professionalism of the interviewer the guests in the studio can be two. The creative interview is conducted, as a rule, in a format: one journalist – one guest of studio.

The characteristic of the Russian teleinterview is the situation when one journalist questions one guest of studio.

In the analysis of the symmetry sign of the social status of communicants in an interview it is revealed that usually neither in an American, nor in a Russian teleinterview an obvious domination in communication between partners in an interview is observed.

The American journalists are efficient, attentive to the interlocutor and to the issued information, always in a good mood and non-conflicting, sometimes openly smile or laugh, they don't strive for verbosity.

The Russian journalists are serious, attentive to the interlocutor and their information, are sometimes ironic, argumentative, and verbose.

The American guests of the studio are, as a rule, efficient, reserved, sometimes smile. They are not always verbose.

The Russian guests of studio are usually efficient, serious, smile very little. They are often verbose.

The American journalists don't tell their names, but surely tell the name and a surname of the invited guest in studio.

The Russian journalists surely tell their names and surnames, and a name and a surname of the invited guest in studio.

The broadest specialization – from the commentator of sports news to political interviews is characteristic of the American television presenters.

Recently narrow professional specialization has been characteristic of the Russian television presenters.

Those are the national peculiarities of communicative behavior of the Russian and American journalists in organizational-structural aspect of a teleinterview.

REFERENCES

1. Стрельникова, М.А. Телеинтервью в российской и американской коммуникативных культурах / М.А. Стрельникова // Воронеж: Истоки, 2010. – 161 с.
2. Стрельникова, М.А. Специфика Современного российского политического интервью как речевого жанра / М.А. Стрельникова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Филология. Журналистика. 2015. – № 1. – С. 60–62.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ С НАЗВАНИЯМИ ПРОДУКТОВ ПИТАНИЯ И НАПИТКОВ В РУССКОМ И АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКАХ

LINGUOCULTUROLOGICAL PECULARITIES OF PHRASEOLOGISMS WITH THE NAMES OF FOOD AND DRINKS IN THE RUSSIAN AND ENGLISH LANGUAGES

А.Б. Перлина, Ю.Н. Цыганкова

A.B. Perlina, Y.N. Tsygankova

Белорусский государственный университет,

Минск, Республика Беларусь

Belarusian State University, Minsk, Republic of Belarus

E-mail: ulistia@yandex.by, anna.perlina.97@mail.ru

Введение. В современном мире становится важно говорить не только абсолютно грамотно, но и красиво. Ведь окружающие часто судят о нас именно по речи. Зачастую от того, насколько богата речь человека, зависит его успех в обществе. Одним из способов обогащения речи являются фразеологизмы. Согласитесь, вовремя сказанный фразеологизм способен раскрасить речь человека самыми яркими красками. Помимо обогащения словарного запаса фразеологизмы выполняют еще одну очень важную функцию – именно они помогают наиболее глубоко погрузиться в культуру того народа, какому принадлежит данный пласт лексики. Наша работа посвящена рассмотрению кулинарной лексики в русских и английских фразеологизмах, ведь именно кулинарные пристрастия народа способны наиболее полно его охарактеризовать. Это обуславливает **актуальность** исследования.

Материалом данного исследования послужили 100 фразеологизмов русского и 100 фразеологизмов английского языков, содержащие названия продуктов питания и напитков, которые были извлечены

из «Фразеологического словаря русского литературного языка» А.И. Федорова и «Большого англо-русского фразеологического словаря» А.В. Кунина соответственно [5; 2].

Таким образом, **объектом** данного исследования являются фразеологизмы русского и английского языков с названиями еды и напитков, а **предметом** исследования – их лексико-тематические и лингвокультурологические особенности.

В ходе исследования были использованы следующие **методы**: анализ, сравнительно-сопоставительный метод, метод случайной выборки, статистический метод.

Цель исследования – изучить представленность темы еды и напитков во фразеологизмах русского и английского языков в лингвокультурологическом аспекте. Для выполнения поставленной цели мы определили следующие задачи:

- рассмотреть понятия «фразеология» и «фразеологизм»;
- изучить виды фразеологизмов по семантической слитности;
- проанализировать лексические особенности фразеологизмов кулинарной тематики в русском и английском языках;
- определить общие черты и различия в отражении темы еды во фразеологизмах русского и английского языков;
- определить лингвокультурологические причины выявленных сходств и различий.

Фразеология как наука. Классификация фразеологизмов. Итак, **фразеология** (от греч. *phrasis* «выражение, оборот речи» и *logos* «понятие, учение») – раздел языкознания, занимающийся изучением устойчивых словосочетаний с осложнённой семантикой, называемых фразеологическими единицами и фразеологизмами (реже фразеологическими оборотами) [3]. Фразеология как отдельная лингвистическая дисциплина возникла в 40-х гг. 20 в. в советском языкознании. Предпосылки теории фразеологии были заложены в трудах А.А. Потебни и других советских ученых. На развитие фразеологии существенное влияние оказали идеи Ш. Балли. Вопрос об изучении устойчивых сочетаний слов в специальном разделе языкознания – фразеологии – был поставлен в учебно-методической литературе ещё в 20-40-х гг. в работах Е.Д. Поливанова, С.И. Абакумова, Л.А. Булаховского.

Вопрос о фразеологии как о лингвистической дисциплине был впервые поставлен выдающимся советским лингвистом профессором Е.Д. Поливановым. Возникла потребность в особом отделе, который был бы соизмерим с синтаксисом, но в то же время имел в виду не общие типы, а индивидуальные значения данных отдельных

словосочетаний, подобно тому, как лексика имеет дело с индивидуальными (лексическими) значениями отдельных слов [4, с. 61, 119].

Фразеологизмы (от греч. *phrasis + logos* – выражение, оборот речи) – это устойчивые воспроизводимые экспрессивные комплексы, имеющие целостное значение и выполняющие единую синтаксическую функцию. Они придают речи особую выразительность, подчеркивают национальную специфику, своеобразие языка. Без них речь человека бесцветна и зачастую не передает того, что он чувствует. Но овладение фразеологией – процесс трудный, и недочёты встречаются здесь весьма часто. В основе образования фразеологизма лежит семантическое опрощение (переосмысление), т.е. ограничение значений слова, ставшего компонентом фразеологизма, имеющего свое, единое фразеологическое значение.

Степень семантического опрощения (или семантической слитности) компонентов фразеологизма бывает разной; чем древнее фразеологизм и чем менее связан он со словами общего употребления, тем менее мотивировано фразеологическое значение, тем больше забыта его внутренняя форма. На степени семантического опрощения построена известная классификация фразеологических единиц В.В. Виноградова [1].

1. Фразеологические сращения: *точить лясы, как пить дать, себе на уме*. Основным признаком сращения является его семантическая неделимость, абсолютная невыводимость значений целого из его компонентов. Оно представляет собой семантическую единицу, однородную со словом, лишенную внутренней формы. Фразеологические сращения называются также идиомами. Идиомы не допускают пословного (буквального) понимания, так как один из компонентов выпал из современного словоупотребления; этому способствует также изменение формы: *лясы* (вместо *балясы* – столбики балюстрады; ср. итал. *balauastro* – столбик, балясина), *шутка сказать* – *вм. сказать шутку*.

2. Фразеологические единства: *намылить шею; выносить сор из избы, стреляный воробей, чем черт не шутит*. К фразеологическим единствам примыкают поговорки и пословицы, которые имеют форму не словосочетания, а предложения: *дело мастера боится, цыплят по осени считают*.

Особенностью фразеологических единств является их семантическая двуликость: они могут пониматься буквально (*вынести сор из избы*) и переносно – как одна семантическая единица, со своим фразеологическим значением «разглашать что-либо».

3. Фразеологические сочетания – такой вид устойчивых сочетаний, в которых реализуются несвободные фразеологические значения слов, например, *отвести глаза (от кого-либо): Я с усилием отвел глаза от этого прекрасного лица.* Однако при изменении управления возникает фразеологическое единство *отвести глаза (кому-нибудь)* – обманывать: *Обходительность и ловкость, которыми он щеголял перед покупателем, пришедшим к нему в лавку, были не более как средством «отвести» покупателю глаза, «заговорить зубы» и всучить тем временем гнилое, линючее* (Г. Успенский).

Разнообразие кулинарной тематики во фразеологизмах русского и английского языков. Сделав выборку фразеологизмов, содержащих названия еды и напитков, из словарей русского и английского языков, мы выделили их лексико-тематические особенности.

Рассмотрим фразеологизмы с названиями напитков. В русском языке присутствует большой пласт фразеологизмов (14%), основанных на образе воды (*дуть на воду, вилами по воде писать* и др.). Это не случайно, ведь славяне всегда почитали воду, считая ее живительной силой. Однако стоит отметить, что некоторые фразеологизмы (7%), хотя и основываются на образе воды, все же не всегда обозначают именно воду, но иногда и водку (например, *злая водица, огненная вода* и др.). В английском языке можно встретить фразеологизмы, конечно же, о чае (10%) и о пиве (3%), например, *It is not a cup of tea; beer and skittles; chronicle small beer* и др.). Итак, даже проанализировав только напитки, мы видим, что образы, на которых основываются фразеологизмы в русском и английском языках, различаются. Это можно объяснить культурными традициями разных народов. Здесь все логично: то, что нация употребляет, то, что у людей постоянно на виду и на слуху, то и берется за основу создания фразеологизмов. Конечно, как в русском, так и в английском языке можно встретить фразеологизмы со словом «вино», что может показаться странным на первый взгляд, ведь вино не является широко употребляемым ни в одной, ни в другой культуре. Однако такие фразеологизмы просто когда-то были заимствованы из других языков (например, из французского).

Рассмотрим фразеологизмы с продуктами питания. Как в русском, так и в английском языке присутствует большой пласт фразеологизмов о фруктах и овощах, причем как раз о тех, которые произрастают на соответствующей территории (то есть *яблоко, груша, морковь, картофель, лук* и другие; бобы – только в английском языке). Процентное соотношение различных названий продуктов питания, представленных в рассмотренных фразеологизмах, дано в таблицах 1 и 2.

Отдельно хотелось бы отметить, что в русском языке присутствует большое количество фразеологизмов о соли (*считать соль на рану, пуд соли съест* и др.), что по аналогии с водой тоже легко объяснимо.

Как в русском, так и в английском языках мы обнаружили фразеологизмы, основывающиеся на традиционных блюдах русских и англичан. Так, в русском языке это, например, *блины – сияет как масляный блин, как блин на масленицу, щи – профессор кислых щей, щи лаптем хлебать* и др., а в английском языке это, например, *пудинг – to have pudding in the oven, the proof is in the pudding*.

Отдельно отметим наличие в обоих языках отдельного пласта фразеологизмов, которые обозначают сами понятия «вкус», «аппетит», «голод» или «еда», например, *на вкус и цвет товарищей нет, аппетит не по росту* или *the food of the gods, tastes differ*.

Таблица 1 – Представленность названий продуктов питания и напитков во фразеологизмах русского языка (в процентах)

Лексема / тематика	Процент, %
Вода	14
Вода в значении алкогольных напитков	7
Национальные блюда	14
Яблоки	6
Груши	2
Лук	6
Морковь	2
Картофель	3
Из других языков либо из библейских сюжетов	3
Хлеб	19
Соль	16
Вкус/аппетит/голод/еда	8

Таблица 2 – Представленность названий продуктов питания и напитков во фразеологизмах английского языка (в процентах)

Лексика / тематика	Процент, %
Tea	10
Beer	3
Apples	6
Beans	12
Bread	9
Pastry	8
Eggs	11
Fish	10
Corn	5

Chicken	7
Berries/fruits	12
From foreign languages or from the Bible	3
Taste/hunger/food	4

Выводы. Появление фразеологизмов тесно связано с жизнью народа, его историей, бытом, верованиями, общим развитием нации. Как мы уже упоминали, народ всегда берет за основу фразеологизмов именно те реалии, которые присутствуют в его культуре и которые были бы легко узнаваемы и понятны всем представителям этой культуры. Если испокон веков русский народ весьма почитал, прежде всего, хлеб и воду, то именно эти реалии очень часто встречаются во фразеологизмах русского языка. Если англичане весьма любят чаепития, еще и с всевозможной выпечкой, то именно эти реалии чаще всего встречаются во фразеологизмах английского языка.

Кроме всего вышеперечисленного, как в русской, так и в английской фразеологии есть немалое количество фразеологизмов, которые заимствованы из других языков, а также из библейских сюжетов: например, *хватать каштаны из огня* (из французского языка), *цветочный кофе* (из немецкого языка), *манна небесная*; *to kill the goose that lays the golden eggs*, *to drink the bitter cup*, *forbidden fruit* и другие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Виноградов, В.В. Исследования по русской грамматике: Избр. тр. / В.В. Виноградов; Ред. тома Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1975. – 559 с.
2. Кунин, А.В. Англо-русский фразеологический словарь / А.В. Кунин. – 4-е изд., перераб. и доп. – М.: Русский язык, 1984. – 944 с.
3. Назарян, А.Г. Фразеология современного французского языка / А.Г. Назарян. – 2-е изд. перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 288 с.
4. Поливанов, Е.Д. Труды по восточному и общему языкознанию / Е.Д. Поливанов. – М., 1991. – 622 с.
5. Фёдоров, А.И. Фразеологический словарь русского литературного языка: ок. 13 000 фразеологических единиц / А.И. Фёдоров. – 3-е изд., испр. – М.: Астрель: АСТ, 2008. – 878 с.

**РАЗДЕЛ 4
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ
ТЕКСТА**

**SECTION 4
LITERATURE STUDIES, TRANSLATION AND TEXT
INTERPRETATION**

**О НЕКОТОРЫХ БИБЛЕЙСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ
В ПЕРЕВОДЕ СИМОНА БУДНОГО**

**ON SOME BIBLICAL IDIOMS IN THE TRANSLATION
BY SYMON BUDNY**

Е.В. Борисевич

A. Barysevich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Borisevich@bsu.by

В древнееврейском языке, как и в любом живом современном языке, существовала богатая и выразительная идиоматика. Как и любая идиоматика, она сложна для перевода на другие языки. Она естественным образом оказалась зафиксированной в самом важном памятнике древнееврейского языка – в Танахе. Христианские переводчики древнееврейского текста неизменно сталкивались с трудностями при передаче тех или иных устойчивых выражений вначале на греческом и латинском языках, а затем и на иных европейских языках. К XVI веку сложилась устойчивая богословская и лингвистическая традиция интерпретации как самого древнееврейского текста, так и его отдельных элементов. Эта традиция изобиловала неточностями и ошибками, но для большинства сложных контекстов со временем именно в ее рамках были выработаны наиболее приемлемые варианты интерпретации фразеологизмов.

Тем не менее, именно в XVI веке некоторые переводчики Библии решают не следовать сложившейся традиции перевода, а выполнить перевод библейских текстов заново. Этому способствовало развитие протестантского движения в Европе, а также появление новых возможностей для изучения древнееврейского языка в европейских университетах. Благодаря этим факторам отношение к существующим

переводам стало более критическим, что позволило пересмотреть многие контексты, ранее передававшиеся неточно или ошибочно из-за недостаточного знания переводчиками фразеологии древнееврейского языка.

Одним из таких новаторских переводов становится выполненный в XVI веке на белорусских землях Симоном Будным перевод Библии на польский язык. Этот перевод отличал критический подход ко всем ранее выполненным библейским переводам, а также стремление к максимальной дословности при передаче устойчивых древнееврейских выражений.

Для передачи дословных значений Симон Будный использует два технических ресурса: собственно, текст перевода и подробный маргинальный комментарий, который чаще всего вводится при помощи формулы =*wła – właśnie* – ‘собственно говоря, то есть’.

В древнееврейском языке есть несколько типов идиоматических элементов, которые традиционно опускаются в переводе, поскольку обладают определенной семантической избыточностью.

В библейском тексте для обозначения возраста используется устойчивое выражение с непереводаемым элементом יָד ‘сын’, который указывает на то, что называется возраст персонажа мужского пола. Для женщины аналогичную функцию выполняет слово לַד ‘дочь’.

Симон Будный, стремясь переводить библейский текст максимально дословно, нередко переводит эти вспомогательные элементы:

Rodz 17:17 Y padł Abraham na oblicze swoje y rośmiał się / y rzekł w sercu swoim: izali synowi sta lat urodzi się (syn)? Izali y Sarah corka dziewiąćdziesiąt lat urodzi? [2].

Быт 17:17 И пал Аврагам ниц, и засмеялся, и сказал в своем сердце: «Неужели у **столетнего** может родиться, или Сара – разве **на девяностом** году жизни своей родит?» [1].

Данный контекст сложно перевести без восстановления служебных древнееврейских элементов, и именно поэтому – в отличие от множества других контекстов, где Симон Будный опускает служебные слова, здесь он их сохраняет. Для некоторых других контекстов данного типа Симон Будный делает уточнение в маргинальном комментарии: *Rodz 16:16 =A Awram syn ośmidziesiąt lat y sześci lat. [2]* ‘А Аврам сын восьмидесяти лет и шести лет’.

Помимо обозначения возраста эти же слова используются в библейском тексте и для обозначения происхождения или статуса отдельных персонажей. В таких контекстах Симон Будный чаще всего не переводит эти формальные элементы в самом тексте, но дает

дословный перевод в маргинальном комментарии: *a szafarz domu mego* (Rodz 15:2) = *wła: syn szafarstwa*. Словом *szafarz* Симон Будный переводит древнееврейское описательное выражение, дословно обозначающее ‘сын хозяйства моего дома’.

Библейский текст на древнееврейском языке изобилует соматизмами, в составе которых чаще всего встречаются слова פנים – ‘лицо’ и ‘сердце’ לב. Особенностью слова פנים является то, что оно может сочетаться с разными предлогами, и при этом его значение может существенно меняться. При переводе на другие языки не всегда представляется возможным – с точки зрения языковой правильности и логики – сохранить эти элементы. Симон Будный часто сохраняет их в основном тексте перевода, а в случае, если это оказывается невозможным, – выносит их дословный перевод в маргинальный комментарий. Так, в стихе Быт 6:6 он переводит: *y żalował w sercu swoim* – ‘и сожалел в сердце своем’; в Быт 6:7 *...wygladzę człowieka / ktoregom stworzył z oblicza ziemi* – ‘и сотру человека, которого я создал, с лица земли’, Быт 6:13 *...koniec wszelkiemu ciału przyszedł przed oblicze moie: bo napełniona ziemia niesprawiedliwości od oblicza ich* – ‘конец всякой плоти пришел перед моим лицом, ибо наполнилась земля насилием от их лица’. Характерно, что даже современные переводы, стремящиеся к максимальной близости к древнееврейскому тексту, опускают соматизмы в стихе 6:13: «Конец всякой плоти настал передо мною, ибо вся земля наполнилась насилием от них» [1].

Такая же избыточность характерна для многих других контекстов с другими соматизмами, ср.: Rodz 8:9 *Y nie znalazła gołębicą odpoczynienia podeszwie nogi swey...* – ‘И не нашла голубка покоя для подошвы своей ноги...’. В русском переводе [1] предлагается менее избыточное чтение: *Но голубь не нашел места покоя для ноги своей...*

Издание Симона Будного становится одним из первых славянских библейских переводов, в котором были реализованы принципы комментированного перевода. Как сам текст, отличающийся значительной близостью к древнееврейскому оригиналу, так и маргинальный комментарий к переводу, стали принципиально новым этапом в развитии славянского библейского перевода.

Одновременно с изданием перевода Симона Будного выходят несколько переводов Библии на польский язык. В некоторых из них на титульных листах заявляется, что текст является переводом не только с греческого и латинского языков, но и с древнееврейского. Однако анализ этих переводов показывает, что в действительности их авторы очень редко обращались к древнееврейскому оригиналу, а единственным переводчиком, который последовательно работал именно

с древнееврейским текстом, был на славянских землях в эту эпоху только Симон Будный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Тора (Пятикнижие Моисеево) / под общ. ред. проф. Г. Брановера. – М.: Арт-бизнес-центр, 1993. – 1135 с.
2. Biblia. To iest, księgi starego y nowego przymierza, z nowu z języka Ebrejskiego, Grecskiego y Łacińskiego na Polski przełożone. – Nieśwież, 1572. – 1510 s.
3. The Brown-Driver-Briggs Hebrew and English Lexicon: with an appendix containing Biblical Aramaic: 13th printing. – S. l., 2010. – 1204 p.

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА ГАЗЕТНЫХ СТАТЕЙ

SOME FEATURES OF NEWSPAPER ARTICLES TRANSLATION

V.V. Zavaцкая

V.V. Zavatskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Zavatskaya@bsu.by

С возникновения письменности перевод выполнял важнейшую функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Умение прочесть и понять статью из газеты на иностранном языке вызывает у студента чувство удовлетворения и ощущение полезности изучения иностранного языка. В языке мгновенно отражаются изменения в обществе. И эта мобильность создает определенные трудности в изучении стиля английской прессы. Дипломатические отношения между странами развиваются, поэтому зарубежные газетные публикации становятся все более актуальными для современного человека. Точная передача информации зарубежной прессы крайне важна сегодня. Именно перевод газетных текстов помогает проследить изменения в общественной жизни англоговорящих стран.

Дисциплина «Практика иноязычного общения» предназначена для студентов 4 и 5 курсов специальности «Современные иностранные языки». Одной из целей данного спецкурса является формирование у студентов структурных, грамматических, лексических и прагматических аспектов языка средств массовой информации. По итогу изучения курса «Практика иноязычного общения» студент должен уметь анализировать и комментировать содержание и лингвистические особенности исходного текста СМИ, владеть всеми видами речевой деятельности (аудирование, чтение, говорение и

письмо), в рамках которых адекватно воспринимается аутентичная устная и письменная речь различных жанров и стилей.

Тематика учебных материалов обусловлена актуальностью и частотностью событий, освещаемых в СМИ. На занятиях изучаются следующие темы: *Politics, Elections, Economics, Markets, International news, Diplomacy and War, Political Affairs and Electoral Affairs*.

Курс «Практика иноязычного общения» не только стимулирует студентов анализировать периодические издания, но и высказывать свое мнение. При анализе газетной статьи необходимо обращать внимание студентов на исторический контекст.

Газетные тексты принадлежат различным функциональным стилям. Выделяют следующие жанры статей: *репортаж, информационная статья, коммюнике* (превалирует информационная функция), *редакционная статья, политический обзор* (ведущей является функция оценки, воздействия на читателя).

Язык газетных статей – динамичен и эмоционально насыщен, он изобилует метафорами, образными сравнениями, идиомами, иронией, сарказмом. Например, *set on edge ‘обострить отношения’*, *go off script ‘выйти за рамки протокола’*, *portray oneself as the land’s savior ‘строить из себя спасителя’*, *bring to heel ‘присмирить’*, *on the same page ‘единство мнений, команда единомышленников’*.

Газетная статья имеет политическую направленность. Тексты насыщены терминами, которые связаны с государственной и политической жизнью. Здесь встречаются названия государственных учреждений, политических партий, общественных организаций. Например: *the State Department ‘Государственный Департамент’*, *the Conservative Party ‘Консервативная партия’*, *International Monetary Fund ‘Международный валютный фонд’*.

В области фразеологии, газетно-информационный стиль отличается частое использование безличных оборотов в качестве вступительной части сообщения. Например, *it is reported (that), it is claimed, it is suggested, it is generally believed that*. Широко используются вводные конструкции (*according to well-informed resources, an important point is that, to throw light on, it seems that*) и речевые штампы (*in reply to, on the occasion of, in a statement of, in the wake of*).

Также следует учитывать различия в порядке слов в английском и русском языках, так как при переводе часто требуется перестройка предложения. Например, *A press conference was recently held in Essen. Недавно в Эссене состоялась пресс-конференция*. Синтаксическая перестройка также требуется при переводе предложения с инверсией:

What is more important is the principle of the decision. Но важнее сам принцип решения (вопроса).

Заголовок в англо-американских газетах играет крайне важную роль; основная его задача заключается в том, чтобы привлечь внимание читателя, заинтересовать и поразить его. В заголовках используются краткие, сжатые фразы, в которых опущены все семантически второстепенные элементы: опускаются артикли и личные формы вспомогательного глагола *to be*, используются сокращения и аббревиатуры. Действие обычно передается формами *Indefinite* или *Continuous*: *Obama's Oval Office address reflects struggle to be heard; Swing states: how changes in the political landscape benefit Trump; Brexit: Leaving customs union to cost UK business £4bn a year, study shows; Democrats gaining in polls.*

В плане лексики для газетных заголовков характерно использование специальных слов (*Headline English*): *claim, move, quit, ban, bid* и др. Отличительной чертой такой лексики является не только частота использования таких слов, но и универсальный характер их семантики. Например, слово *bid* может означать и 'призыв', и 'попытку достичь определенной цели': *Bid to quit PM. Призыв отправить премьер-министра в отставку, Sri Lanka peace bid. Попытка провести мирные переговоры в Шри-Ланке.* Поэтому при переводе заголовка целесообразно сначала перевести саму статью, а затем уже, исходя из ее содержания, и заголовок. Знание ключевых слов снимает проблему понимания информации из первоисточника.

В английских и американских газетах преобладают глагольные заголовки типа: *Move to create more jobs, Bomb blast Central London, Stock waves hit business community*, а также в форме вопроса (*Fraudsters stole £50,000 from me last year – why will no one help? 'Is this the end of my life? False alert of missile attack sends Hawaii scrambling*). Подлежащее иногда опускается (*Trapped and terrified, Hits arrest of peace campaigners*). Для указания на будущее время в заголовках используется инфинитив (*Germany to demand UK keeps paying into EU budget after Brexit, France to cut nuclear power*).

Связь между заголовком и текстом ограничена. Наиболее тесно заголовок связан с зачином (*lead*). В англо-американской прессе чаще всего встречается зачин-резюме (*the summary lead*) – это начальное предложение или предложения, в которых передается основное содержание статьи. А последующий текст представлен в форме «перевернутой пирамиды» (*the inverted pyramid form*), то есть детализация и комментирование следуют за описанием главного факта. Следует упомянуть максимальное дробление текста на абзацы и

наличие подзаголовков, цель которых повысить интерес читателя. В целом, газетный текст представляет собой единство семантических, структурных и стилистических характеристик.

Подводя итог вышесказанному, отметим, что газетные статьи являются эффективным способом усвоения студентами того или иного языкового материала. Газетный текст стремится к сжатости и лаконичности изложения, характеризуется наличием повторяющихся слов и словосочетаний, а заголовок является главной структурной и семантической определяющей.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бурков, А.В. Язык средств массовой информации США и Великобритании. Language of the Mass Media in the USA and in the UK. / А.В. Бурков, Л.С. Крохалёва, С.Е. Кунцевич [и др.]. – Минск: МГЛУ, 2006. – 165 с.
2. Mascull, Bill. The key words in the Media. Ключевые слова в СМИ. / Bill Mascull. – Москва: Астрель:АСТ, 2005. – 272 с.

ОТРАЖЕНИЕ КОНФЕССИОНАЛЬНЫХ РАЗЛИЧИЙ В СЛАВЯНСКИХ ПЕРЕВОДАХ БИБЛИИ XVI в.

THE REFLECTION OF CONFESSIONAL DIFFERENCES IN THE BIBLE SLAVONIC TRANSLATIONS OF THE XVITH CENTURY

А. Кожинова

A. Kozhinowa

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Belarus, Minsk

E-mail: Kozhinowa@bsu.by

Материалом для настоящей статьи послужили западно- и восточнославянские переводы одного фрагмента Книги Екклесиаста (стих 1.15). Следует сказать, что этот раздел Священного писания вообще является своего рода пробным (или подводным?) камнем, на котором проверяется переводческое умение и верность идеологическим принципам.

Как известно, XVI век в истории польского языка и культуры был отмечен, в частности, стремительным развитием книгопечатания и возрастанием количества печатных переводов Библии, среди которых, безусловно, выделяются четыре полных перевода священной книги – Яна Леополиты (1561) (Leop.), Радзивилловская (Брестская) библия (1562) (Radz.), Сымона Будного (1572) (Bud.), Якуба Вуека (1599)

(Wuj.). Все эти переводы были созданы в русле различных переводческих, и, главное, идеологических традиций. Уже на самый первый взгляд различия между названными переводами очевидны:

Leop. – *Przewrotni ludzie z ciężkością naprawieni bywają / á głupich niezliczny poczet.*

Radz. – *Tho co iest krzywego / nie może być wyprostowano / á niedośhatki nie mogą być obliczone.*

Bud. – *Co się skrzywilo niemoże się náprościć / á czego niemażz (to) się niemoże liczyć.*

Wuj. – *Przewrotni z ciężkością bywają naprawieni, a głupich jest poczet nieprzeliczony.*

Эти различия проводят демаркационную линию между двумя традициями, разрывавшими польское христианство в XVI веке, – католической и протестантской.

Действительно, Ян Леополита, профессор Краковской академии, редактор Библии, изданной в 1561 году, был правоверным католиком, также, как и Якуб Вуек, чье творение на столетия обозначило развитие польской духовности и польского языка. Их перевод соответствует версии Вульгаты – *perversi difficile corriguntur et stultorum infinitus est numerus.*

Также очевидно, что Симон Будный и переводчики Радзивилловской библии ориентировались на древнееврейскую версию:

τΩςνφΜιη:λ λακΥψ–)λ }Ωορ:σεξ:Ω }οθ:τιλ λακΥψ–)λ τφΥυ(:μ

Эти переводы практически совпадают, несмотря на то, что Будный применял технику дословного перевода с древнееврейского, давая глоссы в тех местах, где дословность могла идти в разрез с языковой правильностью, а кальвинисты (польские и приезжие), которые создавали Радзивилловскую библию, несмотря на все свои декларации о приверженности оригинальному тексту Священного писания, во многих местах сильно от него отклонялись в пользу Вульгаты и французской кальвинистской Библии. Как видим, не в данном случае.

Безусловно, на древнееврейский текст ориентировались переводчики Виленского кодекса (Vil.), который возник в начале XVI века и представлял собой плод деятельности иудейской общины на западных рубежах Slavia Orthodoxa, а именно, перевод пяти книг, которые используются в синагогальном богослужении:

Vil. – *кривое не може(т) са направити а оубавленое не може(т) са приличити.*

Следует, однако, сказать, что значение лексемы }Ωορ:σεξ ‘вещь, в которой испытывают недостаток’, более точно приведено в Радзивилловской библии. А вот католические версии, следуя

за Вульгатой (форма *stultorum*), сузили значение лексемы, ср. ‘испытывающий недостаток’ > ‘испытывающий недостаток ума’.

Обратим внимание на первую часть высказывания. Лат. *perversus* в качестве первого имеет значение ‘косой, косящий’ (ср. причастие τφΥυ(μ от др.-евр. глагола таΩφ(‘сгибать, искривлять, скрючивать’). Однако создатель Библии Леополиты и Вуек предпочитают, скорее, последнее, переносное значение латинского причастия ‘превратный, извращенный’, при этом первый добавляет лексему, отсутствующую в Вульгате – *ludzie*, что сразу превращает рассуждение о непоправимости естественного хода событий в моральную сентенцию.

Как представляется, подобному развитию сюжета послужили чешские переводы – Венецианской библии (1506) (Ven.) и перевод, изданный в Праге Иржи Мелантрихом Рождаловским (первый – в 1549 г.) (Melan.). Действительно, издатели Библии Яна Леополиты, братья Шарфенбергеры, тесно сотрудничали с пражской типографией Мелантриха.

Ven. – *Przewráczej lidee zticzka napraweni býwagij : a blázníow tiech geft bez cżyfla.*

Melan. – *Přewráceníj Lide těžce napraweni býwagij / a blázníow těch geft bez počtu.*

Сразу, кстати, видно, какой перевод был использован Франциском Скориной (Библия 1517-1519) (Скор.) –

Скор. – *Преображенные людие стажкостию направлены бывають. А шаленыхъ тыхъ естъ безъ числа.*

Особенно показательным в этом случае наличие лексем, отсутствующих в оригинальных версиях.

И следующий фрагмент, в котором в масоретском древнееврейском тексте употребляется форма глагола таΩφ(‘сгибать, искривлять, скрючивать’, Скорина переводит, полностью следуя версии Венецианской библии (ср. отличие в версии Мелантриха) –

Скор. – *иже никто неможетъ направити того кого онъ завергль.*

Ven. – *že nižádný nemůž naprawiti toho kteréhož on zawrhl.*

Melan. – *že nižádný nemůž naprawiti toho což on zkazyl.*

Следует он настолько, что считает возможным оставить слово *zawrghl*, абсолютно чуждое для книжно-письменного языка Великого княжества Литовского. Чеш. *zavrhl* ‘отверг, отклонил’ переводит значение глагола, стоящего в латинском тексте в этой позиции глагола *despicio*, которое в классической латыни применялось по отношению к отклонению брачных предложений [2, с. 242].

Ян Леополита и Якуб Вуек также логично продолжают моральную тему стиха 1.15 – в их версии говорится о невозможности исправления божественного наказания –

Wuj. – *iż żaden nie może poprawić, którego on wzgardzi.*

Leop. – *yż thego żaden niemoże poprawić / kthorego on wzgárdzi.*

Действительно, одно из значений упомянутого глагола *despicio / despecto* ‘смотреть вниз, перен. смотреть свысока, презирать’. Любопытно, однако, что она, как уже говорилось, переводит форму того же глагола τΑΩφ(‘сгибать, искривлять, скрючивать’, ср. у Симона Будного:

Bud. – *(á) kto może náprościć co on skrzywíl.*

Объяснение того, почему переводчик Вульгаты выбрал именно такой перевод, также, по-видимому, должно быть семантического характера. То значение рассматриваемого древнееврейского глагола, в котором он присутствует в различных книгах (Псалтирь, Амос, Иов, Плач Иеремии) – ‘фальсифицировать, исказить закон’ [4, с. 736]. И только в Екклесиасте (как это часто бывает), реализуется иное значение – на этот раз конкретное ‘сгибать, искривлять, скрючивать’. Если предположить, что переводчик рассмотрел глагол *despicio / despecto* не в его классическом значении, а как приставочный дериват, в котором каждый формант реализует собственное значение (*de-* ‘приставка, обозначающая отделение, устранение’, *specto* ‘смотреть’), мы получим лексему, соответствующую приведенному выше значению (ср. *исказить*, родственный др.-инд. *kāś-*, *kāśate* ‘быть видимым, являться’, авест. *ākasat* ‘он увидел’, ст.-сл. *kažQ* ‘кажу’ [1, с. 154].

И на это нам в определенном смысле указывает версия Мелантриха:

Melan. – *že nižádny nemůž naprawiti toho což on zkazył.*

Здесь, в отличие от версии Венецианской библии, на которую в большинстве случаев опирался переводчик, стоит глагол *zkaziti* ‘испортить, разрушить, развратить’, родственный тому же *исказить*.

Кстати, интересная форма со значением ‘выпрямить’ употреблена в Виленском кодексе.:

Vił. – *ijze kto moźet poraditi to што скривиль его.*

Словарь И.И. Срезневского для глагола *poraditi* приводит значения ‘1. распрядиться’, ‘2. заключить договор’. Однако прилагательное *poradъnyи* имеет значение ‘равный’ [3, т. 2, с. 1225-1226], при *радъ* ‘порядок, строй’. Видимо, значение такого рода имел в виду наш переводчик, предпочтя эту лексему другим.

У нас осталась еще одна версия перевода рассматриваемых лексем, кардинальным образом отличающаяся от всех других, оделяя от них православную традицию. Это версия Острожской библии (Ostrog.),

изданной в 1580 и 1581 годах Иваном Федоровым, по тексту, над которым работали многие переводчики:

Ostrog. – *развращенно неможесть оукраститса, илишение неможе(т)са съчести (1.15); ако кто может оукрастити еже аге бѣ разъверати (7.13).*

В этом переводе привлекает внимание глагол *оукрастити* в той части фрагмента, где говорится об исправлении (см. приведенные выше версии). Ответ на вопрос о причинах появления этого глагола представляется достаточно простым. Суть его заключается в определении того, какое значение увидел в оригинальной лексеме переводчик – первичное или вторичное. Так, древнеевр. $\text{ } \alpha\theta\phi\Gamma$, инфинитив которого породы Qal мы наблюдаем в этом фрагменте, встречается только в Екклесиасте и в значении ‘выпрямить’ (см. Gesenius 1075). Однако ассирийском, арамейском и в позднем иврите родственные образования имеют значение ‘упорядочить’. Именно такое значение представлено в Септуагинте. Не следует забывать, однако, что греч. $\kappa\omicron\beta\mu\omicron\varsigma$ от которого произведен соответствующий глагол, в качестве первого имело значение ‘украшение’ (которое, как правило, и замечали славянские переводчики), и только в качестве второго – ‘порядок’.

Кстати, именно значение упорядочивания увидел переводчик Виленского кодекса в значении третьего употребления этой лексемы (в форме $\text{ } \forall\Theta\iota\Gamma$) в стихе 12.9, где говорится о составлении и сложении притчей (ср. *радъ* ‘строй, порядок’).

Vil. – *врадиль притчеи много.*

Острожская библия осталась верной своей версии, ср. в этой позиции:

Ostrog. – *красоты приточныа.*

Все остальные версии, вне зависимости от исповедания их авторов и языка, единодушны в своем переводе:

Vulgata – *conposiut parabolae multas;*

Скор. – *сложиль е(с) притчи многы;*

Wuj. – *złożył wiele przypowieści;*

Leop. – *złożył iest przysłowia wiele;*

Radz. – *złożył wiele przypowieści;*

Bud. – *náflkládal przypowieści rozmáitých;*

Ven. – *složyl gešt prijšlowije mnoha;*

Melan. – *složyl Přišlowij mnohá.*

Все глаголы, употребленные в позиции сказуемого, можно рассматривать равным образом как выражающие идею составления, так

и выражающие идею упорядочивания, ср. *сопропо* / *сопропо* ‘складывать’, ‘слагать, сочинять’, ‘приводить в порядок, убирать’.

Таким образом, все рассмотренные славянские переводы демонстрируют достаточно последовательную ориентацию на одну из трех классических версий, как правило, в соответствии с вероисповеданием их создателей. Однако более детальное рассмотрение показывает, что, в сущности, каждый переводной текст образует свою особую группу, в которую входит единственно он, неповторимый и по-своему оригинальный.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гамкрелидзе, Т.В., Иванов, Вяч.Вс. Индоевропейский язык и индоевропейцы: В 2 т. // Т.В. Гамкрелидзе, Вяч.Вс. Иванов. – Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1984. – 1329 с.
2. Дворецкий, И.Х. Латинско-русский словарь // И.Х. Дворецкий. – Москва: Русский язык, 2000. – 846 с.
3. Срезневский, И.И. Материалы для словаря древнерусского языка по письменным памятникам: В 3 т. // И.И. Срезневский. – Санкт-Петербург: Типография Имп. Акад. Наук, 1893 – 1912 с.
4. Brown F. et al. A Hebrew and English Lexicon of the Old Testament with an Appendix Containing the Biblical Aramaic, based on the Lexicon of William Gesenius // F. Brown et al. – Oxford: Clarendon Press, 1907. – 1127 p.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ АНТИТЕЗЫ В КОРОТКОМ РАССКАЗЕ Д.Г. ЛОУРЕНСА «THE ROCKING HORSE WINNER»

THE USE OF ANTITHESSES IN THE SHORT STORY «THE ROCKING HORSE WINNER» BY D.H. LAWRENCE

О.О. Сергиенко, Е.Э. Жевнерович

O.O. Sergienko, A.E. Zhevnerovich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Sergienko@bsu.by, Zhevnerovich@bsu.by

Художественный текст неизбежно отображает объективно существующий мир с присущими ему противоречиями. С этой точки зрения в каждом тексте присутствуют те или иные противопоставления явлений, событий, характеров, а также основных ценностно-смысловых оппозиций, например, *жизнь/смерть*, *добро/зло*, *идеальное/материальное*, или более частных оппозиций: *свет/тьма*, *близкий/далёкий*. Значимость таких антитезных противопоставлений

определяется тем, что они во многом формируют лексический состав текста, проецируются на конкретные персонажи и сюжет, оказывают определённое влияние на композицию художественного текста.

Исследование литературных произведений показывает, что для художественного творчества чрезвычайно важным является аспект соотношения формы и содержания, причем зачастую на передний план выходит их борьба, противоречия между ними. “Форма воюет с содержанием, борется с ним, преодолевает его” – отмечает Л.С. Выготский [1, с. 576]. Ученый формирует закон, согласно которому в “художественном произведении всегда заложено некоторое противоречие, некоторое внутреннее несоответствие между материалом и формой... автор подбирает как бы нарочно трудный, сопротивляющийся материал, такой, который оказывает сопротивление своими свойствами всем стараниям автора сказать то, что он хочет. И чем непреодолимее, упорнее и враждебнее сам материал, тем как будто оказывается он для автора более пригодным” [1, с. 576].

Вместе с тем не в каждом тексте противопоставление становится ведущим приёмом (способом) изображения отражаемой действительности, который подчиняет себе организацию всего содержательного и речевого материала. Вследствие этого художественный текст считается построенным по принципу антитезы в том случае, если изображение противоречия становится фокусом всего идейно-тематического содержания текста и, в соответствии с этим, противопоставление текстовых элементов становится своего рода призмой, через которую преломляется весь процесс отражения.

Одним из ведущих способов реализации антитезы в художественном тексте является антонимия, чаще всего применяемая для отражения противопоставлений в языке. Именно антонимичные и контекстуальные оппозиции являются важными лексическими средствами реализации антитезы. Такие оппозиции способствуют созданию неповторимого отличительного индивидуального стиля писателя. Антитезные противопоставления помогают автору более детально раскрыть окружающую действительность и внутренний мир персонажа (его мысли, взгляды, идеи) в процессе непрерывного развития, источником которого является взаимодействие противоположных начал. В художественной литературе такие противопоставления реализуются главным образом посредством лексических и стилистических средств. Антитеза, через контрастное сопоставление противоположных понятий, образов, идей, позволяет со всей глубиной показать противоречивую суть явлений. Таким образом, можно сказать, что антитезные противопоставления могут

рассматриваться как один из показателей индивидуального стиля писателя. Они также способствуют более глубокому проникновению в авторский замысел и более полному постижению художественной сути произведений словесного искусства.

В данной статье предпринята попытка анализа антитезных противопоставлений на примере рассказа “The Rocking Horse Winner” (1926) Д.Г. Лоуренса, глубокого исследователя человеческой природы, сторонника психоанализа в художественном творчестве. Он делает основной сферой исследования мир чувств, подсознательных страстей и инстинктов. Особенности стиля писателя передают состояния, переживания и тончайшие изменения настроений своих героев. Так, строя свои рассказы на антитезе, Д.Г. Лоуренс подчёркивает наиболее важные на его взгляд положения, приковывая внимание читателя именно к ним.

Так как использование антитезы является одним из мощнейших средств увеличения художественной выразительности текста, Д.Г. Лоуренс, прибегая к данному приему, усиливает эмоциональный накал произведения, задаёт перспективу развития событий и образов, а также указывает на авторскую позицию. Помимо этого, исследование противопоставлений лексических единиц показало, что в художественном тексте в отношении контраста вовлекаются лексические единицы самой разнообразной семантики. Происходит это в силу того, что в художественном тексте преобладает субъективный подход к противопоставлению вещей и явлений. Этот фактор и способствует порождению неограниченного числа оригинальных, индивидуально-авторских художественных противопоставлений.

Проанализировав рассказ “The Rocking Horse Winner” (1926) можно легко обнаружить использование антитезы. Так, с самого начала перед нами встаёт образ семьи, благополучной, состоятельной. (“*They lived in a pleasant house, with a garden, and had discreet servants, felt themselves superior to anyone in the neighbourhood*” [2, с. 202]). Но это всё лишь иллюзия, семье крайне не хватает денег (“*small income*” [2, с.202], “*never enough money*” [2, с. 202]). Казалось бы, как такое возможно: богатые и бедные одновременно. Нехватка денег (“*There must be more money!*” [2, с. 203], “*grinding sense of the shortage of money*” [2, с. 203]) стала основной причиной несчастья для этой семьи. Но раз нет денег, нужно либо умерить свои запросы, либо попытаться заработать больше, как говорится, любишь кататься, люби и саночки возить. Однако герои хотят быть богатыми, хорошо жить, не прикладывая при этом никаких усилий (“*they were handsome and expensive in their tastes, seemed as if they never would be able to do anything worth doing*” [2, с. 203], “*the style was*

always kept up” [2, с. 203]). Ещё один пример: средств не хватает, а детям покупают дорогие игрушки (“*expensive and splendid toys*” [2, с. 203] “*shining modern rocking-horse*” [2, с. 203], “*smart doll’s house*” [2, с. 203]). Можно подумать, что родители делают это по причине большой любви к своим детям. Возможно, ими движет желание отдать малышам самое лучшее. Именно такое впечатление семья производит со стороны. Например, в глазах других людей жена выглядела любящей матерью (“*she is such a good mother*” [2, с. 203], “*she adores her children*” [2, с. 203]). Но это была только внешняя оболочка, на самом деле можно говорить о равнодушии матери по отношению к своим детям (“*her heart could not feel love*” [2, с. 203], “*they had been thrust upon her*” [2, с. 203], “*she could not love them*” [2, с. 203]). Может ли мать не любить своих детей? Это кажется просто абсурдным. Поэтому в ней борются два противоположных чувства: безразличия и любви (“*she was all the more gentle and anxious for her children*” [2, с. 202], “*looking down at him anxiously, her heart curiously heavy because of him*” [2, с. 214]). Более яркого противопоставления и быть не может.

В дальнейшем события рассказа развиваются достаточно последовательно, ничто друг другу не противоречит, и лишь трагический конец позволяет определить скрытую антитезу. Противопоставление образа матери, красивой, но не способной на нежность, заботу, любовь даже к собственным детям женщины и её сына Поля, мальчика, который до безумия любил свою мать и ради её счастья (а счастье для неё – деньги!) пожертвовал своей жизнью, подтверждает наличие пары противопоставления любовь – равнодушие. Рассказ заканчивается следующими словами (“*My God, Hester, you are eighty-odd thousand to the good, and a poor devil of a son to the bad*” [2, с. 219]). Данная цитата является очередным доказательством того, что именно деньги стали причиной трагического финала. Таким образом, основная антитеза рассказа – чем больше денег, тем сильнее ощущается их недостаток. Другими словами, по мере роста благосостояния растут запросы семьи.

Итак, анализируемый материал (рассказ “The Rocking Horse Winner” (1926)) дает возможность сделать следующие выводы:

1) На уровне плана содержания принцип антитезы находит своё выражение в контрастном параллелизме персонажей, их взглядов и мышления, их действий и поступков, что отображается в противопоставлении соответствующих понятий (*богатство/бедность, любовь/равнодушие, роскошь/долги*). Более того, антитеза позволяет наблюдать противоречия в пределах раскрытия образа одного и того же

персонажа (наиболее яркий пример – главная героиня, мать Поля Эстер).

2) На уровне плана выражения языковыми средствами реализации антитезы являются разнообразные контрастные антонимы, преимущественно оппозиции, выражающие чувства, настроение и другие виды сенсорных реакций (например, *love – indifference*), а также смысловые оппозиции в пределах одного или двух соседних предложений, вводимые при помощи союзов *but, although* и других.

3) Антитеза может встречаться как в пределах одного предложения (например, “... *to the good, ... to the bad*”), так и располагаться дистантно, т.е. реализовываться в макротексте.

ЛИТЕРАТУРА

1. Выготский, Л.С. Психология искусства. / Л.С. Выготский – М.: Искусство, 1968. – 576 с.
2. Lawrence, D.H. *Odour of Chrysanthemums and Other Stories.* / D.H. Lawrence – Progress Publishers, Moscow, 1977. – 293 p.

ПРАГМАТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ПРИ ПЕРЕВОДЕ РЕКЛАМНЫХ ТЕКСТОВ

PRAGMATIC ASPECTS IN THE TRANSLATION OF ADVERTISING TEXTS

И.В. Соколова, Л.М. Блинкова

I. Sokolova, L. Blinkova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: SokolovaIV@bsu.by, BlinkovaL@bsu.by

Перевод рекламных текстов – это креативный и специфический вид переводов, ведь рекламный текст – это не просто статья или письмо потенциальным клиентам. В рекламном тексте необходимо воссоздать на другом языке или передать то, что порой не поддается переводу: крылатые выражения, хлесткие заголовки, образность, ассоциативно-визуальные ряды и т.д. Для полноценного перевода рекламных текстов переводчик должен настолько хорошо владеть языком, на который делается перевод, чтобы в должной степени передать или воспроизвести на нем игру слов.

Главной задачей рекламодателей является передача сути сообщения, поэтому выполняется требование минимакса: минимум

слов – максимум информации (избавление от лишних слов, сохранение стиля и ритма): *Relax, it's Holiday Inn*. Точность и конкретность проявляются в том, чтобы обращать внимание на детали, которые вызывают доверие, соответственно убираются детали, которые являются для восприятия скучными или ненужными: *Don't dream it, drive it*. Логичность рекламного текста создается последовательной передачей информации без утраты важных деталей и без лишних слов: *For some the essence is to see, for others to see the essence*. В рекламном сообщении не должно быть неясности или двойного толкования, оно должно быть убедительным благодаря аргументам, которые актуальны для аудитории: *We are sure that you have made the right choice in choosing this particular line as it is proving to be a leading seller*. Более запоминаемой и понятной становится простая реклама: *Designed to save lives*. Для того, чтобы вызвать интерес у потребителя, используется оригинальность (но только в разумных пределах): *There are some things money can't buy. For everything else, there's MasterCard*. В рекламе также используются особые формы выразительности – метафоры, эпитеты, сравнения, гиперболы, вопросно-ответные конструкции, синонимы, и т.д.: *Small computers for big people*. В соответствии с типом товара выбирается соответствующий стиль – повседневный, дорогостоящий или престижный. Предмет рекламы также оказывает влияние на стиль рекламного текста. Например, реклама косметики и парфюмерии изобилует выразительными средствами: *Inside this jar you'll find a radiantly glowing skin, naturally-blushed cheeks, wondrous eyes and color-kissed lips. Suddenly your skin has a radiant sun-kissed glow*.

Основной целью языка рекламы является возможность оставить яркий эмоциональный след о тексте, произвести впечатление на целевую аудиторию. Именно импрессивность и образность являются основой рекламы, а также способами создания указанных характеристик рекламных текстов. Одним из средств импрессии является использование низкочастотных слов; образность создается за счет семантики слов и зависит от эмоций, с которыми эти слова связаны. Одним из самых сильных чувств является страх, и благодаря таким усилителям как *awfully*, *terribly* создается весьма сильная импрессивность фразы. Также велика и роль фонетических особенностей, которые используются в слоганах, так как рекламная информация воспринимается не только визуально, но и на слух. Соответственно рекламные тексты, выделенные рифмой и ритмом, запоминаются лучше: *Be American, buy American*. (*BuyAmericanMart.com*). Привлекает внимание аудитории языковая игра с использованием таких фонетических средств как аллитерация

(повторение однородных согласных) и ассонанс (созвучие гласных звуков): *Do the Dew. (Dew); The art of craft. The craft of art. (IWC)*. В некоторых случаях игра основана на созвучии рекламируемого товара (марки) и слова-образа: *Cannon – You can. (Cannon)*. Лексика с негативной окраской практически не употребляется в языке рекламы, чаще используются такие слова как: *good, great, new, sure, free: Be in Colin's, be free! (Colin's)* Для усиления экспрессивности слогана может использоваться каламбур: *A Mars a day helps you work, rest and play. (Mars)* – измененная пословица *An apple a day keeps the doctor away*. Если рекламные тексты носят побудительный характер, в них преобладает повелительное наклонение: *Think different. (Apple)*. Рекламные тексты также отличаются по типу производителя речи: используются местоимения 1-го лица (как прямая речь «восхищенного» адресата рекламы): *I'm lovin' it. (McDonald's)*; местоимения 2-го лица (как знак непосредственной адресованности потребителю; чаще всего употребляется вежливая форма **Вы**, однако если адресатом является молодежь, может использоваться форма **ты**): *Because you're worth it! (Loreal), Once you pop you can't stop. (Pringles)*; притяжательные местоимения: *For the new you (BEKO), The Drive of your life (Peugeot)*; глаголы 3-го лица (носят характер объективной оценки товара): *There are some things money can't buy. For everything else, these is MasterCard. (MasterCard)*. Лидирующую позицию в рекламных текстах занимают простые предложения с одной грамматической основой: *Discover Opel (Opel); Safety for everyone (Honda)*. Также встречаются предложения с однородными членами, которые передают конкретно-чувственное изображение действительности: *Ultimate driving machine (BMW)*. Многие современные слоганы представляют собой восклицательные предложения (с целью вызвать яркие положительные эмоции): *Have a Pepsi Day! (Pepsi); Finger lickin' good! (KFC)*. Также встречаются вопросительные предложения, содержащие риторический вопрос: *Where do you want to go today? (Microsoft)*. В рекламных текстах также используются такие явления как повторение в виде анафоры – повторения начальных частей смежных отрезков речи, и эпифоры – повторения конечных частей: *Have a break... Have a Kit Kat (Kit Kat); Be American, buy American (Buy American, интернет магазин [2, с. 125])*.

Прагматический аспект рекламных текстов связан с их своеобразной организацией и имеет установку на конкретные действия со стороны партнеров по коммуникации. Прагматическая адаптация является одним из важных элементов перевода рекламы, необходимым для обеспечения адекватного перевода. Для того, чтобы рекламный текст выполнял свою коммуникативную функцию, недостаточно просто

перевести его на нужный язык, он должен быть включен в культурную среду языка перевода. Цель рекламы – побудить потребителя приобрести продукт, в связи с чем рекламный текст изобилует различными средствами, направленными на реализацию этой цели. Подобная «густота» информации может привести к конфликту формы и содержания, и в подобной ситуации переводчик не сможет многого передать. Целью текста рекламы является предельное расширение круга ее реципиентов. Именно расчет на массового потребителя диктует запрет на употребление в рекламном тексте специальных терминов, диалектов, грубого просторечия – все эти средства могут использоваться только лишь для «украшения» места производства продукта (например, в немецкой рекламе швейцарского сыра может встретиться одна фраза на швейцарском диалекте немецкого языка). В организации самого текста, некоторых чертах стилистической окраски слов и распределении информации просматривается более узкая предназначенность рекламы, направленность ее на определенную группу людей (например, возрастная ориентация, ориентация на уровень состоятельности и т.д.). Более узкая приоритетная направленность рекламы может выражаться особыми синтаксическими и лексическими средствами, эквивалентность передачи которых полностью зависит от переводчика. В молодежной рекламе слова из молодежного жаргона передаются соответствиями с использованием молодежного жаргона языка перевода. Соответственно в рекламе для пожилых людей встречаются устаревшие слова и обороты, еще входящие в языковой фонд языка, но уже малоупотребительные, и соответствия к ним в языке перевода необходимо подбирать с учетом этого их оттенка.

Объем когнитивной информации, которую несет в себе реклама, невелик. Это название фирмы, наименование товара, его технические характеристики, цена, контактные сведения и т.д. Передается эта информация при помощи однозначной нейтральной лексики и цифр. Передача этих средств на язык перевода не является сложной задачей, так как все они имеют однозначные эквивалентные соответствия. Сложность появляется тогда, когда когнитивный компонент – например, название фирмы или наименование товара – включается в какую-нибудь фигуру стиля, например, рифмуется с другим словом: *Батарейка Джи-Пи. Увидел – купи!* Бывают случаи, когда переводчику удастся сохранить и название фирмы (наименование продукта), и саму рифму, и семантику обоих слов, рифмующихся друг с другом. Но не всегда это возможно и допустимо. В таких случаях переводчик встает перед выбором: 1) не сохранять рифму, но сохранить значение

каждого слова; 2) сохранить первый компонент рифмы, но зарифмовать его со словом с другим значением; 3) не ставить название фирмы в позицию рифмы, сохранив при этом второй компонент рифмы. В той или иной степени, переводчик может передать все информационные компоненты, но инвариантным среди них все же остается когнитивный [3, с. 177].

Рассмотрим средства передачи эмоциональной информации. В любом рекламном тексте в большой степени представлены эмоционально-оценочные средства, которые сопровождают характеристику продукта, такие как положительная оценка, выраженная прилагательными, наречиями и существительными с семантикой высокой степени качества. Носителями эмоциональной информации могут являться модные слова (порой это иностранные слова и выражения, чаще всего из английского языка). Модные слова сигнализируют потенциальному потребителю то, что он не хуже других и не отстает от моды. Еще одним средством передачи эмоциональной информации является синтаксис. В рекламных текстах могут встречаться предложения с нейтральным порядком слов, однако чаще всего используются риторические вопросы и восклицания, незаконченные предложения, эмоциональная инверсия, синтаксический, лексический и фонетический повторы. Одним из важных аспектов эмоциональной информации, которую несет реклама, является эффект неожиданности, для создания которого используется контраст лексики с различной стилистической окраской: высокая – грубая, нейтральная – просторечная и т.д.

Самым большим разнообразием средств отличается оформление эстетической информации. Помимо фонетического и синтаксического повторов, которые являются в то же время и эмоциональными средствами, они несут и эстетическую нагрузку. К эстетическим средствам мы также можем отнести ассонанс и аллитерацию, игру слов, построенную на многозначности, рифму, метафору, сравнение и т.д. В английском языке эстетическая функция играет большую роль, чем в русском. На перевод рекламного текста с английского языка на русский влияет различие менталитета английских и белорусских покупателей, поэтому для белорусского потребителя создание хорошего настроения и психологически благоприятного фона нужно «подкреплять» более точными структурными описаниями.

При создании и переводе рекламных текстов необходимо сделать выбор между стандартизацией и адаптацией. Использование стандартизации при переводе применимо к большинству текстов, выходящих на интернациональный рынок – то есть к рекламным

объявлениям, содержащим небольшое количество специфических этнокультурных признаков. Этот вид перевода является тенденцией современной рекламы в рамках процесса глобализации. Основными приемами при использовании данного вида перевода являются генерализация и подбор вариантных соответствий. Использование адаптации при переводе применимо к текстам, содержащим фразеологизмы, рифму, каламбуры и иные языковые особенности. Основными переводческими приемами здесь являются прагматическая адаптация и подбор контекстуальных аналогов [1, с. 146].

Рассмотрев разные примеры перевода рекламных текстов, можно прийти к выводу, что приоритет остается за прямым переводом с сохранением приемов экспрессивности. Это объясняется тем, что прямой перевод с частичным или полным сохранением эмоциональной окраски обеспечивает передачу коммуникативного задания оригинального рекламного текста. Среди лексических средств экспрессивности в рекламе встречаются метафора, эпитет, антитеза и аллюзия; среди грамматических средств – риторические вопросы и восклицания; среди фонетических средств – фонетический повтор и рифма; среди стилистических средств – игра слов. Часто используются вставки, опущения и модуляции для создания стилистически и грамматически правильного текста на русском языке. Наиболее редко встречающимся приемом перевода рекламных текстов является целостное преобразование из-за специфики данного приема. Это обуславливается тем, что он может полностью изменить коммуникативное задание рекламного текста.

ЛИТЕРАТУРА

1. Белова, А.Д. Особенности перевода рекламных текстов / А.Д. Белова. – Успехи современного естествознания, 2012. – № 5. – С. 146-147.
2. Бердышев, С.Н. Секреты эффективной интернет рекламы / С.Н. Бердышев. – М.: Дашков и Ко, 2010. – 193 с.
3. Пирогова, Ю.К. Рекламный текст: семиотика и лингвистика: монография / Ю.К. Пирогова, П.Б. Паршин. – М.: Международный институт рекламы, Издательский дом Гребенникова, 2000. – 270 с.

ФОЛЬКЛОРНЫЕ ТРАДИЦИИ АНГЛИЙСКОЙ И БЕЛОРУССКОЙ ЛИТЕРАТУРНОЙ СКАЗКИ XX ВЕКА

FOLKLORE TRADITIONS OF THE ENGLISH AND BELARUSIAN LITERARY FAIRY TALES OF THE XXTH CENTURY

А.И. Осипчик

A.I. Osipchik

Международный государственный экологический институт
имени А.Д. Сахарова Белорусского государственного университета
Минск, Беларусь

International Sakharov Ecological Institute of the Belarusian State University
Minsk, Belarus

E-mail: n.osipchik@mail.ru

Фольклор, несомненно, является одной из форм выражения национальной идентичности народа. И, как следствие этого, литература определенной страны и эпохи нередко обращается к образам и мотивам, заимствованным из народной традиции. В буквальном переводе *folklore* означает «народная мудрость, народное знание».

Фольклор – художественное творчество широких народных масс, преимущественно устно-поэтическое творчество. Определение и термин впервые был введен в научный обиход английским ученым Вильямом Томсом в 1846 году. Словесное творчество в древности было тесно связано с трудовой деятельностью человека и отражало религиозные, мифические, исторические представления, а также зачатки научных знаний.

По мнению исследователей (Пропп, Мелетинский), сказка близка к фольклору. В случае с английской сказкой это не совсем так. Она почти не обращается к традиционным сказочным сюжетам, а если и обращается, то, как правило, переосмысливает их в пародийном плане. Единственный фольклорный источник, из которого черпает литературная сказка, – это «Сказки матушки Гусыни». Вот к их героям и традициям она охотно обращается. Стихи Лира как бы прямо взяты из той книги. Излюбленные глупцы и чудачки английского фольклора населяют мир Кэрролла, Трэверс, Биссета. Здесь мы встречаем и Шалтая-Болтая, и короля Коля, и корову, которая подпрыгнула выше Луны.

В остальном же английская литературная сказка предпочитает обращаться не к сказке фольклорной, а к её основе – мифологии. Дж. Толкин, создавая свой мир, обращается к скандинавской мифологии, а К. Льюис – к христианской, античной, а также в какой-то

степени к мирам Древнего Востока. В сказках Р. Киплинга непосредственно действуют Джин, египетский Анупис, австралийский Нконг, Виланд, Тор, Пак. Да и сами «Просто сказки» – это, в сущности, мифы, что явствует уже из названий («Откуда взялись броненосцы», «Отчего у верблюда горб»).

В английских народных сказках большой популярностью пользуется образ феи – сверхъестественного существа небольшого размера, имеющего антропоморфный облик. Феи делятся на зооморфных и антропоморфных: феи воздушной стихии, феи рудников, домашние феи, феи озер и ручьев, горные феи. Феи – это обитатели полей, лесов, лугов и холмов.

В народных сказках феи в основном показывают герою дорогу или просто веселятся, как в английской народной сказке «Кэт-Щелкунчик». В литературных сказках образ феи неоднороден.

В сказке о Питере Пэне фея Динь-Динь представлена капризной и ревнивой. Она подговаривает потерянных мальчишек выстрелить в Венди, она строит козни против Венди, видя в ней соперницу за внимание Питера.

В сказке Э. Боуэна «Неромантичная принцесса» феи носят ридикюли и башмаки на толстой подошве. «Преисполненные новомодных идей насчет воспитания молодых девиц», они награждают юную принцессу Анжелику такими качествами, как пунктуальность и здравый смысл вместо ставших уже традиционными красоты и чувства юмора.

Волшебные предметы в литературных сказках действуют совсем не так, как им положено. Если герой фольклорной сказки обладает заколдованным мечом, то исход поединка ясен – он одолеет врага.

В литературных сказках меч выступает не столько как оружие, сколько как символ. В сказочной повести К. Льюиса «Покоритель зари» (третья часть эпопеи «Хроники Нарнии») главным героям нужно было найти семь волшебных мечей, но не для того, чтобы сражаться ими в бою со злом, а для того, чтобы возложить их на стол Аслана. Меч, который эльфы перековали для Арагорна, одного из главных героев трилогии Дж. Толкина «Властелин колец» не был наделен магическими свойствами, но, показав свой меч армии мертвых, Арагорн сумел доказать, что по праву является королем Гондора и призвать армию в бой.

Второй источник, к которому обращается сказка, – это эпос. Возьмем, к примеру, «Книгу Джунглей» Р. Киплинга. Постоянные эпитеты, герои, каждый из которых имеет своё амплуа, сохраняемое им на всём протяжении книги (Шер-Хан – убийца, Волчица – заботливая

мать, Балу – учитель, Хатхи – мудрец), строгие правила, запечатлённые в Законах Джунглей, определяющие всю жизнь их обитателей, плавное, размеренное повествование, то в стихах, то в прозе – всё это черты, присущие эпосу.

Белорусская литературная сказка продолжает активно использовать свое фольклорное наследие. В начале века авторы активно обрабатывали народные сюжеты белорусских и русских сказок.

При обработке народных сюжетов писатели часто используют стихосложение. Например, сказка М. Танка «Журавель і чапля», по сути, является стихотворной переработкой русской народной сказки, в которой журавль идет свататься к цапле, но она ему отказывает. Пожалев об этом, цапля идет к журавлю на другой конец болота и просит принять ее. Но теперь журавль начинает издеваться над цаплей.

І так ходзяць яны ў сваты

Цэлы свій птушыны век,

І стаяць іх воддаль хаты

Па канцах балот і рэк. [3, с. 22]

Для своих произведений М. Танк использовал и международные сюжеты. Сюжет о том, как черепаха обогнала зайца, автор использовал для стихотворной сказки «Чарапаха і Кабан». Но эту сказку трудно назвать литературной обработкой. Авторский вымысел в этой сказке также имел место. Танковская Черепаха обижена всеми лесными животными, но больше всего Кабаном, самым задиристым зверем в лесу. Черепаха вызывает Кабана на марафон до водопоя, но берет месяц на подготовку к соревнованию. И весь этот месяц Черепаха носит Кабану еду. И за месяц Кабан так растолстел, что в день соревнования он едва мог двигаться.

В 1953 г. вышла стихотворная сказка М. Танка «Конь і леў». По сути, она является литературной обработкой известного фольклорного сюжета. До этого прозаическую обработку представил Я. Колас в «Другом чытанні для дзетак беларусаў» (1909). По сюжету, Лев пытается съесть Коня, а Конь предлагает ему соревнование: высесть из камня искры. Конь легко их высек своими железными подковами, Лев же стер все когти, но успеха не добился. Я. Колас и М. Танк вкладывают в свои обработки совершенно разный смысл. Я. Колас учит, что любой тиран отступит, если встретит должный отпор. М. Танк же на данном примере показывает, что любая, даже самая грубая сила подчинится сообразительности.

Сказка Я. Коласа «Гарошак» по своему сюжету и системе образов практически совпадает с фольклорным сказочным сюжетом «Кацігарошак». Отличие заключается лишь в некотором преувеличении

психологических мотивов героев: *«Зірнулі яны адзін на аднаго і маўчаць, як бы напужаліся адзін аднаго»* или *«Змей аж пачырванеў, так яму моташина стала, што знайшоўся чалавек, дужэйшы за яго»* [2, с. 14].

Сказка В. Дубовки «Хто дужэйшы» основана на традиционном фольклорном сюжете о противостоянии стихий (Солнца, Ветра, Мороза, Тучи). По сюжету – как фольклорному, так и авторскому – стихии просят человека рассудить их. Человек же заставляет силы природы служить себе, доказывая, что самым сильным является он.

Наиболее активно в белорусской детской литературе первой половины XX века развивались сказки о животных, которые в большинстве своем опирались на фольклорные традиции. В народных сказках животные наделены определенными чертами.

Самым популярным персонажем народных сказок о животных является лиса. Она наделена хитростью, которая спасает ее в сложных ситуациях («Лісіца-хітрыца»).

В литературной сказке лиса не теряет своей хитрости, но продолжает выступать заступницей. Например, в сказке А. Якимовича «Казка пра смелага Вожыка» лиса выступает заступницей зайчика, которого, как ему кажется, обидел еж. Не сумев проучить ежа, лиса с помощью своей хитрости настраивает против него волка и медведя.

Литературные сказки могут быть похожи не только на народные. Они могут принимать некоторые черты былин, легенд, преданий, песен, анекдотов.

Стихотворная сказка М. Богдановича «Мушка-зелянушка і Камарык – насаты тварык» в своем начале имеет приметы народной песни:

*Захісталася сасонка баравая,
Затужыла дзяўчынька маладая,
Жартаўлівая пяюшка-сакатушка,
А па імені Мушка-зелянушка... [1, с. 3]*

В данной сказке также дается подробное описание свадебного обряда и веселье гостей, герои играют на традиционных белорусских музыкальных инструментах и танцуют белорусские танцы.

Сказка З. Бядули «Іванка-прасцячок» своим содержанием напоминает древнерусскую былинку про Илью Муромца. Главный герой сказки – Иванка, как и Илья Муромец, рос слабым и до тридцати лет пролежал на печи. Но тут пришли три старца и наделили его силой и умом. Но, в отличие от былинного героя, Иванка не только освобождает из плена Кощея Бессмертного царя Солнце, царицу Луну, царевну Волю

и царевичей Звезд, но и с помощью своей дудки-веселушки побуждает народ на борьбу против социального неравенства:

«... Як зайграе Іванка-прасцячок, дык усе людзі бачаць, што вялікая крыўда на свеце, што адны пануюць – другія гаруюць, адны багаццю ліку не маюць – другія з голаду паміраюць» [1, с. 26].

Оружием Иванки служит не меч, как у героев волшебных сказок, а огромная и тяжелая булава, не наделенная никакой волшебной силой. С помощью этой булавы Иванка освобождает народ от гнета разбойников и царских прислужников. Не остановили его и Баба Яга и Цмок, стоявшие на его пути в Кощеево царство.

В одной и той же сказке могут смешиваться приметы нескольких фольклорных жанров. Например, в сказке З. Бядули «Скарб» сочетаются приметы верований и литературного сюжета. В ней рассказывается о черте, прячущем свои несметные сокровища в разных местах, и о мальчишке, который в Купальскую ночь захотел найти эти сокровища. Далее происходит встреча с чертом.

В середине XX века в белорусской детской литературе стали появляться сказки-легенды, нацеленные на воспитание героизма и самоотверженности. Сказки-легенды белорусских писателей основывались как на белорусском, так и на зарубежном материале.

Сказки-легенды В. Короткевича основаны на белорусском материале. Его сказка «Лебядзіны скіт» рассказывает о спасении белорусов из плена жестокого захватчика Батыя. Из плена людей спас старик, который заключил с Батыем сделку: он останется в плену, а Батый отпустит столько людей, сколько поместится в его скит. Батый надеялся, что в ските поместится немного людей, но отпустить пришлось всех. Люди, заходившие в скит, превращались в лебедей и улетали домой. Следы лебединого оперенья превратились в одежду белорусов.

Сказку-легенду В. Дубовки «Як Сінячок да сонца летаў» можно соотнести с древнегреческим мифом о Прометее, давшем людям огонь, но наказанном Зевсом. Но герой Дубовки – не могучий титан, а маленькая птичка синица. Он помчался к солнцу с намерением принести людям огонь, чтобы они не замерзли зимой. Пусть Синячок сам обгорел, но выполнил свой долг. Солнце жалело Синячка и просило его не подлетать слишком близко. Пожалели Синячка и другие птицы. Они дали Синячку каждая по перу. Отказался только угод, за что на него обрушилось птичье негодование. А Синячок с тех пор носит пестрое оперение. Но имя он сохранил по своему прежнему цвету. Уважают Синячка и люди и всегда кормят его зимой.

Подводя итоги, следует сказать, что фольклорные мотивы вдохновляют и продолжают вдохновлять современных писателей на создание сказок. Традиции, собранные веками, остаются актуальными и по сей день, передаваясь из поколения в поколение. Истоки литературной сказки в народной сказке. Изначально опираясь на фольклорные традиции, авторы используют традиционные сюжеты и персонажи. С течением времени связь литературной сказки и фольклора ослабевает.

ЛИТЕРАТУРА

1. Рыжы, М. Казкі беларускіх пісьменнікаў : [для мал. шк. узросту] / рэд.: М. Рыжы, А. Гурскі. – Мінск: Юнацтва, 1999. – 334 с.
2. Казкі жыцця: 36 бел. апавяданняў : для мал і сярэд. шк. узросту / уклад. У.М. Цвяткоў. – Мінск: ТДА «Сталія», 2001. – 321 с.
3. Танк, М. Журавель і Чапля: [для дзяцей дашк. узросту] / М. Танк; маст. В.П. Славук. – Мінск: Юнацтва, 1998. – 48 с.

ЧЕРТЫ АВТОБИОГРАФИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ В РАННЕМ ТВОРЧЕСТВЕ Ф.С. ФИЦДЖЕРАЛЬДА

FEATURES OF AUTOBIOGRAPHICAL PROSE IN F.S. FITZGERALD'S EARLY WORKS

Д.О. Половцев, К.Ю. Павлюкевич

D.O. Polovtsev, K.Yu. Pavlyukevich

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Polovtsev@bsu.by

Целью настоящей статьи является выявление автобиографических черт в раннем творчестве классика американской литературы XX века Ф.С. Фицджеральда на примере романов «По эту сторону рая», «Прекрасные и обречённые», сборников рассказов «Эмансипированные и глубокомысленные», «Сказки века джаза».

Известно, что вдохновением к написанию множества рассказов и романов послужил опыт личной жизни Ф.С. Фицджеральда. Беззаботность и блеск во многих произведениях Ф.С. Фицджеральда отображает лишь одну сторону жизни писателя; другая сторона и омрачена, как известно, пристрастием к алкоголю, финансовыми трудностями, личной трагедией, а впоследствии и утратой того самого вдохновения.

Будучи второкурсником Принстонского университета в 1916 г., Ф.С. Фицджеральд начал работать над первой версией романа «Романтический эгоист» (“The Romantic Egotist”), который в окончательном виде получил название «По эту сторону рая» (“This Side of Paradise”). Рукопись получила высокую оценку, но опубликовать её не удалось. Лишь в марте 1920 г. из печати выходит роман «По эту сторону рая». Сам Ф.С. Фицджеральд в статье «Ранний успех» (“Early Success”) о своём первом романе вспоминал так: «Этот роман, который я начал сочинять в конце войны, когда находился в армейском лагере, был моей главной ставкой. Подыскав службу в Нью-Йорке, я его забросил, но всю одинокую мою весну он непрерывно напоминал о себе, как потёршаяся картонная подошва. А теперь уж было не отвертеться. Если бы я его не кончил, о моей девушке нечего было бы и думать» [1, с. 296].

Роман содержит ряд автобиографических элементов и описание новой эры американской истории. В нём отразилось настроение ровесников века, молодых людей, ощутивших по завершении Первой мировой войны падение устоявшихся ценностей, непрочность моральных устоев и кризис привычного уклада. Сюжет романа отражает стандартный сценарий жизни молодого человека в Америке 1920-х гг. Передавая путь героя романа, Ф.С. Фицджеральд описал развитие своих собственных взглядов, своего личного опыта, а также жизнь своего поколения, таких же молодых людей, как Эмори Блейн. В биографии главного героя романа «По эту сторону рая» Эмори Блейна проглядываются фрагменты автобиографического характера. Автор повествует о жизни героя со дня его рождения, описывая его детство, школьные годы и учёбу в Принстоне.

Также и литературные пристрастия Ф.С. Фицджеральда подтверждают наличие автобиографических черт в указанном романе. Автор не только наделил Эмори Блейна собственными чувствами и мыслями, но также поместил в роман имена художников слова, которые оказали на него огромное влияние, а именно: П.Б. Шелли, Г. Уэллса, Дж. Китса, Б. Шоу. В роман включены поэтические вставки – ранние поэмы автора, стихи и письма, написанные во время учёбы в Принстоне.

Можно заметить тождественность мыслей, чувств, переживаний автора и центрального персонажа. Ф.С. Фицджеральд вместе с Эмори пытается осмыслить точки зрения на исторические процессы.

Успех первого романа писателя, прежде всего, указывал на то, что Ф.С. Фицджеральду удалось угадать общественное настроение. Поколению того времени слышалось что-то созвучное в горьких

размышлениях Эмори Блейна о том, что рутинность и творчество несовместимы, что они уничтожают друг друга.

Уже в 1922 г. выходит второй роман Ф.С. Фицджеральда «Прекрасные и обречённые», в котором автор изображает мучительный брак двух одарённых и привлекательных представителей богемы, а также подвергает сомнению эгоистичные пределы мечтаний молодого поколения: «Желание всегда только насмехается над тобой. Оно, как солнечный зайчик, скользящий по комнате. Внезапно остановится, позолотит самый никчёмный предмет – и вот, мы несчастные дураки, стараемся схватить его, а когда удаётся, солнечный зайчик уже сидит на чём-то другом, а ты вдруг понимаешь, что ухватил какую-то сущую безделицу, и весь блеск, который делал её такой желанной, давно пропал» [2, с. 79]. Роман «Прекрасные и обречённые», первоначально названный «Полёт ракеты» (“The Flight of the Rocket”), также отображает личный опыт автора. В образе главного героя и его жены, красивой, но эгоистичной женщины, запечатлены черты самого Ф.С. Фицджеральда и жены Зельды.

Во многом это произведение основано на отношениях Ф.С. Фицджеральда с женой Зельдой и истории их брака. Энтони Пэтч и его жена Глория, так же как Скотт и Зельда Фицджеральд, являются представителями американского общества 1920-х годов. Обе пары являются представителями «потерянного поколения» своего времени: они – наследники богатых семей, получивших хорошее образование.

В романе «Прекрасные и обречённые» автор осуждает взгляды молодого поколения. Молодая эмансипированная пара Пэтчей живёт в своё удовольствие, являясь представителями бунтующей молодёжи, однако, заканчивает жизнь безрассудно и печально. Мрачный тон романа походит на личную жизнь самого автора. Однако главные герои романа не являются подлинными двойниками писателя и его жены: «Глория гораздо обиднее и грубее твоей матери, – писал Ф.С. Фицджеральд своей дочери годы спустя. – Я могу утверждать, что между ними мало сходства, если не считать внешней красоты и отдельных выражений, которые Зельда употребляла. Конечно, я использовал много мелких деталей, позаимствованных из раннего периода нашей супружеской жизни. Однако в романе акценты полностью смещены. Наша жизнь была гораздо содержательнее, чем жизнь Глории и Энтони» [1, с. 229]. Эпиграф к роману «Место победителя среди трофеев» мог бы стать эпиграфом к жизни самого Ф.С. Фицджеральда. Строчки об утраченной красоте главной героини и алкоголизме Энтони звучат пророчески.

На некоторых страницах произведения проявляются черты и самого Ф.С. Фицджеральда: автор также склонен восхищаться бездельем и блеском миллионов. То, что Ф.С. Фицджеральд с одной стороны осуждает эгоизм и бесцельную жизнь своих героев, а с другой – не перестаёт любоваться своими богатыми героями, подтверждает двойственное отношение писателя к ним. Энтони Пэтч старше и образованнее Эмори Блейна, героя романа «По эту сторону рая», как и самого автора, но главное, что в отличие от Эмори и самого Ф.С. Фицджеральда, Энтони умеет жить, однако он не видит в жизни перспектив. Глория растрачивает жизнь подобно Зельде, однако, в отличие от неё, первая обладает цинизмом и практичностью возлюбленной Ф.С. Фицджеральда Дж. Кинг.

О сходстве автора и героев романа также свидетельствует недовольство Ф.С. Фицджеральда картинкой на обложке книги. Чувствительный ко всему писатель чрезмерно волновался мнением читательской аудитории: «Девушка, конечно, очаровательна, – написал он Перкинсу, – она чем-то похожа на Зельду, но юноша, по-моему, – никудышная копия меня самого. Мне трудно понять, как мог Хилл с его талантом и вниманием к деталям изобразить героя, внешний вид которого полностью расходится с образом, так тщательно выписанным в романе. Энтони почти шести футов ростом. На иллюстрации же он, с его уродливыми короткими ножками, выглядит одинакового роста с Глорией. У Энтони тёмные волосы, а этот бармен на обложке светловолос. Он походит на низкорослого бандита, впервые надевшего фрак. Все, с кем бы я ни разговаривал, согласны со мной, и я немного расстроен» [1, с. 272].

Время спустя, когда жена Зельда будет находиться в психиатрической клинике, Ф.С. Фицджеральд напишет ей: «Жаль, что “Прекрасные и обречённые” недостаточно зрелая книга, ведь в ней всё – чистая правда. Мы погубили наши отношения и, вдобавок, друг друга» [1, с. 336].

В ранних произведениях начала 20-х гг. (романы «По эту сторону рая», «Прекрасные и обречённые», сборники рассказов «Эмансипированные и глубокомысленные», «Сказки века джаза») можно рассмотреть острые социально-критические тенденции, неприятие Ф.С. Фицджеральдом современной американской культуры. Благодаря свойственной Ф.С. Фицджеральду аналитичности, писателю удалось с лёгкой иронией передать настроение эпохи и своего поколения. Именно поэтому центральными персонажами его романов и рассказов являются юные «прожигатели» жизни, искатели приключений.

Смысл одного из рассказов, «Первое мая» (“May Day”), который входит в сборник «Сказки века джаза» – в душевной опустошённости, эгоизме состоятельных людей. Именно после этого сборника процветающая Америка услышала понятие «век джаза» (фраза, принадлежащая писателю). Данный рассказ также любопытен панорамной ёмкостью отображения действительности, когда типичные фицджеральдовские герои сталкиваются с буйной и пугающей нью-йоркской толпой, ввязываются в водоворот жизни улиц в час расправы с социалистами. В «Алмазе величиной с отель “Риц”» (“The Diamond as Big as the Ritz, 1922) даётся саркастическое развенчание богатства как главной ценности жизни. Главный герой, студент престижного заведения, после знакомства с сыном богатых родителей получает приглашение отдохнуть летом в доме богачей. Как оказывается позже, туда не просто тяжело добраться, ещё труднее выбраться. Рассказ пестрит различными деталями и символами, с помощью которых писатель предупреждает, что безнравственные владельцы больших состояний представляют угрозу жизни и свободе американского общества. В образе Брэдока Вашингтона писатель изобразил человека, получившего заветную «американскую мечту». Ф.С. Фицджеральд с философской глубиной развернул в рассказе идею об американской мечте и о ложных и подлинных ценностях. Герой рассказа Джон Ангер, как и сам автор, относится к «беспокойному поколению» молодёжи 20-х гг. Так же, как и многие молодые американцы, Джон Ангер сжёг свои надежды под ослепительным сиянием «американской мечты», и вся эта мечта рассыпалась, как гигантская алмазная гора. В данном рассказе Ф.С. Фицджеральд подмечает нравственно-психологическое отличие богатых людей от остального человечества: «Юность – блаженная и ущербная пора: юные живут в настоящем, а примеряют его к своему блистательному воображаемому будущему; цветы и золото, девушки и звёзды – лишь предзнаменования и предвестия этой недостижимой, несравненной юной мечты» [3, с. 79]. Этот мотив обрёл глубокое развитие в творчестве автора, приведя к созданию в 1926 г. ещё одного сборника рассказов «Все эти печальные молодые люди» (“All the Sad Young Men”), название которого выражает горечь, вызванную судьбой послевоенного поколения: «Ему нестерпима была мысль провести этот вечер вне общества – заветные планы насладиться праздностью теряют всякую прелесть, когда поневоле остаёшься в одиночестве» [4, с. 58].

В одном из рассказов, «Зимние мечты» (“Winter Dreams”, 1926), писатель обращает внимание читателя на мечту молодого поколения. Герой рассказа сумел приобрести состояние, чтобы претендовать на

руку богатой девушки своей мечты. Но он опоздал, ибо возлюбленная уже вышла замуж. В конце рассказа, узнав, что возлюбленная несчастна в браке, герой скорбит, но не о потерянной любви, а о том, что богатство не принесло ему счастья и об утраченных мечтах юности. В настоящем рассказе Ф.С. Фицджеральд разоблачает общество, где вступление в брак зависит от материального положения.

Американский литературовед Дж. Олдридж о произведениях Ф.С. Фицджеральда написал следующее: «Конец гигантских светских приёмов всегда заложен в их начале, сквозь нежную красоту молодости всегда проглядывает старческое уродство» [5, с. 218]. В таких рассказах конца 20-х – начала 30-х гг., как «Пловцы» (“The Swimmer”, 1929), «Ваше величество» (“Majesty”, 1929), «Свадебный приём» (“The Bridal Party”, 1930) легко прослеживается данная линия. Герои и ситуации в этих и других рассказах в основном остаются прежними, что позволяет рассмотреть характерное для них изменение перспективы, усиление разочарованности в современной автору Америке, именно это и предопределило рост художественного мастерства Ф.С. Фицджеральда.

Итак, в настоящей статье авторами были выявлены черты автобиографической прозы в раннем творчестве классика литературы XX века Ф.С. Фицджеральда на примере романов «По эту сторону рая», «Прекрасные и обречённые», сборников рассказов «Эмансипированные и глубокомысленные», «Сказки века джаза».

ЛИТЕРАТУРА

1. Фицджеральд, Ф.С. Портрет в документах: Письма. Из записных книжек. Воспоминания / Ф.С. Фицджеральд; пер. с англ. А. Бураковская, А. Зверев. – М.: Прогресс, 1984. – 344 с.
2. Фицджеральд, Ф.С. Прекрасные и обречённые / Ф.С. Фицджеральд; пер. с англ. Л. Папилина. – М.: АСТ, 2012. – 480 с.
3. Фицджеральд, Ф.С. Сказки века джаза: сборник рассказов / Ф.С. Фицджеральд; пер. с англ. А. Руднева. – М.: Рипол-классик, 2015. – 331 с.
4. Фицджеральд, Ф.С. Все эти печальные молодые люди / Ф.С. Фицджеральд; пер. с англ. А. Руднева. – М.: Рипол-классик, 2015. – 201 с.
5. Олдридж, Дж. После потерянного поколения. Сборник статей / Дж. Олдридж; пер. с англ. А. Мулярич. – М.: Прогресс, 1981. – 240 с.

**ТИПЫ ПЕРЕНОСНЫХ ЗНАЧЕНИЙ У ПРЕДМЕТНО-
БЫТОВОЙ ЛЕКСИКИ НА МАТЕРИАЛЕ ПРОИЗВЕДЕНИЯ
Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО «БРАТЬЯ КАРАМАЗОВЫ»**

**TYPES OF FIGURATIVE MEANINGS OF OBJECTIVE-
COLLOQUIAL LEXIS IN THE LITERARY WORK
«THE BROTHERS KARAMAZOV» BY F.M. DOSTOEVSKY**

Е.В. Хомцова

E. Khomtsova

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Khomtsova@bsu.by

Один из главных вопросов полисемии: что же такое прямое и переносное значение? Переносное значение любого типа мотивировано через прямое, но прямое значение непроеизводных слов языка, в котором существует слово, необъяснимо [4, с. 81].

Исследуя переносные значения в языке и переносное употребление слов в произведениях художественной литературы, филологи выделили ряд типов переноса названий. Согласно Ю.С. Маслову, важнейшими из этих типов можно считать два – метафору и метонимию. В качестве разновидности метонимии выделяют также синекдоху [3, с. 102]. Однако А.А. Реформатский определяет, в качестве самостоятельных, 4 типа переносных значений: метафору, перенос по функции, метонимию и синекдоху. Именно эта классификация и была принята нами в качестве основной. Подробнее раскроем каждое определение.

Метафора – самый типичный случай переносного значения, основан на сходстве вещей по цвету, форме, характеру движения и др., например: *анютины глазки, ножка стола, тупой нож и тупая боль*) [4, с. 82-89].

Перенос по функции имеет много общего с метафорой, но в данном случае общность объектов не опирается только на материальное сходство: вещи могут быть совершенно разными по форме и цвету, но их объединяет общность функции, например: *вокзал* – здание железнодорожной станции – перешло на обозначение пристани для пароходов – *речной вокзал*) [4, с. 82-84].

Метонимия – перенос названия на основании смежности, т.е. соприкасаия вещей в пространстве или во времени, например: *стакан*

‘сосуд для питья’ и ‘мера жидких и сыпучих масс’, *грамматика* ‘строй языка’ и ‘изучающий его раздел языкознания’) [4, с. 84-85].

Синекдоха – такой перенос значения, когда, называя часть, имеют в виду целое или, называя целое, имеют в виду часть целого, например: *полк в сто штыков, эскадрон в сто сабель, “Эй, борода!”* (обращение к человеку с бородой) [4, с. 86-88].

Кроме переносных значений, как устойчивых фактов языка, существует переносное употребление слов в речи, т. е. «мимолетное», ограниченное рамками данного высказывания использование того или иного слова в необычном для него значении с целью особой выразительности, преувеличения и т.п. Переносное употребление слов – один из очень действенных художественных приемов, широко используемых писателями. Однако в языковых словарях переносные значения зарегистрированы, так как это факты языка, обязательные для всех говорящих на данном языке, а тропы не зарегистрированы.

Отсюда следствие: для лингвиста существенно рассмотрение тех переносных значений, которые часто встречаются в языковом обиходе данного коллектива, которые обычно фиксируются словарями, и должны наравне с прямыми значениями усваиваться людьми, изучающими соответствующий язык.

Что касается предметно-бытовой лексики, то, необходимо прежде всего дать определение данному классу лексических единиц.

Предметно-бытовая лексика – слова, называющие искусственно созданные объекты, предметы человеческой деятельности, которые постоянно использует большинство представителей того или иного общества, независимо от их профессиональной и социальной принадлежности [2]. Предметными можно считать единицы, которые непосредственно и самостоятельно называют объект в широком смысле слова, обеспечивают возможность мыслить предметно, в форме названий, именуют явления действительности, которые воспринимаются носителями языка как отдельные предметы и как предметы, существующие в сознании языковой личности [5].

Предметно-бытовая лексика описывает такую сферу жизни, которая постоянно и достаточно быстро меняется, к тому же она объединяет в себе многие лексемы, которые употребляются только в определенных регионах, а некоторые слова могут использоваться лишь определенной социальной группой или даже отдельной социальной ячейкой – семьей [2]. В связи с этим составление четкой, подробной и окончательной классификации данного класса лексических единиц является довольно трудной задачей. Однако всё же следует указать некоторые лексико-семантические группы, которые можно отнести

к предметно-бытовой лексике: аксессуары, канцтовары, информационные объекты, косметика, кухонные принадлежности, одежда, обувь, спортивный инвентарь, декоративно-прикладные объекты, постельные принадлежности, предметы транспортировки и др.

Типы переносных значений были рассмотрены на материале романа Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы». Объём этого произведения позволяет отобрать достаточное количество материала для исследования данного проблемного поля. Предметно-бытовая лексика представляет собой огромный пласт лексического состава любого языка, в связи с этим рассмотрим наиболее яркие примеры из произведений, отражающие типы переносных значений в полной мере. Необходимо отметить, что прямое и переносное значения лексем были установлены нами с помощью толковых словарей С.И. Ожегова, Н.Ю. Шведовой и Д.Н. Ушакова.

*– Там у них теперь хозяйка **стол накрывает**, – эти поминки, что ли, будут, поп придет; возвращаться нам сейчас туда, Карамазов, иль нет?* (метонимия)

1. Предмет мебели.
2. Питание, пища, блюда.

*Но убранство комнат также не отличалось особым комфортом: мебель была кожаная, **красного дерева**, старой моды двадцатых годов...* (метонимия)

1. Многолетнее растение с твердым стволом.
2. То же, что древесина.

*Почти черные волосы ее, чрезвычайно густые, закурчавленные как у барана, держались на голове ее в виде как бы какой-то огромной **шапки**.* (метафора)

1. Головной убор.
2. То, что покрывает что-н. куполообразно, в виде шара.

*Есть у меня одна прелестная брошюрка, **перевод** с французского, о том, как в Женеве...* (метонимия)

1. Действие по глаг. Перевести.
2. Текст, переведенный с одного языка на другой.

*И Митя, схватив со стола **перо**, быстро написал на бумажке две строки, сложил вчетверо бумажку и сунул в жилетный карман.* (перенос по функции)

1. Роговое образование кожи у птиц
2. Орудие для писания чернилами.

Другая дочка-мужичка была замужем за чиновником, каким-то выслужившимся писаречком, и в одной из комнат постоялого двора на

стенке можно было видеть в числе семейных **фотографий**, миниатюрнейшего размера... (метонимия)

1. Получение изображений предметов на светочувствительных пластинках, пленках.
2. Снимок, полученный таким способом.

И вдруг он совсем неожиданно для всех и, уж конечно, для себя самого бросился на стул и залился слезами, отвернув к противоположной стене свою голову, а руками крепко обхватив спинку стула, точно обнимая ее. (метафора)

1. Часть туловища.
2. У предметов мебели: верхняя опорная часть.

*Ракитин повествовал потом, что обед приготовлен был на этот раз из пяти **блюд**: была уха со стерлядью и с пирожками с рыбой; затем разварная рыба, как-то отменно...* (метонимия)

1. Большая тарелка для подачи кушанья на стол.
2. Приготовленное кушанье.

*И вот, после обеденной трапезы, выходит он на средину, а в руках **бумага** – форменное донесение по начальству.* (метонимия)

***Бумага**, поданная ею, была то самое письмо Мити из трактира «Столичный город», которое Иван Федорович называл «математической» важности документом.* (метонимия)

1. Материал для письма, печатания.
2. Деловое письменное сообщение, документ.

Полисемия слова не вызывает трудностей для понимания говорящими друг друга. Каждый раз при употреблении многозначного слова в речи реализуется какое-то одно из его значений, используется один из его семантических вариантов. Как правило, окружающий речевой контекст, и сама ситуация диалога снимают вопрос многозначности и достаточно ясно дают понять, какое из значений имеется в виду. Даже небольшого контекста бывает достаточно, чтобы исключить все посторонние для данного случая значения и таким образом на миг в определенной речевой ситуации превратить многозначное «слово языка» в однозначно используемое «слово в речи». Полисемия не только снимается контекстом, но и выявляется во всем своем многообразии с помощью постановки слова в разные, всевозможные контексты [3, с. 106].

Таким образом, можно сказать, что полисемия создается общественной потребностью – либо в подходящем названии для нового предмета или явления, либо в новом (например, более экспрессивном, эмоциональном) названии для предмета старого, известного и уже как-то обозначавшегося. Межличностная коммуникация диктует свои

правила, и тем самым общественная потребность широко использует неограниченную способность слов языка получать новые значения, что и отражается в переносных значениях лексических единиц и в частности предметно-бытовой лексики, которая составляет огромный пласт словарного запаса любого языка.

ЛИТЕРАТУРА

1. Гауч, О.Н. Особенности организации лексических групп предметно-бытовой лексики / О.Н. Гауч // Вестник Тюменского государственного университета. – 2009. – № 1. – С. 193-198.
2. Иомдин, Б.Л. Русская бытовая предметная лексика: онтология и описание: статья 33-ей конференции молодых ученых и специалистов ИППИ РАН «Информационные технологии и системы – 2010» // Б.Л. Иомдин // ИТиС 2010 [Электронный ресурс]. – 2010. Режим доступа: <http://www.itas2010.iitp.ru/pdf/1569326461.pdf>. – Дата доступа: 09.01.2017.
3. Маслов, Ю.С. Введение в языкознание: Учеб. для филол. спец. вузов. / Ю.С. Маслов // 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Высш. шк., 1987. – 272 с.
4. Реформатский, А.А. Введение в языковедение / А.А. Реформатский. – М.: Аспект-Пресс, 2010. – 536 с.
5. Трофимович, Т.Г. Типология предметной номинации в языке старорусской деловой письменности // Т.Г. Трофимович // elib.bspu.by [Электронный ресурс]. – 2003. Режим доступа: <http://elib.bspu.by/bitstream/doc/13226/1/...pdf>. – Дата доступа: 10.01.2018.

ЭМОТИВНЫЕ МЕТАФОРЫ В СЕРБСКОЙ ПОЭЗИИ НАЧАЛА XX в. (НА МАТЕРИАЛЕ «ЛЕТОПИСИ МАТИЦЫ СЕРБСКОЙ»)

EMOTIVE METAPHORS IN SERBIAN POETRY OF THE EARLY XXTH CENTURY (ON THE «CHRONICLE OF MATICA SRPSKA»)

А.О. Цвирко

А.А. Tsvirko

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: TsvirkoEI@bsu.by

Явление метафоричности издавна привлекало к себе внимание исследователей и учёных. Первые разработки концепций метафоры восходят к Античности, в частности, к Аристотелю, разработавшему наиболее широко распространённое понимание метафоры «как сокращённого сравнения, из которого исключено указание на общий

признак сравнимых объектов» [6, с. 260]. С тех пор и вплоть до настоящего времени понятие и определение метафоры эволюционируют, а сама метафора активно исследуется учёными разных отраслей филологии.

Иначе обстояло дело с лингвистическим изучением эмоций – эмотиологией [10, с. 14]. До начала 70-х гг. XX века бытовали мнения, что «эмоциональной лексики в языке нет» [6, с. 104], «эмоции не входят в структуру языка» [7, с. 51] и пр. И только начиная с 80-х гг. XX в. в лингвистике появляются учёные, посвятившие себя изучению эмоций в языке: Э.С. Азнаурова [1], И.В. Арнольд [2], С.Б. Берлизон [4], О.И. Быкова [5], В.И. Шаховский [12], Л.Г. Бабенко [3] и др.

Благодаря им современная эмотиология имеет подходы к решению проблем «эмоциональной концептосферы, культуры, толерантности, эмоционального поведения, эмоциональной/эмотивной лакунарности во внутри- и межкультурной коммуникации» [12, с. 115].

Однако, несмотря на то, что в Америке, Европе и России это направление в лингвистике получило уже достаточно широкое распространение, в большинстве славянских стран эмотиология только начинает зарождаться. В частности, на территории бывшей Югославии фундаментальных трудов по эмотиологии не обнаружено, а именно сербскоязычные страны вызывают научный интерес.

В статье рассматриваются способы и причины метафоризации эмоций в сербской поэзии начала XX в. Особый интерес вызывает период исследования: с 1906 по 1914 г. на Балканах обострилась политическая и социальная обстановка, шли Балканские войны, мир приближался к началу Первой мировой войны, что не могло не отразиться в литературе того периода в виде эмоций. И за основу исследования был взят литературный журнал «Летопись Матицы Сербской» за 1906-1914 гг.

При исследовании возникла проблема: ни для русского, ни для английского, ни тем более для сербского языков не существует единой классификации метафорических *эмотивов* – лексических выражений эмоций. Однако в монографии Л.Г. Бабенко [3] существует классификация эмоций, а В.П. Москвин [10] предложил наиболее полную, по мнению современных исследователей, классификацию метафор.

Таким образом, была составлена собственная классификация эмотивных метафор, основанная на восьми позициях: по вспомогательному субъекту; по основному субъекту; по степени смысловой удалённости основного и вспомогательного субъектов; по степени целостности внутренней формы; по уровневой

принадлежности; по степени развёрнутости; по контекстуальной значимости; по функциям метафор. Ввиду объёма материала в рамках данной статьи разработанная классификация не рассматривается, а будут представлены только результаты.

По итогам семантической классификации метафор по вспомогательному субъекту большинство (59%) метафор относится к концептуальным. Самыми частотными вспомогательными субъектами являются концепты «жизнь», «душа», «грусть», «совесть» и «смерть».

Например, в метафоре *немирна савест* (беспокойная совесть) вспомогательным субъектом выступает существительное *савест* (совесть). Для определения метафоры в какой-либо класс нужно установить, к какой категории относится это понятие, является ли оно проявлением эмоции либо другой категории. За определением этого термина обратимся к «Философскому энциклопедическому словарю»: «Совесть – это способность человеческого духа познавать этические ценности в их реальности и вместе с выдвигаемыми требованиями» [8, с. 637]. Из этого определения следует, что совесть является способностью, иными словами, качеством, присущим человеку. Поскольку В.П. Москвин относит метафорические выражения человеческих качеств к концептуальным метафорам [7, с. 74], мы классифицируем данную метафору так же.

Такое соотношение свидетельствует о том, что чаще всего эмоции метафоризируются через концепты, что свидетельствует о значимости этих понятий для возникновения и описания эмоций в произведениях. Следующие по численности, а соответственно и по значимости в исследованном материале, пространственные метафоры. Затем творческие, антропоморфные, вещественные и зооморфная. Следует отметить, что зооморфная эмотивная метафора представлена одним примером, что может свидетельствовать о слабой метафорической значимости животных для выражения эмоций.

В результате семантической классификации метафор по основному субъекту были получены следующие результаты: на первом месте (32%) стоит класс «эмоциональная характеристика». Например, метафора *топла вера* (тёплая вера). Основной субъект – прилагательное *топли* (тёплый). Он обозначает температуру, характеризует вспомогательный субъект и поэтому относится к классу *эмоциональная характеристика*.

Следует отметить, что с классом «эмоциональная характеристика» соотносятся, в порядке убывания численности примеров, концептуальные и творческие метафоры; с «внешним выражением эмоций» – пространственные, концептуальные и анималистические; с «эмоциональным воздействием» – концептуальные и вещественные

метафоры; с «эмоциональным состоянием» – пространственные и концептуальные метафоры; с «эмоциональным отношением» – концептуальные и антропоморфные метафоры; со «становлением эмоционального состояния» – пространственные и концептуальные метафоры; с «эмоциональным качеством» – пространственные и вещественные метафоры.

Классификация по степени смысловой удалённости основного и вспомогательного субъектов раскрывает механизм образования метафоры с точки зрения принадлежности к семантическим полям объекта и субъекта сравнения. Метафоры, в которых основной и вспомогательный субъекты относятся к разным семантическим полям, называются внешними, и они преобладают в исследуемом материале (94%) над внутренними (6%), основной и вспомогательный субъекты которых относятся к одному семантическому полю. Приведём в пример метафору *Душа се љуља коморе* (душа колышется, как море). Сравнение происходит между понятиями море колышется (семантическое поле «водоёмы») и душа колышется (семантическое поле «сознание»). Перенос происходит между двумя разными семантическими полями, следовательно, эта метафора является *внешней*.

Классификация по степени целостности внутренней формы объясняет нам способ образования метафоры, т.е. каким образом метафора была создана. Абсолютное большинство, 93% метафор, являются образными окказиональными. Это значит, что метафора вызывает яркий, «живой» образ, а их авторство принадлежит самому поэту. Например, метафора *Земља пуна уздаха* (земля, полная вздохов). Поскольку метафора вызывает яркий образ и воспринимается читателем как явная метафора, она является окказиональной, следовательно, относится к образным. 6 % метафор приходится на образные узуальные метафоры. Это значит, что метафоры всё ещё вызывают яркие образы, однако уже прочно закреплены в языке и являются общеупотребительными. 1% приходится на мёртвые стёртые метафоры, которые уже не вызывают яркого метафорического образа и большинством носителей языка не воспринимаются как метафоры.

Формальная классификация по уровневой принадлежности даёт представление о внешнем структурном строении метафоры.

– 48% составляют словесные метафоры, это значит, что и основной, и вспомогательный субъекты в метафоре выражены одним словом: *Душа плаче* (душа плачет).

– 39% составляют фразовые метафоры. В них один из субъектов выражен несколькими словами: *Топла нада држи живот* (тёпла надежда удерживает [во мне] жизнь).

– 13% составляют метафоризирующие сочетания. Такие метафоры составляют в языке устойчивые сочетания и вне зависимости от количества компонентов, выражающих какой-либо из субъектов, относятся к метафоризирующим. *Метнути душу* (вложить душу). Метафора является метафоризированным словосочетанием, так как в таком виде вошла в язык и образовала устойчивое сочетание.

Формальная классификация «Простая и развёрнутая метафоры» характеризует структуру метафор с точки зрения отсутствия или наличия скрытых планов выражения.

– 65% приходится на простые метафоры, имеющие один план выражения. *Раскрилити срце* (окрылить сердце). Метафора является простой.

– 35% приходится на развёрнутые метафоры, которые имеют несколько планов выражения. Так случается, когда слово или выражение в метафоре на момент создания уже является метафорическим наименованием, иначе – первичной метафорой. Это создаёт более сложные и глубокие образы, не выходя за формальные рамки вторичной метафоры. *Душа лети* (душа летит). Метафора является развёрнутой, так как имеет 2 плана выражения (душа летит, как птица); двучленной, так как состоит из двух компонентов; метафорической развёрткой, так как в основе лежит сравнение с птицей; вторичной, так как исходное сравнение опущено.

Соотношение простых и развёрнутых метафор в тексте объясняется окказиональностью большинства метафор, а следовательно – новизной планов выражения. А использование развёрнутых метафор свидетельствует о высокой культурной и литературной эрудиции авторов.

Функциональная классификация характеризует метафору с телеологической точки зрения, иначе говоря, по цели употребления в тексте. Учитывая специфику исследуемых метафор, а именно метафор эмоций, мы объединили функционал метафор и функционал эмоций и получили классификацию эмотивных метафор, состоящую из двух компонентов. Поскольку было выделено 6 функций метафор и 13 функций эмоций, было обнаружено 78 комбинаций. Большинство из них единичны. Однако три из них, составляющие больше 5%, приведём здесь.

– 41% занимает эстетическо-экспрессивная функция и преобладает над всеми;

– 18% занимает оценочно-экспрессивная функция;

– 5% занимает эвфемистическо-экспрессивная функция.

Такое соотношение говорит о значимости эстетической, оценочной и эвфемистической функций для метафоры и экспрессивной функции для эмоции. Это объясняется спецификой поэтических текстов, в которых метафоры являются в первую очередь средством выражения экспрессии.

Таким образом, была составлена и проведена классификация эмотивных метафор с семантической, формальной и функциональной позиций, благодаря чему была достигнута цель исследования – выяснено происхождение метафор на формальном и семантическом уровнях; был определён формальный и семантический состав метафор, а также выяснены цели, с которыми в сербских поэтических текстах начала XX в. употреблялись эмотивные метафоры. Разработанная классификация эмотивных метафор может применяться для последующих исследований в области эмотиологии для различных языков.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азнаурова, Э.С. Очерки по стилистике слова / Э.С. Азнаурова. – Ташкент: Фан, 1973. – 405 с.
2. Арнольд, И.В. Стилистика современного английского языка / И.В. Арнольд. – М.: Просвещение, 1990. – 384 с.
3. Бабенко, Л.Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке: монография. Л.Г. Бабенко. – Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1989. – 184 с.
4. Берлизон, С.Б. Эмоциональность слова (фразеологической единицы) в плане дихотомии «язык–речь» / С.Б. Берлизон // Актуальные проблемы лексикологии и словообразования. – Новосибирск, 1973. – С. 55-61.
5. Быкова, О.И. Лингвокультурологический подход к исследованию этноконнотации / О.И. Быкова // Вестник ВГУ. Серия лингвистика и межкультурная коммуникация. – Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – № 2. – С. 32-38.
6. Галкина-Федорук, Е.М. Об экспрессивности и эмоциональности в языке / Е.М. Галкина-Федорук // Сб. ст. по языкознанию. Проф. Моск. ун-та акад. В.В. Виноградову в день его 60-летия. – М.: 1958. – С. 103-124.
7. Звегинцев В.А. Семасология / В.А. Звегинцев. – М.: 1957. – 321 с.
8. Лингвистический Энциклопедический Словарь / под ред. В.Н. Ярцева – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 682 с.
9. Москвин, В.П. Русская метафора: параметры классификации / В.П. Москвин // Филологические науки – 2000. – № 2, – С. 66.
10. Москвин, В.П. Русская метафора. Очерк семиотической теории / В.П. Москвин. – М.: Ленанд, 2006. – 184 с.
11. Философский энциклопедический словарь, М.: Советская энциклопедия, 1983. – 637 с.
12. Шаховский, В.И. Лингвистическая теория эмоций: монография. / В.И. Шаховский. – М. Гиозис, 2008. – 416 с.

**ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА СТИХОТВОРЕНИЯ
Ф. ШИЛЛЕРА «HOFFNUNG» НА БЕЛОРУССКИЙ ЯЗЫК**

**FEATURES OF TRANSLATION OF THE F. SHILLER'S POEM
«HOFFNUNG» TO BELARUSIAN LANGUAGE**

Е.А. Шмык

E. Shmyk

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: ekaterina.shmyk@mail.ru

На протяжении всей истории развития белорусско-немецких культурных связей белорусские поэты обращались к творчеству Фридриха Шиллера. Талант этого немецкого писателя удивительно многообразен. Однако интерес к его творчеству был обусловлен не только этим фактом. Имя Шиллера навсегда стало символом чистоты чувств и свободы, пламенной защиты прав человеческой личности и всего человечества. «Через все творения Шиллера проходит идея свободы», – говорил Гёте в беседе с И.П. Эккерманом [3, с. 208]. Возможно, именно поэтому белорусского читателя и зрителя привлекали пьесы Шиллера, с неизменным успехом шедшие в театрах.

Знакомство белорусов с творчеством Ф. Шиллера происходит через посредничество русской и польской культур. Оно осуществляется благодаря театру и переводам произведений немецких писателей.

Начиная с 1840–1850-х гг. в белорусских театрах на русском и польском языках ставятся пьесы Шиллера «Разбойники», «Коварство и любовь», «Мария Стюарт». Позже, с появлением белорусскоязычных переводов, постановки осуществляются и на белорусском языке.

Первый перевод «Вильгельма Телля» на белорусский язык был выполнен Алесем Дударом в 1934 г. Примечательно, что «Вильгельм Тэль» в его переводе вышел отдельным изданием. Отметим, что Алесь Дудар создавал этот перевод в период между своими вторым и третьим арестами. Второе обвинение касалось причастности писателя к «Союзу освобождения Беларуси». Неслучайным кажется то, что именно после второго ареста Дудар работает над переводом именно этой пьесы Шиллера, в которой подняты волнующие его темы. Второй раз в белорусской литературе за перевод «Вильгельма Телля» спустя почти 60 лет с момента выхода первого издания берется поэт и переводчик

Владимир Попкович. Его перевод был включен в сборник «Скарбы сусветнай літаратуры» и издан в 1993 г.

За всю историю к поэзии Шиллера в своем творчестве обращались также такие деятели белорусской культуры, как Янка Лучина, Максим Богданович и Янка Купала. Некоторые исследователи отмечают, что творчеству молодого Купалы созвучен протестующий дух произведений Шиллера, находят близость между некоторыми образами пьес Шиллера, особенно «Вильгельма Телля», и купаловскими «Раскіданым гняздом» и «Сном на кургане».

Среди переводчиков шиллеровского наследия на белорусский язык следует также отметить Юрку Гаврука, который в 1928 г. издает сборник зарубежной лирики «Кветкі з чужых палёў». В этот сборник вошли и переводы некоторых стихотворений и баллад Шиллера. Кроме того, переводами стихов и баллад занимались Максим Лужанин, Нина Матяш, Василь Сёмуха, Владимир Клишевич, Евгений Беласин, Лявон Барщевский, Олег Лойко.

Рассмотрим перевод стихотворения Шиллера на белорусский язык.

В 1795 г. Шиллер написал цикл стихотворений на философские темы, близких по смыслу его статьям по эстетике. Одно из наиболее интересных в этом цикле – стихотворение «Hoffnung» («Надежда», «Надзья»). В русской культуре известен перевод этого стихотворения, выполненный А. А. Фетом. И в белорусской литературе поэты не раз обращались к этому произведению Шиллера. Два наиболее ярких перевода на белорусский язык принадлежат Юрке Гавруку и Олегу Лойко. Примечательно, что между переводами – больше полувека истории и развития белорусской культуры. Итак, рассмотрим оригинал стихотворения и перевод Ю. Гаврука. Для более точного сравнения приведем также подстрочный перевод.

Es reden und träumen die Menschen viel	Як многа аб шчасці марыць людзей,
Von bessern künftigen Tagen, Nach einem glücklichen goldenen Ziel	Аб будучым нашай планеты, І, поўныя радасных, светлых надзей,
Sieht man sie rennen und jagen. Die Welt wird als und wird wieder jung,	Імкнуцца адважна да мэты. Старэе свет, маладзее свет:
Doch der Mensch hofft immer Verbesserung.	У чалавека ў душы прасвет.
Die Hoffnung führt ihn ins Leben ein, Sie umflattert den fröhlichen Knaben,	З маленства вабіць яго дабро. З надзеяй заўсёды ён дружыць:

Den Jüngling locket ihr Zauberschein, Sie wird mit dem Greis begraben, Denn beschließt er im Grabe den müden Lauf, Noch am Grabe pflanzt er – die Hoffnung auf. Es ist kein leerer schmeichelnder Wahn, Erzeugt im Gehirne des Toren, Im Herzen kündet es laut sich an: Zu was Besserem sind wir geboren! Und was die innere Stimme spricht, Das täuscht die hoffende Seele nicht [4].	Малодому паліць яго нутро, Старому за лекара служыць. Калі ж апускаецца ў яму труна, З магілы жывою выходзіць яна. І гэта не прывід халодны, нямы, Трызненне мазгоў недарэчных. Для лепшае долі радзіліся мы – Гаворыць нам голас сардэчны. Мелодыю сэрца свайго не глушы, З табою надзея – акраса душы. [2, с. 38]
--	---

(Гавораць і мараць людзі шмат / Пра лепшыя будучыя дні, / Да шчаслівай залатой мэты / Глядзіш, як яны бягуць і гоняцца. / Свет стане старым і ізноў малым, / Але чалавек заўсёды спадзяецца на паляпшэнне. // Надзея ўводзіць яго ў жыццё, / Яна завіхаецца ля вясёлых хлапчукоў, / Юнака вабіць яе чароўнае ззянне, / Яна будзе пахана са старым, / Бо скончвае ён у труне свой стомлены бег, / Яшчэ ля труны надзея ўстае. // Гэта не пустое лісьлівае трызненне, / Стварае ў мазгах перашкоды / У самым сэрцы гучна абвясчае аб сабе: / Для лепшага мы нарадзіліся! / А што каза ўнутраны голас, / Надзея не падманвае душу. – *Здесь и далее одстрочный перевод наш. – Е. Ш.*)

Перевод Ю. Гаврука, выполненный в 20-е гг. XX в., соответствует тогдашним народным настроениям и не просто передает содержание немецкого текста, но и наполняет его актуальными для того времени смыслами и интонациями.

В первой строфе переводчик достаточно точно передает изначальный смысл и содержание. Во второй строке вместо «будучых дзён» использовано выражение «будучыня нашай планеты», и тем самым перевод приобретает глобальные смыслы. Ведь теперь люди не просто думают о своем следующем дне, но о будущем всех людей. В четвертой строке изначальная «мэта» заменена «надзей». Хотя эмоциональная окраска этих слов отличается, данная замена вполне уместна и не сильно влияет на общую смысловую картину стихотворения. А вот употребление слова «прасвет» в последней строке первой строфы затрудняет правильное толкование строфы. Слово «прасвет» может употребляться как в положительном смысле

(в значении «светлая полоса»), так и с некоторой отрицательной окраской (в значении «свободное пространство, пустота»). Исходя из общего настроения стихотворения, можно сказать, что Гаврук употребляет это слово в первом значении и исключительно в положительном смысле.

Вторая строфа в целом соответствует оригиналу. Жизнеутверждающие и оптимистические настроения, характерные для оригинала, сохраняются в переводе. Однако нельзя не отметить тот факт, что в некоторых моментах Ю. Гаврук более оптимистичен, чем Шиллер. Например, строку «Sie wird mit dem Greis begraben» («Яна будзе пахавана са старым»), которая наполнена относительно пессимистическим настроением, Гаврук переводит совершенно иначе – «Старому за лекара служыць». Всем известная поговорка «Надежда умирает последней» как у Шиллера, так и у Гаврука переосмысливается и даже отрицается.

Особое внимание хотелось бы обратить на последнюю строфу перевода. Именно здесь переводчик наиболее ярко проявляет свой талант и придает звучанию всего стихотворения еще больше уверенности и оптимизма. Надежда не просто «гучна абвяшчае» истину, она обретает свой собственный «сардэчны голас», «мелодыю души». В последней строке стихотворения Гаврук называет надежду «акрасай души», что не совсем соответствует оригиналу.

Рассмотрим перевод этого стихотворения у Олега Лойко:

Пра дзён лепшых вырай сусед гэты, той
Гамоніць і марыць многа,
Да мэты шчаслівай і залатой
Імкнецца ўбачыць дарогу, –
Свет старыцца і маладзее зноў век,
Пакуль пры надзеі ў ім чалавек.
Надзея вядзе за руку нас наўсцяж,

Хлапца да сябе радасць хіліць,
І месціцца ў ёй юнаковы міраж,
І старасць яе не магіліць, –
Ёй, змучанай бегам, не спын – край магіл,
З магіл кветкай рэе пад небасіл.

Не марай пустой, падлабуннай яна,
Не гаціць для думкі заторы,
Вяшчаючы сэрцам званчэй ад звана:
Народжаны жыць мы не ў горы, –

І ўсё, што бязголасна ў нас трымціць,
Душы абнадзеенай не ўтаіць [1, с. 123].

Перевод Лойко ближе к оригиналу, чем у Ю. Гаврука. Некоторые строки он переводит практически дословно («да мэты шчаслівай і залатой», «хлапца да сябе радасць хіліць»). Еще сильнее, чем в оригинале, звучит здесь оптимистическое убеждение переводчика в том, что надежда – тот ориентир, который всегда должен быть у человека.

Глагол «pflanzen» О. Лойко переводит как «цветкай рэ». У Шиллера мысль выражена более строго: надежда не просто цветет, а прорастает из могилы. Строка «Zu was Besserem sind wir geboren!» («Для лепшага мы нарадзіліся!») в переводе белорусского поэта наполняется иным, особым смыслом. «Народжаны жыць мы не ў горы» звучит более категорично. Автор как будто еще раз напоминает нам, белорусам, что несмотря на все испытания мы должны твердо верить в счастливый исход.

Как мы видим, белорусские переводы во многом совпадают с оригиналами произведений, передают их настроения, интонации, ритмику (знаменитый немецкий акцентный стих – дольник). Это дает белорусскому читателю возможность погрузиться в художественный мир Ф. Шиллера и почувствовать все то, что пытался передать автор. Но вместе с тем переводчики нередко используют образы, мотивы, близкие нашему народу и культуре, чтобы приблизить произведения к нашей культуре и сделать их еще более понятными белорусам.

ЛИТЕРАТУРА

1. Маланкай жагнаныя: Анталогія нямецкай класічнай рамантычнай паэзіі XIX ст. / пер. з ням. і ўклад. А. Лойкі. – Слонім: Слонім. тыпаграфія, 2004. – 320 с.
2. Шылер, Ф. Вершы і балады. Драмы: з ням. / уклад., прадм. і камент. Л. Баршчэўскага. – Мінск: Маст. літ., 1993. – 653 с.
3. Эккерман, И.П. Разговоры с Гёте в последние годы его жизни / И.П. Эккерман; пер. с нем. Н. Ман. – М.: Худож. лит., 1981. – 687 с.
4. Schiller, F. Hoffnung / F. Schiller. – Mode of access: http://gedichte.levrai.de/gedichte_von/schiller_friedrich_von_schiller_gedichte.htm. – Date of access: 17.12.2017.

ИНТЕРПРЕТАЦИЯ МИФОЛОГИЧЕСКОГО КОНЦЕПТА ПОДЗЕМНОГО МИРА В СОВРЕМЕННОЙ ДЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ШВЕЦИИ

INTERPRETATION OF THE UNDERWORLD IN SWEDISH MODERN CHILDREN'S LITERATURE

Н.Г. Шпаковская

N.G. Shpakouskaya

Белорусский государственный университет

Минск, Беларусь,

Belarusian State University

Minsk, Belarus

E-mail: Shpakouskaya@bsu.by

В данной работе анализируется сборник «Охота на Джека» Мартина Олжака, состоящий из четырех фантастических рассказов, в которых персонажи мифов и фольклора действуют в пределах современного Стокгольма. В рамках данного исследования рассматривается, каким образом в произведении представлен концепт подземного мира. Современная трактовка сравнивается с мифологической интерпретацией, зафиксированной в сборниках мифов XIII века «Старшая Эдда» и «Младшая Эдда».

Цель исследования – определить основные принципы трансформации мифологического концепта подземного мира в современной шведской литературе для детей и подростков (на примере рассказов Мартина Олжака).

Представления древних скандинавов о подземном мире, в большинстве своем, совпадают с трактовками в других мифологиях. Жители Севера верили, что подземное царство – обитель мертвых, тех, кто умер от болезни или старости, тех, кто не был достоин Вальхаллы – рая для павших воинов. Подземным миром правила богиня Хель, дочь бога-трикстера Локи, одно из порожденных им хтонических существ, сестра Мирового Змея, обвивающего Мировое Древо, и волка, который проглотит солнце в час последней битвы между добром и злом. В сборнике мифов «Младшая Эдда», записанном исландским политиком и скальдом Снорри Стурлусоном в XIII веке, дается следующее описание Хель: «А великаншу Хель Один низверг в Нифльхейм и поставил ее владеть девятью мирами, дабы она давала приют у себя всем, кто к ней послан, а это люди, умершие от болезней или от старости. Там у нее большие соленья, и на диво высоки ее

ограды и крепки решетки. Мокрая Морось зовутся ее палаты, Голод – ее блюдо. Истощение – ее нож, Лежебока – слуга. Соня – служанка, Напасть – падающая на порог решетка. Одр Болезни – постель. Злая Кручина – полог ее. Она наполовину синяя, а наполовину – цвета мяса, и ее легко признать потому, что она сутулится и вид у нее свирепый» [1, с. 26]. Нифльхейм описывается как царство вечного холода. Соприкосновение льда и искр из жаркого Муспелльсхейма стало началом образования мира, согласно мифам.

Подземный мир остается опасным местом и в современной интерпретации. В сборнике рассказов «Охота на Джека» именно под землей повествование достигает кульминационной точки. Вход в подземный мир находится в обычном метро, но по мнению героев, служебные тоннели метро – это «самое ужасное место в городе, там внизу прячутся самые опасные существа» [2, с. 268]. Обычные люди не могут попасть вниз, вход открыт только для волшебных существ, служащих злу, – троллей, оборотней и черных альвов. Секретный вход в подземный мир находится в горе, которая открывается после прикосновения к тайному знаку в форме меча и цветка на стене.

Первое, что герои видят в подземном мире, – это грязь, паутина, черепа в горных расщелинах и извивающиеся змеи. Змеи в скандинавской мифологии были связаны с царством Хель, они также ассоциировались с колдовством. В «Младшей Эдде» есть описание ведьмы-тролля, которая появляется на волке, а вместо удил у нее змеи. На острове Готланд был найден камень, датируемый 400 – 600 гг., с изображением женщины со змеями в руках.

В «Старшей Эдде» описывается поездка Брюнхильд в Хель. Говорится, что по дороге Брюнхильд проезжает мимо двора, где жила великанша. Героиня обращается к великанше «в камне живущая» [3, с. 305]. В «Младшей Эдде» повествуется о путешествии бога Хермода в Хель с целью вернуть к жизни бога Бальдра. Хермод встречает у врат подземного мира Модгуд – деву, охраняющую мост через реку в Хель. Здесь же говорится, что дорога в Хель идет «вниз и к северу» [1, с. 42]. Герои книги «Охота на Джека» спускаются в метро на центральной станции, расположенной далеко от географического севера Стокгольма.

Вход в подземный мир в книге охраняется двумя огромными горными троллями. В скандинавской мифологии троллями могли называть любых хтонических существ и отрицательных персонажей. Эту точку зрения, в частности, разделяет исландский исследователь Арманн Якобссон [4]. В народных скандинавских сказках разница между троллями и великанами также нивелирована. В отличие от троллей-карликов, которые по своей функции соответствуют

мифологическим черным альвам и фольклорным гномам, тролли-великаны – исключительно отрицательные персонажи, угрожающие людям. Одна из трактовок великанов в скандинавской мифологии – это внешняя угроза, опасная неизвестность, неподконтрольная энергия хаоса. Великаны и тролли жили в горах. В фольклоре скандинавов долго существовало поверье о том, что тролли могли похитить детей, таких пропавших называли *bergtagen* – ‘забранный горой’, ‘забранный в горы’. Горный ландшафт Стокгольма, где разворачивается действие книги «Охота на Джека», позволяет автору создать описание подземного мира метро, которое с одной стороны, отсылает читателя к мифу, а с другой выглядит вполне реалистично.

В произведении Олжака в горе живут и другие существа – черные альвы. Согласно мифологии, черные альвы были искусными мастерами, изготовившими для богов различные волшебные предметы. По мнению Елеазара Мелетинского, черные альвы представляли собой культуру [5, с. 274]. В сказках функцию дарителей чудесных вещей принимают на себя тролли и карлики. В скандинавской мифологии черные альвы (карлики) были «племенем камней» [1, с. 55].

Под землей героини книги встречают своего врага – ведьму Малин Матсдоттер, которая прячется внизу в тоннелях в форме призрака с 1676 года, когда ее сожгли на костре (женщина с таким именем на самом деле жила в Стокгольме и была сожжена на костре). Внезапно героини понимают, что подземный мир, где они находятся, – это Лысая гора, на которой собирались ведьмы. Все, чего желает Малин, – это снова стать человеком: «Я испытывала жажду 350 лет. Но я не могла выпить ни капли. Я голодна, но не могу есть. Я уставшая, но не могу спать. Я не могу покинуть это место» [2, с. 328].

Когда прозрачный призрак ведьмы превращается в человека, она выглядит, словно скелет со сморщенной кожей. У нее гнилые зубы, а ногти зеленые от плесени. Внезапно Малин спрашивает у других привидений, красивая ли она. Героям удается обмануть ведьму, она превращается в маленькую мышшь и один из ее бывших приспешников-оборотней убивает ее, радуясь, что он и остальные существа, наконец, свободны от ее влияния.

Проанализировав книги Мартина Олжака, можно сделать следующие выводы:

1. В современной интерпретации, так же, как и в мифологическом представлении, подземный мир является сосредоточением зла и опасности.

2. Представление о подземном мире как об обители зла смешивается с представлением о месте обитания троллей и великанов –

горах. Подземный мир приобретает горный ландшафт. Подобная тенденция может быть связана со сближением образа тролля и черта уже в народных сказках и сагах о древних временах XIII века. Как пишет Елеазар Мелетинский, в горизонтальной космической модели мифологического мира скандинавов великаны часто по своему характеру приближаются к сказочному «глупому черту» [5, с. 274].

3. В современной трактовке подземный мир утрачивает свою роль элемента, участвовавшего в образовании мира, в силу чего подземелье перестает ассоциироваться с холодом и севером.

4. Описание подземного мира формально посредством аллюзий базируется на мифологической основе, однако доминирующей является более поздняя фольклорная трактовка, связанная, в первую очередь, с выделением исключительно отрицательных персонажей. Волшебные существа, в том числе богиня подземного мира Хель, утрачивают свою мифологическую амбивалентность и вписываются в сказочную парадигму, для которой характерно деление на добрых и злых героев.

5. Основными приемами в описании волшебных существ становится гиперболизация, гротеск и юмор.

ЛИТЕРАТУРА

1. Младшая Эдда / пер. О.А. Смирницкой, М.И. Стеблин-Каминского. – Ленинград: Наука, 1970. – 111 с.
2. Olczak, M. Jakten på Jack / M. Olczak. – Stockholm : Rabén & Sjögren. – 2017. – 341 s.
3. Беовульф. Старшая Эдда. Песнь о Нибелунгах / пер. В. Тихомиров, А. Корсун, Ю. Корнеев. – М.: Художественная литература, 1975. – 751 с.
4. Jakobsson, Á. The Good, the Bad and the Ugly: Bárðar saga and Its Giants / Á. Jakobsson //Academia [Electronic resource]. – Mode of access: www.academia.edu/1390425/_The_Good_the_Bad_and_the_Ugly_B%C3%A1r%C3%B0ar_saga_and_Its_Giants_Mediaeval_Scandinavia_15_2005_1_15 – Date of access: 03.01.2018.
5. Мелетинский, Е. Избранные статьи. Воспоминания / Е. Мелетинский. – М.: РГГУ. – 1998. – 575 с.

К ВОПРОСУ О ПЕРЕВОДЕ БИБЛИИ НА АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК

TO THE PROBLEM OF TRANSLATING BIBLE INTO ENGLISH

Н.В. Щелокова
N.V. Shchelokova

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
Н.Новгород, Россия

Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod, Russia

E-mail: schelokovdan@yandex.ru

История «виклифитской Библии» вот уже свыше ста лет служит предметом дебатов палеографов, филологов, историков. Начало ей положили своим «образцовым» изданием, Дж. Форшелл и Ф. Мэдден [2].

В Англии в XIV в. существовало два перевода Священного Писания – старое англо-нормандское издание и перевод Жана де Си (Jean de Sy), изданный в 1355 году. Но число таких Библий было ограничено, хотя одну из них имел Эдуард III и Ричард II.

Перевод Библии на английский язык первоначально не планировался лоллардами и их главным идеологом оксфордским профессором Джоном Виклифом. Он был лишь следствием, вытекавшим из его евангельской доктрины, согласно которой каждый человек прямо связан с Богом без каких-либо посредников. Следовательно, совершенно ненужной становится посредническая сила церкви. Именно это положение о непосредственной связи человека с Богом повлияло на его дальнейшее творчество. Возникла необходимость познакомить народ с божьим законом, а это в свою очередь логически вело к требованию перевода Библии.

Согласно наиболее авторитетной концепции, созданной М. Динсли [1, р. 255] и поддержанной Г.Б. Уоркменом [5, р. 165], первый вариант библейского перевода был изготовлен ещё при жизни Виклифа, но он не удовлетворил «евангелического доктора» – в первую очередь малой доступностью широким кругам народа. Это был не литературный перевод, а то, что современные переводчики называют «переводом-калькой» или «подстрочным переводом».

Секретарь Виклифа Дж. Пэрви с группой помощников, имена которых остаются неизвестными, продолжал работу над созданием литературного перевода. Около 1390 г. они закончили Новый завет, а ещё через четыре года – Ветхий. То, что Пэрви был редактором второй версии перевода, общепринято. До 1382 г. большую часть Ветхого

завета (до книги Баруха; 3; 19) перевела группа виклифитов под руководством Никласа Герифорда. Кто был ответственен за остальную часть первого варианта? Преподавателю Абердинского университета Г. Хэргривсу удалось найти рукопись, где на полях книги Баруха сохранилась пометка: «Здесь кончается перевод Герифорда и начинается перевод Дж. и других людей». Кто был этим Джоном? Вероятно, всё тот же Джон Пэрви [3, р. 130]. А. Поуис нашла ещё два перевода Библии, выполненных в XIV в. Один – на наречии северной Англии, другой – на южно-английском диалекте. Оба оказались соединёнными в один том около 1401 года [4, р. 112]. Издание, подготовленное под руководством Джона Пэрви, было завершено в 1395 г. и получило у современников единодушную положительную оценку. Даже архиепископ Арундел в 1408 г. не рискнул обвинить лоллардов в фальсификации [1, р. 231]. М. Динсли называет перевод «*an excellent and scholarly version*» [1, р. 371]. Успех перевода обеспечили те принципы, которые положил в его основу Джон Пэрви: «...должно знать, что лучший перевод с латинского на английский – это перевод по смыслу, а не только по словам» (...it is known that the best translating out of Latin into English is to translate after the sentence, and not only after the words...). Легко понять значение «лоллардовской Библии» в критике римских церковных институтов и не только их одних. Следует указать на неоченимую важность создания её для формирования английского литературного языка.

Вокруг перевода Библии виклифитами развернулась острейшая дискуссия, начатая ещё Виклифом [1, р. 269]. Она была продолжена после смерти «евангелического доктора» его учениками и защитниками римской ортодоксии. Её апогеем явился оксфордский диспут между Питером Пэйном и Томасом Пэлмером, состоявшийся в 1405 г. «Конституция» Арундела 1408 г. (пункт 13) положила конец спорам. Чтение Библии было признано преступлением, однако репрессии, если и ограничили её распространение, всё же не смогли прекратить полностью чтение Священного Писания на родном языке мирянами различных сословий [1, р. 351].

Джон Пэрви явился не только ведущим переводчиком, но и страстным защитником неотъемлемого права каждого человека на знакомство со «святыми» текстами Нового и Ветхого заветов. Им было написано, как установила М. Динсли, 12 трактатов в защиту английского перевода Библии [1, р. 269]. В 1405 г., не имея возможности лично участвовать в диспуте на стороне Пэйна, он выступил с трактатом в двух самостоятельных версиях на английском и латинском языках.

Первая из них начинается словами «Против тех, кто говорит, что Священное Писание не должно и не может переводиться на английский язык, мы приводим такие аргументы» [1, p. 445].

Кроме того перу Пэрви принадлежит «General Prologue», написанный им ко второй версии перевода Ветхого завета и также обосновывающий «полезность» для простых людей чтения библейских книг.

Таким образом, виклифиты осуществили великий культурный проект – перевод Библии на английский язык. В процессе переводческой деятельности ученики Виклифа сумели систематизировать лингвистические характеристики английского языка, практически создали тот английский язык, на котором англичане говорили, думали и писали до великой эпохи У. Шекспира. Английский перевод Библии оказался вдохновляющим примером для новых реформаторов не только в Англии, но и в других странах Европы. Так уже У. Тиндел, продолжая критику католической церкви, переводит Библию на английский язык. Как пишет Т.Г. Чугунова, отчасти на этом основании, У. Тиндел заменил в своем переводе Библии такие весомые для католической церкви слова, как ‘church’, ‘priest’, ‘penance’, ‘confession’, ‘charity’ соответственно на ‘congregation’, ‘senior’, ‘repentance’, ‘knowledge’, ‘love’, чем вызвал резкую критику со стороны своего соотечественника гуманиста Томаса Мора. Используя текстологический подход, Т.Г. Чугунова также отмечает, что все переводы Библии XVI–XVII веков, а именно Библия М. Ковердела (1535), «Большая Библия» (1539), «Женевская Библия» (1560) копировали перевод, созданный У. Тинделом [7, с. 292-293]. Тинделовский текст стал основой и Библии короля Иакова 1611 г. В Чехии Ян Гус переводит Библию на чешский язык. Затем последовали переводы М. Лютера и других.

Английская Библия сыграла огромную роль в становлении английского языка как государственного языка в обществе, в котором со времен нормандского завоевания до XIV вв. доминировал французский язык. В XIV столетии возникает английская литература, яркими представителями которой были Д. Чосер, У. Лэнгленд, Говер. Английские парламентарии начинают использовать английский язык при составлении документов. Начальные школы переходят на обучение на английском языке. Аристократы перестали обучать своих детей французскому языку. Английский король Генрих IV уже прекрасно говорил на английском языке. А Генрих V, по словам У. Шекспира, плохо понимал по-французски.

Доступность Библии на родном языке стала стимулом для получения образования. По мнению К. Хилла, это была культурная революция беспрецедентных масштабов, последствия которой трудно переоценить [6, с. 25].

ЛИТЕРАТУРА

1. Deansly, M. *The Lollard Bible and other Medieval Biblical Versions* / M. Deansly. – Cam.: Cambridge University Press, 1920. – 520 p.
2. Forshall J., Madden F. *The Holy Bible Containing the Old and New Testaments, with the Apocryphal Books in the Earliest English Versions* / J. Forshall, F. Madden. – Ox., 1850. – 4 vols.
3. Hargreaves, H. *An Intermediate Version of the Wycliffite Old Testament* // *Studia Neophilologica*. – 1956. – Num. 28. – pp.130-147.
4. Paues, A.C. *The English Bible in the Fourteenth Century* / A.C. Paues. – Ox., 1923. – 350 c.
5. Workman, H.B. *A Study of the English Medieval Church*. Vol. I, II. / H.B. Workman, J. Wyclif. – Ox., 1926.
6. Хилл, К. *Английская Библия и революция XVII века* / К. Хилл. – М.: ИВИ РАН, 1998. – 489 с.
7. Чугунова, Т.Г. *Английские Библии XVI–XVII вв.: проблемы взаимозависимости* / Т.Г. Чугунова // *Вестник Нижегородского государственного университета им. Н.И. Лобачевского*. – 2015. – № 2-2. – С. 290-295.
8. Чугунова, Т.Г. *Основные библейские понятия в английском переводе Библии В. Тиндела* / Т.Г. Чугунова // *Experimenta Lucifera: материалы VI Поволжского научно-методического семинара по проблемам преподавания и изучения дисциплин античного цикла*. / Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского. – Нижний Новгород: изд-во Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского, 2009. – С. 96-99.

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ 1. СОВРЕМЕННЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Yang Yang. Классификация современных китайских междометий	3
Власюк О.И. Кластеры служебных слов во фразе: типичные морфолого-семантические модели соединений и их просодическая структура	8
Варановіч В.В. Трансфармацыйныя здольнасці сказаў з апісальнымі прэдыкатамі	12
Вострикова И.Ю. О специфике структурной и зонной организации лексико-семантического поля «трудовая деятельность» в русском языке	16
Еремеева М., Мацук А. Трудности разграничения паремиологии и фразеологии	20
Жевнерович Е.Э. Корпус текстов в научном исследовании	25
Зубовская Н.К., Смирнова Н.М., Ковган И.И. Изучение контекстной семантики слова как способ и средство познания его значения	32
Зяноўка Я.С. Сучасныя сродкі апрацоўкі інтанацыйных канструкцый	36
Канторович Т.М. Языковые предпочтения гендеров в ситуации конфликта (на уровне эмоционально-экспрессивных средств)	43
Климченко С.Г. Контрастивные исследования в контексте сопоставительного языкознания	49
Копач О.И. Вопрос об ономаσιологической структуре топонима: симметрия образования собственных и нарицательных имён	55
Марчык М.У., Лысы С.І., Гецэвіч Ю.С. Вычытка тэксту вялікага памеру на беларускай мове	58
Митюкова Е.А. Метафорические интернет-термины в английском языке	64
Прыгодзіч А.А. Намінацыйныя працэсы ў тапаніміі	68
Русак В.П. Перспектыўнасць міждысцыплінарных даследаванняў	71
Рыжкович А.Ч. Фазовые субстантивы как базовый компонент темпоральных предложных единиц	75

Семянькевіч А.В. Множналікавыя субстантыўныя неалагізмы ў граматычнай сістэме сучаснай беларускай мовы	81
Улановіч О.И., Змитраковіч С.В. Семантические и эстетические границы иронии в парадигме комического	86
Чекулаева А.С. Абсолютная и относительная отпредметность цветолексем	93
Шарэц Ю.В. Фазавы аналітызм у беларускай мове	97

РАЗДЕЛ 2. ТРАДИЦИИ И ИННОВАЦИИ В ПРЕПОДАВАНИИ ЯЗЫКОВ И КУЛЬТУР

Абрамова С., Долгова А.О. Массовые открытые онлайн-курсы: общий обзор тематики.....	103
Джух Е.Н. Метод эвристического диалога как средство развития межкультурной компетентности студентов	108
Дубровская Е.В., Сиякова В.Н. Инновационные технологии в обучении иностранным языкам	114
Левонюк Л.Е. Использование методов нейролингвистического программирования для повышения эффективности обучения иностранным языкам студентов неязыковых специальностей.....	118
Назарова А.А., Шклярова К.Н. Пословицы и поговорки в формировании языковой и межкультурной компетенции	124
Оловникова Н.Г. Коммуникативные операции и корреляция языковых единиц.....	128
Панфилович А.В., Черетун К.А. Технология «перевернутое обучение» как способ организации самостоятельной работы студентов	132
Пипир М.Р. Применение эвристических заданий на учебном занятии в условиях учреждения среднего специального образования по учебной дисциплине «Иностранный язык в профессии»	137
Прохоренко О.Г., Ушакова Н.В., Соколова И.В. Реализация воспитательного потенциала учебной дисциплины «Практика устной и письменной речи»	140
Руденко Е.Н. Основные факторы обновления словаря (на материале современного белорусского языка)	145
Самойленко Д.П. Использование синтеза речи при изучении английского языка (на примере скороговорок)	151

Ходонович В.Л. Потенциал вики-технологий в составлении глоссария.....	154
---	-----

РАЗДЕЛ 3. ЯЗЫКОВАЯ КАРТИНА МИРА И ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КУЛЬТУР

Биюмена А.А. Поздравительная речь как жанр политического дискурса.....	159
Беценко Т.П. Язык украинского и белорусского фольклора: компаративные студии	163
Бушев А.Б. Медийный дискурс: пристрастность и «постправда» ...	168
Валодзіна Т.В. Апазіцыя голы/калматы ў этнасеміятычнай характарыстыцы чалавека	174
Гончаренко О.С., Ушакова Н.В. К вопросу о трудностях межкультурной коммуникации	180
Дасько А.А. Лексико-семантическое и фразеосемантическое описание слова « <i>борода</i> » в русском языке	184
Дичковская Е.А. К вопросу о десемантизации культурных концептов	198
Канапацкая З.И., Дичковская Е.А. К вопросу возникновения политической корректности в английском и немецком языках	205
Стрункова Е.С., Косенко А.А. Лингвокультурологическая специфика фразеологизмов с зоонимами в английском и русском языках	210
Костенко В.Г. Риторическая роль культурных символов в профессионально ориентированной рекламе в отрасли стоматологии.....	215
Костюченко В.Ю. Телеологическая модальность в сетевых ток-шоу на русском и английском языках	220
Летяго Е.В., Латышевич Д.И. Особенности сленга компьютерных игр русского и английского языков	223
Наумчык В.М. Калі правапіс чытаецца неадназначна.....	227
Нуретдинова А.Д. Отражение духовной картины мира русского языка в переводе на английский язык	232
Сидорович Д.О. Концепт «любовь» в английском, русском и белорусском языках.....	238

Смольская А.В. Британский, американский, канадский и австралийский варианты английского языка: различия в орфографии, произношении, грамматике и лексике	243
Стрельникова М.А. Национальная специфика коммуникативного поведения российских и американских тележурналистов в процессе интервью	251
Перлина А.Б., Цыганкова Ю.Н. Лингвокультурологические особенности фразеологизмов с названиями продуктов питания и напитков в русском и английском языках.....	256

РАЗДЕЛ 4. ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ, ПЕРЕВОД И ИНТЕРПРЕТАЦИЯ ТЕКСТА

Борисевич Е.В. О некоторых библейских фразеологизмах в переводе Симона Будного.....	262
Заваяцкая В.В. Особенности перевода газетных статей	265
Кожина А. Отражение профессиональных различий в славянских переводах Библии XVI в.	268
Сергиенко О.О., Жевнерович Е.Э. Использование антитезы в коротком рассказе Д.Г. Лоуренса «The Rocking Horse Winner»	273
Соколова И.В., Блинкова Л.М. Прагматические аспекты при переводе рекламных текстов	277
Осипчик А.И. Фольклорные традиции английской и белорусской литературной сказки XX века	283
Половцев Д.О., Павлюкевич К.Ю. Черты автобиографической прозы в раннем творчестве Ф.С. Фицджеральда	288
Хомцова Е.В. Типы переносных значений у предметно-бытовой лексики на материале произведения Ф.М. Достоевского «Братья Карамазовы»	294
Цвирко А.О. Эмотивные метафоры в сербской поэзии начала XX в. (на материале «Летописи Матицы Сербской»).....	298
Шмык Е.А. Особенности перевода стихотворения Ф. Шиллера «Hoffnung» на белорусский язык	304
Шпаковская Н.Г. Интерпретация мифологического концепта подземного мира в современной детской литературе Швеции	309
Щелокова Н.В. К вопросу о переводе Библии на английский язык.....	313

CONTENTS

SECTION 1. MODERN TRENDS IN LINGUISTICS RESEARCH

Yang Yang. The Classification of Modern Chinese Interjections.....	3
Vlasyuk O.I. Clusters of Function Words in an Utterance: Their Typical Patterns and Prosodic Structure	8
Varanovich V. Transformative Abilities of Sentences with Descriptive Predicates.....	12
Vostrikova I.Y. Structural and Zonal Organization of Lexico-Semantic Verb Field ‘Labour Activity’ in the Russian Language	16
Eremeeva M., Matsuk A. Difficulties in the Differentiation of Paremiology and Phraseology	20
Zhevnerovich A.E. The Corpus in Scientific Research	25
Zubovskaya N.K., Smirnova N.M., Kovgan I.I. Study of Word Contextual Semantics as a Method and Means of Understanding Its Value	32
Zianouka E.S. Software Applications for Intonation Processing	36
Kantorovich T. Language Preferences of Genders in the Situation of Conflict (on the Level of Emotional-Expressive Means)43	
Klimchenko S.G. Contrastive Research in the Context of Comparative Linguistics.....	49
Kopach A.I. The Problem of the Onomasiological Structure of a Place Name Symmetry in Formation of Proper and Common Nouns	55
Marchyk M., Lysy S., Hetsevich Y. Proofreading of the Large Text in Belarusian	58
Mitjukova E.A. Metaphorical Internet Terms in the English Language	64
Pryhodzich A. Nominative Processes in the Toponymy.....	68
Rusak W.P. The Prospect of Interdisciplinary Research	71
Ryzhkovich A. Phase Substantives as a Basic Component of Temporal Prepositional Units	75
Semenkevich O.V. Substantive Neologisms Pluralia Tantum in the Modern Belarusian Language Grammatical System.....	81
Ulanovich O.I., Zmitrakovich S.V. Semantic and Aesthetic Parameters of Irony in the Framework of Comicality.....	86
Chekulayeva A.S. Absolute and Relative Objectness of Colour Lexemes	93
Sharets J.V. Phase Analytism in the Belarusian Language	97

SECTION 2. TRADITIONS AND INNOVATIONS IN TEACHING LANGUAGES AND CULTURES

Abramova S., Dolgova A.O. Public Open Online Courses: General Overview.....	103
Jukh Elena. Method of the Heuristic Dialogue as a Means of Development of Intercultural Competence of Students.....	108
Dubrovskaya E.V., Sinyakova V.N. Innovative Technologies in Teaching Foreign Languages.....	114
Levonyuk L.Y. Using Methods of Neurolinguistic Programming for Improving the Efficiency of Foreign Languages Teaching of Students of Nonlinguistic Specialities.	118
Nazarova A.A., Shklyarova K.N. Proverbs and Sayings in the Formation of Linguistic and Intercultural Competence.....	124
Olovnikova N.G. Communicative Operations and Correlation of Language Units.....	128
Panfilovich A.V., Cheretun K.A. «Flipped Learning» Technology as a Method of Organizing Students' Individual Work.....	132
Pipir M.R. The Use of Heuristic Tasks at the Lesson of the Academic Discipline «Foreign Language in Profession» at the Institution of Secondary Specialized Education.	137
Prakharenka A., Ushakova N., Sokolova I. Realization of the Educational Potential of «Speech Practice» Discipline.....	140
Rudenka A.N. Main Factors of Lexicon Renewal (on the Material of the Modern Belarusian Language).....	145
Samoilenko D.P. Using Speech Synthesis in Learning the English Language (on the Example of Tongue Twisters).....	151
Khodonovich V.L. Potential of Wiki-Technology in Glossary Creation.	154

SECTION 3. THE LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD AND CULTURE INTERACTION

Biyumena A.A. Congratulatory Speech as a Genre of Political Discourse.	159
Betsenko T.P. Language of Ukrainian and Belarusian Folklore: Comparative Studios.....	163
Bouchev Alexandre B. Media Discourse: Bias and Post-Truth Policy.....	168
Valodzina T. Opposition Naked/Hirsute in the Ethnosemiotic Characterization of a Person.....	174
Goncharenko O., Ushakova N. Discussing Some Difficulties of Intercultural Communication.....	180

Dasko A.A. Lexico-Semantic and Phraseosemantic Description of the Word «борода» in Russian.....	184
Dzichkouskaya K.A. About the Desemantization of Cultural Concepts.....	198
Kanapatskaya Z.I., Dzichkouskaya K.A. On Political Correctness Origin in the English and German Languages	205
Strunkova L.S., Kosenko A.A. Linguoculturological Specificity of Idioms with Zoonyms in the English and Russian Languages	210
Kostenko V.G. Rhetorical Role of Cultural Symbols in Dentistry Trade Advertising	215
Kastsyuchenka V.Y. Teleological Modality in Online Talk Shows in Russian and English Languages.....	220
Letyaha E.V., Latyshevich D.I. Peculiarities of Computer Game Slang in the Russian and English Languages	223
Naumchik V.M. If the Spelling is Read Ambiguously	227
Nuretdinova A. Russian Spiritual Linguistic World Image as Reflected in Translation into English	232
Sidarovich D.O. Concept «Love» in the English, Russian and Belarusian Languages.....	238
Smolskaya A.V. British, American, Canadian and Australian Variants of the English Language: Differences in Spelling, Pronunciation, Grammar and Vocabulary.....	243
Strelnikova M.A. The National Peculiarities of Communicative Behavior of Russian and American TV Journalists in the Interviewing	251
Perlina A.B., Tsygankova Y.N. Linguoculturological Peculiarities of Phraseologisms with the Names of Food and Drinks in the Russian and English Languages	256

SECTION 4. LITERATURE STUDIES, TRANSLATION AND TEXT INTERPRETATION

Barysevich A. On Some Biblical Idioms in the Translation by Symon Budny.....	262
Zavatskaya V.V. Some Features of Newspaper Articles Translation.....	265
Kozhinova A. The Reflection of Confessional Differences in the Bible Slavonic Translations of the XVI th Century.....	268
Sergienko O.O., Zhevnerovich A.E. The Use of Antitheses in the Short Story «The Rocking Horse Winner» by D.H. Lawrence.....	273
Sokolova I., Blinkova L. Pragmatic Aspects in the Translation of Advertising Texts	277

Osipchik A.I. Folklore Traditions of the English and Belarusian Literary Fairy Tales of the XX th Century	283
Polovtsev D.O., Pavlyukevich K.Yu. Features of Autobiographical Prose in F.S. Fitzgerald's Early Works.....	288
Khomtsova E. Types of Figurative Meanings of Objective-Colloquial Lexis in the Literary Work «The Brothers Karamazov» by F.M. Dostoevsky.....	294
Tsvirko A.A. Emotive Metaphors in Serbian Poetry of the Early XX th Century (on the «Chronicle of Matica Srpska»)	298
Shmyk E. Features of Translation of the F. Schiller's Poem «Hoffnung» to Belarusian Language	304
Shpakouskaya N.G. Interpretation of the Underworld in Swedish Modern Children's Literature.....	309
Shchelokova N.V. To the Problem of Translating Bible into English	313

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

ДЛЯ ЗАМЕТОК

Научное издание

**ЛИНГВИСТИКА,
ЛИНГВОДИДАКТИКА,
ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ**

**АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ
И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ**

**Материалы II Международной
научно-практической конференции**

Минск, 1–2 марта 2018 г.

На русском, белорусском, английском и немецком языках

В авторской редакции

Ответственный за выпуск *Н. Г. Щербакова*
Дизайн обложки *Е. В. Дзюба*

Подписано в печать 12.03.2018. Формат 60×84^{1/16}. Бумага офсетная.
Ризография. Усл. печ. л. 19,06. Уч.-изд. л. 17,84.
Тираж 60 экз. Заказ 79.

Республиканское унитарное предприятие
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя, распространителя
печатных изданий № 1/159 от 27.01.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.

Отпечатано с оригинала-макета заказчика
в республиканском унитарном предприятии
«Издательский центр Белорусского государственного университета».
Свидетельство о государственной регистрации издателя, изготовителя,
распространителя печатных изданий № 2/63 от 19.03.2014.
Ул. Красноармейская, 6, 220030, Минск.